

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ХАРЬКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»**

**ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБРАЗОВАНИЯ – ПУТЬ К МИРУ,
СОГЛАСИЮ И СОТРУДНИЧЕСТВУ МЕЖДУ
СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ**

Сборник научных трудов

По материалам
VI Международной научно-практической конференции
16 декабря 2011 года

Под редакцией доктора педагогических наук, профессора *Романовского А.Г.*,
кандидата психологических наук, доцента *Панфилова Ю.И.*

Харьков
НТУ «ХПИ»
2012

УДК 94(477) “312”
ББК 84.4 УКР – РОС
П27

Рецензенти: В.О. Лозовой, доктор філологічних наук, професор,
О.С. Пономарьов, кандидат технічних наук, професор

Друкується за рішенням Вченої ради НТУ «ХПІ»
(протокол № 7 від 6.07.2012 р.)

Розглянуто питання збереження духовної єдності слов'янських народів в галузі літератури, гуманістичних традицій вітчизняної культури, її актуальність для формування духовних основ особистості, проаналізована інтегративна функція літератури для зміцнення дружби братніх слов'янських народів.

Адресовано науковим співробітникам, педагогам, аспірантам, всім тим хто займається дослідженням історії взаємовідносин України й Росії в соціально-економічній і духовно-культурній сферах.

П27 **Пространство** литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами: сб. науч. трудов: по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. 16 декабря 2011 г. / Под ред. А.Г. Романовского, Ю.И. Панфилова. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2012. – 384 с.

ISBN

Рассмотрена проблема сохранения духовной общности славянских народов в области литературы, гуманистических традиций отечественной культуры, её актуальность для формирования духовных основ личности, проанализирована интегративная функция литературы для укрепления дружбы братских славянских народов.

Адресовано научным сотрудникам, педагогам, аспирантам, всем тем кто занимается исследованием истории взаимоотношений Украины и России в социально-экономической и духовно-культурной сферах.

ББК 84.4 УКР – РОС

ISBN

© НТУ «ХПИ», 2012

ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ ОБЩЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

*Леонид Товажнянский
г. Харьков, Украина*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

Известно, что в структуре населения любого государства одно из важных мест занимает та его часть, которую в обобщенном виде называют «молодежь». Исследованию ее состава, структуры, динамики развития, ценностных ориентаций и жизненных целей, сравнительные характеристики с предыдущими ее поколениями посвящено значительное количество статей, научных публикаций. Такое внимание к проблемам молодежи вызвано ее особым положением в общей структуре населения страны.

Становление современного молодого поколения проходит в сложных условиях ломки многих исторически устоявшихся ценностей и формирования новых социальных отношений. Как показала жизнь, образование уже не может выступать в роли монополиста в области распространения знаний, но оно призвано выполнять функции формирования устойчивых ценностных ориентаций гуманистического мировоззрения, воспитания гражданских качеств личности. Важно поднять уровень социальной, духовно-нравственной зрелости студенческой молодежи вопреки ложным ценностям. Актуальность такой воспитательной направленности очевидна, поскольку именно в молодежной среде зарождаются новые формы бытия, вырабатываются нормы и ценности, которые со временем становятся нормами и ценностями всего общества, а в дальнейшем передаются последующим поколениям.

Происходящие в настоящее время преобразования, к сожалению, наряду с позитивными сторонами имеют и отрицательные последствия, выражающиеся в девальвации нравственных идеалов. Идеализация образа молодого человека, свободного от социальных запретов и требований общественной морали, пропаганда свободной любви, насаждающийся культ индивидуализма и потребительского отношения к жизни наносят непоправимый вред духовному и физическому здоровью молодого поколения.

В настоящее время на первый план выходит задача создания в воспитательно-образовательном процессе таких ситуаций, в которых студент сам для себя взрастил бы ценностные ориентации. Необходимо отойти от стиля назидательности, поучительности и навязчивости в обсуждении со студентами этических проблем, поскольку мерами менторского воздействия, проведением краткосрочных или разовых акций невозможно преодолеть социально-негативные тенденции в молодежной среде. Свобода выбора ценностей выступает важным фактором развития общества.

Однако не следует помнить, что законы воспитания и образования ориентируются прежде всего на личностные качества студенческой молодежи, ее духовно-нравственный мир. В основе их лежит хорошо прослеживаемая связь ценностных ориентаций прошлого и настоящего. Нравственные приоритеты, выдвинутые педагогической практикой прошлого, могут быть применимы в совершенно иных общественно-исторических условиях. Они не только могут вступать во взаимодействие с ценностями нового времени, но и оказывать на них значительное влияние. Практические результаты позволяют увидеть перспективность в разумной преемственности ценностных ориентаций.

Радикальные демократические преобразования социальной жизни, построение рыночных отношений привнесли в жизнедеятельность постсоветского общества мировоззренческие ценностные ориентиры западной цивилизации.

Процесс формирования социальной зрелости молодежи, выбор ею индивидуальной жизненной ценностей происходят во всех основных сферах деятельности личности посредством воспитания и обучения, усвоения и преобразования опыта старших поколений. Основными показателями положения молодежи в обществе выступают ценностные ориентации, социальные нормы и установки. Они определяют тип сознания, характер деятельности, специфику проблем, потребностей, интересов, ожиданий молодежи, типичные образцы поведения.

В период становления личности, обретения ею своего социального статуса в обществе наиболее интенсивно развиваются такие качества личности, как критичность мышления, стремление дать собственную оценку самым разнообразным явлениям общественной жизни, поиск аргументации, оригинального решения. Вместе с тем в этом возрасте еще сохраняются некоторые установки и стереотипы, свойственные предшествующему

возрасту. Отсюда в поведении молодежи наблюдается удивительное сочетание противоречивых черт и качеств – стремление к обособлению, подражание и отрицание общепринятых норм, стремление к общению и уход от него, а нередко и отрешенность от внешнего мира.

Характеристика ценностей, присущих молодежи, отражает многообразие жизненных условий и судеб молодых людей. Система ценностных ориентаций является важнейшим компонентом структуры личности, отражающим избирательное отношение студенческой молодежи к социальным ценностям и определяющим линию поведения, направленную на их достижение.

Модернизация системы высшего образования основывается на повышении качества подготовки выпускников вузов, профессиональной и личностной их самореализации. Приоритетные направления развития современного высшего образования делают актуальной проблему духовно-нравственного развития личности. Развитие личности без формирования его духовно-нравственной сферы приводит к разрушительным последствиям: личность не развивается как творческий субъект деятельности. Не имеет возможности выйти на новый уровень духовного развития, а превращается в пассивного потребителя социальных возможностей, в придаток технологических систем.

Погружение личности в виртуальную действительность лишает ее возможности самореализации и творческого самовоплощения, что приводит к вымыванию истинной культуры, приводящей к утрате значимости творческого проявления личности. Проблема формирования эстетической культуры личности студента вуза является особо актуальной.

Ценностные ориентации личности – это качественный показатель эстетической культуры студента вуза. Духовность и нравственность – это первооснова культуры личности, фундамент воспитания эстетической культуры личности.

Ведущая роль в характеристике эстетической культуры личности студента принадлежит его потребностям. Духовность и нравственность – это показатель значимости потребностей и убеждений личности, что выделяется в структуре эстетической культуры личности как ценностно-смысловой компонент. Эстетическая деятельность личности возможна при наличии у нее художественно-творческих способностей, эстетических знаний, умений и навыков.

Общество предъявляет к личности выпускника вуза особые требования – это наличие высокого творческого потенциала, а под этим

подразумевается и высокая культура творческого саморазвития. Творческое саморазвитие личности – это характеристика процессов, компонентами которой являются самопознание, самоопределение, самоуправление, самосовершенствование и творческая самореализация. Важную роль в формировании культуры личности студента вуза играют развитие способности к самооценке своей деятельности и наличие волевых качеств личности.

Эстетическое воспитание обладает всеми характеристиками педагогического процесса. Однако не стоит рассматривать студента только как объект воздействия других участников педагогического процесса. Он должен быть активным участником формирования своей личности.

Формы организации эстетического воспитания студентов различны и многообразны. Одной из форм является досуг. В его пространстве видны изменения всей системы ценностных ориентаций в связи с падением уровня общей культуры, разрушением традиционных норм и ценностей.

Противоречивость ценностных ориентаций ведет к тому, что молодые люди утрачивают способность противостоять воздействию негативных тенденций в системе молодежного досуга.

Досуг студентов является важной формой эстетического воспитания. Учебный процесс в современном вузе требует от студента интенсивного напряжения его интеллектуальных сил, вследствие чего студенту необходима большая эмоциональная разрядка.

Одним из видов досуговой деятельности молодежи является чтение.

К сожалению, необходимо отметить, что сегодня интерес к художественной литературе уступает просмотру телепередач и уходу в мир виртуальный. Как могут у молодежи сформироваться иные ценностные ориентации и потребности, если насаждаемая СМИ «современная культура» пропагандирует лишь отдых и развлечения, причем самого примитивного характера.

Но само чтение утрачивает исключительный статус, теряя былую самоценность. Все более утверждается литература для отдыха и развлечений, на втором месте оказывается учебная, научная, справочная литература. Интерес к «серьезной» литературе проявляет незначительная часть молодых людей, и она все уменьшается.

Чтение художественной литературы, как и изобразительное искусство, влияет на психику и на физиологию человека, может оказывать успокаивающее и возбуждающее действие, вызывать различные эмоции. Оно

влияет на развитие общих психических свойств (мышления, воображения, внимания, памяти, воли), воспитывает эмоциональную отзывчивость, душевную чуткость, нравственно-эстетические идеалы личности. Ценности усваиваются переживанием, а не логическим пониманием и запоминанием. Именно эмоция пристрастно и заинтересованно оценивает действительность и доводит свою оценку до сведения организма.

В век всеобщей компьютеризации с углублением разрыва между интеллектуальной и эмоциональной сферами важно использовать различные средства воздействия на эмоциональную сферу молодежи. Приобщение студентов к сокровищам мировой и отечественной литературы, а это благодатная и почетная обязанность каждого библиотекаря, формирует у них подлинно эстетические взгляды и принципы. Литературоведческая критика содействует углублению эстетического познания и восприятия прекрасного. Чтение произведений художественной литературы, словесное описание помогают закреплению эмоционального опыта. Значительную воспитательную силу имеют герои из книг, а фантастика развивает воображение, побуждает к творчеству, в том числе и техническому.

Фонд художественной литературы НТБ НТУ «ХПИ» составляет более 85 тыс. единиц хранения, литературно-художественная периодика представлена 42 названиями журналов и газет. В 2006–2010 гг. фонд пополнился 1 954 литературно-художественными изданиями, из которых 991 экземпляр получен благодаря доброй традиции авторов, издателей и читателей – дарить книги библиотекам. За этот же период было проведено 9 читательских конференций; 70 литературных вечеров и вечеров встреч с поэтами и писателями; 22 библиографических обзора литературы; 23 экскурсии по литературным местам, в художественный и литературные музеи; 22 открытых просмотра литературы; 18 лекций; организовано более 200 выставок литературы; 19 выставок живописи и прикладного искусства сотрудников и студентов университета; 15 выставок художественной фотографии.

Особый интерес читателей библиотеки и многих харьковчан вызвали открытые просмотры литературы: «Литературная Слобожанщина», организованный на неделе русского языка и культуры к IV Международной научно-практической конференции «Пространство литературы – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами», «Человек, общество, толпа» – к 4, 5, 6 межвузовским студенческим семинарам «Философская проблема человека и смысл его бытия».

С успехом прошли литературные вечера памяти Василя Стуса, вечера–встречи с представителями общества «Просвіта» «Украинские народные праздники», с писательницей Ларисой Васильевой (г. Москва), поэтом и переводчиком И. Е. Чупис «Шекспир и его время», молодыми харьковскими художниками-экспрессионистами, с известным библиофилом Г. Н. Бурденко «Память, воплощенная в автографе», вечер-портрет («Михаил Красиков – поэт, этнограф, культуролог») и др.

В переполненном зале прошли премьера книги «Украинский эшелон» поэтессы, переводчика И. В. Мельницкой, конференция «История и культура Харькова».

Неизменной популярностью среди сотрудников и студентов университета пользуются экскурсии в Харьковский художественный музей «Современное искусство Харькова», «Писанка як складова української ментальності», «Барви Слобожанщини», в музей К. И. Шульженко, в музее-усадыбы Харьковщина (М. В. Гоголя и др.).

Особый интерес у читателей вызвали экспозиции выставок, посвященных творчеству Д. Гранина, С. Васильченко, А. П. Чехова, И. А. Крылова, Шолом-Алейхема, А. Беляева, Т. Г. Шевченка, Н. В. Гоголя, В. Набокова, П. Мирного, Оноре де Бальзака, А. С. Пушкина, А. А. Ахматовой, Э. Хемингуэя, П. А. Кулиша, И. П. Котляревского, Н. Бажана, Остапа Вишни, Е. П. Гребинки и других поэтов и писателей. Фонд библиотеки позволяет организовывать интересные тематические выставки литературы: «Всемирный День поэзии», «Международный День памятников и исторических мест», «День славянской письменности и культуры», «Международный День музыки», цикл экологических выставок и др. Связь эстетического воспитания и формирования экологически правильного отношения к миру нерасторжима: лишь тот, кто понимает прекрасное, оценит красоту природы, а ценитель живой красоты не станет ее уничтожать.

Выставки живописи и прикладного искусства: «Не бійтеся бути дітьми», «Монументальна живопись», «Творчество молодых харьковских художников». Ко Дню Матери – выставка «На щастя, на долю». На выставке «Уланок – село счастья» на суд читателей библиотеки было представлено 56 живописных работ студентов Харьковской государственной академии дизайна и искусств, которые запечатлели красоту природы маленького русского села Уланок (Курская область). Автор проекта кандидат искусствоведения, доцент Вячеслав Викторович Шулика, член Националь-

ного союза художников Украины. Библиотека тесно сотрудничает и с молодежным объединением Харьковского отделения Национального союза художников Украины.

Для успешного осуществления художественно-эстетического развития будущего специалиста необходимо отражать красоту окружающего мира в ходе собственного творчества. Только в 2010 году в цикле выставок живописи и произведений прикладного искусства было организовано 15 экспозиций работ студентов и сотрудников. Свои работы представляли студенты факультетов экономики, бизнеса и финансов, инженерно-физического и др. На выставке-конкурсе «Мир нашими глазами» можно было ознакомиться с работами сотрудников факультета информатики и управления. **Фотовыставки** работ членов фотоклуба НТУ «ХПИ»: «Творчество молодых», «Широкий взгляд», «Там, где ветер знает имя мое», «Мир глазами молодых». Все мероприятия проходят интересно и живо. Массовые мероприятия библиотеки ежегодно посещают более **9 000** человек.

Вовлечение первокурсников в мероприятия, проводимые библиотекой, является задачей особого внимания. На этапе неустойчивого приспособления, когда происходит поиск друзей, лидерство, новые отношения с родителями и педагогами, знания, умения и навыки студентов еще не соответствуют предъявленным требованиям. У первокурсников не сформированы такие черты личности, как самостоятельность, целеустремленность, решительность, коммуникабельность. Попадая в ситуацию «культурного шока», первокурсник не обязательно воспримет лучшие образцы культуры. Его социальная адаптация, особенно в условиях крупного города, может привести его и к контркультуре. Именно в этот период помощь библиотекаря-куратора в адаптации первокурсника становится еще более актуальной и действенной. Взаимодействие может носить как формальный характер, определяющийся рамками «библиотекарь–преподаватель–студент» и соответствующей субординацией, так и характер содержательного, творческого союза, где библиотекарь и студент становятся товарищами, единомышленниками. Разработана концепция развития библиотеки и концепция воспитательной работы библиотеки, которая утверждена методическим и ученым советами НТУ «ХПИ».

Интернет занял важное место в жизни молодежи и особенно студенчества. Читатели-студенты массово превращаются в удаленных пользователей. Происходит глобальное отчуждение молодого поколения от книги.

Некоторые библиотекари считают, что «освоение библиотеками новых информационных технологий постепенно вытесняет одну из традиционных функций – приобщение к чтению, развитие читательского вкуса. Современные студенты инженерного вуза, ориентированные на получение серьезного технического образования, часто не имеют привычки и навыков чтения художественной литературы». Виртуальный мир манит развлечениями, возможностью общаться, учиться и работать. Если они реже приходят в библиотеку, то мы решили прийти к ним – в Интернет.

Участие нашей библиотеки в международных проектах Ассоциации российских библиотечных консорциумов позволяет получить электронной доставкой полный текст любой статьи из 1712 наименований периодических изданий, из которых 281 наименование – литературно-художественное.

Кроме литературно-художественных журналов в традиционном виде для читателей НТБ НТУ «ХПИ» на сайте организован виртуальный читальный зал литературно-художественной периодики, где им доступны полнотекстовые электронные версии полных текстов 63 наименований украинских и российских литературно-художественных журналов с глубиной поиска до 15 лет. Там же читатели могут ознакомиться новыми поступлениями, виртуальными выставками художественной литературы и литературы по искусству, фотоотчетами о проведенных мероприятиях.

Виртуальные выставки дают возможность ознакомиться с документами всем желающим удаленным пользователям. Такая форма включает издания не только из фондов нашей библиотеки, но и из фондов других библиотек города, полезные ссылки на сайты этой тематики.

К началу периода студенческих каникул и отпусков библиографы уже традиционно на сайте в разделе «Время читать!» предлагают списки самых интересных образцов прозы и поэзии.

Сайт библиотеки активно используется для привлечения читателей к посещению и участию в массовых мероприятиях, литературных конкурсах. Клубы по интересам отвечают потребностям молодых людей в общении, диалоге, активном познании. Начинать создавать клуб по интересам тоже можно на страницах сайта. Там же можно создавать и размещать культурологические обучающие программы, изучать шедевры мирового искусства, путешествуя залами музеев, например, Русского музея. Электронные версии изданий позволяют отправляться с ноутбуком в общежитие на мероприятие или читать их со своего ПК дома.

Библиотеки должны оставаться, прежде всего, средой знаний и учебы, литературы и чтения, быть надежным проводником в мире информации. Библиотека должна быть территорией позитива, привлекать читателей атмосферой доброты, уюта, бесконфликтности, доброжелательности в общении, креативностью в творчестве и информационной толерантностью.

Потребности теории и практики эстетического воспитания требуют построения системной модели эстетической культуры личности, на основе которой можно построить логично стройную концепцию эстетического воспитания.

Молодежи нужна не только интересная современная литература, а и современные молодые авторы, которые пишут именно для нее. Потому что это углубляет способность к самопознанию для открытия собственных эмоций.

Существует ли сегодня украинская молодежная литература? На этот вопрос можно ответить, ознакомившись с ее лучшими образцами. Поколение, которое вошло в литературу в конце XX – начале XXI столетий осуществило настоящую революцию в речи и тематике произведений. Родилось новое поколение в молодежном литературном творчестве. Они учат не просто читать, а вчитываться, увлекаться чтением.

Стремление к самоутверждению, осознанию происходящих событий, поиск идеала – все это помогает именно в юношеском возрасте формировать личное отношение ко всему разнообразию жизненных проявлений, в том числе и к литературе.

Современная литература, как и классическая, утверждает вечные ценности, правду, какой бы горькой она ни была, моральность. Именно такие произведения необходимо предлагать молодым людям.

Известно, что литература сосредотачивает свое внимание, прежде всего, на человеке, его личной и гражданской жизни, ставит и решает кардинальные вопросы бытия: что есть добро, а что – зло? В чем смысл жизни? Что делает человека счастливым?

В современной молодежной литературе появляются новые имена, формируются индивидуальности, очень интересные молодые писатели.

В молодежной прозе все началось с **Любка Дереша** и его национальных бестселлеров: «Культ», «Поклонение ящерице». До него так никто не писал о молодежных субкультурах. Одним из ярчайших примеров «живой» литературы – роман **Натальи Сняданко** «Чабрец в молоке».

Необходимо также отметить творчество украинской семьи фантастов **Марины и Сергея Дьяченко**. Выход в свет их романа «Дикая энергия.

Лана» стал громким событием. Роман отличается высокохудожественным текстом и захватывающим сюжетом.

Украинская литература сейчас строит себя в условиях молодого государства, и все, что в ней ни происходит сейчас, происходит впервые. Это не значит, что у нее нет истории – есть, и далеко не бедная, но в определенном смысле украинство как национальное целое сейчас формируется.

Человечество уже освоило XXI век и проблемы культуры уже реальность. Та реальность, в которой мы живем. Человеческая культура, в том числе и художественная, находится на перепутье. Она пребывает в «фазе неустойчивости». XX век и особенно его вторая половина обнажила противоречия и выявила парадоксы. Это век жестокости, политического тоталитаризма и господства «массовой культуры», но и век великих духовно-нравственных и художественных откровений. Это век глобализации многих процессов и явлений, и одновременно век «единичного», уникального, век личности с торжеством ее индивидуальности и самобытности.

Гуманитарный вектор цивилизации – как главный ориентир выживания человечества – это «открытие» второй половины XX века. Гуманизм сегодня и тем более завтра – это новая система ценностей и регуляторов поведения человека в мире. Гуманитарная глобальная культура предполагает не нивелирование культур, в том числе художественных, а их синтез, гармоническое соотношение и плодотворное сотрудничество.

Объективно человечество вступает в ту пору, когда духовная культура и важнейший ее компонент – художественная культура – перемещается в эпицентр жизни общества. В самой культуре возрастает роль духовно-нравственных и художественных ориентиров, которые постепенно проникают во все области культуры. На духовные ценности, в том числе и на художественно-нравственные идеалы, возлагаются большие надежды и в современном мире.

Культура развивается сегодня в «информационном обществе». Это общество, где главным фактором развития является информация. Традиционная духовная культура должна вжиться в новые формы, в техническую оболочку.

«Компьютерная революция» постепенно приводит к замене традиционной печати электронными книгами. Она позволяет по иному относиться к традиционному делению времени на рабочее и свободное. Информационное общество иначе решает проблему труда и отдыха. Новые условия развития культуры могут позволить формировать новый тип мышления, новый тип мироощущения.

Художественная культура конца XX – начала XXI века живет в условиях смены культурной парадигмы. Культура, пройдя сложный и противоречивый путь в XX веке, в том числе и на службе у политики и прибыли, может снова обрести подлинную свободу от них. Но высокая культура не может быть свободна от социальной ответственности. Эта ответственность в III тысячелетии может только повышаться.

Человечество в наши дни должно быть готово к выбору одной из альтернатив будущего существования: встать на путь самоуничтожения, самоистребления, повторив ошибки прошлого, или осуществить прорыв в принципиально новые области человеческого духа, творческих возможностей. Выбор в XXI веке открыт.

Валерий Ганичев
г. Москва, Россия

НЕОПРОВЕРЖИМ И ВОЗВЫШЕН

8 апреля в Москве в знаменитом доме Пащикова Российской государственной библиотеки был представлен в авторской редакции роман «Тихий Дон», подготовленный на основе рукописей Михаила Александровича Шолохова, находящихся в государственных научных архивах.

Публикация издания осуществлена при участии Международного Шолоховского комитета (председатель А. В. Черномырдин) Союза писателей России и других организаций. Редакционную и научную подготовку издания эпопеи осуществляли А. Ф. Стручков и С. М. Шолохова. Новое издание «Тихого Дона» будет отправлено в национальные университеты и библиотеки многих стран.

Тихий Дон!.. Тихий Дон!.. Тихий Дон!..

Торжественный и величественный звон слышится в этих словах. Возвышенная, тревожная и почти божественная музыка, которая сведена в великом романе в одну эпопею земли и неба.

Откуда же появился этот художественный монолит, переплавившийся в другие языки мира, в литературном океане?.. Как чутко настроенное ухо, гениальное чутьё исторических событий были камертонно воспроизведены Шолоховым в яркую многоголосицу русского живого народного слова? Что за волшебство сплело воедино разных людей в коловерти истории, а их думы и дела свело в романе воедино в истинное полотно жизни?

Как удалось Шолохову гравюрно прорезать в потоке времени и событий лица, создать, выпестовать из них образы, близкие к реальным прототипам, и художественным умением возвысить их до уровня героев мировой литературы в слово-творении – романе «Тихий Дон»?

Под силу ли это одному человеку?

По пирамиде Хеопса, китайской оборонной стене, удивительным строениям древних инков, по московскому Кремлю и Эйфелевой башне будут мерить потомки прошлое Земли. А рядом встают из слов тканые «Илиада» Гомера, шекспировские «Ромео и Джульетта», «Дон Кихот» Сервантеса и, конечно, «Тихий Дон» Шолохова.

Появление и жизнь гения нелегко объяснить современникам, да и потомкам, а нутром понимая величие произведения, порой об его авторе начинают спорить, рассуждать, сомневаться, «было, не было», а был ли это плод творчества одного или нескольких человек, как утверждали некоторые рациональные англичане о Шекспире. Порой же наоборот, некоторые стараются разрывать гения на части и тем возвеличивать себя, как это делали города Греции, пытаясь присвоить Гомера, принизить гения до своего уровня мышления...

Так случилось и с Шолоховым. Роман «Тихий Дон» непревзойдён, это оспаривали немногие, по то, что его творец, почти юноша, – а услышал божественные колокола и воспроизвёл музыку жизни в великом произведении, было выше их понимания, вызывало и вызывает глухое отрицание. Масштабность, честность «Тихого Дона» Шолохова пугали их, не хотелось верить в автора, – они и не верили, возражали, отрицали...

Народ же, казачество, простые люди во всех уголках необъятной страны читали книгу, омывались животворным словом, духом очищения, восхищались стойкостью Человека, насыщались жизнью героев романа, чрез них сверяли свою тяжкую долю и вспоминали пути братоубийственной гражданской войны.

В беседе Шолохова с сыном Михаилом оценка гражданской войны пророческая: «Когда там, по вашим учебникам, гражданская закончилась? В двадцатом? Нет, милый, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думаю, что скоро кончится». А если со всей определённости, то «Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, — говорил Шолохов на закате лет, – что ни победы, ни победителей в ней не бывает».

После смерти Шолохова я побывал со своей женой Светланой и внучкой Настенькой на празднике 95-летия со дня его рождения в станице Вёшенской. Прилюдно сказал слово о певце земли русской; прошёл вдоль плетней казачьих домов, где стояли столы с угощениями, выпил рюмку водки с казаками, закусил солёным арбузом и зашёл в шолоховскую усадьбу, дабы в который раз попрощаться, поклониться перед отъездом... На скамеечке, неподалёку от места упокоения писателя, сидели две очень пожилые женщины. Внучка Настя с открытостью двенадцатилетнего человека подошла к ним, познакомилась, с детской непосредственностью спросила о возрасте их, – те с готовностью ответили: «Восемьдесят и восемьдесят семь». В то время Настенька ещё только прикоснулась к «Тихому До-

ну», а потому любопытствовала: «Бабушки, а вы читали «Тихий Дон»?». Те с удивлением посмотрели на неё и наставительно объяснили: «А как же, деточка? У нас, у казаков, две главные книги – Библия и «Тихий Дон». Такова оценка труда писателя, которую дали мудрые женщины.

Не состоялось в XX веке большей духовной, литературной, народной книги, нежели «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова.

Шолохов глубинно знает каждое слово. Шолоховская выверенность и точность поражают. Вспоминается случай, рассказанный писателем и другом Шолохова Николаем Корсуновым: «Видя, что Лукин (Ю. Б. Лукин – один из первых редакторов «Тихого Дона») записывает всё, Шолохов подчёркивает: – В названии романа «Они сражались за родину», слово «родина» – не с прописной... И некоторое время молчит, как бы желая увериться, понята ли его мысль. Каждый, мол, воевал и умирал за свою родину – родная хата, родные сад, тихая речка, любимая женщина, дети... Из этих, казалось бы, малых величин, понятий и складывается великое и однозначное – Родина... Удивительно, что все издатели-переиздатели проигнорировали это уточнение, эту волю писателя, оказавшись как бы «святее самого папы римского», придавая названию лозунговое звучание, что всегда претило такому большому, чуткому к слову художнику, каким был Шолохов».

Пред вами, уважаемый читатель, – роман «Тихий Дон» М. А. Шолохова в новейшем издании, очищенный от редакторских нововведений и временных наслоений, наполненный духом и многоцветием шолоховского письма, отринутых из-за редакторского схематизма, трафаретного подхода, из-за идеологических и политических пристрастий, невежества, языковой глухоты... Стараниями неутомимых Александра Федоровича Стручкова и старшей дочери писателя Светланы Михайловны Шолоховой «Тихий Дон» представлен в настоящем томе во всём его сиянии, блеске, с неповторимым шолоховским стилем и народным словом, со всем вселенским богатством русского языка.

Да будет Михаил Шолохов навсегда неопровержим и возвышен, как и надлежит несравненному гению!

Александр Романовский
г. Харьков, Украина

РОЛЬ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНИН» В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В декабре 2009 года был основан литературно-художественный журнал харьковского отделения Союза писателей России «Славянин». Этот, по сути, первый периодически выходящий в Украине литературно-художественный журнал, который ориентирован на укрепление дружбы и сотрудничества славянских народов, и играет активную роль в современном литературном процессе.

В мае 2010 года состоялась международная презентация нашего журнала в период проведения XIV Всемирного Русского Народного Собора в Москве, когда мы приняли участие в работе Международной научно-практической конференции «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества». Общение во время конференции позволило привлечь к нам внимание современных российских поэтов и прозаиков. Отмечая стремление принять участие в работе журнала писателей и Украины, и России, пишущих как на русском, так и на украинском языке, мы подчёркиваем: «Те, кто организовал и выпускает журнал, и те, кто отдаёт в него свои произведения, как в некий Фонд Славянской дружбы, – не хотим делиться на россиян, белорусов, украинцев. Мы – славяне..., потомки Святой Руси! По духу, по крови, по настрою...»

На литературно-художественную деятельность «Славянина» обратил внимание XV Всемирный Русский Народный Собор, прошедший в Москве 25–26 мая 2011 года. В Постановлении Собора наряду с такими важными решениями, как организация празднования победы русского народа и русского оружия в Отечественной войне 1812 года, было рекомендовано также использовать опыт работы нашего журнала в деле сохранения культуры и традиций славянских народов. Это, конечно, было для нас высокой честью и высокой оценкой нашего скромного труда.

Наш журнал мы рассматриваем как важное средство в борьбе за духовность личности, в борьбе за спасение цивилизации. Мы разделяем сказанные на Соборе слова Святейшего Патриарха Кирилла, который обратился к творческой интеллигенции с указанием на необходимость сохранить

духовные ценности славянского мира. Именно в **сохранении культуры славянских народов мы и видим предназначение** журнала «Славянин».

Культура – категория ёмкая, многогранная, она пронизывает все сферы жизнедеятельности. Культура славянских народов основана на духовности православия, имеет вековые традиции. Высоконравственная традиция русской литературы известна – это каноническое пушкинское «глаголом жги сердца людей», это исторический пример пробуждения духа народа, его самосознания журналом «Колокол» А. С. Герцена. Мы считаем, что в основе литературно-художественной деятельности нашего журнала должны быть заложены такие традиции, как:

- патриотизм, любовь к Отечеству;
- гуманизм, защита интересов личности, забота о ее духовном становлении и развитии;
- нравственное и эстетическое воспитание молодёжи на высоких литературных образцах искусства.

В реализацию этой стратегической задачи – сохранить духовные ценности славянского мира вносят свой вклад писатели, которые публиковали свои произведения в нашем журнале: Валерий Ганичев, Валентин Распутин, Сергей Котьяло, Александр Кердан, Виктор Мануйлов, Борис Силантьев.

Своё духовное выражение нашей исторической общности мы видим в восточнославянской цивилизации. Символично, что именно Институт Восточнославянской цивилизации выступил в качестве учредителя журнала «Славянин».

«Положение о восточнославянской православной цивилизации, первоочагом которой и была Киевская Русь, является великой духовной, исторической, культурной, языковой основой, важнейшим общественно-державным рычагом для наших славянских народов», – так написал Валерий Николаевич Ганичев в своей публицистической статье «Итак, о русском» на страницах нашего журнала.

Тема патриотизма, любви к Отечеству является ведущей и, безусловно, связана и с проблематикой Великой Отечественной войны, её трагизмом и великой славой. Необходимо подчеркнуть, что еще в тот момент, когда состоялась первая презентация нашего журнала перед СМИ, у нас уже вышел второй номер нашего журнала, посвященного Великой Отечественной войне. На его страницах были напечатаны произведения Виктора

Мануйлова «Выжить и победить», Бориса Силаева «Оружие победы», Инны Мельницкой «В ночь на 9 мая», Василия Омельченко «Цветок разрывной пули», Ирины Глебовой «Письмо в будущее», Александра Дудко «Заложники своего родства», Анатолия Долгарева «Последнее партийное собрание», Светланы Землянской «Не спешите уходить, ветераны!», а также стихи Риммы Катаевой, Станислава Куняева, Василия Чугая, Романа Левина, Владимира Молчанова, Василия Воргуля, Владимира Глебова, Анатолия Мирошниченко. Думаю, что тема Отечества, патриотического воспитания всегда будет находить живое отражение на страницах нашего журнала.

Гуманизм, защита интересов личности, забота о его духовном становлении и развитии – это направление, отражающее душу русской культуры, её внутреннюю духовность. Традиция русской литературы, основанная на поэзии Александра Пушкина, обратившегося к теме «маленького человека» – помните его строки, пронизанные великим гуманизмом – «... в мой жестокий век восславил я свободу и к падшим милость призывал». Эта тема, развитая в творчестве Антона Павловича Чехова, Фёдора Михайловича Достоевского, особенно актуальна сегодня. Святейший Патриарх Кирилл подчеркивает, что сегодня весь мир потрясает не только экономический, а всеобщий системный кризис и «первопричина тому — это **кризис человеческой личности**, это кризис нравственного чувства, это кризис потери ценностей». Помочь человеку обрести систему нравственных ценностей – долг нашего журнала. Может быть поэтому в самый первый номер журнала мы поместили произведения Валентина Распутина «Новая профессия», Тазрета Бязрова «Мышиный клад», Василия Самойлова «Мальчик плывёт в море», Владимира Пенчукова «Получите – распишитесь». Гуманистическими проблемами, проблемами морального выбора пронизана лирика Геннадия Александрова, Леонида Мачулина, Александра Кердана и других наших авторов.

Нравственное и эстетическое воспитание молодёжи на высоких литературных образцах искусства – важнейшее условие сохранения духовных ценностей славянского мира. «Память, традиция – компас поколений, это духовные оси России, на этом она держится, и это составляет её образ», – так писал Валерий Ганичев на страницах нашего журнала. Русь православная всегда видела своё могущество не в силе, а в правде, правоте своих намерений и идей. Мы отстояли гуманистические ценности цивилизации в смертельной схватке с самым величайшим Злом – фашизмом. Мы

одержали Великую Победу, но она, её завоевания будут жить до тех пор, пока будет жить то, ради чего она совершалась – Добро.

В реализацию великой задачи нравственного воспитания вносят свой вклад все писатели, поэты нашего творческого союза. Хочу особо отметить незаменимую роль в этом направлении:

– публицистики Валерия Николаевича Ганичева, Евгения Дубравного, Галины Стукаловой, Леонида Мачулина, Анатолия Мирошниченко, Василия Ширко;

– документалистики Василия Омельченко, Ирины Глебовой, Екатерины Коротковой, Александра Дудко, Анатолия Долгарева, Светланы Землянской;

– литературной критики Николая Переяслова, Александра Гуторова, Владимира Гуторова, Евгения Барана, Владимира Брюггена;

– юмора и сатиры Владимира Копычко, Владимира Глебова.

Критерием высокой нравственности всегда будут те писатели поэты, которые обращают своё творчество к Богу, способствуют воспитанию на православных христианских заповедях, традициях, образцах служения богу и людям. Мы признательны протоиереевскому Максиму Талалаю за его проникновенное посвящение нашему духовному наставнику митрополиту Харьковскому и Богодуховскому Никодиму – человеку высокого духовного подвига, человеку чистой души и горячего сердца, которое любило весь мир.

Мы понимаем эту высокую гуманистическую миссию не только в сохранении приемственности духовных ценностей, этическом воспитании подрастающего поколения, но и в эстетизации духовного пространства. «Полноценному развитию национального искусства препятствует вызов агрессивной антикультуры, использующей в качестве «художественных средств» нецензурную лексику, хулиганство и кощунство. Торжество подобной антикультуры не имеет ничего общего с настоящим творчеством. В центре русской культуры XXI века должна остаться красота, преображающая мир, воплощающая в себе извечное стремление человека к прекрасному», – так оценивают духовную ситуацию на постсоветском пространстве представители русской православной церкви.

«И всё-таки есть у поэта над миром и временем власть»... – эти строки Надежды Мирошниченко подчеркивают огромную роль, которую играет поэзия в эстетическом воспитании. Хочу привести имена поэтов, которые способствовали решению этой задачи, публикуя свои стихотворения и

поэмы на страницах нашего журнала. Это – Александр Бобров, Надежда Мирошничко, Константин Скворцов, Юрий Лощиц, Станислав Куняев, Владимир Молчанов, Игорь Чернухин, Инна Мельницкая, Василий Воргуль, Анатолий Мирошниченко, Михаил Кулижников, Николай Перовский, Николай Зиновьев, Светлана Сырнева, Вячеслав Романовский, Наталия Балановская, Римма Катаева, Роман Левин, Владимир Глебов, Василий Чугай, Юлия Копычко, Алексей Бинкевич.

Хочу отметить и тот факт, что на страницах журнала существует рубрика «Художественная Русь», где печатаются репродукции художественных полотен выдающихся славянских мастеров, раскрывающих красоту и величие Руси, её святых, подвижников и героев.

О перспективе. Творческому, думающему писателю есть о чём задуматься, есть над чем работать, используя своё слово в общении с читателем. Развитию науки и культуры угрожает вызов невежества, приобретающий сегодня опасные масштабы. Разрушение традиций классического образования, недооценка роли русского языка, русской литературы, русской истории в образовательном процессе, падение качества преподавания естественнонаучных дисциплин, утрата образовательных стимулов несут угрозу статусу России, Украины, Беларуси как интеллектуальных и научных центров. Поэтому мы пытаемся расширить горизонты творческого анализа, затронуть на страницах нашего журнала и на нашей сегодняшней конференции проблемы духовного развития, образовательного процесса.

Думаю, что от общих усилий поэтов, писателей, историков, литературных критиков, культурологов и других специалистов гуманитарных наук, принимающих участие в работе нашего журнала, зависит результат. Не отрицаю, что многое делается, но важен динамизм в развитии этих процессов. Мы находимся на пороге новых начинаний. Главное – сохранить наше общее духовное богатство и поддерживать постоянный диалог культур, сохранить и преумножить культуру славянских народов.

*Александр Казинцев
г. Москва, Россия*

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС «ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА НАШЕГО ВРЕМЕНИ ТОЛПЫ НА ПЛОЩАДЯХ»

Магнетически притягивающая пустота посреди площади. Слева — толпа. Она пульсирует, выбрасывает людские потоки в стороны, втягивает их, высылает смельчаков в пустую зону перед собой и грозно гомонит, смыкаясь за ними. Справа — ровные, будто по линейке вычерченные, ряды в униформе мышинового цвета. Круглятся блестящие, неправдоподобно большие, как у космонавтов, шлемы, дубинки мерно рокочут, ударяясь о пластиковые щиты. За цепочками в униформе притаились микроавтобусы с мигалками, крытые грузовики, гигантская металлическая черепаха водомёта.

Через несколько минут эти громады, скопившиеся друг против друга, дрогнут. Мышиные ряды расступятся, освобождая дорогу технике. Десятки рук с булыжниками и бутылками взметнутся в толпе, и пустое пространство посередине захлестнет людская волна.

Такие кадры чуть ли не ежедневно открывают выпуски новостей. Разумеется, не на российских каналах, впавших в летаргический морок, который вряд ли рассеется и после пресловутого 2008-го. Но стоит переключить телевизор хотя бы на «Евроньюс», доступный у нас, во всяком случае, в столице, и вот они — разъяренные толпы.

В начале года погромыхивало на средиземноморской периферии. Западные державы выдавливали Сирию из Ливана, где ее войска стояли три десятка лет после окончания гражданской войны. Глава спецкомиссии ООН немецкий еврей Мехлис напористо подводил к резолюции Совбеза, вводящей санкции против Дамаска, после чего реальностью становились разработанные в Вашингтоне и Тель-Авиве планы военного удара по Сирии.

Тогда на площади вышли миллионы. В Дамаске молодой президент Башар Асад, которого западные аналитики поспешили списать как отыгранную фигуру, произнес «сталинскую» речь: напомнив, что трусов бьют, он поклялся не идти на поклон к «мировому сообществу». В Бейруте на миллионном митинге (на площадь вышла четвертая часть населения крошечного Ливана!) лидер «Хезбаллы» шейх Хасан Насралла заявил: «Я об-

ращаюсь к вам, Америка и Израиль, Ливан — это не Украина и не Грузия. У вас здесь ничего не получится» («Завтра». № 29, 2006).

Печально, конечно, что незалежные обрывки некогда могучего Союза стали притчей во языцех, мировым символом бесхребетности, но, согласитесь, сказано здорово! Шейх подкрепил свое слово делом. На выборах «Хезбалла» добилась значительного представительства в ливанском парламенте, а затем дала достойный отпор израильской агрессии.

В феврале запылал весь исламский Восток. Ряд западноевропейских газет перепечатал провокационные карикатуры на пророка Мухаммеда из датской «Юлландс-постен». Многотысячекилометровая дуга от Марокко до Индонезии раскалилась от гнева. И это не риторическая метафора! В Дамаске и Тегеране распаленные толпы, смяв полицейские оцепления, разгромили и сожгли посольства Дании. А там пришел черед и других западных представительств. В Джакарте (Индонезия) демонстранты прорвались к американскому посольству и закидали его камнями. Полиция благочестиво бездействовала. А вот в Бенгази (Ливия) и Бейруте полицейские, остервенясь, стреляли по людям. В Ливии погибли 11 человек, ранено более полусотни. В Ливане, возмущенный жестокостью своих подчиненных, ушел в отставку министр внутренних дел. «Я в ливанцев не стреляю!» — на прощание отчеканил он («Евроныюз». 6.02.2006).

Особенно бурным выдался первый месяц весны. В Лос-Анджелесе на демонстрацию протеста против антииммиграционного законодательства, предложенного Бушем, вышли 1,2 млн человек. Одно из крупнейших выступлений в современной истории Соединенных Штатов! Даже митинги противников войны в Ираке в 2003-м собирали меньше участников. Кстати, не осталась забытой и годовщина начала вторжения: 19—20 марта шествия пацифистов состоялись в странах коалиции — США, Великобритании, Австралии.

Участница протестов англичанка Хелен Джон, которую в прошлом году выдвигали на Нобелевскую премию мира, с горечью отмечала: «Мы видели два миллиона людей, стоявших в Гайд-парке, и Тони Блэр не испытывал угрызений совести, игнорируя их. Хотя огромное количество британцев против того, что делает правительство, единственной формой протеста является прямое действие (выделено мною. — А. К. — Я еще не раз вернусь к анализу подобных ситуаций). Мы должны устраивать демонстрации у баз, где находятся орудия убийства» («Индепендент». 7.04.2006. Цит. по: Inopressa.ru).

30 марта накал страстей могла прочувствовать Кондализа Райс. Во время визита в Англию она попыталась сделать расчетливый пиаровский жест в традициях американской публичной дипломатии — посетила британскую глубинку. Однако жители выбранного для этой цели городка Блэкберн не оценили оказанной им чести. Они встретили высокопоставленную визитершу мощными пикетами («Европьюс». 31.03.2006).

Антивоенные манифестации накладывались на традиционный для Запада социальный протест. Даже в тихой Швейцарии на улицу вышли врачи. В Германии в течение месяца бастовали медики, докеры, государственные служащие. Поправевшая черно-красная коалиция умудрилась всего за полгода растерять значительную часть популярности.

«Два берега Ла-Манша — две забастовки» — броский заголовок в лондонской «Гардиан» оповещал о том, что происходит на западе континента. В конце марта в Англии прекратили работу более 1 млн муниципальных служащих. Во Франции профсоюзы, поддержавшие студентов, вывели на демонстрации 3 млн человек («Европьюс». 29.03.2006)! «Только массовый протест откроет глаза этой власти», — горячился парижский студент, возмущенный правительственной реформой высшего образования («НТВ», Новости. 1.04.2006).

Еще одним событием, выплеснувшим на улицы сотни тысяч людей, стала смерть Слободана Милошевича. Между прочим, он — четвертый сербский лидер, погибший в стенах гаагской тюрьмы («Независимая газета». 13.03.2006)! Накануне гибели Милошевич написал письмо министру иностранных дел России С. Лаврову, где просил спасти его, высказывая опасения за свою жизнь. Даже западные газеты назвали смерть экс-президента Югославии «загадочной» (австрийская «Стандарт», 18.03.2006).

В девятимиллионной Сербии проститься с президентом-мучеником пришли полмиллиона. Люди скандировали: «Гаага — убийца!», «Сербия, вставай!». И трогательный, хотя и безответный клич: «Россия! Россия! Россия!». Россия не спасла Милошевича. И после смерти не осмелилась почтить его на государственном уровне. Официальную Москву на похоронах представлял депутат от «Единой России» К. Затулин. Зато те, кто слышал «Рябинушку», пронзительно и обреченно прозвучавшую над могилой, знают: душа России была в Пожароваце! И на какой-то страшный миг показалось: это прощание и с нею — с русской мощью, широтой, жертвенным чувством справедливости, не раз побуждавшим наш народ вставать на защиту славянских братьев.

Позорным было поведение сербских властей — они проигнорировали похороны знаменитого соотечественника. Побоялись окрика с Запада и предстали перед собственным народом и всем миром жалкими марионетками, твердящими заученные фразы о «движении к демократии» в момент гибели страны.

Окрик все равно раздался! Вечером 11 марта — в день гибели Милошевича — министр иностранных дел Великобритании Джек Стро на пресс-конференции по завершении саммита Евросоюза в Вене потребовал от Белграда активнее сотрудничать с Гаагским трибуналом в розысках последних лидеров сербского сопротивления — Караджича и Младича. А член Европейской комиссии по вопросам расширения ЕС Олли Рен пригрозил Сербии приостановить переговоры об ассоциированном членстве, если та не выдаст Младича до конца марта (NEWSru.com).

Какая же ненависть к славянству, этой гордой, бесшабашной и, увы, так плохо организованной расе, сидит в чинных евробюрократах! И не только в политиках. Дирекция знаменитой «Комеди Франсез» отказалась от постановки пьесы известного австрийского драматурга Петера Хандке, узнав, что он присутствовал на похоронах Милошевича («Евроньюс». 4.05.2006).

В апреле центр противостояния «объединенного народа» и «объединенного правительства» (остроумная терминология субкоманданте Марко-са) переместился в экзотический Непал. В высокогорном королевстве началась всеобщая забастовка. Требования — ограничение власти монарха и созыв распущенного в 2001 году парламента. День за днем жители Катманду выходили на демонстрации. Король ввел в столице чрезвычайное положение. Полиция открыла огонь по толпе. Погибли 15 человек. Но уже на следующий день протестующие снова заполнили улицы.

Какой впечатляющий пример! Не могу не сказать о наболевшем: наши трусоватые обыватели в кухонных разговорах любят попенять российским оппозиционерам — что-то не видно активных действий. Не собираясь защищать лидеров оппозиции, комфортно устроившихся в Думе, все-таки замечу: если бы русские проявили хоть толику решимости и жертвенности непальцев, то думцам не оставалось бы ничего другого, как возглавить протест.

Опыт народных движений показывает: не вожди ведут массы, а массы ведут вождей, буквально выталкивая их вперед, заставляя действовать. В том же Непале оппозиция, получив власть (после месячного противостояния король вынужден был созвать парламент), медлила с декретом об ограничении полномочий монарха. Ну, разумеется, лидеры партий — часть той же эли-

ты. Слабейшая часть — поэтому они и оказались в оппозиции, но круг-то общий! Вернувшись в среду избранных благодаря народному мужеству, они первым делом попытались предать массы и договориться с бывшим противником. Раскусив эти намерения, толпы снова заполнили улицы, скандируя: «Не обманите ожидания народа!» («Коммерсантъ». 17.05.2006). И долгожданный декрет был тотчас принят, причем единогласно.

Русские, заставьте и наших оппозиционеров проявить твердость! Но для этого необходимо и самим не превращаться в размазню...

В мае напомнили о себе антиглобалисты. Почти год они не терзали руководителей крупнейших мировых банков и правительств, и те с удовольствием наслаждались своим могуществом. На пике этого самообольщения в Вене был затеян саммит Евросоюз — Латинская Америка с ожидавшейся на нем показательной «поркой» революционных руководителей Венесуэлы и Боливии. В ответ сто тысяч антиглобалистов со всего мира приехали в Вену поддержать Уго Чавеса и Эво Моралеса. И этой многоголосой поддержки оказалось достаточно, чтобы латиноамериканцы выступили на саммите не как мальчики для битья, а как триумфаторы. После чего Моралес и Чавес присоединились к своим сторонникам на улице и возглавили многотысячное ночное шествие («Завтра». № 20, 2006).

В июне проснулся Крым. К сведению шейха Насраллы и прочих арабских пассионариев: Украина — разная. И если ее «оранжевая» часть действительно может служить примером сервильности, ротозейского преклонения перед Западом, то левобережье Днепра и Крым учатся (в том числе и на собственных ошибках) бороться за свои интересы.

Феодосийские домохозяйки при ограниченной поддержке местных казачков в течение двух недель были главными ньюсмейкерами постсоветского пространства. Они блокировали передовой отряд американских военных, прибывших для подготовки учений «Си Бриз-2006». Натовско-украинские игрища в этом году должны были проходить согласно провокационному сценарию: на полуострове вспыхивают массовые беспорядки, соседняя держава вмешивается, пытаясь отторгнуть территорию от Украины, а подоспевшие натовские воюки восстанавливают спокойствие и целостность независимой.

Но события развивались по другому сценарию. Жители Феодосии, куда прибыл американский корабль, не пустили десантников в город. Украинские власти попытались перевести их в поселок Партенит, но и тут местные жители перекрыли дорогу. Неудобных гостей буквально спрятали

в ведомственный санаторий Минобороны Украины в Алуште. Персонал здравницы отказался обслуживать их, отключил воду и электричество! Толпы крымчан окружили санаторий, скандируя: «Оккупанты, руки прочь от Украины!», «Долой оранжевое свинство, даешь славянское единство!»

Происходящее все больше напоминало популярный советский телесериал «Ну, погоди!». Хотя, конечно же, за озорные эскапады вскоре пришлось расплачиваться. Совет безопасности Украины занялся поисками «врагов государства». Участников пикетов начали вызывать на допросы. Главного феодосийского милиционера Анатолия Мирошниченко киевское начальство попыталось уволить, видимо, за недостаточную жесткость по отношению к митингующим. Тогда лидер фракции «Союз» в Верховном совете автономии Владимир Клычников пригрозил не по уму ретивым силовикам: «Вы только попробуйте, граждане милиционеры, поднять палку хоть на одного гражданина Крыма! Поверьте, палка найдется и для вас!» («Коммерсантъ». 7.08.2006).

Как бы то ни было, американские засланцы вынуждены были ретироваться. 11 июня сотрудник пресс-центра ВМФ Украины объявил, что автобусы с морпехами покинули Феодосию и направляются в Симферопольский аэропорт, чтобы вернуться на родину.

Чуть ли не впервые за последние 15 лет славяне проявили твердость — и, глядите-ка, победили!

В середине лета забурлила Латинская Америка. 4 июля в Мексике состоялись президентские выборы. Социологические опросы фиксировали преимущество кандидата от оппозиции — левого харизматика Лопеса Обрадора. Однако центризмбирком после некоторых колебаний объявил о победе ставленника партии власти правого политика Фелипе Кальдерона. Разрыв между ним и Обрадором якобы составил 0,56 процента.

Нам ли в России объяснять, как это делается. Но вскоре выяснилось, что не везде административный ресурс решает все проблемы. Обрадор призвал провести ручной пересчет бюллетеней, власти досадливо отмахнулись: еще чего! И тогда народный кандидат вывел на улицы Мехико своих сторонников. В количестве ни много ни мало двух миллионов.

«Ранним утром воскресенья, — живописал корреспондент «Коммерсанта», — улицы столицы начали заполнять сторонники оппозиции, откликнувшиеся на призывы своего лидера. Местом сбора стала Сокало — центральная площадь Мехико. К полудню количество митингующих, по

оценкам городских властей, перевалило за 2 млн, и люди начали занимать прилегающие улицы... Сторонники господина Лопеса Обрадора разбили палатки посреди площади и на центральных улицах, полностью парализовав движение автотранспорта» («Коммерсантъ». 1.08.2006).

Неделю спустя левые собрались у здания избирательного трибунала, приступившего к рассмотрению требования о пересчете бюллетеней. Толпа скандировала: «Не будет резолюции — устроим революцию!» («Коммерсантъ». 7.08.2006).

Ситуация, напоминающая киевскую образца 2004 года. С той лишь разницей, что ныне госдеп США не только не требует «честного» пересчета голосов, но последними словами клянет Обрадора. На что с плохо скрываемым злорадством не преминули указать официальные российские СМИ. Впрочем, дело не в мелочной пикировке Москвы и Вашингтона. Болезненная реакция госдепа показывает, что там всерьез рассматривают Обрадора как одного из лидеров «левого поворота», охватившего всю Латинскую Америку. А это позволяет надеяться, что любимец мексиканской Сокало в отличие от кумира киевского Майдана станет подлинным защитником народных интересов.

К наиболее значительным из помянутых здесь событий мы еще вернемся. А пока прервем хронику. Боюсь, что у неискушенного читателя и так уже голова идет кругом от многообразия дат, цифр и географических названий.

Но мне, признаюсь, дорог каждый поворот, любое завихрение этого мощного потока. Он впечатляет и сам по себе: миллионы людей на разных континентах отстаивают свои интересы. Безусловно, эти интересы разнятся, так же как различаются причины выступлений. Не претендую на то, чтобы дать им обобщающую оценку, да это и вряд ли возможно. Но в них — именно в их разнообразии и множественности — мне видится торжество и истории. И в конечном счете, справедливости — ибо путеводной нитью истории является справедливость. Если рассматривать исторический процесс с христианской точки зрения.

В начале 90-х казалось, что история умерла — в прямом соответствии с концепцией, ко времени обнаруженной в Соединенных Штатах. Pax Americana был объявлен венцом мирового развития. А противостоявшая сверхдержава, поверженная в «холодной войне», шельмовалась как «империя зла». В том числе — и прежде всего — на территориях, еще вчера контролируемых ею.

Все это слишком известно. Но обратите внимание — эпоха падения Советского Союза стала временем сокрушительного поражения масс. Причем не только на постсоветском пространстве, но и по всему миру. Еще

недавно — начиная с 60-х и до конца 80-х — массы находились в центре исторической сцены. Студенческая революция в Париже, положившая конец правлению военного харизматика де Голля. «Революция гвоздик» в Португалии, едва не вовлекшая ее в социалистический лагерь. Успехи на выборах в Испании и в Италии еврокоммунистов, позиционировавших себя в качестве защитников народа. А какой размах приобрело антивоенное движение! Америке так и не удалось разместить в Западной Европе новейшую разработку того времени — крылатые ракеты: десятки тысяч людей, взявшись за руки, блокировали базы НАТО. Живые цепи протягивались через весь континент. 60—80-е годы — это и время наивысших социальных завоеваний. Социал-демократам, пришедшим к власти почти во всех западноевропейских столицах, и профсоюзам удалось-таки засадить предпринимателей за столы переговоров с работниками и образовать со-гласительные комиссии, где решались вопросы развития производства, расширения штатов, оплаты труда.

И вот все кончилось — разом! Даже политологам нелегко будет припомнить массовые выступления 90-х. Национальные забастовки стали бесплодной архаикой. Многотысячные демонстрации — экзотикой. Антивоенное движение сдулось, как лопнувший шарик.

Массы были разгромлены политически. Власть потеряли не только правившие в Восточной Европе и в СССР коммунисты, но и умеренные социал-демократы Западной Европы. Такие бастионы левых, как Швеция, Франция, Греция, Испания и Португалия, перешли под контроль правых правительств. Красная и розовая краски исчезли тогда даже с политической карты Латинской Америки, самым географическим положением обреченной на противоборство с североамериканским капитализмом, а значит, и на левизну. Терпят поражение сандинисты в Никарагуа. Фанатичные монетаристы приходят на смену социально ориентированным режимам в Бразилии, Аргентине, Мексике. А по другую сторону Атлантики арабский мир окончательно отрекается от социалистического наследия Насера. С войною, с кровью рушатся прокоммунистические режимы в Южном Йемене, Сомали, Эфиопии, Афганистане.

Тем, кто язвительно заметит, что нельзя же всерьез воспринимать социальную риторику комноменклатуры, отвечу: насколько действительно и убежденно отстаивали народные интересы руководители СССР и стран советского блока — тема особого разговора. В данном случае существенно

то, что смена власти шла не под лозунгом болееэффективного проведения социальной политики, а под девизом тотального отказа от нее. Разве что нас в эпоху Горбачева прельщали обещанием — «Больше социализма!» Однако и в СССР оно скоро сменилось призывом «Довольно уравниловки!» А в Восточной Европе дело сразу повели к демонтажу всего, что хотя бы отдаленно напоминало о социализме. К власти повсеместно пришли ярые либералы-реформаторы, которые не скрывали, что делают ставку на «шоковую терапию», господство «сильных» и отказ от трудовой солидарности. Схожие идеи обрели популярность и на Западе: «Хватит кормить бездельников!» — призывали те, кто обвинял социал-демократов в «чрезмерных» расходах на программу социальной защиты.

Смена режимов — лишь один из признаков коренного изменения ситуации. Куда более ощутимыми для простых людей стали экономические перемены. В России новации отозвались болезненнее, чем где-либо. Цены взлетели в тысячи раз! Сбережения населения сгорели в инфляционном пожаре. Предприятия, в том числе кормившие целые города, обанкротились и либо были закрыты, либо месяцами не выплачивали зарплату.

Воображение враз обнищавших россиян в те времена особенно мучительно терзал образ богатого, благополучного Запада. Он манил, возмущал, властвовал над нами! Но почитайте, что писали в 1996 году ведущие сотрудники немецкого журнала «Шпигель» Ганс-Петер Мартин и Харальд Шуманн: «Цены акций и корпоративные доходы поднимаются двузначными скачками, тогда как заработная плата рабочих и служащих падает. В то же время параллельно с дефицитами национальных бюджетов растет уровень безработицы». Приведя ряд впечатляющих примеров, авторы с горечью подводили итог: «От граждан непрерывно требуют жертв, в то время как бюрократы из системы страхования на случай болезни, экономисты, эксперты и министры наперебой жалуются, что немцы (тем более австрийцы) работают слишком мало, зарабатывают слишком много, слишком часто болеют и имеют слишком много отпусков. Им вторят журналисты газет и телевидения, утверждающие, что западное общество с его высоким уровнем запросов сталкивается с необходимостью самоограничения, типичного для азиатского общества, что государство всеобщего благоденствия «стало угрозой нашему будущему» или что «неизбежно усиление социального неравенства» (Мар тин Г. П., Шуманн К. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. Пер. с нем. М., 2001).

Болезни «старой Европы», не выдерживающей конкуренции с Рах Americana? Раскроем книгу американского экономиста Лестера Туроу: «К концу 1994 года реальные заработки вернулись к уровню конца 50-х гг. Если нынешние тенденции продолжатся, то в конце столетия реальные заработки будут ниже, чем в 1950 г. Полстолетия не принесло никакого выигрыша в реальном заработке рядовому рабочему. Такого в Америке никогда не было» (Туроу Л. Будущее капитализма. Пер. с англ. Новосибирск, 1999). Впрочем, кое-кто из американцев все-таки оказался в выигрыше! «К началу 90-х гг., — отмечает Туроу, — доля богатства, принадлежащая одному верхнему проценту населения (более 40%), по существу удвоилась по сравнению с серединой 70-х гг. И вернулась к той, что была в конце 20-х гг., до введения прогрессивного налогообложения».

Америка оказалась отброшенной даже не на полвека назад, а чуть ли не на столетие — ко временам, когда еще не был создан механизм перераспределения доходов (прогрессивное налогообложение) и отсутствовала система социальной защиты. Фактически страна откатилась к эпохе «дикого капитализма». Правда, не столь стремительно, как Россия — тут мы и впрямь догнали и перегнали Америку. Экономист констатирует: «...Возникает общество, где «все достается победителю».

Между прочим, тенденция не изменилась и в наши дни. Нынешним летом влиятельная «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью Пола Кругмана с выразительным заголовком «Экономика растет не для всех». «...Даже если исключить прирост капитала за счет роста фондового рынка, — пишет Кругман, ссылаясь на сведения крупнейших американских экономистов Томаса Пикетти и Эммануэля Саеца, — реальные доходы 1 процента богатейших американцев в 2004 году увеличились на 12,5 процента, а остальных граждан — лишь на 1,5 процента».

Газета продолжает: «Данные раскрывают еще две тайны. Рост экономики не затронул не только бедный и нижний средний класс, но и верхние слои среднего класса... Еще одно откровение — хорошее образование не гарантировало выгод от экономического роста. Существует устойчивый миф, упорно распространяемый такими экономистами, как председатель Экономического совета при президенте США Эдвард Лейзер, гласящий, что усугубляющееся неравенство в США — следствие расширяющегося разрыва между образованными и необразованными людьми (выделено мною. — А. К. — Та же социалдарвинистская мифология активно насаждается в России). Данные свидетельст-

вуют о том, что в 2004 году доходы людей с высшим образованием сократились» («The New York Times» — «Известия». 24.07.2006).

Разумеется, такие кардинальные перемены не могли быть следствием лишь одного события, даже столь значительного, как крушение СССР. Хотя тот же Туроу не без яда замечает: «Теперь, без политической угрозы социализма или экономической угрозы сильным профсоюзов, эффективная заработная плата, может быть, уже не нужна».

Но дело не только в устранении конкурента в лице социализма. Другим решающим фактором стало стремительное наступление глобализации. Впрочем, взаимосвязь здесь очевидна: СССР был своего рода «удерживающим» на пути мирового капитала, и с его гибелью процесс глобализации опасно ускорился. «Настоящий ураган» — названа одна из глав книги Мартина и Шуманна. Авторы умело передают динамику происходящего: «Глобальным борцовским броском новый Интернационал капитала переворачивает с ног на голову целые страны и социальные порядки. На одном фронте он сообразно с текущей обстановкой угрожает уйти совсем, добиваясь таким образом массивных снижений налогов, а также субсидий... или бесплатного предоставления инфраструктуры. Если это не срабатывает, зачастую может помочь налоговое планирование по широко известной, отлаженной схеме: доходы показываются только в тех странах, где уровень налогообложения действительно низок. По всему миру владельцы капиталов и состояний вносят все меньший и меньший вклад в финансирование затрат на общественные нужды».

Не только коллективы отдельных предприятий, но и народы оказались не в состоянии противостоять давлению оперирующего по всему миру капитала. Перебрасывая средства из страны в страну, он получил беспрецедентную возможность навязывать свои условия. «Сорок пять марок в час за квалифицированный труд? — Мартин и Шуманн моделируют типичный диалог работодателя и работника. — Слишком дорого: британцы работают менее чем за половину этой суммы, а чехи — за одну десятую». Авторы иллюстрируют этот воображаемый разговор конкретным примером: «В таких ситуациях почти всегда имеет место откровенный шантаж. Так, например, на предприятии компании — изготовителя отопительных котлов Viessmann в Касселе, которое считается высокоэффективным, имея годовой оборот в 1,7 миллиарда марок при штате в 6500 работников, руководству оказалось достаточно объявить, что следующая серия водогрейных котлов будет производиться в Чехии. После этого 96 процентов рабочих и служащих без возражений со-

гласились работать три сверхурочных часа в неделю без дополнительной оплаты, лишь бы не был закрыт ни один цех в Германии».

Вот почему в 90-х забастовки стали экзотикой. Кого напугает забастовкой тот, кто вынужден выпрашивать работу?

Еще один метод глобализаторов — импорт рабочей силы. Кстати, им широко пользуются российские толстосумы. С чего бы, как вы думаете, в печати активно проталкивается идея о необходимости завоза в Россию одного миллиона мигрантов ежегодно? Неужто уже некому работать на наших не слишком загруженных заказами предприятиях? Конечно, демографический спад, но не настолько же... Коренным жителям не так-то просто устроиться на работу — почитайте объявления: требования сверхжесткие, причем зачастую взаимоисключающие (молодость и наличие стажа работы по специальности). А мигрантов берут охотно, потому что они готовы вкалывать за гроши. Кроме того, поскольку большинство из них — нелегалы, предприниматели, не платя социальные налоги, экономят ещё 55 процентов.

В середине 90-х я донимал лидеров КПРФ примером польской «Солидарности». «Посмотрите, — говорил я, — Валенса перевернул Польшу, используя локальную точку опоры. Возглавив рабочий комитет на родной судовой верфи, он поднял на борьбу сначала Гданьск, а затем и всю страну. Почему бы не воспользоваться этим рецептом, организовав забастовку, скажем, на ЗИЛе?»

Мои собеседники грустно качали головой: да на ЗИЛе одна лимита! Стоит заикнуться — и человек вылетает не только с работы — из общежития. Жить негде и не на что. Да они на всё пойдут, чтобы уцепиться за место...

Самым страшным последствием 90-х стал социальный регресс. Общество зримо деградировало. Да что там — оно раскололось, расщепилось на атомы. Если в начале десятилетия люди проявляли чудеса солидарности: получая нищенскую зарплату, отказывались от прибавки, которую им обещали в случае сокращения штатов, то уже в середине 90-х многотысячные коллективы равнодушно наблюдали, как собственники выгоняют сотрудников цехами — только бы не меня!

О последней новинке новорусских менеджеров со смесью отвращения и восхищения рассказывает корреспондент лондонской «Файнэншл таймс»: «По мере того, как конкуренция в российском бизнесе набирает обороты, работодатели все чаще прибегают к так называемым «стрессовым собеседованиям», призванным помочь им выбрать наиболее подходящего работника. Менеджеры по кадрам кричат на кандидатов, обливают их водой, оскорбляют и задают вопросы интимного характера».

Социальные психологи растолковывают: «Ничто... не помогает раскрыть человека так, как если плеснуть ему в лицо стакан воды. Если претендент на должность проявляет в ответ агрессивность, считается, что у него сильный характер и лидерские качества. Если такое оскорбительное действие не провоцирует реакции, то кандидат считается подходящим для босса, нуждающегося в послушном работнике, чьи амбиции ему не будут угрожать» («Файнэншл таймс». 3.07.2000. Цит. по: Inopressa.ru).

О чувствах испытуемого не говорят и не думают. Честь и просто человеческое самоуважение можно не принимать в расчет — как во времена крепостного права.

И глубже, всеохватнее процесс! Он захватил культуру — от высокой до бытовой. На благополучном (относительно, как мы могли убедиться) Западе на смену неброско одетым хиппи пришли расфранчённые яппи. Богатства перестали стесняться, его подчеркивают. Золото и драгоценные камни — вместо доступной каждому бижутерии. Шелк и шерсть заняли место нейлона и акрила. Песцовые манто выгодно подчеркнули достоинства тех, кто мог позволить себе нечто подороже, чем шубка из синтетического меха.

В России — стране-новичке на мировом рынке — нововведения довели до абсурда. Машины, одежда, интерьеры квартир и загородных домов должны были быть не просто дорогими — самыми дорогими и супермодными. С. Кургинян уверял, что на Кутузовском проспекте до недавнего времени висела растяжка: «Выбрось свой шестисотый «мерс», теперь есть тачка покруче».

Те, кто не выдерживал этой гонки за роскошью, утрачивали социальный статус. О тех, кто не мог позволить себе ничего, кроме скромного жизнеобеспечения (еда и одежда), — а это и сегодня 80 процентов жителей страны! — нечего и говорить.

И вот за этих-то «лишенцев» принялись «мастера культуры»! Не только представители «второй древнейшей», но и мэтры, еще в советские времена произведенные в лауреаты и народные, с пренебрежением отзывались о народе — «совки». При этом имелось в виду отнюдь не бывшее членство в КПСС (тут мэтры дали бы фору любому слесарю или инженеру). И даже не идеологическая ориентация (если бы все «совки» были убежденными сторонниками коммунистов, президента РФ звали бы не Владимир Владимирович, а Геннадий Андреевич). Понятие «совок» обозначало прежде всего социальное положение — поношенную одежду и пр., а уж затем «устарелое» мировоззрение.

«Совка» изображали патологическим завистником, агрессивным, опасным для более «продвинутых», а главное, более обеспеченных граждан. Синонимом «совка» стала собачья кличка «Шариков» (между прочим, это заимствование у Булгакова — свидетельство не просто тенденциозного, но и поверхностного прочтения классики. Для Булгакова и людей его круга «Шариков» — собирательный образ победителей, а не побежденных. В 1917 году столичные острословы именовали Советы солдатских депутатов «советами собачьих депутатов»*. Конечно, зло и несправедливо, но, по крайней мере, не подло).

Но проблема заключалась не только в поверхностном прочтении текстов. На самом деле постсоветская культура (именно постсоветская — представленная на всех каналах ТВ, на международных симпозиумах и мировых сценах, а не русская культура конца XX века, отброшенная на обочину) осознанно разорвала связь с отечественной классикой. Корыстно оставив за собой роль «хранительницы» бесценного наследия.

Как-то даже неловко повторять трюизм о том, что русская культура была неизменно на стороне «униженных и оскорбленных». И не просто сочувственно изображала их, но была их голосом, выразительницей мыслей и устремлений. Свой завораживающе пластичный и мощный язык она щедро предоставила «маленькому человеку», какому-нибудь Самсону Вырину или Акакию Акакиевичу, чтобы он мог рассказать о себе. С присущей ей совестью она компенсировала социальную несправедливость, которая не позволяла реальному чиновнику четырнадцатого класса, а тем более человеку из простонародья, свободно чувствовать себя в культурной среде.

К слову, раз уж зашла речь, как бы ни относиться к советской власти, она заслуживает исторической благодарности за то, что устранила эту несправедливость и избавила человека из народа от сознания социокультурной второсортности. А ведь оно мучило не только многие поколения «рядовых» выходцев из деревни, но и лучших крестьянских поэтов, вплоть до 20-х годов XX века. Вспомним хотя бы скоморошью эскападу Николая Клюева, с неприязненным любопытством запечатленную талантливым поэтом-аристократом Георгием Ивановым, до конца дней в эмиграции вздыхавшим о «золотой осени крепостного права»: «Я как-то зашел к Клюеву. Клетушка оказалась номером «Отель де Франс»... Клюев сидел на тахте, при воротничке и галстукe и читал Гейне в подлиннике.

— Маракую малость по-бусурманскому, — заметил он на мой удивленный (как характерен этот удивленный взгляд аристократа на читающего по-немецки мужика! — А. К.) взгляд. — Маракую малость.

— Да что ж это я, — взволновался он, — дорогого гостя как принимаю. Садись, сокол, садись, голубь. Чем угощать прикажешь? Чаю не пью, табаку не курю, пряника медового не припас. А то, — он подмигнул, — если не торопишься, может, пополудничаем вместе. Есть тут один трактирчик. Хозяин хороший человек, хоть и француз. Тут, за углом. Альбертом зовут.

Я не торопился.

— Ну вот и ладно, ну вот и чудесно. Сейчас обряжусь...

— Зачем же вам переодеваться?

— Что ты, что ты — разве можно? Собаки засмеют. Обожди минутку — я духом.

Из-за ширмы он вышел в поддевке, смазных сапогах и малиновой рубашке:

— Ну вот — так-то лучше!

— Да ведь в ресторан в таком виде как раз не пустят.

— В общую и не просимся. Куда нам, мужичкам, промеж господ? Знай, сверчок, свой шесток. А мы не в общем, мы в клетушку-комнатушку, отдельный то есть. Туда и нам можно...» (Иванов Г. Из литературного наследия. М., 1996).

Ничего подобного нет у лучшего поэта из советской деревни — Николая Рубцова. Да, он мучительно переживал неустроенность и непризнанность, — но это удел всех поэтов, в том числе из дворянства (наиболее яркий и симпатичный пример — Аполлон Григорьев). Однако его творчество начисто свободно от социокультурных комплексов. Он не видел ничего экстраординарного в стремлении «книжку Тютчева и Фета продолжить книжкой Рубцова».

И вот на новом витке исторического развития элита отказывает миллионам «совков» в праве на причастность к культуре, на присутствие в ней. «Осовремененное» прочтение «Собачьего сердца» — наглядный пример. Понимаю, это — карикатура, но где же сочувственно выписанные образы простых людей, характерные — повторю — для русского искусства? Припомните хотя бы один в нынешнем российском кинематографе, в глянцевах книжках. Никого, голо!

Но «простонародье» не только изгоняют из культуры. Его лишают языка на бытовом, элементарном уровне. С грубой, я бы даже сказал — наглой наглядностью это проявляется в конструировании иноязычного сленга для из-

бренных. Все эти «дискурсы» у интеллектуалов, «фьючерсы» у бизнесменов, «сомелье» у гурманов и «дайвинг» у богатеньких бездельников создают намеренно замкнутую языковую среду, агрессивно отторгающую «социально чуждых». Любопытно, что наряду с иноязычными заимствованиями эту среду формирует назойливое использование матерной лексики — выразительный штрих, характеризующий современную российскую элиту.

Тем, кто сочтет мои размышления плодом излишней мнительности, советую ознакомиться с газетной полемикой по поводу робких усилий депутатов Государственной Думы внести хотя бы некоторую нормативность в языковой беспредел. Вот где обнаруживаются и чудовищная подозрительность (якобы обществу хотят навязать пресловутые «мокроступы»), и далеко идущие политические параллели (вроде бы за изгнание англицизмов в Иране взялся Ахмадинежад), и попросту неприкрытая злоба. И все это у кондовых тружеников пера, отродясь не проявлявших интереса к «вопросам языкознания». Очевидно, что у сугубо научной, на первый взгляд, проблемы имеется актуальнейшая политическая подоплека.

Но похищение языка не ограничивается изменением словарного состава. Те же СМИ пристрастно пересматривают ценностно-смысловые установки языка. Все, выношенное народом как выражение его понимания жизни, добра и зла, должного и запретного, подвергается неявной, но жесткой цензуре. Часто ли вы видите в печати слова «правда», «справедливость», «равенство», «солидарность», «социальная защита»? Да и само слово «народ» сплошь и рядом подменяется «населением», а то и «электоратом».

Погруженные в соответствующую языковую практику массы теряют возможность выразить свое недовольство, боль, свои требования. Они говорят о справедливости, а пресса и социальные верхи обвиняют их в «зависти». Пробуют заикнуться о своих правах, а им наклеивают ярлык «экстремистов». Пытаются уберечь от публичного разврата детей — «ретрограды». Тревожатся о судьбе Родины — «национал-патриоты» и даже «фашисты». У нас отобрали слова, поставили под подозрение их смыслы, объявили опасным вековой опыт, в этих смыслах воплощенный. Лишили возможности говорить о себе и быть услышанными.

Это тем более легко проделать с народом атомизированным. Простейший пример: большинство из нас с трудом дотягивает до очередной полочки. Однако правительство и СМИ наперебой рапортуют об увеличении некой средней зарплаты. И у человека возникает ощущение, что все богатые, только он один

беден. И он замыкается в себе, переживает свою бедность как позорную болезнь. Боится признаться в ней. И уж, конечно, он не откликнется на призыв ославленных той же прессой левых активистов выйти на демонстрацию протеста.

Проблема похищения языка — не сугубо российская. Это наиболее драматичное следствие той ситуации, в которой оказался весь мир на рубеже веков. Французский философ Ален Бросса с горечью констатирует: «Плебей лишен слова». Бросса разворачивает пугающую картину: «...Всегда имеется это невыговариваемое своеобразного опыта людей, опыта плебса в бесконечно разнообразных воплощениях, которому свойственно постоянно терпеть неудачу в том, чтобы быть услышанным в качестве узаконенной единичности, найти свое место в поле человеческого многообразия, сделать себя зримым и приемлемым в виде позиции. Есть этот плебс, чьим свойством будет либо неумение «членораздельно изложить», либо неумение заставить себя слушать, либо упорство в том, чтобы скорее кричать, вопить, осыпать проклятиями, чем связно рассуждать, либо, наконец, вынужденно говорить заимствованными словами — всегда испытывая затруднения с языком» (Бросса А. Невыговариваемое. В сб.: Мир в войне: победители/побежденные. Пер. с фр. М., 2003).

Бросса ссылается и на работы других мыслителей по той же тематике. Как видим, на Западе проблема остро ощущается и активно обсуждается.

Но если крупные социальные группы и целые народы лишить не только права на справедливый учет их интересов, но даже возможности выговорить жалобу, протест, мечту, это рано или поздно приведет к взрыву. Не случайно статья Бросса опубликована в сборнике, основной темой которого стали события 11 сентября 2001 года. Эту трагедию французские интеллектуалы рассматривают как закономерный, хотя, конечно же, «нигилистический» ответ на социальную и национальную несправедливость, воплотившуюся в образе Америки.

Показательно: в предисловии к сборнику его составитель Мишель Сюриа обращается к теме «конца Истории», затронутой нами в разговоре о ситуации 90-х годов. Не сдерживая сарказма, Сюриа пишет: «Больше нет конфликтов... Нет конфликтов, потому что больше нет Истории; нет Истории, потому что больше нет политик. Нет политик, потому что повсюду восторжествовала «единственно возможная политика», политика капитала, политика рынка».

Но, как это всегда случается в жизни, не подчиняющейся ни произволу силы, ни диктату броских формулировок, то, что представлялось «концом Истории», стало началом нового этапа развития. Да, Америка использовала 11

сентября для расширения своего контроля над миром. Однако именно подготовка иракской кампании, замешенной на слишком очевидной лжи, породила мощную антивоенную волну, вернувшую массы на арену Истории. И если в предыдущее десятилетие западные интеллектуалы высказывали сомнения в том, а существует ли вообще общественная сила, которую, по традиции, именуют «массами» (Ж. Бодрийар), то уже в 2002—2003 годах они могли лицезреть эту «фикцию» на площадях европейских столиц. Миллионные протесты, которые мы наблюдаем сейчас, — это вершина (или, быть может, только промежуточная точка) процесса, начавшегося четыре года назад.

Наиболее проницательные аналитики уже сигнализируют о кардинальной смене приоритетов. Самый значимый из таких сигналов — статья Збигнева Бжезинского, появившаяся в начале года в американской прессе и сразу же перепечатанная в России. «Соединенным Штатам следует взглянуть в глаза новой и чрезвычайно важной реальности, — предупреждает патриарх американской политики. — В мире происходит беспрецедентное по масштабу и интенсивности пробуждение политической активности» («Независимая газета». 17.02.2006).

Казалось бы, заокеанская элита должна только радоваться — не кто иной, как президент США только что объявил главной целью американской политики «продвижение демократии по всему миру». Но Бжезинскому нет дела до демагогии официального Вашингтона. Он пишет о реальных, а не декларируемых интересах Соединенных Штатов, а потому прямо указывает, что рост политической активности масс является главной угрозой американскому господству: «Основная проблема нашего времени — не терроризм, а всеобщее ожесточение, связанное с происходящим в мире пробуждением политической активности, носящей массовый и разрушительный характер... Энергия возбужденных масс преодолевает границы и бросает вызов ныне существующим государствам и всей мировой иерархии во главе с США».

Со старческой подозрительностью Бжезинский видит в происходящем результат молодежного бунтарства: «...Демографическую революцию... можно сравнить с политической бомбой замедленного действия... Быстрый рост числа людей моложе 25 лет в странах «третьего мира» означает выход на политическую арену огромной массы встревоженных юношей и девушек. Их умы взволнованы доносящимися издали звуками и образами, которые лишь усиливают их недовольство в отношении окружающей действительности. Их протестные настрое-

ния способны трансформироваться в «революционный меч», поднятый среди десятков миллионов студентов, обучающихся в вузах развивающихся стран и в большей или меньшей степени интеллектуально развитых. Выходцы в основном из низших, социально незащищенных слоев среднего класса, эти миллионы студентов, воодушевленных сознанием социальной несправедливости, — не кто иные, как затаившиеся революционеры».

Можно было бы поспорить со столь очевидной геронтологической односторонностью концепции. А пожалуй, и посочувствовать Бжезинскому: пытаться противостоять молодому напору с охранительных позиций бесперспективно.

Впрочем, отчасти теория Бжезинского справедлива, хотя, конечно, не объясняет всех аспектов явления. И уж, разумеется, она более чем характерна! Не только как точка зрения престарелого политика, опасавшегося революции молодых, но и как позиция дряхлеющего западного общества.

Однако до поры я воздержусь от спора. Зафиксирую только: мир в очередной раз меняется. Причем, как и в 90-е годы, процесс не ограничивается политикой. Меняются ведущие социальные силы, география основных событий (Бжезинский не случайно выделяет «третий мир»). А главное — мироощущение.

Искусство с присущей ему чуткостью первым откликнулось на перемены. Показательна ситуация в кино — наиболее популярном виде искусства. Едва ли не все работы, отмеченные на самых престижных международных фестивалях этого года, имеют явно выраженный протестный характер. Гран при в Каннах получила картина Кена Лоуча «Ветер, качающий вереск», напоминающая о борьбе Ирландии против английской оккупации. В Берлине приз за лучший сценарий получила лента Майкла Уинтерботтома «Дорога в Гуантанамо», показывающая американских «борцов за демократию» в роли тюремщиков.

Ещё один призер Каннского фестиваля — фильм Аки Каурисмяки «Огни городской окраины» — о простом охраннике, которого выбрасывают на обочину крутые жизненные обстоятельства. В Венеции главный приз получила не великосветская «Королева», а лента «Тихая жизнь» о людях из китайской глубинки. Искусство вновь поворачивается к человеку с улицы и дает ему возможность рассказать о себе. А можно сформулировать и так: «простонародье» само берет слово, возвращаясь не только на киноэкран, но и на политическую сцену.

Еще совсем недавно бесспорным хозяином жизни был преуспевающий менеджер или биржевик. Десяти лет не прошло, как Лестер Туроу мрачно констатировал: «Возникает общество, где «все достается победителю». А ныне орган российских биржевиков публикует статью под недвусмысленным заголовком: «Победителей судят». С ужасом, не лишенным комизма, обозреватель отмечает: «Крупные политики, руководители мощных корпораций, все баловни фортуны теперь живут в непримиримо враждебной среде» («Коммерсантъ». 4.08.2006).

Ничего не имею против, ведь эти «баловни» благоденствуют за наш счет (вспомним хотя бы воровскую приватизацию). И хотя газета спешит уточнить, что нашу страну общая тенденция пока не затронула, тревога «Коммерсанта» звучит для меня музыкой надежды. Дойдет и до нас (особенно если обделенные россиянской жизнью проявят хоть какую-то активность!).

Будет праздник и на наших улицах и площадях.

Любовь Покроева
г. Харьков, Украина

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящее время факт универсального значения русской литературы общепризнан. Многие критики в самых различных странах, анализируя те или иные явления современной литературной действительности, неизменно обращаются к произведениям русской классики как к недостижимым эталонам в художественной сфере.

Следует отметить, что в Европе уже в 70-е годы XIX в. обратили внимание на своеобразие и глубину русской литературы, отразившей духовный и нравственный опыт своего народа и поднявшей искусство романа, новеллы, драмы на новую высоту.

«Русский роман очаровывает дыханием жизни, искренностью и состраданием, — утверждал видный французский литературовед XIX века Э. М. де Вогюэ. — Молодежь находит в нем интеллектуальную пищу, которой она страстно жаждет и которую ей не может предложить наша изысканная литература».

Говоря о роли русской классики в развитии реализма в литературе США, французский исследователь Р. Мишо подчеркивал, что современный роман в США не мог бы стать тем, чем он есть, без Достоевского, Толстого и Чехова.

О пристальном внимании к творчеству А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Маяковского, С. Есенина, М. Булгакова писал и американский критик И. Уайл: *«Ни одна другая страна не располагает литературой, которая бы пользовалась среди американских интеллектуалов более высокой репутацией, чем русская».*

Трудно найти в XX в. крупного художника, который бы не отдал дань почтения и признательности русской классике. Так, Т. Манн признавался: *«Чтение русских авторов XIX в. я должен причислить к самым большим событиям в моем образовании».*

«Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и читательские слои больше влияния, чем русская», — говорил другой классик XX в., Акутагава Рюно-

ске, считавший толстовских Наташу и Соню своими сестрами. «*Даже молодежь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова*», – отмечал он.

Знакомство с творчеством Пушкина, Толстого, Достоевского, Гоголя, Чехова, Леонова, Тургенева современный *итальянский романист* Л. Малерба определял как непрменный этап «в развитии каждого культурного человека на Западе».

С самого начала знакомства с русской литературой вдумчивые зарубежные читатели и критики обращали внимание на то, что отличает ее от других литератур мира. Прежде всего, глубокая правдивость русской литературы никогда не превращалась в натуралистическое копирование действительности, лишённое человеческой теплоты. Говоря об этом, американский искусствовед Д. Гасснер подчеркивает: «*Источником русского искусства была человечность. Реализм Флобера и Мопассана рационалистичен, реализм русских мастеров сердечен*».

«Русские открыли нам, если хотите, *научили нас снова* тому, – утверждал французский критик Г. Лансон, — что можно быть правдивым, точным и близким к жизни, будучи при этом милосердным, и, чтобы сказать все, – *человечным*».

Таких высказываний можно привести бесчисленное количество.

Процесс осмысления самобытности русской литературы не прекращается и по сей день. И дело не только в бесконечной сложности проблемы, но и в том, что с каждым десятилетием раскрываются все новые религиозно-философские грани творческого наследия русских классиков, созвучные нашей современности, помогающие понять не только прошлое, но и настоящее.

«За какое-то столетие, — писал в начале 30-х XX в. американский критик Б. Брэсол, – русская литература *изумила* цивилизованное человечество: имена Толстого, Гоголя, Тургенева, Чехова, Достоевского поразили ум и сердце современного человека: их глубокое видение мира и благородная одухотворенность обогатили человеческую культуру. На литературном Олимпе русские классики по праву заняли достойное место, и ни мода, ни время не в силах изменить этого».

Кроме огромного влияния на мировой литературный процесс русская литература несет в себе величайший воспитательный потенциал.

О воспитательном значении русской литературы говорил в 19-м веке Василий Иванович Водовозов - русский педагог и методист-словесник, по-

следователь К. Д. Ушинского, автор работы «О воспитательном значении русской литературы», названной современниками «правильной педагогической системой для русских школ на общечеловеческой основе».

Его последователем стал Владимир Георгиевич Маранцман – современный ученый-методист, автор школьных учебников по литературе и вузовских учебников по методике. Он считает литературу одним из таких школьных предметов, которые не просто знакомят ученика с новой информацией, но в большей степени, чем другие, формируют его как личность.

Произведения русских писателей изучаются и в украинских школах, однако анализ учебных программ по мировой литературе для общеобразовательных школ с *украинским языком* обучения свидетельствует о том, что удельный вес произведений русских писателей незначителен.

Так, на изучение мировой литературы в 5–9 классах отводится 2 часа в неделю, то есть в целом за 5 лет обучения – 350 часов, из них на русскую литературу – 50 часов, что составляет всего лишь 14%, а в восьмом классе не предусмотрено изучение ни одного русского автора.

Следует отметить, что в текущем учебном году в области функционирует 310 классов филологического направления, в которых обучается около 7-ми тысяч учеников, которые имеют возможность изучать мировую литературу на академическом уровне, то есть 2 часа в неделю.

Вместе с тем *незначительное* количество времени выделяется на изучение произведений русских писателей: в 10 классе – 16 часов из предусмотренных программой 70-ти часов в год, а в 11 классе – 8 из 70 часов.

В программах по литературе (русской и мировой) для *общеобразовательных* школ с русским языком обучения удельный вес произведений русских писателей составляет 50%.

Однако названные цифры не могут в полной мере отразить потери *содержательного* характера: в школах с украинским языком обучения не изучается творчество таких выдающихся русских писателей, как: *И. С. Тургенев*, который сыграл огромную роль в развитии жанра социально-психологического романа. *А. С. Грибоедов*, комедия которого «Горе от ума» имеет большое значение для развития русской драмы, и является примером речевой характеристики героев, яркой индивидуализации языка действующих лиц.

В программах по мировой литературе не представлен *русский классицизм*, особенностью которого является то, что он изначально ставил перед собой просветительские задачи, стремясь воспитать своих читателей.

Для развития русской драматургии *А. Н. Островский* сделал столь же много, как Шекспир в Англии, Лопе де Вега в Испании, Мольер во Франции, Гольдони в Италии и Шиллер в Германии. Однако программой по литературе не предусмотрено изучение его произведений вообще.

Не изучается творчество таких поэтов, как *Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Юрий Левитанский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий*, а значит выпущена целая эпоха в русской культуре.

Особо следует подчеркнуть и недостаток времени на изучение творчества русских писателей.

С творческим наследием *А. С. Пушкина* ученики 5–9 классов могут познакомиться всего лишь за 12 уроков.

Поэзия Ф. И. Тютчева, представлена только в 5 классе единственным стихотворением и не оставит в душе школьника воспоминаний, как в силу его возраста, так и из-за объективной невозможности сделать это.

В 10 классе на изучение творчества *Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого* выделяется по 4 часа; в 11 классе предлагается изучить роман «Мастер и Маргарита» *М. А. Булгакова* в течение 3-х учебных часов, а поэзию «серебряного века» – за 1 час.

В этих условиях крайне сложно, если вообще возможно, показать своеобразие поэтического языка, его выразительных средств, традиции и новаторство в литературе, научить полемике средствами художественной литературы. Таким образом, главная задача учителя литературы – помочь школьникам войти в образный мир писателя, обратить внимание на художественную деталь, портрет, речевую характеристику персонажей, интерьер, изобразительно-выразительные средства языка – становится *практически невыполнимой*.

Существенное сокращение количества произведений русских писателей в школьной программе по литературе не может не вызывать беспокойства, так как обедняются эмоциональная и интеллектуальная сферы развития школьника и не в полной мере используется воспитательный потенциал русской литературы.

В связи с этим безусловно возрастает роль внеклассной работы по литературе: проведение недели русского языка и литературы, ученических олимпиад, конкурсов, работа литературных клубов, кружков. С помощью этих форм работы учителя русского языка и литературы пытаются восполнить просчеты учебной программы.

Школьных педагогов объединяет понимание того, что литературное образование в школе помогает растущему человеку обрести и сохранить в сложном агрессивном социуме ценностные ориентации, нравственные черты. В процессе становления и формирования личности незаменима роль лучших образцов русской литературы.

Список литературы: 1. Берковский Н. Я. Мировое значение русской литературы. – Л., 1975. 2. Лихачев Д. С. С добром и миром. Литературное обозрение. – 1982. – № 12. 3. Русская классика в странах Востока. – М., 1982.

*Александр Михилев
г. Харьков, Украина*

ДОСТОЕВСКИЙ О РОССИИ, СЛАВЯНАХ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Великий писатель земли русской Ф. М. Достоевский, силой своего творческого гения постигший и с необычайной художественностью выразивший глубинно-потаянные психологические тайны и мотивы поступков личности и в силу этого ставший писателем общечеловеческим, был одновременно и великим патриотом России. Пристальное всматривание в характер русского человека и всестороннее осмысление этого характера, соотнесение его с характерными чертами западноевропейского человека побудило его к осмыслению миссии России в общеисторическом развитии человечества.

Подлинный поэт в высшем смысле этого слова, Достоевский одновременно был и пламенным гражданином своей страны. Для него не существовало дилеммы выбора – поэт или гражданин, согласно известному принципу «потом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Подобно выдающимся художникам эпохи Возрождения, которые, являя собою тип цельной личности и блистая в различных сферах творческой деятельности, активно участвовали в политических битвах своего времени, кто пером, кто мечом, а кто тем и другим (Ф. Энгельс), Достоевский не только не чурался общественно-политической деятельности, но и создал для этой цели специальный журнал «Дневник писателя», который издавал с 1873 года вплоть до конца своей жизни.

«Дневник писателя» стал для Достоевского своего рода трибуной, с которой он непосредственно обращался к читателям со своей трактовкой самых актуальных вопросов российской и международной жизни.

Особое место в публицистике Достоевского занимают вопросы, связанные с особенностями духовно-нравственной природы русского народа и вытекающей отсюда миссией России; с взаимоотношениями России и славянских народов и России с Западом.

Суждения писателя о русском народе обусловлены его славянофильскими взглядами, страстным и последовательным приверженцем которых он был. Славянофильство для Достоевского – это прежде всего идея всече-

ловечности и исторической миссии России, о чем обстоятельно говорит он в «Признаниях славянофила». «Я во многом убеждений чисто славянофильских, – писал он, – развивая свое понимание славянофильства, – хотя, может быть, и не вполне славянофил. Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский *действительно* дальше не заходил в понимании славянофильства (с чем трудно согласиться: взгляды великого критика были, безусловно, значительно шире. – А. М.) Для других (и, заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самых славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России – началом, которое может быть даже и не строго политическим.

И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединённых славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» [4, с. 195–196].

Как видим, славянофильство для Достоевского – это органический комплекс взаимосвязанных идей, включающий в себя, во-первых, объединение всех славянских народов «под началом России», во-вторых, воссоздание *духовного* (выделено нами. – А. М.) союза всех верующих в то, что именно России как лидеру объединенных славян надлежит сказать не только всему европейскому человечеству, но и всему миру новое и еще неслыханное слово «и что именно это слово будет заветом общечеловеческого единения» [Т. 25, с. 20]. То есть славянофильство для Достоевского – это прежде всего осознание вселенской миссии России, вера в ее великие силы и в ее гений, способный сказать судьбоносное для мира слово. Обратим внимание также на то, что он проницательно увидел «многие горькие

и самые роковые недоразумения западноевропейской цивилизации» и именно с Россией связывал их разрешение.

Величие и бескорыстие духа русского народа, вытекающее, как полагал Достоевский, из его приверженностью православному христианству, которое он сам исповедовал и в которое глубоко верил, он считал одной из его главных отличительных черт, «Неверие в духовную силу народа, – подчеркивал он в «Дневнике писателя» за январь-март 1877, – есть конечно, и неверие во всю Россию» [4, с. 10]. В этом неверии в русский народ Достоевский упрекал ту часть русской интеллигенции, которая слепо преклонялась перед Европой, перед так называемыми «цивилизованными» нациями Запада, видя в своих, русских людях, используя меткое саркастическое выражение Н. А. Некрасова, «варваров, дикое скопище пьяниц», – и настойчиво призывал внимательнее присмотреться к русскому народу, который, несмотря на века дикого угнетения и рабства, сохранил величие, красоту и собранность духа, свободолюбие и отвагу, удивительную отзывчивость.

В этой отзывчивости, которую писатель называл «всемирной отзывчивостью», заключалась, по его мнению, другая отличительная черта русского человека.

К этой мысли писатель обращается неоднократно. Так, в статье «Смерть Жорж Занда», опубликованной в «Дневнике писателя за 1876 год (май – октябрь)», говоря о Жорж Санд как писательнице, так много сделавшей для его творческого развития, писал: «У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. *Величайшее из величайших назначений, уже сознанных русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, – не России только, не общеславянству только, но человечеству*». И далее: «... *всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского*» (выделено нами. – А. М.) [3, с. 30–31]. При этом как на один из аргументов русской всечеловечности он ссылается на то, что «всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира, наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России. Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс – роднее и понятнее русским, чем, например, немцам... Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторяющееся в других народах в такой степени во всю всемирную историю» [3, с. 31]. В этой особенности, кстати, Достоевский

усматривает «самый широко обещающий и самый пророческий факт в гаданиях о нашем будущем» [3, с. 31].

Всечеловечность русского человека нашла, по мнению Достоевского, ярчайшее воплощение в гении Пушкина. В очерке «Пушкин», который был произнесен им 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей русской словесности, Достоевский писал: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось» [5, с. 146]. Но эта уникальная способность поэта есть не что иное, как его способность, порожденная его любовью к народу, передать коренное свойство своего народа, ибо «народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все свое двухсотлетие с петровской реформы не раз» [5, с. 131].

Апофеозом утверждения органической связи национального народного духа и всечеловеческого начала звучат высказывания Достоевского о Пушкине в связи с кончиной Н. А. Некрасова: «Пушкин был не только русский человек, но и первым русским человеком. Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многообразные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал *о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и все возрождающего в нем начала*» (выделено нами. – А. М.) [5, с. 114].

Достоевский снова и снова утверждает, что «русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* (выделено Ф. М. Достоевским. – А. М.) черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»

[5, с. 146, 131]. Глубокая вера Достоевского в общеславянскую и общечеловеческую миссию России, обусловленную специфическим всеединяющим гением русского народа, не скрывает от него всей сложности реализации этой миссии и налагаемой ею ответственности. С одной стороны, он страстный поборник освобождения славянских народов от турецкого ига даже ценой военного вмешательства России и жертв русского народа, о чем свидетельствуют, например, его статьи «Война. Мы всех сильнее», «Не всегда война бич, иногда и спасение», «Спасет ли пролитая кровь?» и «Мнение «тишайшего» царя о восточном вопросе» [4, с. 94–102].

Особенно проявляется это чувство ответственности у него в период Балканской войны, когда Россия выступила на защиту истребляемых турками славянских народов – сербов, черногорцев, хорватов, болгар. Достоевский со страниц своего «Дневника» выносит на всеобщее обозрение зверства турецких солдат, чинимых по отношению к балканским славянам: поголовное истребление жителей славянских деревень, дикие убийства младенцев (вскидывать их на воздух «и ловить их на штык»), четвертование, сдирание кожи с живых мужчин и женщин.

Одна из его статей так и называется «О сдирании кож вообще. Разные aberrации в частности. Ненависть и авторитет при лакейской власти» [4, с. 44–47]. С гневным негодованием пишет он о нежелании цивилизованной Европы и русских западников осудить такие действия турок, о лицемерии западной цивилизации, которая руководствуется только своими корыстными интересами, принося в угоду им свои демократические ценности. С нескрываемым сарказмом Достоевский восклицает: «С людей? С каких людей? С крошечной только части людей, где-то там в уголке, с турецкой ..., о которой никто бы и не услышал ничего, если б не прокричали русские. Зато огромная остальная часть организма жива, здорова и благоденствует, торгует и фабрикует!» [4, с. 44].

Невыносимая для писателя мысль о том, что такое существует и допускается Европой пусть даже в одном маленьком уголке земного шара – «сдирание кожи с родных наших братьев», «буквальное сдирание кож, вот то самое, которое происходило в Болгарии и которым, оказывается, так любят заниматься победоносные турки» [4, с. 44], – «веско легла» ему «на душу» и вызвала его бурное возмущение: «Вот мнение Европы (решение, может быть); *вот интересы цивилизации* (выделено Достоевским. – А. М.), и да будут они опять-таки прокляты!» [4, с. 48].

Его горячая, неколебимая вера в русский народ и его великие силы, в народ, в который он «как в святыню верит» [6, с. 26] заставляет его снова обращаться к своим современникам с глубокой убежденностью в мессианской роли России, в ее ответственности за судьбы своих братьев славян. С другой стороны, он с пророческой горечью провидит последующую неблагодарность освобожденных Россией «братьев-славян» (статья «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» в ноябрьской книге «Дневники писателя» за 1877 г.).

Это «одно совсем особое словцо о славянах» представляет несомненный интерес, так как красноречиво свидетельствует о глубоком понимании Достоевским не только психологии отдельного человека, но и психологии и менталитета целых наций, что дает ему возможность предсказывать с поразительной силой точности развитие противоречивых процессов на десятки и сотни лет вперед. При чтении этой статьи создается удивительное ощущение, будто писалась она не в 1877 году, а по меньшей мере в конце XX – начале XXI столетия. Заявляя с полной уверенностью, что, во-первых, в ближайшем будущем все славянские племена Балканского полуострова «настоями и кровью России» [Т. 26, с. 77] освободятся от ига турок и обретут независимость, он подробно останавливается на том, что же произойдет дальше: «Именно, это второе состоит в том, что по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагоприятному, будто бы, характеру славян, совсем нет, – у них характер в этом смысле как у всех, – именно потому, что *такие вещи* на свете иначе и происходить не могут» [5, с. 78].

С потрясающей точностью описывает он поведение славянских стран, которое станет реальностью только в наши дни: и обвинение России в своих бедах, и неблагодарность за жертвы, понесенные Россией в борьбе за их освобождение (мол, если бы не вмешательство России, то и сами бы

освободились или же это сделала бы Европа) и заискивание перед Европой в стремлении доказать свою высокою культуру и цивилизованность, которой – де не обладает Россия...

«Но о теперешнем моменте, – пишет Достоевский, – я говорить не стану, к тому же мы ещё нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, – признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы России, так они давным-давно сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только не имела бы ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Мало того, *даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или ещё более, они будут непрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее...* Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» (выделено нами: А. М.) [5, с. 79].

Разве не эту картину наблюдали мы после распада Советского Союза, разве не трубят до сих пор националистически окрашенные политики и многие ученые люди славянских стран о своей исконной европейскости в отличии от азиатской России? Сколько тонн бумаги исписано «научными» доводами и заклинаниями о европейских корнях своего этнического происхождения, сколько миллионов слов брошено в эфир о европейском уровне своей культуры?

Достоевский точно предугадал повальное устремление славянских наций в Европу: «России надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества» [5, с. 80].

Размышляя о том, что «образумление» славян все-таки произойдет, хотя и не ранее, чем через сотню лет, и что России для этого придется долго и упорно бороться «с ограниченностью и упорством славян, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинутся» [Т. 26, с. 81], Достоевский задает вопрос, а для чего все это России нужно, зачем ей брать на себя такую заботу?

Ответ его звучит следующим образом: «для того, чтоб жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечем, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания – вот это цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окончатся, обессилеют, умрут» [5, с. 81].

Это ответ подлинного патриота России, осознавшего всечеловеческую миссию своего народа и глубоко убежденного в том, что только в предельном напряжении сил в служении высшим бескорыстным идеям и высшим целям человечество (на что, по его мнению, способен только русский народ) коренится залог развития народа и государства.

Двойственность определяются и отношение Достоевского к Европе, к ее цивилизации и ее демократическим ценностям. От него не ускользает тот факт, что современная Европа в своем торгашеском меркантилизме измельчала, во многом утратила подлинные гуманистические ценности, подменив их сиюминутной выгодой и лицемерием. Вспомним приводимое выше суждение о Европе и ее цивилизации, закрывшей глаза на зверство турок по отношению к балканским славянам ради пресловутого сохранения мира и спокойствия в Европе. В статье «Мечты о Европе» [2, с. 83–87] он пишет о царящем раздоре между европейскими государствами вопреки пустым заявлениям, которые предрекают «мир долгий, всюду видя горизонт ясный, союзы и новые силы» [2, с. 84]; отчетливо видит «тамошнее разложение и обособление» [2, с. 84], чреватое войной (которая вскоре и разразится между Германией и Францией).

Его возмущает то, что меркантильная Европа не способна поверить в бескорыстие России по славянскому вопросу, равно как и ее постоянная враждебность по отношению к России. «Трудно представить, – заявляет он в статье «Нечто о политических вопросах» (1876), – до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев» [2, с. 121]. Эту же мысль он развивает в статье «Мы в Европе лишь стрюцкие» (1877): «...все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением» по принципу «поскребите русского, и увидите татарина» [4, с. 22].

Поэтому, с гордостью заявляя о том, что «у нас – русских – две родины: Русь и Европа» (статья «Смерть Жорж Санд» 1876) и понимая Европу как духовно-интеллектуальное пространство, представленное такими гениями, как Данте, Шекспира, Гете, Диккенса, освоенное и воспринятое русским человеком как свое собственное, Достоевский более чем критически относится к современной ему Европе и к ее возможностям в качестве лидера и проводника идеи всечеловеческого единства. В статье «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки «начала конца» (1876), обличая лицемерие английской демократии и свободы, позволяющей члену парламента Уаткину принимать с почтением «обагренного кровью тирана», Достоевский делает важный для понимания его позиции по отношению к Европе вывод: «И, однако, на деле там то же самое, что и везде в Европе; страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни» [2, с. 95].

В связи с этим представляется вполне закономерным его вывод о том, что «будущность Европы принадлежит России» [2, с. 122]. Вглядываясь в европейскую ситуацию близящегося конца века, Достоевские приходит к выводу, что в Европе беспокойно и что видимо, «пришли сроки уже чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготавливалось в мире с самого начала его цивилизации» [4, с. 6]. Говоря далее о трех идеях, встающих перед миром, католической, протестантской и славянской, загоревшейся и засиявшей на Востоке «небывальным и неслыханным светом», писатель именно в ней видит «третью грядущую возможность разрешения судеб человеческих и Европы» [4, с. 9]. Таким образом, Достоевский неизменно возвращается к исторической миссии России и славянских народов, для которых Россия – «покровительница, может быть, предводительница, но не владычица, мать их, а не госпожа» [4, с. 66].

Именно это присущее только русскому народу бескорыстное «все-единяющее, всепримиряющее и всевозрождающее» начало окрыляет Достоевского, наполняет его гордостью и устремляет его мысль в будущее, где он видит историческую миссию России в том, чтобы внести окончательное примирение в европейские противоречия, призвать народы «ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению» [5, с. 148].

К этой мысли о всечеловеческой, о всебратской миссии русского народа в начале XX века обратится другой гений русской литературы – Александр Блок. В небольшой поэме «Скифы» (1918), в которой явственно слышны отголоски споров западников и славянофилов (и несомненное влияние Достоевского), А. Блок, отстаивая достоинство русского народа, напрямую перекликается со своим великим предшественником, когда пишет, обращаясь к европейским народам:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны.
Товарищи! Мы станем – братья! [1, с. 645]

Достоевский, постигший и с необычайной художественной выразительностью запечатлевший все глубины души русского человека с правдивостью, от которой «проходит трепет по душе человека» (критерий художественности, который писатель использовал для оценки гомеровской «Илиады»), был не только великим художником, но и великим гражданином и патриотом России, угадавшим ее историческую миссию и раскрывшим пути ее осуществления.

Список литературы: 1. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр / Александр Блок. – М.: Худож. лит, 1968. – 839. – (Библиотека всемирной литературы). 2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 22 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 407 с. 3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 23 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 423 с. 4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 25 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1983. – 470 с. 5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 26 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1984. – 518 с.

Николай Олейник
г. Белгород, Россия

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НА СЛОБОЖАНЩИНЕ В XVIII–XIX ВВ.

На территории Слобожанщины и Белгородского края с момента заселения началось развитие всех видов народного творчества и на их основе литературы, театрального и музыкального искусства. Особенностью развития культуры в этом регионе было то, что она формировалась представителями как русского, так и украинского народов. Благодаря этому местный фольклор, театр, музыка, песенное творчество и литература постепенно приобретали свой слобожанский колорит.

Источником вдохновения для поэтов и писателей Слобожанщины служила неиссякаемая и богатая фольклорная стихия. Этот факт неоднократно отмечался как местными исследователями, так и приезжими на Слобожанщину столичными чиновниками и иностранцами. Широкое распространение на территории Слободского края получили все виды народного фольклора: сказки, былины, песни и др.

На развитие литературы Слободского края значительное влияние оказало открытие Харьковского коллегиума. Обязательными дисциплинами в нем были: изучение языков, пиитика и риторика, что стимулировало развитие литературного творчества его учеников. Преподаватели и ученики начали создавать первые на Слобожанщине литературные произведения в виде различных панегиристических стихов в честь Христа, Богородицы, российских императоров, известных государственных деятелей. Из числа воспитанников коллегиума известными писателями стали Н. И. Гнедич, С. В. Александров и другие.

Заметное влияние на культурную жизнь Слобожанщины оказало творчество Семёна Климовского–Климова, который жил в первой четверти XVIII в. Он был рядовым казаком Харьковского полка, но пользовался огромной популярностью и почетом среди разных слоев слободского населения, как красноречивый рассказчик и автор различных патриотических произведений. С. Климовский–Климов – автор стихов и прозы, известных в народе произведений. Наиболее известными среди слобожан были произведения: «О великидушии и правде», «О правосудии начальствующих,

правде и бодрости», «О смирении высочайших» и другие. Получили известность песни на его стихи: «Ни хочу я никого, тильке тебе одного», «Ехав казак за Дунай» и другие. Пропагандируя в своих произведениях идеалы справедливости и человеческого достоинства, С. Климовский–Климов выражал интересы широких масс местного казачества.

В культуру Слобожанщины значительный вклад внес выдающийся философ и писатель Григорий Савич Сковорода. Он родился в 1722 г. в семье небогатого казака в селе Чернухи на Лубенщине. В 1739–1740 гг. Григорий Сковорода учился в Киево-Могилянской академии. Уже тогда он проявил свои незаурядные способности. Затем учился в нескольких европейских университетах. В 1758 г. он был приглашен преподавателем катехизиса в Харьковский коллегиум, где проработал до 1768 г. Там его вольнодумство и новаторство вызвали недовольство местного светского и церковного начальства и он был изгнан с коллегиума. С 1769 г. до конца своей жизни, почти тридцать лет он непрерывно странствовал, время от времени останавливаясь у своих друзей, знакомых, а также в монастырях и хуторах Слобожанщины и Белгородского края, в смежных украинских и российских регионах.

Г. С. Сковорода был чрезвычайно даровитым философом и поэтом. Он написал большое число философских трактатов, стихов, песен и басен. По своим политическим взглядам Г. С. Сковорода принадлежал к демократам. В своих баснях, стихах и песнях он разоблачал и клеймил социальную несправедливость, требовал развития образования для широких народных масс. Его творчество было очень популярным на Слобожанщине и в Белгородском крае. Идеи гуманизма и демократизма, которые пропагандировал Г. С. Сковорода, нашли свое отражение в произведениях многих писателей и поэтов украинско-белгородского порубежья.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. на Слобожанщине и в Белгородском крае начинают создаваться литературные кружки из местных образованных людей. Так, большую известность получил литературный кружок, который в 60-х годах XVIII в. организовал известный на Слобожанщине архитектор А. Палацын. Он в это время проживал в селе Поповка на территории Сумского полка. На заседаниях кружка читались рефераты на литературные темы, обсуждались новые опубликованные в стране и регионе произведения отечественных писателей и поэтов. Участники кружка первыми выдвинули и обосновали идею о необходимости открытия университета на Слобожанщине.

Широкой популярностью пользовались газета «Харьковский ежедневник» (1812), журналы «Харьковский демокрит» (1816), «Украинский вестник» (1816–1819), «Украинский журнал» (1824–1825).

Вокруг этих изданий объединились поэты, прозаики, теоретики литературы, которые стремились идти в ногу с общероссийским литературным процессом. Наиболее активными среди них были Г. Квитка-Основьяненко, П. П. Гулак-Артемовский, И. С. Рижский, И. И. Срезневский, Р. Г. Гонорский, В. Г. Маслович, О. В. Склибовский и другие.

Большую роль в развитии всех жанров слобожанской литературы сыграл Григорий Федорович Квитка (литературный псевдоним Основьяненко). При его активном участии было организовано издание журналов «Украинский вестник», альманахов «Утренняя звезда», «Молодик», первого сборника слобожанских пословиц и сказаний.

Для мировоззрения писателя характерными были просветительско-гуманистические идеи умеренной политической направленности. Он одним из первых не только на Слобожанщине, но и в Российской империи стал популяризировать народную тематику. Г. Ф. Квитка опубликовал много стихотворений, фельетонов, в которых смело разоблачал пороки и необразованность многих местных помещиков, продажность судей, взяточничество чиновников. С этой же целью в 1820–1830-е гг. он создал несколько сатирических комедий. Будучи наблюдательным, хорошо зная действительность он сумел с большей силой отразить негативные явления имевшие место на Слобожанщине. В пьесе «Приезжий из столицы или Суматоха в уездном городе» (1827, опубликована в 1840 г.) Г. Ф. Квитка опередил Н. В. Гоголя в раскрытии темы «мнимого ревизора». Его комедия «Дворянские выборы» (1828, опубликована в 1829 г.) была воспринята тогдашним российским обществом как смелое обличение существующих пороков среди господствующего дворянского сословия. Доказательством этому является то, что свыше тысячи экземпляров этой комедии в Москве раскупили уже через два месяца. После того, как она была проштудирована самим российским императором Николаем I, она сразу же была запрещена цензурой. В. Г. Белинский поставил эту и другие комедии Г. Квитки-Основьяненко в одном ряду с пьесами Д. Фонвизина и А. Грибоедова.

Литературный талант Г. Ф. Квитки-Основьяненко еще в большей степени проявился в его прозе. До 30-х годов XIX в. в слобожанской лите-

ратуре в основном развивались лишь поэтические и драматургические жанры. Ощущая остроту и актуальность в произведениях социальной тематики Г. Ф. Квитка-Основяненко написал целый ряд повестей и рассказов. Среди них «Маруся» (1832 г.), «Конотопська ведьма» (1833 г.), в дальнейшем «Козырь-девка», «Сердешна Оксана» и другие. Появление этих произведений знаменовало новый важный этап не только в творчестве писателя, но и в целом в развитии слобожанской литературы, в формировании направления реализма и народности.

Значительный интерес представляют мемуарные и исторические записи Ивана Осиповича Острожского–Лохвицкого, опубликованные в 1846 г. в журнале «Киевская старина». Он родился в Новом Осколе в семье казацкого сотника, длительный период работал в земском суде в родном городе, подолгу жил в Белгороде. Живя в провинциальной глуши 22-летний молодой человек начал с 1771 г. свои записи и продолжал их до 1825 г. В результате этой работы была создана удивительная «Летопись» о жизни новооскольских и белгородских обывателях, о погоде, семейной жизни, старинном быте слобожанских помещиков и порядках, которые царили в казенных учреждениях, судах на Слобожанщине и в Белгородском крае.

В первой половине XIX в. начали свою активную деятельность писатели И. И. Срезневский, А. П. Метнинский и будущий активный участник Кирило-мифодиевского братства Н. И. Костомаров. Их произведения служили укреплению единения всех славянских народов.

Так, в конце 30-х годов XIX в. Н. Костомаров и А. Метлинский опубликовали на украинском языке многие произведения из Краледворской и Валенгорской рукописей, из народных чешских, сербских и польских песен. У писателей и поэтов Слобожанщины установились тесные контакты с Чехией, другими западнославянскими и южнославянскими народами, их интеллигенцией.

Вокруг местных журналов «Украинский вестник» и «Украинский журнал» сформировалась группа критиков, деятельность которых имела влияние на общероссийский литературный процесс. В статьях Р. Т. Гонорского, Н. В. Склибовского, И. Я. Кронеборга и других авторов анализировалось творчество Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Рылеева и других российских поэтов и писателей. Из слобожанской школы вышел один из ведущих теоретиков российского романтизма А. М. Сомов.

Во второй половине XIX в. литературу Слобожанщины активно обогащали Б. Д. Гринченко, И. Я. Щеголев, И. И. Манжура, П. А. Грабовский, В. С. Александров и многие другие. Заметный след оставило творчество воспитанника Харьковского университета, И. Я. Щеголева который в своих наиболее известных произведениях «Ворскла» и «Слобожанщина» с большой художественной силой отобразил историческую судьбу простого народа Слободского края, процесс освоения новых территорий, тяжелое положение крепостных, в пореформенный период.

Таким образом, на территории Слобожанщины на основе богатого фольклора, созданного русскими и украинскими поселенцами уже в XVIII веке начинает развиваться литература. В XIX – начале XX в. она получила дальнейшее развитие и стала играть заметную роль в Российской империи того времени.

Список литературы: 1. Багалій Д. У. Історія Слобідської України. Харків. Изд-во «Дельта», 1993, 225 с. 2. История Слобожанщины и Белгородского края. Учебное пособие / Под общей редакцией В. В. Овчинникова и Н. Н. Олейника. Белгород: Белгород. Облтип, 2011. – 336 с. 3. Рідний край [Навчальний посібник з народознавства / Під ред. І. Ф. Прокопенко] – Х.: Основа, 1993. 582 с.

*Александр Пономарев
г. Харьков, Украина*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОСТИ НАРОДА

Одна из стратегических задач системы образования, в том числе наших конференций состоит в повышении уровня духовности и культуры молодежи, в том числе и в первую очередь студенчества как завтрашней элиты нашего общества. Это вызвано настоящим кризисом в духовно-культурной сфере как одной из составляющих длительного системного кризиса, который переживают и Украина, и Россия, и большинство других государств на постсоветском пространстве. Он выражается в хаотичности и непоследовательности трансформационных процессов, в том, что фактически так и не решены его задачи: формирование социально ориентированной рыночной экономики, создание гражданского общества и правового государства, духовно-культурное возрождение на основе исторических традиций и идеалов. В результате этого общество все чаще пребывает в состоянии апатии, безразличия, тихой ненависти к власти и скатывается к утрате жизненных целей, традиционных духовных и культурных ценностей.

Поэтому сначала остановимся на том, что же следует понимать под духовностью. Постановка этого вопроса не случайна, поскольку сегодня вообще своеобразной модой стало говорить о духовности, духовном предназначении и духовном мире человека, его духовном развитии и т.п. При этом трактовка смысла и содержания этих понятий разными людьми оказывается различной, иногда даже противоположной. Многие вообще склонны отождествлять духовность исключительно с религиозностью, хотя очевидно, что богатый духовный мир может быть присущ и атеисту, а бездуховным вполне может оказаться и глубоко верующий человек.

Что же следует понимать под духовностью? Духовность – это высший уровень личностного развития человека, когда основными мотивационно-смысловыми регуляторами его поступков, поведения и всей его жизни и деятельности выступают высшие гуманистические ценности. Это уровень наиболее зрелой и ответственной (перед собой и другими) личности, способной не только познавать и отображать внешний мир, но и бережно творить его. Духовность выражает способность человека к самотво-

рению и творению культуры. Она не только объективируется в создаваемых человеком для удовлетворения своих потребностей артефактах, но и трансформирует мир и самого человека с целью гармонизации отношений в системе «личность – общество – природа – техносфера». Ведь вследствие длительного бездумного характера природопользования человек поставил на край гибели природу как мир и среду своего бытия и свою цивилизацию.

Духовный человек – это, прежде всего, добрый человек, а добрым является не тот, кто делает добро, а тот, кто в силу самой своей сущности не может делать зла. Хотя такие понятия, как добро и зло или справедливость и несправедливость не несут и не могут нести четкой правовой нагрузки. Они являются исключительно нравственными категориями и в этом отношении они достаточно противоречивы. Действительно, то, что для одного человека может выступать добром и представляться ему вполне справедливым, для другого является несомненным злом и вопиющей несправедливостью. Попробуйте убедить любого олигарха, что он поступил несправедливо, фактически обобрав народ, обманом присвоил то, что создавалось трудом многих поколений, и во что сам он не вложил ни своих физических усилий, ни своего интеллектуального потенциала.

Источниками духовности выступают как социально-психологические особенности народа, его менталитет, так и его культурно-исторические традиции и идеалы, его культура. Эти же традиции не существуют сами по себе. Они формируются и поддерживаются в исторической памяти народа, лучшие представители которого как истинные подвижники, выступая хранителями и носителями этих традиций, передают их от поколения к поколению. Именно благодаря им, традиции откладываются на ментальном уровне, становятся мощным источником и действенным фактором поддержания и развития духовности, нравственности и культуры.

При этом культуру совершенно не обязательно соотносить с образованностью человека. Хотя между этими четырьмя феноменами – менталитетом, духовностью, культурой и образованием – и существует достаточно сложная система прямых и обратных связей, которые реализуются в их взаимодействии и взаимовлиянии, в их воздействии на личностное развитие человека и на развитие общества. Сами же эти связи носят четкий нелинейный характер, когда результат далеко не всегда бывает пропорционален прилагаемым усилиям. Поэтому педагогам и литераторам необходимо быть предельно внимательным к тем средствам, которые мы исполь-

зуем в своей воспитательной деятельности, и к реакции на аудитории на сами средства и, если угодно, на их интенсивность и дозировку.

В подтверждение того, что духовность и культура человека далеко не всегда должным образом коррелируют с его образованностью, можно привести огромное множество примеров высокой духовности людей, не получивших высшего, а порой даже и среднего образования. И наоборот, к огромному сожалению, мы встречаем не меньшее количество людей, имеющих высшее образование (а некоторые сегодня с гордостью говорят о наличии у них двух а то и трех высших образований), которых не только нельзя назвать интеллигентами в подлинном смысле этого слова, но у которых практически отсутствует всякая культура, всякий духовный мир.

И вина за это лежит не только на самом человеке, но и на нас, на системе образования в целом и персонально на каждом педагоге. Точнее сказать, на каждом учителе и преподавателе, поскольку тот, кто в процессе обучения человека не сумел (или даже и не стремился) сформировать и развить его общую и профессиональную культуру, его духовный мир, не может по большому счету называться педагогом. Однако, к сожалению, для всей современной системы образования все более характерной становится отчетливая тенденция пренебрежения воспитательной составляющей целостного учебно-воспитательного процесса. А это наносит действительно невосполнимый вред духовности молодежи.

В связи с этим совсем не случайно известный российский философ И. А. Ильин отмечал, что «образование без воспитания не формирует человека, а развращает и портит его, поскольку дает в его распоряжение жизненно необходимые возможности, технические умения, которыми он – бездуховный, безверный и бесхарактерный – и начинает злоупотреблять. Следует раз навсегда установить и признать, что формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а распущенность вульгарной цивилизации» [1, с. 121].

Это предостережение ученого сегодня звучит особенно актуально. Ведь на нас осуществляется колоссальное целенаправленное давление бездуховной, а то и вовсе аморальной западной псевдокультуры. Цель этого давления состоит в том, чтобы вытравить из нашего сознания извечные общечеловеческие жизненные ценности, вытравить духовные и культурно-исторические традиции. Под влиянием этой «культуры» мы фактически превращаемся в Иванов, не помнящих родства. К тому же она извращает извечные моральные ценности народа.

Здесь уместным представляется привести слова известного румынского писателя, философа, историка религий и исследователя мифологии Мирча Элиаде, который совершенно справедливо утверждал, что нельзя быть человеком, не будучи творением той или иной культуры. И если ослабевает воспитательное воздействие на человека и формирование его духовного мира со стороны национальной культуры, он вовсе не оказывается в своеобразном культурном вакууме. Освободившееся место сразу же занимает агрессивная антикультура и ее спутница псевдокультура. Они умело маскируются под привлекательные для молодежи свободу от идеологии, вседозволенность и якобы выражение ее эстетических идеалов, ее устремленность в будущее. Клеймя и объявляя безнадежно устаревшими традиционные эстетические ценности и идеалы, они последовательно развращают молодежь, навязывают ей антигуманные вкусы и идеалы.

Сегодня особенно тревожной представляется ситуация с процессами формирования национальной интеллигенции. Ведь молодежь практически не читает художественной литературы. Она не знает произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, И. Я. Франко и Т. Г. Шевченко, не говоря уже о произведениях современных писателей. Одну из причин такой ситуации я вижу в том культурном застое, в котором оказалась значительная часть научно-педагогического состава высшей школы.

Массовый же характер подготовки специалистов и существенное послабление требований к научно-педагогическому составу в условиях перманентного общественно-политического, социально-экономического и духовного кризиса определяют появление ряда негативных явлений. Среди них утрата академических ценностей, усиление утилитаризма и прагматизма, свертывание общественных функций высшей школы и системы образования вообще, что, по большому счету, выступает серьезной угрозой будущему и самого образования, и общества, сохранению духовности и культуры народа. Поэтому сегодня особую актуальность приобретает задача существенного усиления гуманизации профессионального образования.

В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением Л. П. Семененко, которая подчеркивает, что «гуманизация образования предполагает единство общекультурного, социально-этического и профессионального развития личности». Задача высшей школы, по ее глубокому убеждению, состоит в формировании «личности нового типа: гуманной, постигающей и по-

нимающей высокую ценность человеческой жизни; духовной, обладающей развитыми потребностями в познании окружающей действительности; самосовершенствующейся, находящейся постоянно в поиске смысла жизни, общении с искусством, самопознании, понимании своего внутреннего мира; творческой, с развитым интеллектом, стремящейся к преобразующей деятельности, обладающей чувством нового, способной к активной жизни и творчеству» [2, с. 225]. Подготовка же такой личности требует постановки соответствующих целей самой системой образования.

Обеспечение реальных возможностей подготовки специалистов модели XXI века требует выполнения по крайней мере трех таких условий. Первым из них должен быть высокий уровень духовности каждого преподавателя, которая будет выступать действенным фактором не только надлежащего влияния на студентов, но и восстановления авторитета образования и знаний в общественном сознании. Именно она должна помочь искоренению позорных проявлений коррупции и взяточничества со стороны отдельных преподавателей (язык не поворачивается назвать их педагогами), которые превращают свою профессиональную деятельность в системе образования в выгодный и достаточно прибыльный бизнес.

Вторым условием выступает социально-экономическое возрождение Украины, без которого практически невозможно гарантировать выпускникам возможности трудоустройства, а следовательно, и необходимой мотивации активной учебно-познавательной деятельности студентов, их социализации, овладения общей и профессиональной культурой, приобщения к системе духовных ценностей и к культурно-историческим традициям своего народа.

Третьим же условием следует считать общую духовно-культурную и социально-психологическую ситуацию в конкретном высшем учебном заведении. Она определяется характером взаимоотношений в коллективе, отношением преподавателей и руководства кафедр и факультетов к студентам и преподавателям, а также уровнем и характером преподавания, особенно дисциплин социально-гуманитарного цикла. Надлежащий уровень ответственности их преподавателей, как, кстати, и преподавателей всех других дисциплин, при общем усилении требований к системе их отбора, подготовки, профессионального совершенствования и аттестации становится стержневым элементом формирования и неуклонного соблюдения такой ситуации. Она, по своей сути, формирует специфическое социально-психологическое и социокультурное пространство вуза и его подразделений.

Как совершенно справедливо подчеркивают В. С. Сенашенко, Е. А. Конькова и М. Н. Комбарова, «социально-воспитательная среда вуза – это система общественных, материальных и духовных факторов, окружающих субъект образовательного пространства, а также совокупность межличностных взаимодействий, сопровождающих его социализацию, самореализацию и саморазвитие» [3, с. 104]. Представляется здесь особенно целесообразным подчеркнуть акцентирование авторами значимости именно духовных факторов как одного из системообразующих элементов общего социокультурного пространства высшего учебного заведения, которым иногда некоторые преподаватели, к сожалению, совершенно безосновательно пренебрегают. А возможно, уровень их педагогической компетентности и культуры является недостаточным для осуществления эффективной духовно-воспитательной деятельности.

Кроме того, отсутствие системы психолого-педагогической подготовки преподавателей, особенно в технических вузах, сказывается на преобладании у них технократического мышления, которое не способствует формированию их собственной духовности и умения развивать ее у студентов. Тем более, у них недостаточно развито понимание культурно-исторических традиций и ментальных особенностей народа. В то же время, как верно подчеркивают известные украинские специалисты в области социальной философии и философии образования В. П. Андрущенко, Л. В. Губерский и Н. И. Михальченко, «национальный характер – вещь тонкая и ранимая. Рассматривать его в парадигме качества чрезвычайно тяжело. Этот феномен имеет противоречивую природу. И это понятно. Противоречивой и переменчивой является сама жизнь». При этом авторы подчеркивают, что «украинский национальный характер содержит в себе все черты, присущие каждому цивилизованному этносу, нации, народу. Вместе с тем в нем присутствуют качества, сформированные исключительно под влиянием социально-экономических, политических и общекультурных обстоятельств жизни украинцев». По мнению ученых, «именно они и определяют их образ в истории, отличный от образа других народов, или в чем-то тождественный с одним или несколькими из них» [4, с. 299].

Современная философия образования преимущественно свое внимание сосредоточивает на целях и сущности учебно-воспитательного процесса и, по моему мнению, недостаточно заботится о таких определяющих факторах его

качества, какими выступают личность педагога, его профессионализм, мировоззренческие позиции, общая и профессиональная культура и уровень педагогического мастерства. Необходимость же решения задач социально-экономического и духовно-культурного возрождения Украины и ее перехода на траекторию устойчивого развития требует формирования надлежащего кадрового обеспечения этих процессов. Сегодняшние жизненные реалии предопределяют необходимость качественно нового содержания и характера подготовки специалистов. Им нужны высокий уровень профессиональной и социальной компетентности, четкие мировоззренческие позиции, моральные принципы и убеждения, богатый духовный мир.

Сформировать же это мир без обращения к истокам культуры народа, к его культурно-историческим традициям практически невозможно. Вполне справедливо об этом пишет председатель правления Союза писателей России проф. В. Н. Ганичев. Он подчеркивает, что «мысль человеческая, да и вся наша жизнь возвращает и возвращает нас к прошлому. Мы «проигрываем» его вновь и вновь и понимаем, что все больше и больше это славянское «старое» не такое уж старое, оно требует возвращения к великим идеям прошлого, к урокам столетий» [5, с. 5-6].

В этом отношении необычайно важную роль в формировании культуры и духовного мира студентов могут играть музейные экспозиции и выставки, когда они, соприкасаясь с артефактами материальной культуры, реальными свидетельствами жизни народа, его вкусов и эстетических идеалов, начинают понимать духовные основы его жизни. Высокие жизненные ценности народа, воплощенные в систему нравственных норм и отношений, нашли выражение в народной песне и танце, в одежде и украшении жилища. Неотъемлемо связанные с вкусами и идеалами, они проявляются в казалось бы простых предметах быта. Но если внимательно присмотреться, можно легко почувствовать, что при их изготовлении мастер вкладывал в них не только свое технологическое мастерство, но и душу.

Именно такого отношения к своей профессиональной деятельности и недостает сегодня очень многим работникам самых различных отраслей экономики, науки и культуры, а также сферы управления ими. А такая ситуация неизбежно порождает непрофессионализм и дилетантство, которые в конце концов и являются глубинной причиной затянувшегося системного кризиса в общественно-политической, социально-экономической и духовно-

культурной сферах нашего социума. Он усиливается еще и потому, что бездуховность влечет за собой безответственность. Ее же опасность является гораздо более сильной, чем может представляться на первый взгляд.

Ведь сегодня мы действительно разрушаем не только окружающую природу как среду обитания человека, но и ноосферу, весь гигантский объем накопленных предшествующими поколениями знаний о мире и самом человеке. Поэтому далеко не случайно В. Н. Сагатовский подчеркивает, что «современное человечество движется пока по пути антиноосферной стратегии, на котором и были порождены глобальные проблемы, чреватые катастрофой для человеческой цивилизации и жизни Планеты». На вопрос, «что же является духовной основой этого гибельного пути?» ученый отвечает, что это «конечно же не наука и техника сами по себе, как это полагают антисциентисты, но ценности, стоящие за их неправильным использованием» [6, с. 68]. Другой известный современный российский философ С. Г. Кара-Мурза убежден, что в современных условиях, когда невозможно обеспечить надлежащее качество образования без учета последних достижений научно-технического прогресса, как никогда актуализируется задача гармоничного соединения научных знаний и духовности. Это особенно необходимо для студентов высших технических учебных заведений. Поэтому такую важную роль играют международные научные конференции по вопросам философии образования, формировании духовного мира и развития общей и профессиональной культуры студенчества, которые регулярно проводятся в Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» по инициативе ректора проф. Л. Л. Товажнянского и проректора проф. А. Г. Романовского.

Обеспечение подготовки специалиста, гармонично соединяющего в себе высокий профессионализм, нравственность и богатый духовный мир, требует в качестве одного из определяющих условий наличие личности преподавателя, признанного профессионала, истинного педагога, учителя и наставника молодежи. Поэтому его подготовка и последующая успешная педагогическая деятельность существенно зависят от его собственного духовного мира. Проявлением этого мира является отношение преподавателя к студентам и к своей профессии. Ведь воспитательное влияние на них мы осуществляем и тогда, когда казалось бы и не занимаемся специально их воспитанием и даже не думаем о нашем влиянии на формирование их личностей. Однако это влияние в значительной степени определяет уровень профессионализма, общей и профессиональной культуры,

духовности и нравственности наших выпускников, а следовательно и то, какими путями будет развиваться наша страна, каким будет ее авторитет в мире, как будет меняться жизненный уровень народа и его социально-психологическое самочувствие. Для нашей профессии, как ни для какой иной, крайне необходимо наличие одновременно двух существенно различных качеств при высоком уровне развития каждого из них.

Первым из этих качеств выступает профессиональная компетентность преподавателя и активная исследовательская работа в избранной сфере науки и техники, а вторым – педагогическое мастерство и четкая психологическая направленность на педагогическую деятельность. Очевидно, что отсутствие или недостаточный уровень развития хотя бы одного из них существенно снижает коэффициент полезного действия преподавателя, его авторитет среди студентов и, главное, его внутреннюю удовлетворенность своей деятельностью и ее результатами. Следовательно, это отрицательно скажется и на качестве подготовки специалистов, их воспитании, духовности и культуре. Это существенно осложняет возможность успешного выполнения социальных требований к системе высшего образования и удовлетворения общественных ожиданий от ее деятельности.

В то же время даже необходимый уровень развития этих качеств еще недостаточен без наличия высокой духовности, нравственных принципов и убеждений преподавателя, его общей и профессиональной культуры. Поэтому важной актуальной проблемой как философии образования, так и организации системы подготовки педагога становятся обеспечение его духовности и поиск эффективных путей ее формирования и развития. Тогда можно надеяться, что он сможет усвоить и принять нравственные ценности. Как утверждал И. Кант, «моральную ценность должно усматривать только в том, что поступок совершают из чувства долга» [7, с. 15]. Вот это чувство долга и следует привить педагогу как неотъемлемый элемент его духовного мира вообще и системы его жизненных ценностей в частности.

Эта проблема связана с необходимостью преодоления кризиса системы образования, состоящего в том, что его традиционные цели, содержание и характер не соответствуют принципиально новым реалиям сложного и противоречивого мира, требованиям постиндустриального общества с его широкой информатизацией и ускоренным характером

инновационного типа развития. Преодоление кризиса требует глубокой философской рефлексии его причин и проявлений, переосмысления предназначения образования как специфического феномена и важного общественного института. Дело в том, что только на основе результатов этой рефлексии можно сформировать новую парадигму образования, адекватную вызовам времени.

Она должна исходить из существенного усиления роли социально-гуманитарной составляющей подготовки специалистов. При этом речь во все не идет об увеличении учебного времени на изучение соответствующих дисциплин. Необходимо пересмотреть цели их изучения с обязательной их привязкой к целям, содержанию и характеру будущей профессиональной деятельности специалистов. Видение студентами практической потребности в знании этих дисциплин как одной из предпосылок достижения жизненного успеха, максимальной профессиональной и личностной самореализации уже само по себе становится мощным мотивационным фактором. Роль же этих дисциплин в формировании и развитии духовного мира студентов вообще становится сверхзадачей их преподавания.

Понимание студентами онтологического статуса образования, его гносеологических, телеологических, герменевтических и аксиологических аспектов также требует качественно нового уровня преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Без этого философия образования уже не сможет играть роль надежной методологической основы организации учебно-воспитательного процесса в высшей школе и научно-педагогической деятельности ее преподавательского состава. Без этого невозможна успешная деятельность по формированию и развитию духовного мира студенчества и его культуры, основанной на богатых культурно-исторических традициях народа. А это формирование выступает важнейшей предпосылкой духовного, а следовательно и социально-экономического возрождения Украины.

Таким образом, приведенные результаты исследований и размышлений автора и его почти пятидесятилетний опыт практической педагогической деятельности в высшей школе позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, на современном сложном и противоречивом этапе исторического развития наша страна нуждается в специалистах нового качества – высокопрофессиональных, с надлежащим развитием духовности и культуры. Во-вторых, для обеспечения качественной их подготовки необходимым условием выступает высокая профессиональная и

педагогическая культура преподавателей высшей школы. Однако без четкой системы их жизненных ценностей и духовного развития в нашем обществе будет преобладать технократический тип мышления. Поэтому чрезвычайно важной задачей всей философии образования, системы профессиональной подготовки и формирования педагогической культуры и нравственных ценностей преподавателей является формирование их высокой духовности.

Список литературы: 1. Ильин И. А. О русском национализме: Сборник статей. – М.: Российский Фонд Культуры, 2007. – 160 с. 2. Семененко Л. П. Эстетическое воспитание молодежи: новые грани // Пространство литературы – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами. – С. 225–234. 3. Сенашенко В. С., Конькова Е. А., Комбарова М. Н. Социально-воспитательная среда вуза как основа воспитания и социализации студенчества // Высшее образование в России. – 2011. – № 6. – С. 103–113. 4. Губерський Л. В., Андрущенко В. П., Михайченко М. І. Культура. Ідеологія. Особистість: Методолого-світоглядний аналіз. – К.: Знання України, 2002. – 580 с. 5. Ганичев В. Н. Беречь братские узы! // Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2011. – С. 3–6. 6. Сагатовский В. Н. Что такое гуманитарное развитие общества? // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С. 65–83. 7. Кант И. Критика чистого разума. – Симферополь: Реноме, 2003. – 464 с.

*Анатолий Долгарев
г. Харьков, Украина*

О ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Непреодолимое значение Переяславской рады заключается, прежде всего, в её объединительно-созидательном характере во имя мира и спокойствия народов, проживавших как на территории России, так и на землях, принадлежавших Украине. Имя Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого навечно вписано в историю двух народов, как созидателя и полководца, отличавшегося своей храбростью и талантом выдающегося полководца своего времени.

Отправившись сражаться на стороне французских войск против Испании, Богдан Хмельницкий приобрел не только опыт профессионального ведения боевых действий, но и увидел недостатки обеих сражавшихся армий [1, с. 57]. Бесценный опыт, приобретенный им в сражениях между французской и испанской армиями, пригодился ему в боях с польской армией, штыками которой угнеталось и безжалостно эксплуатировалось население Украины. Богдан Хмельницкий принял единственно правильное решение, отвечавшее чаяниям подавляющего большинства украинцев, уставшим от варварских набегов разного рода захватчиков, объединившись с северным соседом, присоединиться к Московскому государству. Освободившиеся украинцы впервые почувствовали прелести мирной жизни, позволившие заняться им как сельскохозяйственным производством, так и ремесленничеством. Воспевая героизм Богдана Хмельницкого, нельзя оставить без внимания и более близкого к нашему времени полководца Г. К. Жукова. Благодаря его практическому опыту планирования и проведения операции в июне-июле 1940 года во время подготовки и проведения Освободительного похода в Бессарабию и Северную Буковину, ему, командующему войсками Киевского особого военного округа, удалось сделать все, чтобы объединить украинские земли в единую Украинскую республику [2, с. 29].

С Украиной вообще и с Харьковской областью, в частности, Г. К. Жукова связывают многие обстоятельства. Свою воинскую службу в 1915 году он начал в Балаклеевском районе. В 1916 году он учился на курсах унтер-офицеров в городе Изюме, после окончания которых, в звании вице-унтер офицера отпра-

вился на фронт в нашей области, где был ранен и потом лечился в госпитале в нашем городе Харькове. Участвуя в разработке и организации контрнаступления на Курской дуге, Г. К. Жуков непосредственно руководил войсками, освобождавшими город Харьков, и выступал в качестве заместителя Верховного Главнокомандующего на митинге у памятника Шевченко 30 августа 1943 года. По мнению многих прогрессивных ученых Украины полководческий гений Г. К. Жукова в годы Великой Отечественной войны проявился в трех основных направлениях. Прежде всего, он умел предвидеть и разгадывать замыслы самых выдающихся немецких полководцев, срывая их варварские замыслы и, на основе этого, обеспечивал мощные контрнаступления советских войск. Георгий Константинович Жуков впервые понял и научился эффективно использовать возможности новых родов войск – танковых, механизированных и авиационных соединений. Благодаря новым моторным средствам ведения войны, ему удалось добиваться невиданных ранее масштабов и молниеносности проведения огромных стратегических операций. Третьей заслугой Георгия Константиновича Жукова является его умение эффективно использовать для достижения поставленных целей мощный человеческий фактор и индивидуальный человеческий потенциал, фундаментом которого было как стальное физическое здоровье, так и высокий моральный дух, объединивший вокруг себя все народы, населявшие территорию Советского Союза. 1 декабря этого года, присутствуя на родине Г. К. Жукова, где отмечалось 115-летие со дня его рождения, все участники конференции были единодушны в том, что полководческий гений Жукова стал одним из главных факторов победы наших народов в Великой Отечественной войне. Выступавшие на научно-практической конференции государственные, общественные и политические деятели единодушно отмечали необходимость подъема народных выступлений, защищающих историческую правду о Великой Отечественной войне, вообще, и правду о доблестном Маршале Победы Г. К. Жукове, в частности. На Прохоровском поле сегодня есть три символических поля, перед каждым из которых стоит памятник соответствующему полководцу: Дмитрию Донскому – перед Куликовским полем, Михаилу Кутузову – перед Бородинским, а перед Прохоровским – памятник Маршалу Победы Г. К. Жукову. Сегодня многие исследователи справедливо рассматривают основную функцию педагога в качестве функции управления познавательной активностью студента. Эта идея была положена в основу деятельности социологической лаборатории, которая была создана В. А. Лозовым в на-

шем университете в 1977 году. Педагогическая культура преподавателя, как управляющего познавательного активностью студента, всегда предполагала необходимость его нравственный примера в отношении к своему делу, как профессиональному долгу. Только в этом случае он может выполнять свою воспитательную функцию, без которой образование не исполнит своего предназначения. Патриарх сия Руси Кирилл на встрече представителей традиционных религиозных общин России с В. В. Путиным высказал настоятельную необходимость восстановления во всём образовании воспитательную функцию. «Нужно вернуть воспитательную функцию в детский сад, в школу, в университет. У нас должна быть идейная, духовная парадигма, в рамках которой бы осуществлялось это воспитание личности, ведь у нас есть ценности. У нас есть ценности – нравственная ответственность...», – сказал Патриарх [3, с. 10].

Преподавательская деятельность и школьного учителя, и вузовского профессора должна опираться на силу собственного примера, она категорически не совместима не только с возможностью его опоздания на работу или с недобросовестной подготовкой к занятиям, но, тем более, с такими преступно постыдными явлениям, как взятка, за сдачи студентами экзаменов или зачетов, так и с другими моральными и правовыми преступлениями. Профессор С. П. Сударкина подготовила прекраснейшую статью, которая называется «Педагогическое мастерство». С чувством глубочайшей признательности она вспоминает преподавателей нашего университета, которые более 50 лет назад читали предметы на её курсе. Это профессора И. М. Глазман, Я. И. Шнее, Кравец, В. М. Капинос, Дьяченко, В. Л. Бенин и многие, многие другие, которые относились к своей работе, как к высочайшему своему гражданскому долгу. Это та плеяда лучших из лучших педагогов, на которых сегодня должны равняться наши молодые преподаватели. Они всем своим отношением к коллегам, студентам и к его величеству учебно-воспитательному процессу всегда демонстрировали высочайшую педагогическую культуру и профессионализм и мы, будучи студентами нашего университета во всем хотели им подражать и сейчас стараемся быть на них похожими. Второй задачей педагога является умение показать студентам тех людей, на которых они могут и обязаны равняться в своей жизни. Педагог должен помочь студентам определиться со своим профессиональным и нравственным идеалом. Наличие у молодых людей такого идеала позволяет им эффективно реализовать свой индивидуальный

потенциал, понимая, в конечном итоге, свою ответственность не только за свои собственные поступки, но и за судьбу своих организаций, своего Отечества и Человечества в целом. Как сказал журналист Александр Леонтьев: «Настоящий суровый выбор, перед которым мы сегодня стоим, – это выбор между традиционными культурными ценностями и свободой от ценностей. Люди, бесспорно, имеют право на свободу совести. Но нужно помнить, что освободив совесть от этики и морали, мы освобождаемся и от самой совести» [5, с. Г 5]. В своей кандидатской диссертации доктор философских наук В. А. Лозовой пишет: «Самовоспитание – это детерминированная общественными условиями свободная, целенаправленная, активная деятельность личности, направленная на выработку и совершенствование её духовных и физических качеств в соответствии с общественным идеалом» [6, с. 15]. Исходя из этого определения, становится особенно понятно, почему величие образов выдающихся людей вообще и полководцев, в частности, нам необходимо раскрывать молодежи, помогая ей определиться с общественно-значимым идеалом, которой был бы ей понятным, чтобы было видно с кого и как делать свою жизнь.

Все меньше и меньше остается тех людей на Земле, которые отстаивали нашу Великую Победу. Потому все меньше и меньше молодежи знают настоящую правду о войне. Когда я в прошлом году привез подарить нашему историческому музею портрет Г. К. Жукова, то ни один, из 30 курсантов института летчиков имени И. Кожедуба, вышедших из музея, не смог узнать на портрете маршала Жукова. Когда я спросил у их командира «Почему так»? – то он мне ответил, что на стенах коридоров их военного института вывешены портреты исключительно Украинских гетьманов. Это происходит у нас в Восточной Украине, а что тогда можно говорить о молодежи, живущей на Западе нашей страны? Вот уже 20 лет все харьковские книжные магазины и рынки заполнены книгами Суворова-Резуна, который делает все возможное, чтобы разрушать мировоззрение нашей молодежи своими, а может быть и чужими сомнительными опусами. Он обогащается за развращение своих бывших молодых соотечественников. Моему возмущению не было предела, когда в одном из читальных залов Харьковского вуза на самом переднем месте выставочного стенда стояла книга З. Бжезинского, который всегда думал и мечтал только о том, как дальше разваливать многонациональную Россию. Разве можно сегодня спокойно относиться к тому, как работники искусства пытаются дискредитировать своих героев. Вышедший на экраны телевизоров

новый сериал «Жуков» показал великого полководца, «...для которого главное – не армия, не страна, которой он служит, а любовь. И поэтому можно беззастенчиво забраться к нему в постель» [4, с. 10]. Украинское отделение Международного фонда Жукова тесно сотрудничает с Харьковским отделением союза писателей России, возглавляемым секретарем Союза писателей России, членом-корреспондентом национальной Академии педагогических наук Украины А. Г. Романовским. Конференции, которые уже много лет подряд проводятся в нашем институте, являются проповедниками настоящей исторической правды. К сожалению, учебные заведения Харьковщины еще мало используют потенциал, как наших писателей, так и возможности нашего фонда Жукова для выступлений их представителей, как в учебных заведениях, так и в средствах массовой информации в целях воспитания у молодежи самой главной готовности – готовности к выполнению своего долга перед Родиной: трудового, воинского, спортивного, научного, производственного и т.д. Сегодня уже дети ветеранов стали ветеранами. Если мы не продолжим дело своих отцов и не внесем свой вклад в дело пропаганды исторической правды, то через 20 лет этой правды уже нести молодежи станет некому. В этом и есть наше с вами ратное поле битвы за историческую правду.

Список литературы: 1. Замлинский В. А. Богдан Хмельницкий. – М.: Мол.гвардия, 1989. – 336с., ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. Биограф. Вып. – 9 (698)). 2. Афанасьев В. А., Павликов А. А., Язов Д. Т. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. (Справочные материалы). – М.: «Издательская группа «Граница», 2011. – 70 стр. 3. Вернуть воспитательную функцию – Литературная газета. – №6. – 2012. 4. Александр Кондрашов. В постели с маршалом. Литературная газета. – №6. – 2012. 5. Александр Леонтьев. Время стабилизировать и время реформировать. Время сидеть и время пересаживаться. 2000. Свобода слова. 2 марта 2012. 6. Лозовой В. А. Роль самовоспитания в процессе подготовки советского специалиста: Автореф. канд. дис...– Харьков, 1976. – 28 с.

*Надія Вандишева-Ребро
м. Харків, Україна*

РЕАЛІЇ ГУМАНІЗМУ ТА ЇХ ВІДООБРАЖЕННЯ В АНТИУТОПІЯХ ХХ ст.

Проблема гуманізму, як суттєво важливої складової людського існування в соціумі, має дуже давню історію. Утім, ідеї гуманізму завжди співіснували з ірраціонально-волюнтаристськими та суб'єктивістськими упередженнями стосовно місця і ролі людини в світі. У численних художніх та художньо-публіцистичних роботах проблема гуманізму розглядалась крізь призму романтичних, критичних, реалістичних тощо оцінок дійсності.

В реалістичній літературі, притаманній сучасному динамічному, сповненому протиріч світі, гостро і визначено звучить мотив відчуженості. Визначальним чинником тут виступає стороннє нам оточення, оскільки вільний вибір оточення стає все більш утрудненим. Мотив відчуження більш відчутний на фоні попередньої «культури свободи», котра припускала можливість уникнення особистістю найбільш одіозних, на її думку, форм співіснування з «іншим». Не дивно, що саме ця відмінна риса людей, з якими ми змушені спілкуватись, найбільш ґрунтовно опрацьована в літературі постмодернізму.

Можливо, однією з причин загостреного сприйняття нашої реальності не-свободи є складність цілісного визначення дійсності, в яку повсякчас занурена людина. Об'єктивно ми практично ніколи не можемо діяти з достатньо повним знанням сукупності чинників, які визначають наші рішення. Раціональна спроба визначити наслідки спричиненого, стикається з непевним відчуттям чогось не пояснюваного, з ірраціональним внутрішнім відчуттям на кшталт «А серце мені підказує ...». Відтак, і реальне буття у повсякденні часто постає перед нами у спотвореному суб'єктивними упередженнями вигляді, що підсилюється у художніх творах, де реальне буття постає ще в більш складних, суб'єктивованих формах, що їх автори намагаються подати як зразки реалізму.

Досліджуючи проблему реалізму ми зустрічаємось зі складною діалектикою дійсного і можливого. Адже, навіть намагаючись бути максимально наближеними до дійсного, автор художнього твору свідомо чи

підсвідомо поринає у царину можливого. Навіть коли декілька авторів пишуть про події реального суспільного чи повсякденного буття, то образи, через посередництво яких вони витлумачують дійсність, виявляються напрочуд відмінними. Отже художня творчість, просякнута світоглядними упередженнями, не обмежується лише світом існуючого, а схильна примножувати різноманіття існуючого. У той же час, художня творчість філософськи-світоглядно змістовна, а тому важливо з'ясувати особливості цієї змістовності. Звідси можливі радикальні висновки, на кшталт запропонованих М. Н. Епштейном, який вважає, що філософія не повинна обмежуватись світом суцього і належного, а повинна примножувати можливі світи. Відтак, філософська мова, відповідно, «має справу з граничною мислимістю як можливістю іншого світу» [1, с. 77].

Розмірковуючи над особливостями філософсько-світоглядного відображення реальності оточуючого нас світу, який ми усвідомлюємо через художні образи, важливою є проблема змістовності літератури. Хоча, лише змістовність літературно-художнього твору – не визначальний чинник, оскільки цікавим твір робить актуальність ідеї та художні засоби її відображення. Дж. Оруел зазначав: «Часто висловлюється думка – у всякому випадку тими, хто надає особливої значущості змістовності літератури, – що книжка не може бути «гарною», відображуючи свідомо хибний погляд на життя. Нам навіюють, що стосовно сучасності кожний твір, якому притаманні справжні літературні якості, повинен бути більш менш «прогресивним» за своїми тенденціями. При цьому не зважають на те, що на протязі всієї людської історії буяли такі ж війни між прогресивними і реакційними силами, а кращі книжки в кожен епоху завжди демонстрували самі різні позиції, в тому числі свідомо хибні» [2, с. 302].

Минуле ХХ століття дало масу літературних творів, пронизаних болючим намаганням ствердження гуманізму і протистояння цинізму та волюнтаризму, серед яких відомі романи «Ми» Є. І. Замятіна, «Скотний двір» Олдоса Хакслі, «1984» Джорджа Оруела, численні твори Франца Кафки тощо. Ці романи цілком реалістичні, оскільки в них визначено і описано ряд змістовно наповнених ситуацій, мотивацій і комунікацій, які постають у футуристичному можливому світі. Узагальнення, якими сповнені ці твори, легко сприймаються як узяті з реального світу.

Джордж Оруел, коментуючи суттєве в романі Є. І. Замятіна «Ми», підкреслив, що Замятін здійснив «... інтуїтивне розкриття ірраціональної

сторони тоталітаризму – жертовності, жорстокості як самомети, обоження Вождя, якого наділено божественними рисами ...» [2, с. 308]. Сам Дж. Оруел, який написав вражаючий за рівнем проникнення в сутність тоталітаризму роман «1984», зазначив: «Погляди письменника повинні бути сумісні зі здоровим глуздом – в медичному розумінні цього слова – і з енергією дієвої думки; окрім цього, ми чекаємо від нього тільки таланту, під яким, вірогідно, слід розуміти переконаність» [2, с. 302].

Є. І. Замятін, Ф. Кафка, Дж. Оруел, О. Хакслі та інші письменники і мислителі першої половини ХХ століття відчували вже тоді, що машинна цивілізація може мати важкі негативні наслідки для людини, оскільки у відносини між людьми все частіше втручається машина. Так, у стривоженому мозку Дж. Оруела вочевидь постає картина допиту-знущання над героєм роману «1984» Уїнстоном, коли: «Без усякого попереджувального сигналу, якщо не зважати на легкий рух руки О'Брайєна, в тіло його влився біль... Він не розумів, це відбувається насправді чи відчуття викликані електрикою; але тіло його потворно звивалось і суглоби повільно розривались» [2, с. 166].

Антиутопія Оруела – це описувана ним одна з можливих форм олігархії, комуністичний режим радянського типу. Зрозуміло, що гуманістична традиція антиутопій особлива, оскільки гуманізм тут суттєво суб'єктивований. Утім, аналіз антиутопій, поява яких спричинена зазначеними вище вражаючими критично мислячого літератора антигуманними і просякнутими жорстокістю влади формами організації суспільного життя, додає певних відтінків і до переосмислення сутності людини. У своїх «Тезах про Фейєрбаха» К. Маркс піддав критиці Л. Фейєрбаха за те, що той не взяв до уваги суспільний характер буття людини, розглядаючи людину як ізольованого індивіда. К. Маркс вважав, що «сутність людини», про яку писав Л. Фейєрбах, ні за яких обставин не є «абстрактом, притаманним окремому індивіду», оскільки сутність людини – це «сукупність усіх суспільних відносин».

Ідеологи тоталітаризму мислили категоріями зухвалої самопевності. Показове твердження уособленого представника тоталітарного суспільства антиутопії О'Брайєна з «1984», який пояснює катованому ним Уїнстону Сміту силу системи: «Життям ми керуємо, Уїнстон, на всіх рівнях. Ви гадаєте, ніби існує щось, що називається людською натурою, і вона, обурена тим, що ми творимо, – повстане. Але людську природу створюємо ми. Люди безмежно податливі. А можливо, ви повернулись до

своєї попередньої ідеї, що повстануть і скинуть нас пролетарі чи раби? Викиньте це з голови. Вони безсилі, як худоба. Людство – це партія. Інші – поза – нічого не значать» [2, с. 182].

Економічне підґрунтя, джерела економічного життя суспільства в антиутопіях не суттєві. Суттєве тут панування витонченої ідеології, ідеології жорстокості і безкомпромісності, витонченого придушення індивідуальної волі, безумовний контроль над статевим життям індивідів і придушення будь-якої здатності індивіда до супротиву. Адже вартість послуг поневолених людей максимально здешевлена, а потреби, тотально контрольовані державною машиною, мінімальні: трохи їжі та мінімально комфортний побут.

Дж. Оруел бачив перспективи створюваного тоталітарного світу, зазначаючи: «Світ страху, зради і мук, світ тих, хто топче, і тих, кого розтоптують, світ, який стаючи більш довершеним, буде ставати не менше, а більше безжальним; прогрес у нашому світі буде направлений до зростання страждань» [2, с. 180]. Антиутопії демонструють ту вражаючу обставину, що в тотально організованому суспільстві неприпустима самочинна індивідуальність. Звідси – селекція особливого виду людини, людини-конформіста, яка смиренно несе свій хрест служіння вождю. Звичайно, це суперечить логіці історичного розвитку живого. Д. Лукач підкреслював: «Саме одиниця живого, як і всезагальність, є основною категорією усякого буття: немає нічого існуючого, що одночасно не було б представником свого роду (загальне) і не існувало б як окрема предметність (окреме)» [3, с. 78]. Очевидно, що людська індивідуальність – це продукт дуже високого рівня розвитку живої природи, а тому людина як індивідуальність може існувати і розвиватись лише в умовах свідомого існування.

Спостерігаючи те, що відбувалось в Європі 1920–30-х років, Оруел зробив певні висновки: «Ми існуємо серед кошмару саме з *тієї причини*, що намагались створити земний рай. Ми вірили в «прогресс», в те, що нами під силу керувати простим смертним, віддавали кесарям Богове...» [2, с. 223]. Справа ще й у тому, писав Дж. Оруел у 1948 році, що завжди знайдеться еретик, ворог суспільства для того, щоб його знову і знову принижували і перемагали. Ніколи не припиняться шпигунство, зрада, арешти, тортури, страти, зникнення людей. Світ стане світом терору. Саме з цих причин нова цивілізація буде заснована на ненависті, у ній пануватимуть почуття страху, гніву і самоприниження.

А подальший розвиток літературно-художнього процесу, свідками якого нині є і ми, свідчить, що уподобання авторів і читачів перехрещуються саме на проблемах можливого й ірреального, що примушує замислюватись над еволюцією людських інтересів і цінностей у добу панування світу віртуальних вимірів, який визначають багато чинників, а насамперед, персональні комп'ютери, Інтернет та впливові іміджмейкери та політичні діячі, які стверджують «новий» гуманізм.

Список літератури: 1. Эпштейн М. Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001. – 334 с. 2. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с., с ил. 3. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены: Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского и М. А. Хевеши. – М.: Прогресс, 1991. – 412 с.

*Ирина Глебова
г. Харьков, Украина*

РУБЕЖИ ИСТОРИИ – РУБЕЖИ ЛИТЕРАТУРЫ

Записки о Литературном фестивале в Смоленске

Автобус с писателями ехал по смоленской земле. Вопреки прогнозу Интернета погода была прекрасной: облака если и набегали на солнце, только затем, чтоб на несколько минут дать нам передышку от яркого света и зноя. Сменяющие друг друга пейзажи – поля, перелески, холмы... – навевали одно лишь определение: просторы. Вот мы сходу проскочили мост через неширокую речку, мелькнула табличка с её названием – «Лучеса». И сердце моё рванулось мгновенным воспоминанием:

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!
Здравствуй, пёстрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня,
Здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Василий Тёркин и его гениальный создатель Александр Твардовский – это их родимые места! Конечно я знала, что смоленский край – родина Твардовского, но только у речки Лучесы по-настоящему это осознала.

Именно смоленский край был избран в 2011-м году для проведения уже шестого Фестиваля литературы и искусства в Центральном федеральном округе России. И не случайно! Он проходил под девизом «Рубежи истории – рубежи литературы». А два главных исторических «рубежа» этого года – 50-летие первого полёта человека в космос и 70-летие начала Великой Отечественной войны. То и другое напрямую связано с этими местами России.

Я напомним коротко историю возникновения этих литературных праздников. Идея подобного фестиваля появилась на 12 съезде Союза писателей России в 2004 году. С тех пор фестиваль прошёл уже в нескольких

городах центра России, и каждый раз он был посвящён событию, дате или яркой личности. В Рязани – столетию со дня рождения Сергея Есенина, в Белгороде – под девизом «Мы отстоим тебя, русская речь...», в Липецке это были Пушкинские дни, в Калуге, в год Молодёжи, – «Звонкоголосая юность России». Начиная с белгородского фестиваля, на эти праздники всегда приглашаются писатели из Харькова, члены СП России. В Смоленск нас поехало трое: Анатолий Мирошниченко, Павел Гулаков и я – все члены Национального союза писателей Украины и члены Союза писателей России.

Ранним утром 21 июня комфортабельные автобусы направились из Москвы в сторону Смоленской области, в них ехало более 80 литераторов из разных уголков России, а также Белоруссии, Украины. Как было приятно узнавать известных писателей: Станислава Куняева, Александра Боброва, Ларису Баранову-Гонченко, Надежду Мирошниченко, Валентину Ерофееву-Тверскую, Бориса Орлова, Николая Рачкова, Азамата Юлдашбаева, Константина Скворцова, Николая Гребнева... С некоторыми я познакомилась в Белгороде и Липецке, кто-то приезжал к нам в Харьков на наши литературные конференции, а с Владимиром Сорочкиным из Брянска встречалась совсем недавно на съезде МСПМ в Сумах. И, конечно же, радостно было видеть среди нас Михаила Ножкина – любимого нашего артиста, певца и коллегу по Союзу писателей России. Мы ехали с ним в одном автобусе и всю дорогу пели – тем более что с нами был прекрасный ансамбль народной песни из Ельца «Червлёный Яр» (один из троих его участников, прозаик Александр Новосельцев, также член СП России). По этому поводу вместе с Михаилом Ножкиным мы вспомнили знаменитую фразу из фильма «Освобождение»... Советские войска уже ведут бои на окраинах Берлина, из рейхсканцелярии Геббельс набирает наугад телефонный номер, попадает в большой особняк, спрашивает хозяйку: «У вас есть русские? Что они делают?» И та отвечает: «Они поют». Да, в комнате сидят два офицера, одного из которых играет Николай Олялин, а второго – Михаил Ножкин, и герой Ножкина под гитару поёт знаменитую «Последний бой, он трудный самый. А я в Россию, домой хочу...»

Через два с половиной часа въезжаем в город Гжатск, который с 1968 года, после гибели первого космонавта, был переименован в Гагарин. Потому что это – родина Юрия Алексеевича Гагарина. По сути, весь город – это музейный комплекс, связанный с первым покорителем Вселенной. Интересно было побывать в залах «Музея первого полёта в космос», но род-

ной дом семьи Гагариных вызвал особенно трепетные чувства. Комната Юры... Детство многих из нас прошло в таких же скромных комнатах: стол с пачкой любимых книг, школьный пенал, пионерский галстук на спинке стула... И даже новый дом, стоящий тут же, рядом со старым, подаренный правительством страны родителям Гагарина после его полёта в космос – он такой же скромный и непричудливый, какими были и сами эти простые советские люди. Я ходила по этим комнатам, сохранившим настоящую обстановку семьи – здесь жили родители самого знаменитого человека Мира, сюда постоянно приезжал он сам, – и думала... Какая слава была у Гагарина, какая огромная любовь людей всей Земли! А он всегда оставался скромным, совестливым и простым. Михаил Ножкин, который крепко дружил с Юрием Гагариным, вспоминал и рассказывал нам у памятника космонавту: «Мы с ним должны были выступать в одном рабочем клубе. Я стою на крыльце курю, смотрю: Юра бежит бегом. Спрашиваю: «Чего бежишь?» А он отвечает: «Так ведь опаздываю! Люди скажут: Гагарин зазнался, заставляет себя ждать...» А нынешние так называемые «звёзды шоу-бизнеса» – что они по сравнению с Гагариным! Пыль! А не могут «наестся» квартирами, пентхаузами, особняками, капризничают, приезжая на гастроли: не такой лимузин им подали, не такой номер в гостинице!..

Дальше наш путь в Смоленск лежал через ещё одно прекрасное место этого края – усадьбу «Хмелита» – родовое имение семьи Грибоедовых. Поражающее воображение красотой и размерами дворянское поместье: дворец с анфиладами залов и комнат, каскад лестниц, спускающихся в сад... Поражают и масштабы реконструкции, и средства, отпущенные правительством края на неё. И вновь напоминание: истинные таланты всегда скромны и самоотверженны. По родовитости, по состоянию своему Александр Грибоедов мог вести жизнь элитного прожигателя жизни. Но он учился и трудился на благо Отчизны. Что мы помним из школьной программы: Александр Сергеевич Грибоедов – писатель одной книги, пьесы «Горе от ума». Но этот блестящий рифмованный шедевр до сих пор не сходит с театральных сцен, а сам Александр Грибоедов – настоящий «вундеркинд», – в 15 лет окончил словесный факультет Московского университета. Потом – ещё два факультета, знал в совершенстве 12 иностранных языков, в 17 лет, когда началась Отечественная война 1812 года, добровольцем вступил в гусарский полк... Он служил России в дипломатических миссиях Тифлиса, персидского Тегерана. И погиб, когда толпа рели-

гиозных исламских фанатиков разгромила русскую дипломатическую миссию в Тегеране. Погиб как герой, с саблей в руке. Его изуродованное тело вывезли в Тифлис и погребли на горе Мтацминда в гроте при церкви Святого Давида. Юная княжна Нина Чавчавадзе, ставшая всего лишь полгода назад женой писателя, поставила ему памятник с надписью: *«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»*. Какая насыщенная делами и смыслом жизнь, длившаяся всего 34 года!..

Как всегда бывает на таких праздниках, состоялся Пленум Союза писателей России. Проходил он в Смоленской областной универсальной библиотеке имени А. Т. Твардовского. Вёл Пленум председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, рядом с ним находился губернатор Смоленской области Антуфьев Сергей Владимирович. Много писателей выступило, все говорили очень интересно – остро, современно, актуально. Вспомню фрагментарно несколько.

Валерий Ганичев назвал «Три урока литературы», которые она вынесла из войны и Победы. Первый: сразу с первых дней нападения, без всяких указаний сверху, в писательских выступлениях, стихах стали мощно звучать слова «Родина», «Россия», «Священная война». И это имело большое значение, ложилось на умы и сердца людей. Второй: появление в произведениях героя-патриота – воина, подпольщика, партизана. Поэма Маргариты Алигер «Зоя» была написана в 42-м году, через несколько месяцев после гибели Зои Космодемьянской, по горячим следам её короткой жизни и героической смерти... В сентябре 42-го началась публикация первых глав поэмы «Василий Тёркин». Она имела такой успех, что когда Твардовский в 43-м году хотел завершить поэму, он стал получать множество писем – читатели требовали продолжение!.. В 43-м году в газете «Правда», вскоре после освобождения донецкого Краснодона, была опубликована статья Александра Фадеева «Бессмертие». А вскоре, на её основе, он начал писать свой знаменитый роман «Молодая гвардия»... Валерий Николаевич Ганичев спрашивал современных школьников – никто из них не читал «Молодую гвардию»... И третьим уроком В.Ганичев назвал «ненависть» – чувство, которое так же сильно звучало в военных произведениях. Иначе и быть не могло, если вспомнить хотя бы один факт: 593 тысячи (19 Бухенвальдов!) мирных жителей Смоленска было убито фашистскими оккупантами. Вот почему звучало у Симонова «Сколько раз ты его увидишь, столько раз и убей»,

у Светлова «Я стреляю, и нет справедливости справедливее пули моей», рассказ Шолохова «Наука ненависти»... А какова сила талантливое Слово, мы знаем.

Станислав Юрьевич Куняев (не могу удержаться, чтобы не сказать: с юных лет Станислав Куняев – мой любимый поэт) рассказал, что в 6-м номере журнала «Наш современник», главным редактором которого он есть уже много лет, дан обзор Ганичева всей литературы войны, которая помогла Победе. И что губернатор Белгородской области Евгений Степанович Савченко, прочитав этот материал, попросил увеличить тираж журнала для того, чтобы он был в каждой школе Белгорода и области. Рассказал С.Куняев и о том, что подготовил большое собрание стихов современных поэтов о Сталине. Написаны они не в эпоху «культы личности», не в годы войны, не во время хрущёвской «оттепели» или брежневского «застоя». Написаны стихи в последнее двадцатилетие – во время огульного антисталинизма. Эти мужественные стихи русских поэтов отстаивают честь отечественной литературы и истории.

Лариса Георгиевна Баранова-Гонченко, один из самых известных публицистов и критиков, статс-секретарь СП России, страстно и вдохновенно говорила о том, что не должно нам стесняться своего советского прошлого. Мы победили в страшной войне потому, что до войны пели «На границе тучи ходят хмуро...», потому что школьники читали «Войну и мир», «Два капитана», потому что ещё до войны дети гордились отцами-«испанцами». А ещё потому, что на Красной площади стояли Минин и Пожарский, потому что маршал Жуков всю войну возил в машине икону Казанской Божьей Матери. И если завтра грянет новая война, мы победим только если «звёзды» не будут бояться «крестов»...

О войне и Победе говорил писатель, автор многих книг поэзии и прозы, моряк-фронтовик Михаил Матвеевич Годенко. Удивительный человек: ему 92 года, а он энергичен, мобилен, разговорчив, улыбчив! Он вручил Валерию Ганичеву копию Знамени победы, тот принял его вместе с Николаем Ивановым, писателем и офицером, прошедшим Афганистан, Чечню и недавнюю «горячую точку» – Цхинвал.

Писатель Владимир Фомичёв предложил увековечить память жителей деревень, сожжённых немцами на оккупированной смоленской земле. Он представил нам единственного чудом уцелевшего жителя деревни Новая Борьба, в которой заживо сгорели 270 человек – Петра Бычкова.

А потом – возложение цветов к прекрасному памятнику «Александр Твардовский и Василий Тёркин»: автор и его литературный герой сидят и беседуют, улучив момент затишья между боями... Вместе со смолянами 22 июня, ровно в четыре часа, со свечами писатели Крестным ходом прошли к Поклонному кресту перед Успенским собором Смоленского кремля на берегу Днепра, отслужили вместе с батюшкой поминальную литию по всем погибшим в годы Великой Отечественной войны и пустили на плотках по течению Великой реки свои свечи. А через несколько часов писательские бригады разъехались по Смоленской области – встречаться с читателями небольших городков и населённых пунктов.

Нас ждали учителя, работники библиотек, студенты и старшеклассники в городе Сафоново. Нас – это Владимира Сорочкина из Брянска, Елизавету Иванникову из Волгограда, Николая Игнатенко из Томска, москвичей Николая Иванова и Николая Беседина, и меня, харьковчанку. Нас принимали не просто тепло – радостно, слушали с таким вниманием и пониманием, трогательно волновались юные поэты, читавшие нам свои стихи. Интересно, что город Сафоново один из самых молодых городов Смоленщины: он был образован в 1952 году. А вот библиотека, в которой мы выступали уже отметила свой 100-летний юбилей! В деревне Сафоново и пристанционном посёлке Дорогобуж ещё в 1906 году, в здании пожарной сельской дружины, была открыта общественная библиотека на частные средства.

А завершился фестиваль на родине Александра Твардовского. Сначала ребята из народного театра в райцентре Починки, прямо перед памятником А. Т. Твардовскому, мастерски и задорно сыграли для нас отрывки из «Василия Тёркина». А после все поехали на хутор Загорье, который был восстановлен братьями любимого нами поэта – Константином Трифоновичем и Иваном Трифоновичем. Дом, кузница, где работал отец поэта, банька, колодец... Наверное не было ни одного из нас, писателей, кто бы не попил водицы из этого колодца!

На поляне у мемориального камня пели чудесные народные песни – причём песни именно смоленского края, – два фольклорных ансамбля из ближайших деревень. А когда концерт подошёл к концу, поднялся Михаил Ножкин. «Друзья, – сказал он. – Сегодня такой день! 22 июня! Давайте вместе споём «Последний бой»!» Что тут произошло! В едином порыве его окружили и писатели, и самодеятельные певцы – все, кто был в тот момент в Загорье. Заиграли баяны, гармони, гитары, подхва-

тивая мотив знаменитой песни. А вместе с Михаилом Ножкиным, автором и исполнителем её, вдохновенно запели все. Рядом с Михаилом Ивановичем встал Валерий Николаевич Ганичев, их голоса, усиленные микрофонами, задавали тон. Да, воистину это был прекрасный финал литературного патриотического праздника!

Как всегда бывало в таких поездках, я привезла с собой целую библиотечку книг моих друзей и коллег. Это самый ценный подарок для меня. Только что вышедшая у Станислава Куняева новая остро-публицистическая книга «Жрецы и жертвы Холокоста». Её можно принимать или не принимать, но её фактаж, как всегда у Куняева, неопровержим... И тоже только из печати интереснейшая книга Валерия Хайрюзова «Юрий Гагарин. Колумб Вселенной». Она читается, как увлекательный роман, в ней столько много новых неизвестных фактов, документов, свидетельств... Книги лирических и гражданских стихов Валентины Ерофеевой-Тверской, поэтессы из Омска, хорошо известной в России... Небольшая книжка стихов совсем молодого поэта Василия Попова. Молодого по возрасту, но парнишка этот из города Ангарска уже член Союза писателей России, лауреат Всероссийской поэтической премии «Соколики русской земли», Славянского литературного форума «Золотой Витязь». «Лети, лети, душа моя...» называется этот сборник. Не хочу предсказывать будущее этого поэта, скажу лишь, что Вася пьёт из того же родника, который утолял Сергея Есенина, Николая Рубцова.

НЕ ДИССИДЕНТЫ, БОЖЕ УПАСИ!

(Моя жизненная позиция)

Двадцать лет новые идеологи нового государства, нового социального строя и нового национального мышления вдалбливают нам в головы, что мы – быдло. Мы, это те, чьи деды – полуграмотные или совсем неграмотные красноармейцы от сохи или из фабричных бараков – делали революцию. Чьи отцы-рабфаковцы пять лет в окопах Великой Отечественной войны защищали Родину и мировую цивилизацию. Они тоже были быдло, «просвещают» нас: красноармейцы убивали беззащитных и благородных белых офицеров, фронтовики прошли своим грубым солдатским сапогом по цивилизованной Европе, которая счастливо жила при гитлеровском немецком порядке...

Ну а мы быдло, потому что пели «неправильные» песни в пионерских лагерях, ходили на «коммунистические» демонстрации, работали «за гроши», брали от власти «подачки» виде бесплатного обучения, бесплатного лечения, и чувствовали себя счастливыми. Это вместо того, чтоб писать обличительные письма на радио «Свобода», слушать по приёмнику «Архипелаг ГУЛАГ». Вот те – герои, а мы – быдло.

И ведь сумели многих убедить – хороших психологов готовят в заокееанских далях. Ощущение своей «второсортности» обернулось такой жизненной апатией, что страшным бумерангом хлестнуло по нашим детям – целому поколению потомков этого «быдла». Алкоголизм, наркомания, преступность, проституция... Что ещё?

Я не говорю о себе, я с самого начала была среди тех немногих, кто понимал, что происходит. Не представляя до конца результата, всё же чувствовала – идёт страшная навала. Когда в середине восьмидесятых годов появился Горбачёв со своим «ускорением», «новым мышлением» и «перестройкой», я сразу сказала одному своему коллеге-писателю: «Откуда он взялся на нашу голову!» и услышала в ответ удивлённое: «Да что ты, это же гений, это же мессия! Он нас всех спасёт!» Интересно, что мой коллега сегодня отказывается от этих слов: «Нет, я такого не говорил!» Он искренне не помнит того своего восторга... Так же никогда не верила умелому оплёвыванию в средствах массовой информации – начиная с «Огонька» Коротича, – нас, советских людей. Знала, что это умышленная, а значит – подлая ложь. И всё-таки состояние угнетённости испытывала много лет. А вот недавно, впервые за все последние годы, испытала гордость, прочитав всего лишь одно стихотворение Дианы Кан. Она – одна из наиболее любимых и читаемых сегодня поэтов в России, ученица великого поэта Юрия Кузнецова. Я лично знакома с Дианой Кан, у меня есть подаренная ею книга. Но вот недавно на сайте «Поэзия сопротивления» я прочла неизвестное мне стихотворение... Что значит мощь таланта, сила владения словом!

* * *

Покуда брюзжало тайком диссидентство в курилках, на кухнях за сытным столом – смеялось-искрилось счастливое детство, и синие ночи взвивались костром. Оно отсмеялось, оно отыскрилось. Подернулось горестным пеплом утрат... И не объяснит, как все это случилось уже не товарищ, не друг и не брат. Ужель нас за то упрекнете? Едва ли! Вы, дети ве-

ликой и страшной войны, что не холодали мы, не голодали, что звонко смеялись и в ногу шагали, что самое лучшее время застали мы – дочери ваши и ваши сыны. Вот так и живем с ощущением утраты огромной страны, превращенной в туман... Мы не диссиденты и не демократы. Мы – дети рабочих и внуки крестьян. Не ждите от нас покаянья – пустое!.. В своей ностальгии отнюдь не вольны мы – дети советской эпохи застоя – желанные чада великой страны.

Вот это: «Мы не диссиденты и не демократы, Мы – дети рабочих и внуки крестьян» – полыхнуло горячим жаром в груди. Я повторила это вслух, и рука сама рубанула воздух! И слёзы выступили на глазах, слёзы радости и гордости. Да, не демократы – слава Богу! Не диссиденты – упаси Господь! Дети рабочих и внуки крестьян – как это прекрасно!

ХОРОШО, ЧТО ВЫБОР «Є»

В центре Харькова, в самом начале улицы Сумской, не так давно появился ещё один книжный магазин. КНИГАРНЯ «Є». Я побывала там впервые на презентации книги моего коллеги-писателя, и получила истинное удовольствие. От самого магазина, от созданной здесь атмосферы, от того, как продуманно, с любовью и по-современному всё здесь устроено.

В первую очередь это, конечно же, книжный магазин: можно часами ходить вдоль стеллажей, переходя из отдела в отдел, и всё равно не освоить всего, что представлено. Но существует здесь и уютный небольшой зал для презентаций книг, встреч с писателями, собраний творческих клубов...

Отдел детской книги заполнен отлично изданными книгами для подростков, для малышей, и здесь же – место где дети могут поиграть, где им почитают книги. Есть музыкальный отдел, нём можно прослушать или посмотреть тот диск, который хочешь купить. Конечно же, – бесплатный Интернет, куда нынче без него, если даже в обычных библиотеках он существует. И – последнее веяние времени, – буккросинг. Название не всем ещё знакомо, потому дам разъяснение: так называемое «освобождение» книги. То есть, прочитал хорошую книгу (или не очень, которую не жалко), оставь её в людном месте – на лавке в парке, в метро и т.п. – пусть прочтёт другой.

Мне не раз приходилось видеть, как в современных больших книжных магазинах молодые люди, став в уголке или присев на корточки у

стеллажей, читают взятую тут же книгу. У моей дочери есть друг, который в «Books» садится на пол и часами читает книги. Никто не возражает, это как бы уже в порядке вещей. В книгарне «Є» пошли ещё дальше. Здесь просто устроено небольшое кафе, можно, взяв чашечку кофе, взять с полки и книгу – сидеть, пить, читать. Цивильно, по-европейски. А как иначе: ведь учредитель сети этих книжных магазинов с названием «Є» – австрийская медиакомпания.

А это и в самом деле целая сеть магазинов по Украине, причём, как и в Харькове, во Львове, в Одессе, в Киеве и так далее – в самом центре этих городов.

Есть у «Є» ещё одна особенность – это магазин украинской книги. То есть, не той «украинской», которая написана в Украине и писателем, живущим в Украине, а книги конкретно на украинском языке. Такого большого магазина, где все стеллажи заставлены книгами на украинском языке – художественная литература самых разных жанров, юридическая, педагогическая, медицинская, кулинарная... – мне видеть ещё не приходилось. Ну... может, только в советские времена. Тогда книжные магазины, а их было по городу множество, предоставляли в основном книги на украинском языке. В те времена книгу на русском языке можно было достать лишь на «чёрном» книжном рынке у спекулянтов втридорога, или по большому «блату». За подписками классиков очереди выстраивались ночами. Но на украинском языке в свободной продаже было очень многое – и Майн Рид, и Хемингуэй, и Сервантес... В отличных переводах. Не говоря уже об украинских классиках и современниках...

Знаю, что современной молодёжи об этих тонкостях жизни при «тоталитарном» режиме не рассказывают. Наоборот: только и слышно о притеснении, гноблении, гонении... У моего любимого поэта Станислава Куняева есть такие строки:

Какой-то тип вещает мне
С акцентом в каждой вещи фразе
Всю правду о моей стране,
Как будто я живу на Марсе.

Так вот, я в самом деле жила не на Марсе, а в Советском Союзе, и всё это происходило на моих глазах. Ясное дело – не демократичный был

тогда режим, проводил политику поддержки национальных культур без учёта региональных особенностей. Раз Украина – вся пресса на украинском языке! И на западе страны, и на востоке. Тогда этим озабочивалась Москва, а теперь, как я понимаю – Вена... Между прочим, газеты в Харькове тоже были все украинские, за исключением одной-двух. Даже заводские многотиражки. Я это тоже знаю лично: десять лет проработала в редакции газеты «Темп» ХТЗ, писала и коротенькие информации, и большие очерки на украинском языке.

Да, от изучения украинского можно было легко освободить ребёнка в школе. Что было, то было, и я с этим тоже столкнулась. Когда моя старшая дочь Даша училась в четвёртом-пятом классах, у неё были сильные головные боли. Сами учителя предложили нам, родителям: «Освободите девочку от украинского, ей будет легче учиться». Я, мать, жалея ребёнка, склонялась к этому, но мой муж, поэт и художник Владимир Глебов (между прочим, чистый «русак»: архангельско-тульско-орловский парень) категорически сказал: «Нет! Как можно, на Украине живём!»... Дарья, закончив истфак, преподавала в школе историю на украинском языке...

Но я отвлеклась, мы говорим о литературе, о книжных магазинах. Я рада, что в наше демократическое время есть паритет. Сеть книжных магазинов «Є» («выделяется среди большинства книжных сетей тем, что продвигает собственный, украинский продукт»). И сеть других книжных магазинов («целенаправленно продвигают русскую книгу») Это не я так принципиально их разделила: процитировала **ОПИСАНИЕ** с сайта харьковской книгарні «Є». И если читатель, без сомнения, выберет Пушкина, Лермонтова, Булгакова или фантастику Ивана Ефремова на русском языке, а Шевченко, Лесю Украинку, Загребельного или Андруховича на украинском, то на каком языке читать Шекспира, Стивена Кинга или Гарри Поттера – он решит сам. Слава Богу, выбор есть. Тобто, «Є».

Место, где находится книгарня, мне хорошо известно – впрочем, как и многим харьковчанам. Долгие годы здесь работал ресторан «Люкс». Я его помню потому, что там можно было видеть одну из первых работ мастерской художественнойковки «Левша», которую в 90-е годы создал Владимир Глебов: красивые кованые входные двери. Но не только поэтому. Было на Сумской два места, особенно любимые писателями: кафе-автомат («Пулемёт», как мы говорили) и ресторан «Люкс». В «Пулемёт» забегали постоянно – там было попроще, подешевле. Ну а

если случался гонорар, да ещё за вышедшую книгу, – это, конечно, уже был «Люкс»! Гонорары, и приличные, мы получали за публикации в газетах, журналах, за выступления по радио или ТВ. А вспоминать гонорары за книги можно только с ностальгическим вздохом: даже за тоненькую книжку стихов, изданную в харьковском «Прапоре», можно было безбедно жить целый год... Так что в «Люкс» заглядывали. Раза два и мне довелось там быть...

И вот теперь на том же месте есть возможность вновь собираться писателям. Это символично. И очень хорошо, что не за хмельным столом, а за чашечкой кофе, за разговором или даже дискуссией о творчестве.

СТРАТЕГІЇ ВИКОРИСТАННЯ ЗАСОБІВ МУЗИЧНОЇ ВИРАЗНОСТІ ЯК УМОВА УСПІШНОЇ ІНТЕГРАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ У НАВЧАЛЬНИЙ ПРОЦЕС З АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Мова – це потужний сплав історичних, культурних, соціальних і суспільних явищ, і кожне її окреме явище може бути використано в контексті навчання іноземної мови для розвитку мовних навичок і умінь, а також для формування світоглядних основ особистості. Таким чином, лінгвістичне повинно розглядатися з точки зору естетичного, культурного, духовного.

Все частіше і частіше увагу викладачів англійської мови приваблює такий всеосяжний вид мистецтва як музика. З точки зору особистісного росту юнаків музика несе в собі величезну духовність, енергетичний заряд та емоційну насиченість, що дозволяє створити натхненну атмосферу на занятті. Вікова прихильність до музики студентів підсилює мотиваційну сторону її використання у навчанні. З лінгвістичної точки зору мовлення і музика мають однакові параметри: інтонацію, наголос, фразову будову, паузи, висоту тону. Така схожість пояснюється тим фактом, що основою музики і мовлення є те саме фізичне явище – звук.

Так, Д. Коннолі [2, с. 8–10], виділяє сім основних мовленнєвих явищ, від яких залежить спосіб говоріння англійською мовою: *pitch, stress, intonation, elision, rhythm, pulse, pause*. Щоб допомогти студентам зрозуміти як працюють ці явища, він пропонує звернутися до музичних інструментів і з їхньою допомогою відкрити природу говоріння англійською мовою. Практично запропонований Д. Коннолі набір мовних явищ включає в себе всі складові музичного твору.

Таким чином, звуки мови і музики пов'язані один з одним. «*The music is a crucial factor in speaking*», – пише Jeremy Harmer. Видатний музичний критик О. Серов, характеризуючи специфічні особливості музики, що відрізняють її від інших видів мистецтва, підкреслив, що «музика взагалі доповнює поезію, підкреслює те, що словами не можна, або майже не можна висловити. Ця властивість музики складає головну її принадність, головну чарівну силу ... Вона – безпосередня мова душі». Такий вплив на

свідомість людей пояснюється різноманітними виразними засобами і складовими елементами музичного мистецтва. До їх числа належать: мелодійна природа музики, ладова та ритмічна організованість звуків музичної мови, багатоголосий склад, темп виконання, високі і низькі звукові регістри, темброве забарвлення, динаміка розгортання музичного звучання у часі, характер будови кожного твору.

Методисти неодноразово підкреслювали взаємопов'язаність звуків мови та музики між собою, наприклад Ю. І. Пассов вказував, що «правильні звуки – це ще не все. Головне у мовленні – інтонація, мелодія, з якою вимовляється фраза. Саме інтонація і передає все головне, що хоче висловити людина» [1, с. 131]. Отже, зазначені фактори дають нам підстави для використання стратегій музики у навчанні іноземних мов, а саме стратегій **різної висоти тону, темпу та динаміки вимови, ритмізації, мелодизації**. Цікавим є той факт, що ці стратегії можуть бути досить ефективними у навчанні виразному читанню поетичних творів, коли члени групи працюють як оркестр, а викладач виконує функції диригента, показуючи кожній групі оркестрантів час, коли треба вимовляти фразу, її інтонаційний хід, силу звука, власним натхненням запалюючи.

Використання музичних виразних засобів дає можливість реалізувати такі цілі:

- усвідомлення звукової палітри створених поетом образів;
- розвиток виразного виконання;
- змістовно-інтонаційне осмислення тексту;
- естетична насолода звуками поезії, що сприяє духовному зростанню студентів.

Для ефективної реалізації залучення музичних виразних засобів ми на прикладі вірша Едгара По *The Bells* покажемо використання стратегій динаміки, темпу вимови, висоти тону. Очікуваним результатом буде **виразне виконання поетичного твору**, коли група працює як цілий оркестр, а викладач виконує функції диригента, вказуючи кожній групі оркестрантів на час, коли необхідно вимовити фразу, її інтонаційний хід, силу звуку, з якою її слід вимовляти. З виразних засобів будуть використані динамічні відтінки: *p* – тихо, *mp* – не дуже тихо, *mf* – не дуже голосно, *крещендо* – посилення сили звуку, *димінуендо* – зменшення сили звуку. Викладач повідомляє студентам, що збирається залучити їх до експерименту зі звуками. Він роздає учасникам текст вірша – своєрідну партитуру, в якій вказані динамічні

відтінки та умовні імена «музикантів» згідно літер алфавіту, а також вид виконання: сольне – А, В, С, дует АВ, CD і тутті оркестр – All.

The Bells

Instruction. CELEBRATE POETRY! Your group is a choir. Your names are **A, B, C, D, E, F, G**. Your teacher is a conductor. Recite the poem *The Bells* by E. Poe one by one, in pairs or all together as it is shown below. Remember musical nuances.

A Hear the sledges with the bells –

ALL forte Silver bells!

B What a world of merriment

Their melody foretells.

C How they tinkle, tinkle, tinkle

D In the icy air of night!

E While the stars that oversprinkle

F All the heavens seem to twinkle

G With a crystalline delight,

AB Keeping time, time, time

CD In a sort of runic rhyme,

EF To the tintinnabulation

That so musically wells

(A)From the BELLS, (B) BELLS, (C) BELLS, (D) BELLS,

(E) BELLS, (F) BELLS, (G) BELLS

ALL forte

From the jingling and the tinkling of the bells!

Без попереднього пояснення вчитель читає текст та пропонує вслухатися в його звучання. Після ознайомлення з віршем, має місце приблизно наступний діалог:

Teacher: Яке слово було незвичним у вірші?

Students: Tintinnabulation.

T.: Tin - tin - abu - lation. Що на вашу думку це слово означає?

Ss.: Звуки дзвіночків.

– Чи є у вірші ще слова зі складом tin?

- Tinkle
- Які ще слова мають сполучаються зі словом Tinkle?
- Tinkle-jingle-oversprinkle.
- Так. І всі вони нагадують звуки дзвіночків.
- Яку назву має такий художній прийом?
- Звуконаслідування (Імітація).

Таким чином, студенти сприймають звукову палітру вірша без попереднього перекладу. Далі викладач наголошує їх музикантами оркестру та розподіляє, хто буде музикантом А, музикантом В і т.д., пояснює послідовність вимови фраз та умовні позначення, виділяє фрази, які слід вимовляти разом, окремо зосереджується на останньому вірші, де слово Bells вимовляється начебто нанизуються буси із поступовим залученням усіх учнів та підсиленням і підвищенням сили звуку та завершується Tutty всього оркестру. Динаміку виконання цього рядка можна варіювати, наприклад, використовуючи ефект дзвіночка, що наближається та віддаляється. У цьому разі останній рядок виконується таким чином: Bells Bells Bells Bells Bells Bells Bells Bells... Репетиція та концертне виконання завершують роботу. Вчитель та студенти представляють собою єдине творче ціле. Описаний вид діяльності, займає 15–20 хвилин робочого часу, але він вносить свіже дихання у навчальний процес, вмотивовує студентів використовувати стратегії музики та показує, що вони засвоюють лексичні одиниці невимушено, не помічаючи, що вони вчаться. Додасть мотивації також пов'язування ефективності використання цієї стратегії у майбутній професії, оскільки багато популярних професій потребують майстерного володіння своїм голосом у процесі спілкування:

Teacher: Colouring your speech with the use of musical nuances such as *forte*, *piano*, *mezzo-forte*, *mezzo-piano*, *crescendo*, *diminuendo* while reciting a poem or reading a text will help you in your future carrier as a lawmaker in order to promote a law, as a teacher for successful explanation, as an actress for giving subtle nuances for your speech and being so impressive before the audience. Використання стратегій музики допомагає розвивати творче мислення у процесі засвоєння лексичного і граматичного матеріалу. Вважається, що найважливішою особливістю творчого мислення під час засвоєння іншомовного матеріалу є вміння подолати «однолінійність» мислення, застосувати різноманітні прийоми і засоби навчання. Американський психолог

Дж. Гілфорд, автор розширеної концепції інтелекту, вказує, що творче мислення, пов'язане з домінуванням у ньому чотирьох особливостей: оригінальності, гнучкості, образності і спонтанності.

Отже, стратегії музики сприяють розвитку творчого мислення, що допомагає ефективному засвоєнню мовного матеріалу, поглиблює розуміння стилістики лінгвістичних засобів художнього твору, а також розвиває повноцінну самодостатню особистість.

Список літератури: 1. Білоножко Н. The English Language, Poetry and Music / Наталія Білоножко // Innovative approaches in teaching English. Second International conference / Збірник статей. Дніпропетровськ : Видавництво НГА України, 1998. – С. 258–260. 2. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, – 1985. – 223 с. 3. Connolly D. The Musicality of English Language / David Connolly // IATEFL Issues. – 2010. – № 154. – P. 8–10. 4. Harmer J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer –Longman. – New Edition. – L., and N.Y. : Longman, 1997. – 196 p.

*Георгий Геращенко
г.Харьков, Украина*

РАСКОЛ ПРАВОСЛАВИЯ НА УКРАИНЕ – 20 ЛЕТ ТРАГЕДИИ

*«Не всяк монах на ком клобук».
Русская пословица.*

Дни Пасхи 2007 года еще раз ясно показали истинные истоки церковного раскола православия на Украине. Ющенко, который под чутким влиянием Тимошенко планомерно осуществлял очередной «помаранчевый» переворот, выделил специальный самолет для доставки священного огня, но только для униатов, филаретовских раскольников и прочих «правильных патриотических» религиозных организаций. Поэтому законная и всеми признанная Украинская Православная Церковь и Митрополит Владимир были вынуждены организовать доставку святого огня самостоятельно. Это деяние Ющенко совершенно четко расставило все точки над «и», показало его истинное отношение к Востоку и Югу Украины. Не секрет, что здесь и филаретовцы, и униаты практически не имеют ни прихожан, ни реального влияния.

«Помаранчевый» демарш с доставкой Святого огня хороший повод, чтобы рассказать населению о разнице между филаретовскими раскольниками и канонической Украинской Православной Церковью. Для людей истинно верующих, а не стихийно следующих в струе модного религиозного рвения постсоветского периода, это важно особенно.

1988 год, юбилейную дату крещения Руси, все православное население Советского Союза, в том числе и на Украине, встретило в едином благоговейном воодушевлении. Филарет, тогда законный митрополит Киевский и Галицкий, ни о каком расколе единой Русской православной церкви даже не помышлял, в украинской «национальной свидомости» замечен не был. Больше того, до 1991 года, во время разрушительного урагана горбачевской перестройки, не к ночи будь помянута, неоднократно высказывался против униатов и автокефалистов, поднявших голову в западных регионах УССР.

Вот его слова об УАПЦ (т. н. Украинской автокефальной православной церкви): «Так называемая УАПЦ не имеет канонической преемственности с Киевской митрополией. Она не имеет связи ни с Киевской митрополией, ни с одним Православным патриархатом. Поэтому я считаю, что

УАПЦ действительно независима, однако от всего Православия. Это та сухая ветвь, которая отломилась от живого дерева нашей веры. ...Все так называемые «священнодействия», которые совершают священники и епископы этой «церкви» – безблагодатны. Его название (Мстислава Скрипника) – Патриарх Киевский и всея Украины – это насмешка над церковью, потому что никто не может сам себе присваивать высшее достоинство. УАПЦ самочинно возвела себя в достоинство Патриархата. Верующих т. н. УАПЦ мы призываем придерживаться святых канонов и не разрывать Православную церковь в Украине на две части» («Православный вестник», 1991 год, 1, с. 10–13).

Самое главное, что на сегодня все, им сказанное полностью относиться к нему самому и т. н. УПЦ КП (Украинская православная церковь Киевский Патриархат).

Все изменилось в июне 1990 года после избрания нового Патриарха Русской православной церкви в связи со смертью Патриарха Пимена. Уже на тот момент репутация Филарета как властолюбца, грубого и деспотичного человека по отношению к подчиненным, не была секретом и сыграла свою роль на результате голосования. Как и о. Патриарха, он рассчитывал после Поместного Собора отбросить приставку и возглавить РПЦ. Но Собор его фактически прокатил, и Патриархом стал Алексей Второй. С этого момента и начинается подготовка к расколу православия на Руси ради усиления личной власти. И использовал он для этого благоприятную политическую обстановку уже неизбежного распада Советского Союза.

Филарет немедленно озаботился подготовкой кампании по получению широкой автономии в управлении церковью на территории УССР как этапа, и уже в октябре 1990 года на Поместном соборе РПЦ она была дарована. Так появилась Украинская Православная Церковь во главе с Филаретом, митрополитом Киевским и всея Украины. Это фактическая независимость от Москвы во всем: митрополита по своему усмотрению избирает Собор УПЦ, появляется свой Священный Синод, собственная система кадров, свое управление, в т. ч. и финансовое. Связь остается только лишь духовная: молитвенное общение, поминовение Патриарха за богослужением, получение святого мира (елей для миропомазания, крещения). Еще на московских Соборах обязательно присутствуют представители УПЦ.

Об этом же говорится в увещательной телеграмме Предстоятеля РПЦ от 26 мая 1992 года раскольнику Филарету: «Для блага нашей общей

Матери-Церкви, в подлинных интересах УПЦ взываю к Вам, Владыко, примите со смирением решение Священного Синода, полностью отвечающее духу и постановлениям Архиерейского Собора, согласие с которым Вы засвидетельствовали перед лицом всего епископата нашей Церкви. Это решение не входит в противоречие с ранее принятыми соборными решениями и не ограничивает независимость УПЦ в ее управлении».

С того времени события покатались как снежный ком с горы и привели к образованию в июне 1992 года организации под названием УПЦ КП. Во главе ее стал самозванный «патриарх» Филарет. Причем, образовалась она путем слияния незаконной УАПЦ и мифической УПЦ под руководством Филарета (Денисенко), который к тому времени за должностные преступления уже был законно лишен сана и даже отлучен от церкви. Но решению Соборов РПЦ и УПЦ подчиниться он отказался: продолжал считать себя главой УПЦ, проводил службы в захваченном при помощи УНА-УНСО Владимирском кафедральном соборе, рукополагал новых епископов и священников. За ним последовали всего двое архиепископов – викарий Тернопольской епархии архиепископ Иаков и архиепископ Львовский Андрей, что ясно показывает отсутствие реальной соборной воли УПЦ по вопросу автокефалии от РПЦ.

Причем последний указанный присоединился к расколу лишь спустя несколько месяцев. Остальных пришлось «рукополагать» самостоятельно. И уж такой у филаретовских раскольников «высокий авторитет», что только за полтора года, прошедшие с момента «объединения» и создания т.н. УПЦ КП, ее покинуло 12 лжеархиереев.

И все это при полной поддержке новой украинской власти нациократического толка, используя удобный политический момент. За пару лет он забыл собственную и справедливую оценку УАПЦ как незаконной, безблагодостной, неканонической.

Сегодня на Украине даже не всякий верующий, не говоря обо всей массе населения, понимает разницу между филаретовскими раскольниками и канонической УПЦ с митрополитом Владимиром во главе. А все очень просто – дело в том, что церковь в любом государстве живет по своим собственным внутренним законам и правилам и не обязана делиться по политическим границам. А государственные органы не регулируют ее жизнь и уклад. А поэтому правильность или неправильность того или иного события внутри церкви нужно рассматривать только через призму внутреннего церковного уклада. Не иначе!

И с этой точки зрения т.н. УПЦ КП является личным делом гражданина Михаила Денисенко, доходное частное предприятие религиозного характера. О церковности же как таковой не может быть и речи, так как «нужно еще находиться в этой Церкви, быть в евхаристическом единении с другими Поместными Православными Церквями. Они же не находятся в таком единении ни с одной православной Церковью мира» («Трагедия раскола», «Тайны века», №12, 2006 год). А именно это обеспечивает истинную благодатность всех таинств и священнодействий.

Между тем т.н. УПЦ КП, как ранее УАПЦ, не признана ни одной поместной православной церковью. Даже Мстислав Скрипник, которого уговорили стать первым «патриархом» УПЦ КП, а до того был «патриархом» же УАПЦ, в конце 1992 года тоже стал считать Филарета лишенным сана и отказался признавать слияние. Более того, и католики, и протестанты в свете этого избегают всяческих официальных отношений.

Тем же летом Филарет отправился за поддержкой к Вселенскому Патриарху Варфоломею. Патриарх вел себя исключительно дипломатично, угостил его ужином, но тем все и кончилось. Святое миро не дал, от литургического общения, т.е. совместной службы, уклонился, а 26 августа 1992 года известил «Москву о признании митрополита Владимира (Сабодана) Предстоятелем Украинской Православной Церкви и поддержке решения о лишении Филарета сана» («Автокефалические расколы на Украине», 28.10.2006 года).

Так называемая УПЦ КП и не могла быть признана, так как для получения канонической автокефалии необходимо было соблюсти все процедурные ступени. На Соборе РПЦ с участием епископов предполагаемой автокефальной церкви принимается соответствующее решение. И в дальнейшем документы подаются на общее рассмотрение всех предстоятелей православных церквей для включения в диптих (систему поминовений Православных церквей).

На Соборе РПЦ по этому поводу вышла осечка. При наличии нескольких сторонников автокефалии Филарет достиг видимости соборности решения путем угроз и откровенного давления на остальных. А соборность решений церкви обязательна. Но на Соборе в Москве, в начале апреля 1992 года, все эти люди открыто высказались о методах правления Филарета, в том числе и о методах достижения «соборности» по данному вопросу, и затея окончательно превратить УПЦ в собственную вотчину провалилась. Именно с подачи Филарета постоянный Священный Синод УПЦ стал

изменяемым, и его члены назначались лично им самим, а должность митрополита стала пожизненной. Стремление к единоличному владычеству налицо. Митрополит Киевский и всея Украины Владимир так высказался о причинах раскола: «Причина всякого раскола одна – это сатанинская гордость, это желание властвовать и разделять, это желание вести по своему нраву, а не по нраву Христову, церковь Христову» (д\ф «Анатомия раскола»).

Под грузом обвинений Филарет дал клятву, что немедленно созывает Собор УПЦ и подаст в отставку. Но уже в Киеве, после общения с новой украинской властью, от всего отказался, внезапно воспылал национальной «свидомостью», изобразил из себя жертву т.н. «великорусского шовинизма» и пошел на откровенный раскол.

Такова трагедия раскола православия на Украине вкратце. Автор надеется, что теперь читателям ясно, в какой церкви ставить свечи, молить о здоровье детей и бить поклоны. Это на самом деле важно, ведь едва ли здравомыслящий человек станет считать доктором любого проходимца, надевшего белый халат. А врачевание души не менее ответственно, чем врачевание тела. Тем более что анафема, как заразная болезнь, распространяется и на того, кто принимает таинства от филаретовских раскольников.

Юрій Древаль
м. Харків, Україна

ФЕНОМЕНОЛОГІЯ ОРГАНІЗАЦІЙНОЇ (АДМІНІСТРАТИВНОЇ) КУЛЬТУРИ

Організаційна (адміністративна) культура інтерпретується як певна духовна програма чи модель поведінки, що постійно відтворюється на практиці та відображає найстійкіші поведінкові риси організаційної взаємодії. На рівні конкретної установи вона кристалізується у своєрідний психологічний клімат, проявом якого є усталені зв'язки між працівниками, перевірений часом стиль управління та прийнятна для більшості учасників манера спілкування. Культура ж управлінської діяльності полягає в умінні вирішувати певні питання на основі досягнутого досвіду та внутрішньої настроєності працівника на конкретні дії.

Культура організації, за визначенням Т. Лоусона та Д. Геррода, це «цінності, уявлення та норми, що властиві конкретній організації і визначають порядок та стиль взаємодії її учасників з метою досягнення спільних цілей» [1, с. 195]. Така культура формується на основі різноманітних уподобань та моделей поведінки окремих посадовців. Але вся зазначена різноманітність частково уніфікується та спрощується єдиними корпоративними правилами. Важливою рисою адміністративної культури, за оцінкою П. Петровського, є її інтерактивний характер, «тобто відсутність одновекторного впливу активної сторони (суб'єкта) управління на інших учасників (об'єкт) цього процесу» [2, с. 31].

Становлення нової управлінської культури в перехідних суспільствах, яку можна умовно назвати «демократичною» чи «неконфліктною», ускладнюється багатьма чинниками. *По-перше*, це її прихований від інших осіб та загалом внутрішньоособистісний характер (за оцінкою фахівців, наприклад, культурою є не власне поведінка, «а лише її абстракція» [3, с. 18]). *По-друге*, це неможливість нормативного регулювання людських цінностей та звичок, які й складають вістря культурних домінант поведінки кожного окремого посадовця. *По-третє*, це складність структури організаційної культури та неможливість повноцінного управлінського впливу на її фундаментальну складову (відповідно до напрацювань Е. Шейна, зокрема, найбільш піддатливим для

такого впливу є «поверховий» рівень організаційної культури, тобто артефакти) [4, с. 51].

Вдосконалення організаційної (адміністративної) культури залежить, з урахуванням зазначеного, від якісної зміни пріоритетів в організації публічної служби. Мова має йти про якісну зміну тональності у відношенні до кожної окремої людини та про посилення гуманітарної складової в структурі адміністративної культури. Причому, вимагає зміни відношення як до колеги-службовця, так і до кожного конкретного споживача управлінських послуг.

Серцевиною таких змін має стати методологія толерантності, яка складає основу терпимості до інших поглядів та вірувань. Історично першою формою толерантності була віротерпимість, ідеї якої відображено в етичному вченні раннього християнства [5, с. 213]. Проблема впровадження ідеї толерантності в суспільну свідомість набула нової якості в часи становлення держави сучасного типу та формування концепту верховенства права. Право ставало не лише засобом реалізації волі пануючої верстви населення, а й формальною основою захисту толерантності. Ускладнення сучасних суспільних відносин стимулювало посилення уваги до толерантності в її різнобічних вимірах, а саме: філософському, ідеологічному, політичному, правовому тощо. Проте істинним мірилом спілкування людей був і залишається соціокультурний компонент суспільних відносин. «Сучасна толерантність, – за оцінкою Є. Бистрицького, – це терпимість у ситуації паралельного існування з усім культурно та суспільно іншим без насильницького уподібнення або ототожнення» [6, с. 111].

Отже, уміння та якості кожного конкретного посадовця концентруються у понятті «організаційна культура». Гуманітарний аспект властивий різним типам управлінської культури, але лише в умовах демократичного врядування він стає системоутворюючим фактором організаційних відносин та організаційної поведінки. Саме за таких умов і можливе гармонійне поєднання інтересів усього колективу, що базується на толерантності та справедливості.

Список літератури: 1. Лоусон Т. Социология. А–Я : словарь-справочник / Тони Лоусон, Джоан Гэррод ; пер. с англ. К. С. Ткаченко. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 608 с. 2. Петровський П. М. Гуманітарна складова сучасної адміністративної культури / П. М. Петровський // Теорія та практика державного управління : зб. наук. праць. – Х. : Вид-во ХарРІ НАДУ «Магістр», 2008. – Вип. 3. – С. 27–35. 3. Уайт Л. А. Понятие куль-

туры / Лесли А. Уайт // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб. : Университетская книга», 1997. – 728 с. – («Культурология XX век»). 4. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство: построение, эволюция, совершенствование / Э. Х. Шейн ; пер. с англ. С. Жильцова, А. Чеха.; под науч. ред. В. Спивака – СПб. : Питер, 2002. – 336 с. – (Сер. «Теория и практика менеджмента»). 5. Мириманова М. С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный: Монография / М. С. Мириманова. – М. : Прометей, 2004. – 256 с. 6. Бистрицький Є. Конфлікт культур і методологія толерантності / Євген Бистрицький // Філософська думка. – 2011. – № 4. – С. 102–118.

ГУМАНИЗМ ПОЗДНИХ РОМАНОВ ГРИНА

Поздние романы Грина – это полтора десятка его романов, написанных в период с 1950 по 1988 год («Конец одного романа», «Тихий американец», «Ценой потери», «Комедианты», «Путешествия с тетушкой», «Почетный консул», «Человеческий фактор», «Монсеньер Кихот», «Доктор Фишер из Женевы или ужин с бомбой», «Капитан и враг» и др.).

Одним из ключевых вопросов для писателя был вопрос о праве личности быть активной. Проблема выбора между активной и пассивной жизненной позицией – ключевая для большинства романов писателя, но её конкретное решение существенно менялось на протяжении долгого творческого пути. В ранних книгах он склоняется к осуждению активных действий, считая их бессмысленными, а иногда губительными. В более поздних произведениях его точка зрения радикально меняется.

Позднее творчество писателя развивается под знаком пристального внимания к бурно протекающим социально-политическим процессам в мире. «Меня всегда тянуло в те страны, где сама политическая ситуация как бы разыгрывала карту между жизнью и смертью человека, – признается Грин. – Привлекали переломы. Я находил их в Азии и Африке, в Южной и Центральной Америке. Литература ведь помогает бороться с диктаторскими режимами. И я вносил посильный вклад в эту борьбу» [5, с. 52].

Герои Грина ищут смысл и оправдание жизни в век этической апатии и прогрессирующей дегуманизации. Утверждая, что он подчинил свою писательскую деятельность борьбе с диктатурами, писатель имел в виду и диктат наиболее распространенного в его эпоху скептического умонастроения, которое он считал «отказом от моральной озабоченности, а тем самым и отречением от высших обязанностей литературы» [5. С. 52].

Как отмечают исследователи, «Манера Грина смешивает общее и частное в ситуации, которая может быть современной, но, тем не менее, иметь вселенские масштабы» [3, с. 178].

Одним из самых значительных поздних произведений Грина критики считают роман «Почетный консул»: «Только в произведении наивысшей пробы можно встретить такое изменение в отношении читателя к второ-

степенным персонажам, и это изменение также очевидно в тематическом слиянии политики и религии» [5, с. 179]. И здесь Грин выбирает обстановку, в этом романе это Аргентина, погруженную в коррупцию и несоблюдение прав человека. Краткий абзац в начале романа погружает нас в ценности этого мира: «Работы в порту, прежде чем их забросили, дали людям хоть как-то поправить свои дела: в доме одного появился рояль, в кухне другого – холодильник, а в погребке мелкого, второстепенного субподрядчика, где до сих пор не видали спиртного, теперь хранились одна или две дюжины ящиков местного виски» [1, с. 36].

По небольшим, вскользь упомянутым деталям читатель может увидеть жестокую бедность жителей этих мест, увидеть картину всевозможных лишений. Однако Грин очеловечивает окружающую обстановку посредством слепого Хосе, который в поисках священника для недавно умершей жены заморожен радио, которое он услышал в первый раз в своей жизни, и главным для автора здесь является драматизация поднимаемых в романе вопросов в такой обстановке, а не ее реалистическое описание.

Один из творческих триумфов Грина – это то, как вульгарный и заурядный Чарли Фортнум медленно, но вполне достоверно, развивается в страданиях и любви к Кларе и приходит к сочувственному принятию. В конечном итоге он даже готов принять ребенка Пларра как своего, но более ранний признак перемены – это его примирение со своим собственным отцом. Новый Чарли, измененный страданием и любовью появляется и на последних страницах романа. Реакция Клары на смерть Пларра подтверждает ее способность любить в глазах Чарли и дает ему чувство огромного облегчения: «Словно после бесконечно долгого ожидания в приемной у смерти к нему пришли с доброй вестью, которой он уже и не ждал. Тот, кого он любил, будет жить. Он понял, что никогда еще она не была так близка ему, как сегодня» [1, с. 252].

В романе «Ценой потери» Грин также невероятно успешен и убедителен в описании перемен, произошедших в характере Куерри. Куерри учится снова страдать посредством пробуждения личного интереса в Део Гратисе, а также в общем тяжелом положении прокаженных. Атеист Доктор Колин и католические священники объединены одной целью, сделать все возможное для улучшения жизни пораженных проказой. Их жизнь так поглощена заботами, что у них нет ни времени, ни желания надоедать Куерри своими просьбами или разговорами о духовном. Они предоставляют

ему покой, и это становится той терапией, посредством которой Куерри смог найти обратную дорогу к очеловечиванию.

Начиная с романа «Конец дела» (другие названия «Конец одной любовной связи» или «Конец одного романа» (1951) и заканчивая романом «Капитан и враг» (1988), писатель неизменно обращен к проблеме современного человека, роком которого все осязаемое становится политика, которая так или иначе вторгается в его жизнь и обостряет его выбор между добром и злом. Но даже если политика и обходит стороной того или иного героя Грина, его душа и сознание все равно вовлекаются в неизбежные размышления о смысле жизни, о благородстве и подлости, о сострадании и равнодушии, неизменно соотносясь с высшими ценностями и с Богом. Впрочем, таких романов у Грина всего несколько: это «Конец одного романа» (1951), и «Ценой потери» (1961), «Путешествия с тетушкой» (1969), «Доктор Фишер из Женевы или ужин с бомбой» (1980).

Уже в романе «Тихий американец» именно политика ставит героя в положение выбора, который либо проявляет в нем глубинные человеческие качества, либо, притупляя их, ведет к деградации личностного начала и к дегуманизации. Проблема выбора в романе заявлена с самого начала – с двух предшествующих ему эпиграфов, один из которых принадлежит английскому поэту первой половины 19 в. Артуру Клафу, а второй Байрону. Первый из них звучит так:

Я не люблю тревог: тогда проснется воля,
А действовать опаснее всего; я трепещу при мысли
Стать фальшивым, сердечную обиду нанести
или беззаконье совершить –
Все наши представления о долге так ужасны
и нас толкают на поступки эти.

Здесь налицо мысль мучительности выбора между бездействием и действием, между покоем и тревогой, о последствиях любого поступка («а действовать опаснее всего»), о долге, представления о котором расплывчаты и неоднозначны («так ужасны»), но тем не менее толкают человека к действию. О выборе и эпиграф Байрона:

К спасенью душ и умервщленью плоти,
Благую цель преследуя притом,
В наш век – вы сотни способов найдете.

Практически все романы Грина пронизаны идеей о том, что 20 век усугубил и обострил проблему выбора, сделал ее и императивной необходимостью.

Перед этой необходимостью оказывается и герой «Тихого американца» английский журналист во Вьетнаме Фаулер, принимающий нелегкое решение убить американского представителя медицинской миссии Пайла, выполняющего в то же время «особые поручения», которые оборачиваются гибелью десятков ни в чем не повинных людей. Контрастная трактовка образов приводит к тому, что постепенно чистенький и «тихий» Пайл предстает перед читателем как носитель сил агрессии, в то время как Фаулер теряет свою пассивность. Как пишет Зэди Смит в предисловии к роману: «Наивность Пайла – это своего рода фундаментализм: он следует догме. Всеми правдами и неправдами. Перечитав роман, я стала еще сильнее бояться всех пайлов» [4, с. 9].

Изображая «тихого американца» как человека, подчиняющего все свое поведение правилам формальной морали, произносящего демагогические речи о демократии и цивилизации и в то же время выполняющего тайную работу провокатора, Грин достигает наибольшей остроты сатирического рисунка.

При создании образа Пайла автор обращает внимание на детали, которые рисуют его скрытость: «сердце Пайла было парадными покоем, а в жилые комнаты он давал заглянуть лишь через щелочку, украдкой» [4, с. 68], и, по сути дела, антигуманистический характер, который вызывает антипатию у его антагониста.

В ходе событий раскрывается, что претензии Пайла на нравственную порядочность лишь прикрывают его глубокий эгоизм. Все мнимые достоинства Пайла – лишь следствие затверженных уроков добропорядочного поведения. На самом же деле он способен совершить любую жестокость. Пайл навязывает Фаулеру свою дружбу и отнимает у него любовницу, мотивируя свой поступок требованиями морали. Он хладнокровно организует массовое убийство женщин, хотя при виде крови чуть не падает в обморок и из чистоплотности спешит вытереть ее следы со своих безукоризненно начищенных ботинок.

Решение Фаулера быть только лишь сторонним наблюдателем поколебалось после этого эпизода. В своем невежестве Пайл стал похож на: «немного прокаженного, потерявшего свой колокольчик, который бродит по

свету, не ведая, что творит» [4, с. 29]. Легкость, с которой Пайл дает рационалистическое объяснение, а затем и отвергает результаты своего собственного безрассудства убеждает Фаулера, что его отстраненность стала несостоятельной. Так наблюдатель стал участником.

Таким образом, конфликт между американцем Пайлом и англичанином Фаулером связан с моральной постановкой вопроса: вправе ли вообще один народ решать за другой его судьбу, как и в любви один человек решать за другого, в чём его счастье. Ответ на вопрос заключён в концовке романа. Гибель Пайла определяет позицию самого автора по этому вопросу – каждый народ должен сам решать свою судьбу. Основная идея произведения выражается в словах главного героя Фаулера: «Они хотят досыта риса. Они не хотят, чтобы в них стреляли. Они хотят, чтобы жизнь текла спокойно. Они хотят, чтобы ушли люди с белой кожей» [5, с. 55].

Решение Фаулера говорит о том, что автор уже не ограничивается сожалениями по поводу человеческой природы или констатацией жестокости и враждебности людей друг к другу. Ведь, по словам Бахтина, «герой – не выражающий, а выражаемое», он «пассивен во взаимодействии с автором» [2, с. 75]. Грин вместе с Фаулером почувствовал, что нейтральное и скептическое наблюдение не освобождает, а только внутренне сковывает человека.

Перед выбором оказываются и герои романов «Комедианты» (1961), «Почетный консул» (1973), «Человеческий фактор» (1978), «Монсеньер Кихот» (1982), «Капитан и враг» (1988).

Грин отличается тем, что во многих своих произведениях он создаёт критические ситуации, помогающие раскрыть всю сложность человеческих характеров. Персонажи романов Грина попадают в экстремальные условия, способствующие раскрытию их нравственной сущности, заставляющие делать выбор между порядочностью и предательством, за верность своим принципам им приходится расплачиваться свободой, а то и жизнью. Грина всегда волновали моральные категории. Его занимала природа и сущность добра (для Грина это, прежде всего человечность, сострадание) и зла (чёрствости, лицемерия).

Одним из ключевых вопросов для писателя был вопрос о праве личности быть активной. Проблема выбора между активной и пассивной жизненной позицией – ключевая для большинства романов писателя, но её конкретное решение существенно менялось на протяжении долгого творческого пути. В ранних книгах он склоняется к осуждению активных дей-

ствий, считая их бессмысленными, а иногда губительными. В более поздних произведениях его точка зрения радикально меняется.

Позднее творчество писателя развивается под знаком пристального внимания к бурно протекающим социально-политическим процессам в мире. «Меня всегда тянуло в те страны, где сама политическая ситуация как бы разыгрывала карту между жизнью и смертью человека, – признается Грин. – Привлекали переломы. Я находил их в Азии и Африке, в Южной и Центральной Америке. Литература ведь помогает бороться с диктаторскими режимами. И я вносил посильный вклад в эту борьбу».

Герои Грина ищут смысл и оправдание жизни в век этической апатии и прогрессирующей дегуманизации. Утверждая, что он подчинил свою писательскую деятельность борьбе с диктатурами, писатель имел в виду и диктат наиболее распространенного в его эпоху скептического умонастроения, которое он считал «отказом от моральной озабоченности, а тем самым и отречением от высших обязанностей литературы» [5, с. 52]. Грин полагал, что задача писателя заключается в выражении «сочувствия любому человеческому существу» [5, с. 52].

Герои Грина, чувствуя несправедливость и попрание человеческого достоинства, всегда оказываются на стороне справедливости и сострадания и, выступая за справедливость, рискуют своей жизнью, а иногда и жертвуют ею.

Для творчества Грина характерна следующая особенность: его герои всегда интернациональны.

Интерес Грина к происходящему в мире и его отношение проявляются сочувственным любопытством по отношению к человеку и человеческим взаимоотношениям, ответственностью человека за страдания человечества. Его интерес побудил исколесить европейский и африканский континенты, не воспринимались им как чужие также Вьетнам, Куба, Гаити, Панама и Никарагуа. И поэтому не удивительно, что действие романа «Тихий американец» происходит на фоне войны в Индокитае; романа «Наш человек в Гаване» на Кубе пред революцией; а романа «Цена исцеления» в Конго перед начавшимися беспорядками.

В романах Грина внимание писателя сосредоточено на жизненных проблемах, которые приходится решать рядовому герою, при этом особенно привлекают писателя проблемы психологические. Нередко Грин затрагивает отрицательные стороны человеческой психики, но своеобразное освещение их говорит о том, что автор руководствуется положительной иде-

ей. Писатель любит своих героев, даже самых противоречивых и неустойчивых. Автор борется за человека, каким он его видит и понимает. Это маленький человек, но, в конце концов, довольно стойкий человек. Правда, он далеко не сразу начинает разбираться в том, куда ему следует приложить свои силы, и в этом его беда.

Энгус Уилсон отмечает, что успех Грина у читателей определяется не только тем, что Грин – блестящий рассказчик и у него всегда занимательная фабула. Главное в том, что он «первым заговорил о заблудившихся людях, многие из его героев – сломленные несчастливые люди. Весьма возможно, что больше народу, чем мы предполагаем, узнают себя в его героях. Познакомившись с книгами Грина, читатели считают, что – быть может, впервые в жизни – они встретили человеческое понимание и положение их не столь безнадежно, как им казалось» [6, с. 127].

Список литературы: 1. Грин Грэм. Почетный консул. – М., «Эй-Ди-ЛТД», 1994. – 557 с. 2. Хализев В. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 432 с. 3. Hazzard Sh. Greene on Capri: A Memoir. – N. Y., 2000. – 180 p. 4. Greene Graham. The Quiet American, foreword by Zadie Smith. – L.: Vintage, 2002. – 180 p. 5. Graham Smith: The Achievement of Graham Greene. – The Harvester Press, 1986. – 223 p. 6. Wilson A. The Dillema of the Contemporary Novelist // Approaches to the Novel. – Oliver and Boyd. Edinburgh. L., 1967. – P. 122–128

*Лариса Семененко, Олена Кириченко
м. Харків, Україна*

ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ РЕГІОНАЛЬНИХ ДОКУМЕНТНИХ ТА ЕЛЕКТРОННИХ РЕСУРСІВ ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ В БІБЛІОТЕКАХ ХАРКОВА

У своїх вчинках при вихованні дітей, самоосвіті, у кар'єрному зростанні, спілкуючись у колі друзів, у сімейному затишку й життєвому виборі ми маємо змогу побачити власну силу й слабкість. Осмислити й прийняти одночасно власну силу й слабкість, дійсно управляти цим — хіба це не гарна ідея для життя людини?

Від кожного рішення залежить подальша доля. Все наше життя складається з ланцюжка рішень. Ми приймаємо рішення щоденно, і навіть щомиті. Усі наші рішення залежать від наших особистісних характеристик, від нашого світогляду та цінностей. Приймаючи рішення, ми не завжди думаємо, що воно є своєрідним поворотом у нашому житті. Якщо ж ми замислимося, то зможемо згадати, які рішення і як змінили хід нашого життя. А якщо помріємо, то зможемо побудувати свій новий життєвий сценарій. Особиста успішність — як ясний контакт з навколишнім світом. Подивитися на світ відкритими, незатьмареними очима і зустрітися з оточуючою реальністю, відчутти прекрасне, як таке, що має у собі вияв найвищої цінності життя.

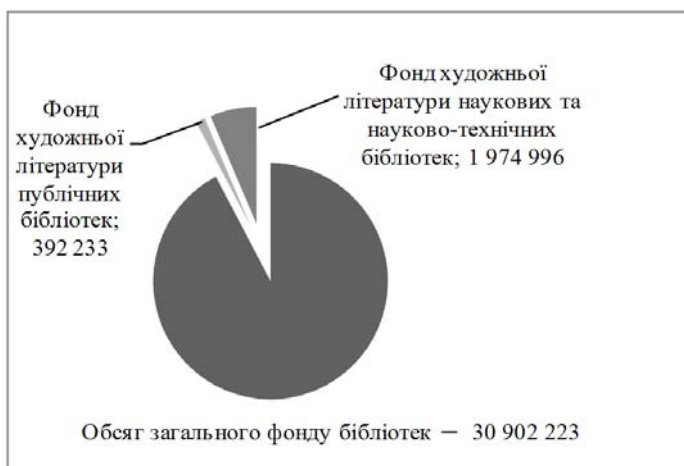
Багато чудових горизонтів відкриваються в житті людини, коли та стає здатною використати свої знання і досвід. Мислителі й літератори про таких говорили, що вони мудрі.

Багато науковців черпають знання та мудрість у наукових виданнях бібліотек, і що цікаво, вони знаходять час, щоб долучитися до кращих зразків художньої літератури. Якщо людина ще в дитинстві відчула смак до читання, то вона ніколи не покине пізнавати цей такий величний і незбагнений світ через образи художньої літератури, емоційно збагачуючи своє життя, наповнюючи його різнобарв'ям кольорів та відтінків, впускаючи у своє серце чужі радощі і болі. Літературні твори відновлюють цілісність світосприйняття, надають можливість відчутти й пережити причетність до світобудови, відчутти зв'язок зі світом і соціумом. Чим більше люди читають однакових книг, тим

більше в їхній мові утворюється асоціативних ланцюжків, метафор та символів. Художня література є одним із найуніверсальніших видів мистецтва, вона апелює до пам'яті органів відчуття людини, до її інтуїції, ірреального, трансцендентного і її справедливо відносять до синтетичних видів мистецтва.

Вона не лише формує смак до слова, розвиває мовленнєву культуру, а є ще й потужним чинником естетичного виховання й самовдосконалення читача, його місточком до пізнання світу. Не кожна людина змалечку сформувала в себе потребу в читанні наукових, науково-популярних чи то навчальних видань. Частенько наші читачі розповідають, що на початку шляху до навчання та наукової діяльності були дні і ночі читання художньої літератури попри заборону батьків та їх нагадування про погіршення зору. Емоції, співпереживання героям і навіть ототожнення себе з ними надавало снаги і бажання краще зрозуміти і навколишній світ, і себе, надихало на гарні вчинки, а інколи й на мандри та повторення ризикових експериментів. Схвалюючи чи засуджуючи дії героїв літературних творів, кожен з них вчився приймати власні рішення, формував свою систему цінностей. Але варто зазначити, що ступінь впливу творів художньої літератури на соціум не залежить, а ні від жанру, а ні від якості художнього тексту. І геніальні, і посередні, і навіть слабкі твори можуть справляти сильний вплив на соціум [1, с. 48]. Соціально-комунікаційну функцію художньої літератури може виконувати лише надзвичайно відомий літературний твір. Відомість — це наслідок популярності, а не довершеності. Популярні видання прокладають між людьми особливого роду комунікації.

Тож цікаво було отримати відповідь на питання як представлена художня література у регіоні і як розвиваються її ресурси. Базою дослідження були обрані: Харківські обласні бібліотеки для юнацтва, для дітей та універсальна наукова; Харківська державна наукова бібліотека ім. Короленка; Музично-театральна бібліотека ім. К. С. Станіславського; Центральна міська бібліотека ім. В. Г. Белінського та бібліотеки Харківського зонального методичного об'єднання бібліотек вищих навчальних закладів. На початок 2012 року загальний фонд цих бібліотек складав 30 902 223 одиниць зберігання, з них видань художня література — 2 367 229 примірників (7,66%) (Рис. 1.Табл. 1.).

Рисунк 1 – Сегмент художньої літератури у фондах бібліотек м. Харкова

Таблиця 1 – Обсяг фонду художньої літератури у структурі ресурсу регіону

Бібліотеки за типами	Фонд			
	загальний	художньої літератури		
		усього	до фонду бібліотек за групами (в %)	у загальному фонді бібліотек регіону (в %)
Наукові та науково-технічні	30 086 962	1 974 996	6,56%	6,4%
Публічні	815 261	392 233	48,11%	1,3%
Загалом	30 902 223	2 367 229	7,66%	

У 2012 р. обсяг усього фонду зріс на 2 562 273 (9,04%) у порівнянні з показниками станом на 01.01.2001 р. (загальний фонд цих бібліотек налічував 28 339 950 прим.), а фонд художньої літератури зменшився на 18 678 (0,78%) одиниць зберігання (станом на 01.01.2001 р. фонд художньої літератури становив 2 385 907 прим. (8,41%).

І хоча публічні бібліотеки у своїх фондах мають 48,11% художньої літератури, все ж це в 4,92 рази менше ніж в універсальних наукових, наукових і науково-технічних бібліотеках вузів. У різні роки коливання надходжень художньої літератури становило від 2,1% до 3,8% від усіх надходжень до бібліотек, в абсолютних показниках — від 13 768 прим. до 22 080 прим. (Табл. 2. Рис. 2.).

Таблиця 2 – Надходження до бібліотек

Рік	Усього	Художня література	
		обсяг надходжень	відсоток до загального обсягу
2001	543669	14192	2,6
2002	718310	15043	2,1
2003	735817	22080	3,0
2004	731334	18686	2,6
2005	646299	16862	2,6
2006	697023	15892	2,3
2007	662908	19513	2,9
2008	701137	14759	2,1
2009	561024	19125	3,4
2010	492810	13768	2,8
2011	496148	18660	3,8
Загалом	6986479	188580	2,7

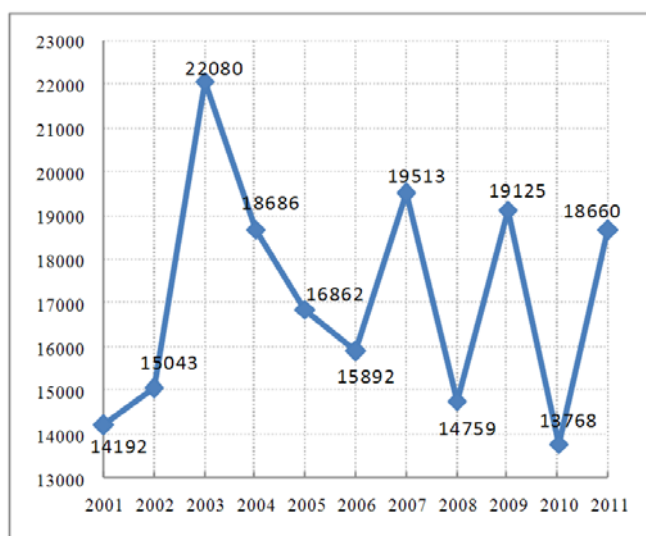

Рисунок 2 – Динаміка надходжень художньої літератури до фондів бібліотек

Серед загальних надходжень наукових та науково-технічних бібліотек у 2001–2011 рр. художня література становить 1,6% (108 264 примірників) із загальних надходжень 6 819 338 (Рис. 3), а серед надходжень до публічних бібліотек 166 441 художня література становить — 48,3% (80 316 примірників).

Рисунок 3 – Сегмент художньої літератури у надходженнях до фондів бібліотек м. Харкова

Якщо ж оперувати статистикою книговидання за останні роки [2], то можемо зробити висновок, що із тиражу художньої літератури 2011 р. (9 228 500 прим., 3 731 назва) до бібліотек, включених у наше дослідження, надійшло 18 660 прим. (0,2%).

Опитування бібліотекарів відділів комплектування показало, що в універсальних наукових, наукових і науково-технічних бібліотеках вузів головним джерелом надходжень художньої літератури є дари читачів, авторів та добродійних організацій.

При аналізі надходжень художньої літератури до обласної бібліотеки для юнацтва та обласної бібліотеки для дітей можна зробити теж невтішний висновок: з тиражу видань за 2005–2011 рр. (33 532 400 примірників видань для дітей та юнацтва, 8 891 назва) до фондів цих бібліотек надійшло 14 284 (0,04%) прим.

Кількість книг і брошур, що виходять в Україні на одного жителя, теж стабільно низька і протягом 2005–2010 рр. коливається від 0,98 до 1,26 прим.

Художня література стає інструментом, який залучений до нового середовища застосування й перебування — комп'ютерного [3, с. 84]. Електронних колекцій текстів художньої літератури (баз даних) власної генерації, вказані бібліотеки не мають, але активно організовують посилання на такі ресурси на своїх сайтах.

Електронні видання художньої літератури відрізняються від паперових не способом відтворення літератур, а змістом, художньою структурою. Цей феномен має назву «гіпертекст», або «сетература» [4, с. 34]. Гіпертекст це текст, який упорядковується таким чином, що він, за визначенням

В. Руднева, перетворюється на систему, ієрархію текстів, одночасно складаючи єдність великої кількості текстів [5]. На відміну від односпрямованого друкованого тексту читач має змогу блукати сторінками гіпертексту, на власний розсуд обираючи послідовність читання і формуючи логіку сюжету. З технічної точки зору Інтернет став не лише новим, а ще й зручним середовищем існування для художньої літератури. Він спрощує шлях до опублікування, широкого обговорення і навіть створює ідеальні умови для колективного творення таких текстів.

Основною рисою сучасного суспільства є його входження у перехідний етап зміни культурних універсумів. Сучасна людина вдосконалюється у розумінні інформаційних мереж, а замість розвитку своєї особистісної внутрішньої свободи звертається до віртуальної свободи Інтернету [6].

У нагоді став би досвід провідних бібліотек по реалізації програми оцифрування як історичних видань так і кращих зразків художньої літератури. Література розвивається і гіпертекст має велике майбутнє, оскільки він є найадекватнішим інструментом прокладання курсу в інформаційне суспільство.

Центр літературного життя поступово переміщується у віртуальне середовище. Уже створено багато літературних колекції у формі повнотекстових баз даних (БД), які мають своїх прихильників [7]. Завдання бібліографа полягає не лише у використанні цих ресурсів при виконанні запитів читачів своєї бібліотеки, а ще й у тому, щоб показати читачеві (користувачеві) багатогранність літературного життя, яке представлене літературними журналами, студіями, конкурсами, клубами, преміями, зорієнтувати читача на використання таких ресурсів. І хоча Інтернет почав виконувати функцію «глобального літературного салону», у ньому широко представлена масова література, а ось високохудожні твори поки що представлені значно менше. Усі жанри і культурні ареали літератури переживають продовження в Інтернеті, не створюючи якогось одного жанру. Мережа не стільки формує новий феномен художньої літератури, скільки надає додаткові технічні можливості вже відомим формам. То ж автори мають змогу не лише представляти в мережі свої твори, а ще й виховувати смаки своїх читачів, відроджуючи літературоцентризм нашого життя.

Зміна, а можливо й зникнення статусної дистанції між автором і читачем, яка виникає в мережі, фактично формує нового «активного читача». [4, с. 35].

Мережа дозволяє вирішити болючу для бібліотекарів проблему — втрати читача. Маємо надію, що завдяки можливості надавати користувачеві бібліотеки друкований літературно-художнього текст чи то його електронну версію ми перестанемо «боротися проти негативних явищ у суспільстві», максимально освоюючи час дозвілля наших співвітчизників, пропонуючи їм найкращі зразки високохудожніх видань і залучаючи їх до співтворчості. Завдяки відчуттю прекрасного, яке є основою духовного начала в людині й закладеного в кожному генетично, читач здатен не лише сприймати, а ще й творити красу.

Ретельний відбір творів до престижних електронних видань та популярних серій і бібліотек, виокремлення нових жанрів, можливість для автора бути представленим усіма своїми творами — є додатковими стимулами для представлення високохудожніх творів та формування літератури, призначеної для обраних. Але слід пам'ятати, що елітарна література — це не тільки література вищого гатунку, а й література для еліти [8].

Бібліотеки залишаються основними фондоутримувачами видань художньої літератури. У 2010 році за даними Європейського соціального дослідження, у розвинутих скандинавських країнах Інтернетом користувалися понад три чверті дорослої аудиторії, у колишніх соціалістичних країнах — від третини до п'ятої частини, а в Україні — менше десятої частини громадян [9, с. 49].

«Вітчизняна видавнича справа має бути приведена у відповідність до потреб розвитку інноваційного за своєю суттю «суспільства знань», елементи якого вже формуються в Україні. Їх завдання полягає не лише в тому, щоб сприяти випускові достатньої кількості книг і раціонально організувати книготоргівлю, а й забезпечити оптимальне функціонування книги, щоб вона органічно вписувалася в сучасну систему засобів масової комунікації країни» [9, с. 68].

На часі розробка та реалізація широкомасштабної, довгострокової стратегії захисту і підтримки національного книговидання і книгорозповсюдження. Серед назрілих питань не лише розвиток і переоснащення системи книгорозповсюдження, у тому числі через Інтернет, а й захист українського книжкового ринку від надлишкового і контрабандного імпорту, контрафактної та антиукраїнської книжкової продукції, формування мультимедійних платформ на базі провідних бібліотек, активний розвиток онлайн-проектів для періодичних видань, освоєння та широке застосування електронного книговидання [9, с. 69].

Потрібно створювати умови, за яких студентська молодь безпосередньо б знайомилася з високими зразками художньо-естетичної творчості в його класичних й сучасних проявах. Естетична свідомість виникає при спілкуванні з естетично значущими об'єктами [10, с. 226]. Потрібні ініціативи держави з розгортання програм щодо: закупівлі книг для бібліотек, упровадження системної роботи з популяризації української книги і українських авторів, усілякої підтримки перекладів українських книжок іноземними мовами, стимулювання видання більшої кількості перекладів українською мовою.

Обов'язком держави є і сприяння розвитку активного діалогу як наукових, освітніх і культурних центрів України так і творчих організацій з інтелектуальними і творчими елітами сусідніх країн. Сприяння розвитку міжкультурному діалогу, формування в українському суспільстві атмосфери толерантності унеможливить розпалювання національної, расової та релігійної ворожнечі в публічних сферах [9, с. 54].

Державну мовну політику слід розробляти з урахуванням реалій мовної ситуації в Україні, зокрема регіональних і зовнішніх чинників. До загальнонародної спадщини слід включити історичну та культурну спадщину всіх етносів сучасної України та народів, що населяли українські землі в минулому. Спільні літературні пам'ятки, пов'язані із самовизначенням та згуртуванням нації, сприяють консолідації прошарку освічених людей, інтелігенції. Література може не тільки створювати інший світ, одночасно подібний або відмінний від нього, перетворювати звичайні речі на надзвичайні, а ще й змушувати нас усвідомлювати дійсність [1, с. 49].

Список літератури: 1. Біличенко О. Функціональні особливості художньої літератури в системі соціальної комунікації / Ольга Біличенко // Вісник Книжкової палати. — 2011. — № 2. — С. 47–50. 2. Книжкова палата України імені Івана Федорова [Електронний ресурс]. — Електрон дан. — К. : Книжкова палата України, 2012. — Режим доступу: <http://www.ukrbook.net>, вільний. 3. Прохоров А. Будущее компьютерной фильмы / А. Прохоров // Искусство кино. — 1994. — № 2. — С. 84. 4. Біличенко О. Особливості існування художньої літератури в інформаційному просторі сучасності / Ольга Біличенко // Вісник Книжкової палати. — 2010. — № 2. — С. 34–36. 5. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — М. : Аграф, 1999. — 384 с. 6. Иордаки Н. А. Методологические основания воспитания духовности : дис... канд. филос. наук: 09.00.03 / Н. А. Иордаки; НАУ им.

Н. Е. Жуковського «ХАИ». — Х., 2003. — 193 с. 7. Кириченко Е. В. Художественная литература в виртуальном пространстве / Е. В. Кириченко, Ю. Н. Главчева // Пространство литературы — путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 17 декабря 2010. — Х. : НТУ «ХПИ», 2011. — С. 282–290. 8. Фрумкин К. Кризис художественной литературы с точки зрения ее социальных функций / К. Фрумкин. — Режим доступа : http://www.nounivers.narod.ru/pub/kf_bell.htm. 9. Новий курс: реформи в Україні 2010–2015 : національна доповідь / за заг. ред. В. М. Гейця [та ін.]. — К. : НВЦ НБУВ, 2010. — 232 с. 10. Семененко Л. П. Эстетическое воспитание молодежи: новые грани / Лариса Семененко // Пространство литературы — путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 17 декабря 2010. — Х. : НТУ «ХПИ», 2011. — С. 225–234.

*Наталя Дерев'янченко
м. Харків, Україна*

МАЙБУТНЄ ЛЮДИНИ В РОМАНАХ М. УЕЛЬБЕКА

Художнє осмислення ідеї безсмертя, ідеального суспільства, якому притаманні порядок і досконалість, реалізовано в багатьох літературних маніфестаціях. У романі сучасного французького письменника Мішеля Уельбека «Можливість острова» також актуалізовано зображення нової цивілізації.

Зараз М. Уельбек є однією з найвідоміших і дискусійних постатей французької літератури, про що свідчать полярні розбіжності оцінок його творчості у критиці. Так, на думку Олів'є Бардоля, М. Уельбек єдиний у сучасній французькій літературі письменник, після М. Пруста і Л. Селіна, якого можна і треба читати. Цю думку поділяють відомий романіст і есеїст Домінік Ногез, що вважає його одним з найвидатніших реалістів, в якому поєднані філософ, поет і романіст, та Орельєн Белланже, автор книги «Уельбек – письменник-романтик» (2010). У той же час Ерік Молло розглядає його як представника масової літератури й називає письменника «одним з вокзальних романістів» («un romancier de gare»).

Отже, у межах сучасного французького дослідницького континууму, який нараховує більше десяти монографій, визначаються значні розбіжності при аналізі літературної діяльності М. Уельбека. До вивчення творчості письменника зверталися О. Бардоль, О. Белланже, М. Давід, Б. Віар, Д. Демонп'єн, М. Л. Клеман, В. Ланге, Д. Ногез, Ж.-Ф. Патріколя.

Творчий доробок М. Уельбека доліждали також російські літературознавці: М. Александров, І. Кузнєцова, В. Липневич, Н. Рубанова, К. Семенюк, К. Фрумкін, О. Шаталов; білоруські – Т. Мозгова, Т. Тарасова. Між тим, більшість робіт присвячена роману «Елементарні частинки». Варто зазначити, що велика кількість російських досліджень є низкою журнальних рецензій на твори М. Уельбека. Серед ґрунтовних робіт можна зазначити підрозділ дисертації К. Семенюк («Мішель Уельбек як екзистенціальна травма сучасності»), присвячений феномену французького автора.

Незважаючи на популярність романів письменника, в українському літературознавстві його творчість не була об'єктом ґрунтовного аналізу, що й визначає актуальність нашої розвідки. У навчальному посібнику з історії французької літератури 1945–2000 рр. (упорядк. В. Фесенко) подано

коротку характеристику трьох романів М. Уельбека («Розширення сфери боротьби», «Елементарні частинки», «Платформа») й біографічну довідку.

Роман М. Уельбека «Можливість острова» можна розглядати у контексті сучасної антиутопії. Адже письменник пропонує варіант майбутнього світу, але не ідеального, а такого, який врешті потерпає поразку. Вчені виводять нову расу людей, що не знають багатьох проблем та негараздів, які відомі людству, але неолюди, крім того, позбавлені статевого життя. Клони живуть ізольовано в окремих резиденціях, почуття колективізму в них відсутнє. Людство в романі письменника розділилося на дві половини. Одна – неолюди, що розмножуються за допомогою клонування і користуються всіма перевагами сучасних технологій, спілкуючись одне з одним лише віртуально. Друга половина людства знаходиться поза межами цих резиденцій і в результаті катаклізмів і воїн стала просто натовпом дикунів. Таким чином, М. Уельбек демонструє, як кохання, що раніше було поєднанням духовного і тілесного, розділилося на платонічну любов у клонів та насилля й оргії у людей-дикунів. У романі сучасного французького письменника Мішеля Уельбека «Можливість острова» також актуалізовано зображення буттєвих проблем сучасного суспільства. У цьому роздвоєнні прихована думка про недосконалість і негармонійність такого майбутнього світу.

Головний герой роману – шоумен, комік Даніель, що виступає на сцені зі скетчами, які порушують усі морально-етичні норми. Йому за сорок, він має великий статок, соціальний статус, але в особистому житті гармонії не відчуває, відчувається чужим у сучасному світі, де основним критерієм відбору є молодість та сексуальна привабливість. «Життя дійсно починається у п'ятдесят років; причому закінчується воно у сорок» [3, с. 16]. Ця фраза є однією з ключових думок, у якій віддзеркалено песимістичний світогляд героя.

Роман побудований у формі монологів Даніеля 1 і його клонів Даніеля 24 й Даніеля 25. Клонований Даніель – неолюдина – читає і коментує історію життя свого попередника і намагається осмислити його світ, а також віднайти переваги вічного існування.

XX століття зображене на порозі зникнення духовності, в момент тотального розчарування; суспільство прагне тільки розваг, утіх, задоволення всіх своїх матеріальних і тілесних потреб. Саме така реальність, за романом «Можливість острова», породжує нову цивілізацію, яка керується далеко не гуманними ідеалами. М. Уельбек не тільки песимістично розмірковує над до-

лею людства, але й витончено іронізує над вадами сучасного соціуму, адже протагоніст роману Даніель навіть за професією комік, тому цілком очевидним є те, що всі його роздуми можна розглядати крізь призму іронії. Даніель 24 говорить: «Ні за яких часів старіння не робило людей щасливими» [3, с. 74]. Духовний світ не цікавить молодь, вона живе, не замислюючись про моральність, одвічні цінності. Так, письменник привертає увагу до проблеми продовження роду. Даніель, розмірковуючи про свою самотність, приходиться до цинічного висновку: рід людський продовжується тому, що люди, усвідомлюючи свою нікчемність, вирішують просто завести дітей.

Та попри песимізм М. Уельбека, іноді він вкладає в уста свого героя думки, які залишають надію на те, що кохання, наприклад, існує: «...якась частина мене знала, що зрештою на моєму шляху трапиться кохання, взаємне кохання, єдине, що чогось вартує...» [3, с. 150].

Дослідник К. Фрумкін зазначає: «Так, тілесне кохання, і особливо кохання вільне, може бути джерелом ні з чим незрівнянної насолоди, навіть щастям всього життя, але це – теоретично. На практиці у людини є лише ілюзія щастя, яка тікає разом із горизонтом і приносить страшні муки своєю недосяжністю. Життя ставить достатньо перепон для реалізації сексуальних бажань, щоб перетворити їх із ключів до воріт раю на саме пекло» [4, с. 208]. Дійсно, щастя Даніеля залежить від стосунків із молодого коханкою Естер, але різниця у віці (герой старший за дівчину на чверть століття) стає неподоланним бар'єром у спілкуванні. Естер – представниця молодого покоління, вона несерйозно ставиться до Даніеля, тоді як для нього дівчина є сенсом життя. Герой залишається покинутим і остаточно усвідомлює жалюгідність свого існування і те, що світ молодості для нього тепер закритий.

Смерть близьких уже не є для людини чимось важливим. М. Уельбек показує різкий контраст між реакцією Даніеля на самогубство свого сина, а пізніше суїцид колишньої дружини Ізабель і реакцією героя на смерть свого собаки: «Того дня, коли мій син покінчив із собою, я приготував собі яєчню з томатами. Живий пес, вважає Екклезіаст, вартий більшого, ніж мертвий лев. Я ніколи не любив хлопця: він був такий самий дурний, як і його мати, і злий, як батько. Його зникнення не стало для мене трагедією; без таких, як він, можна обійтись» [3, с. 19]. «Про самогубство Ізабель я дізнався на Різдво, в середині дня. Мене це не дуже подивувало: за кілька хвилин я відчув, як порожньо у моїй душі; але я знав, що так буде» [3, с. 326]. Зображення реакції Даніеля нічим не відрізняється від його зви-

чайного життя, все звучить буденно і беземоційно. Але, коли герой втрачає свого собаку, автор удається до зображення справжніх емоцій: «Я зняв плащ, загорнув у нього тіло і зігнутий горем поплентався додому, по моєму обличчю струменіли сльози, [...]. Плакав я, безумовно, дуже довго...» [3, с. 335].

Мішель Уельбек у своєму романі також актуалізує знижене ставлення до релігії в сучасному світі. Секта елогімітів, до якої вступає Даніель, ушановує елогімів – небесних створінь, які начебто створили людство. Сектанти очікують на повернення цих божеств, що побороли старіння та смерть і були готові втаємничити найбільш гідних серед них. І знову автор іронічно зауважує, що для того, щоб елогіми повернулись і відкрили таємницю, як досягти безсмертя, людство повинне побудувати для них посольство: «Не кришталевий палац зі стінами з гіацинту й берилу, ні, щось набагато простіше, сучасніше й приємніше; ця споруда перш за все має бути зручною – пророк вважав, що більш за все вони люблять джакузі (аякже, був і пророк – із Клермон-Феррана)» [3, с. 92]. Релігія зображена знижено, пророк постає зовсім не сакральною постаттю, образ духовного лідера профанний. Він має десятьох коханок, проповідує вільне кохання.

Сектанти віддають перевагу самогубству перед старінням, залишаючи зразки своєї ДНК з метою отримати вічне життя. І в майбутньому це все ж таки вдається.

Автор апелює саме до чуттєвого начала свого героя. Натуралістичне зображення сексуальних сцен, опис інтимного життя протагоніста цю чуттєвість підкреслюють. Неолюди, отримуюючи вічне життя, втрачають найголовніше – здатність відчувати, переживати всі емоції, які властиві звичайній людині. Саме на цьому робить акцент і клонований Даніель: «Оскільки генетично я походжу від Даніеля 1, у мене ті ж риси, те обличчя; навіть більшість наших жестів схожі; ... однак імітувати це різке виразне викривлення, супроводжуване характерними звуками, яке він називав «сміхом», я неспроможний; мені навіть важко уявити собі механізм його утворення» [3, с. 49]. Аналогічні процеси відбувалися й зі слізьми. Неолюди не знають, що таке кохання. Це почуття поступово зникло. Даніель 25 пише: «Для останніх людей кохання було недосяжним апогеєм, милосердям і жалем, фокусом, до якого сходилися всі радощі і страждання» [3, с. 165]. У процесі розвитку подій, осмислення Даніелем 25 власного існування та життя свого попередника стає зрозумілим, що безсмертя нікому не потрібне, навпаки, воно перетворюється на тягар, на безчуттєве, беземоційне існування, яке не має сенсу. А. Нямцу в сатті «Аксіологія безсмертя у літе-

ратурі ХХ століття» зазначає: «... початкове прагнення до цієї всеможливості і вседозволеності з роковою неминучістю трансформується в небажання життя-існування і провокує прагнення знову стати нормальною людиною (у багаточисленних спробах безсмертних зупинити своє існування явно відчутна туга за людяністю)» [1, с. 39].

Неолюди, поступово усвідомлюючи неможливість повноцінного існування, починають зрікатися вчення Головної Сестри і йдуть на пошуки острова, на якому можна знайти кохання. Даніель, не отримавши взаємності від дівчини Естер, покінчив життя самогубством, адже не бачив сенсу свого подальшого існування в жорсткому матеріальному світі. Лист, який він залишив для Естер, містить вірш, сповнений жаги кохання, а також ствердження того, що існує все таки можливість острова, на якому це почуття ще існує. Саме на пошуки цього острова, цього сакрального місця і вирушають неолюди, зрікаючись свого беземоційного існування. Клонований Даніель настільки проймається історією життя свого попередника, що також покидає свою резиденцію: «Так, я міг повернутися, але не хотів: це самотнє рутинне життя, що іноді переривається інтелектуальними розмовами, могло тривати безперервно, та я вже не міг витримати. Я мусив бути щасливим...» [3, с. 374].

Отже, на основі дослідженого матеріалу можна зробити висновок, що М. Уельбек, розглядаючи сучасне суспільство як бездуховне і деградує, відверто показуючи всі його вади, демонструє модель розвитку майбутньої цивілізації за технічними взірцями і дає невтішні прогнози майбутньому людини і людства. Роман «Можливість острова» – це роман-застереження, пересторога. І все ж французький письменник, не дивлячись на песимізм, залишає надію на те, що врешті решт людина не може бути відірваною від соціуму, позбавленою людських емоцій і почуттів, що суспільство повернеться до духовності, людських почуттів. Ця ідея у романі знаходить своє втілення у відмові героя від вічного передбачуваного існування на користь пошуків невідомого, нелегкого, але «живого» життя.

Список літератури: 1. Антофійчук В. І. Проблеми поетики традиційних сюжетів та образів у літературі / В. І. Антофійчук, А. Є. Нямцу. – Чернівці : Рута, 1997. – 200 с. 2. Ногез Д. Уэльбек как он есть / Доминик Ногез; [пер. с франц. А. Финогоновой]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 288 с. 3. Уельбек М. *Можливість острова* / Мішель Уельбек; [пер. з франц. І. С. Рябчия]. – Х.: Фоліо, 2007. – 414 с. 4. Фрумкин К. Было бы здоровье, или Уэльбек отвечает Хайнлайну / Константин Фрумкин // Звезда. – 2009. – № 5. – С. 206–212.

*Марина Смоляга, Галина Старикова
г. Харьков, Украина*

**ПРИМЕНИМОСТЬ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
В ИСКУССТВОВЕДЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»)**

Культурное пространство славянских народов всегда было единым. Славянские народы вместе создавали общие культурные ценности, вместе творили и познавали Универсум. Это взаимодействие нашло свое отражение в изучении и решении целого ряда сложных и комплексных проблем в области искусства и науки. Среди множества подобных проблем мы хотели бы обратить внимание на весьма актуальную для всей современной культуры проблему использования научных методов для исследования произведений искусства и художественного творчества в целом, границ и возможностей применения методологии естественных наук для изучения культурных артефактов и процесса художественного творчества.

Применение методов точных наук, в частности, математической теории симметрии, для анализа структуры и языка искусства базируется на известной общности научных и художественных объектов и методов и на системном характере их структурной организации. Помимо взаимодополнительной природы науки и искусства как двух различных (понятийной и образной) форм познания, моделирования и освоения мира, данная общность обусловлена также единством законов функционирования многоуровневых полиструктурных целостных систем, каковыми являются истинные произведения искусства. Все это позволяет использовать в науках об искусстве, наряду с традиционными, и системно-синергетические, кибернетические, симметрологические и другие естественнонаучные приемы исследования. В первую очередь это относится к уровню языка искусства, допускающего большую степень формализации, чем другие его уровни.

Такая математическая характеристика, как симметрия, входит в науку об искусстве в самом широком понимании этого термина – как теория художественных преобразований и инвариантов. В этом качестве она используется дважды: на первичном (элементарном) уровне художественных объектов и процессов для выявления и анализа способов порождения структурной упорядоченности эквивалентных элементов художественных структур; на выс-

шем (метатеоретическом) уровне – как характеристика симметрии в законах искусства, в методах художественных преобразований, обеспечивающих стилистическую, жанровую, сюжетную и мировоззренческую инвариантность соответствующей художественной системы. При этом оказывается, что искусство содержит не только симметрию, но и частичное ее отсутствие – диссимметрию, которая, по словам Пьера Кюри, творит явление: «Истинная красота есть преднамеренное частичное нарушение симметрии». Можно утверждать, что этот принцип в его эстетических проявлениях, как и сами понятия о симметрии и диссимметрии, было открыт в практике искусства задолго до того, как была найдена их научная понятийная формулировка.

Из явления симметрии в искусстве непосредственно вытекает очевидная фрактальность организации многих художественных произведений. Фрактальные структуры играют заметную роль в морфологии искусства. Фракталы зеркальной симметрии определяют композиционный строй многих выдающихся памятников литературы от «Илиады» и «Одиссеи» Гомера до романа Солженицына «В круге первом». Фракталы золотого сечения также определяют структурное самоподобие огромного числа шедевров искусства. [1, с. 34]. Это позволяет современным исследователям утверждать, что книга искусства написана на языке фракталов, как и книга природы, по утверждению Б. Мандельброта – создателя теории фрактальной «организации» природных структур.

В попытке очертить семантическое поле понятия «фрактал» Мандельброт воспользовался метафорами, аналогиями, сравнениями различных, несопоставимых, казалось бы, областей (математики, географии, лингвистики). Создавая свою концепцию, он ввел цельность представления в нагромождение разрозненных фактов и моделей, предложив «фрактальную» гармонию – фрактальный порядок интерпретируемого мира и запустил тем самым интереснейший механизм самоорганизации, самоорганизации этого порядка. Подобное самоорганизация является одной из характернейших и наиболее специфичных особенностей искусства, проанализированных, в частности, в синергетико-лингвистической концепции Ю. Лотмана. Фрактальность в какой-либо структуре можно рассматривать, с одной стороны, как самоподобие. С другой, по мнению современной физики и математики, такое самоподобие характерно для структур с наибольшей степенью неустойчивости (нестабильности) – а что более нестабильно, на первый взгляд, чем произведение искусства, которое зачастую твориться

заново при каждом исполнении (музыка, танцевальное или театральное искусство). Идеи автопоэзиса, понимаемые сейчас очень широко, применительно к любому виду деятельности человека, особенно близки к исключительно творческой деятельности художника. Самовоссоздание, проецирование своего внутреннего мира вовне и создание новой художественной реальности на основе синтеза собственной личности и окружающей реальности – такова одна из наиболее характерных отличительных особенностей художественного творчества. [2, с. 26]. Следовательно, методология, разработанная в естественных науках на основе синергетического подхода, применима как для структурного анализа произведений искусства, так и для исследования собственно процесса художественного творчества.

В современной науке фрактальное самоподобие понимается в неклассическом, нелинейном смысле, когда часть есть деформированная «похожая» часть целого. Такой вариант объективно встречается как в природе, так и в искусстве значительно чаще. Теоретически самоподобие фракталов бесконечно, хотя реально мы в состоянии различать не более 5–7 фрактальных самоподобий, называемых предфракталами. Именно с такой ситуацией мы встречаемся в искусстве, поскольку произведение, созданное человеком, может быть бесконечно красивым, но не может быть бесконечным в структурном смысле. Основой, стержнем всегда являются 1–2, максимум 4 ведущих темы, вокруг которых и выстраивается композиционное развитие. При этом лейтмотив в произведении по определению может быть только один. Следовательно, фрактальные структуры играют заметную роль в морфологии искусства.

Интерес с этой точки зрения представляет анализ поэмы А. Блока «Двенадцать», осуществленный в работах А. В. Волошинова [3, с. 145]. Автор утверждает, что именно фракталы зеркальной симметрии/антисимметрии, зеркальное подобие большого и малого определяют композиционный строй поэмы. Следует отметить, что впервые зеркальные симметрии в композиции глав поэмы были обнаружены Е. Г. Эткингом в ряде его работ [4, с. 84]. Композиция поэмы представляет собой полный цикл: поэма начинается темой ночной вьюги и ночного дозора, ею же и заканчивается. Отряд двенадцати взялся из ниоткуда, в никуда и ушел. Этот прием известен в литературоведении как композиционное кольцо, однако важно, насколько последовательно и глубоко он внедрен в ткань художественного целого. И если это так, то тогда единичное композиционное кольцо превращается во фрактал зеркальной симметрии, что и произошло в поэме Блока.

Большинство глав «Двенадцати» в той или иной форме структурируются законом зеркальной симметрии, они симметричны либо антисимметричны относительно центра поэмы. Практически во всех главах этот единый закон принимает различные формы. Кроме того, можно указать по крайней мере 5 уровней зеркально симметричных самоподобий: уровень всей поэмы, глав, строф, нескольких стихов, одной строки. Чем ниже уровень симметричной организации поэмы, чем менее значителен структурный элемент произведения, тем свободнее выполнение в нем симметричного закона. Названные пять уровней и есть предфракталы «Двенадцати».

Следует заметить, что изоморфизм произведений искусства следует искать не только на уровне конкретной художественной формы (поэтической или музыкальной), но и на более глубоком и важном уровне – уровне принципов построения художественной формы, а также на смысловом уровне [3, с. 149]. На уровне смысловых блоков можно выделить предфрактал художественного пространства поэмы. Начинается художественное пространство «Двенадцати» с картины вселенской бури, затем сужается до масштабов города, затем - до масштаба отряда и, наконец, до микрокосма одного человека. После 8-й главы художественное пространство расширяется в обратном направлении. Таким образом, мы получаем зеркально симметричную структуру. Зеркальная симметрия художественного пространства поэмы тесно переплетена с зеркальной симметрией драматургического пространства. Если зеркально симметричные главы рассматривать парами, то их драматургическая роль становится наиболее отчетливой. Следует заметить, что при линейном прочтении глав динамика их объема выглядит хаотичной.

В результате у Блока получилась поэма, которая математически безупречна по форме и пронзительно музыкально по звучанию. Математика и музыка слиты в «Двенадцати» воедино. Недаром пифагорейцы называли математику и музыку родными сестрами. Фрактальная геометрия поэмы столь же совершенна, как и фрактальная геометрия природы, открытая Мандельбротом. Симметрия, по Г. Вейлю, есть путь к совершенству. С другой стороны, для Блока аналогии поэтической и музыкальной структуры не являются случайными. Внутренняя гармония души, музыка душевных сфер увлекает его за собой. Говоря словами К. Бальмонта: «Поэзия есть внутренняя музыка, внешне выраженная размеренной речью». Римский-Корсаков и Чайковский, Блок и Пастер-

нак воспринимали и понимали музыку в образе органического единства мира. Подобно Пифагору, Блок видел в музыке космическое начало, источник мировой гармонии, сверхискусство, способное врачевать души, творить красоту, соединять элементы мира в единое целое, т.е. преобразовать мировой хаос в гармонию. Впервые исследовал взаимосвязь поэзии и музыки в творчестве Блока Е. Г. Эткинд [4, с. 75]. Он доказывает, что по музыкальному строению поэма «Двенадцать» представляет собой симфоническую сюиту, а ее поэтическое содержание выражено в движении, сплетении и противоборстве двух тем: темы бури и темы марша. Подобный подход к анализу произведений искусства современные исследователи основывают на понятии и явлении изоморфизма, столь часто встречающемся в художественном творчестве.

Исследователями было замечено, что существует не только изоморфизм между различными искусствами, но и изоморфизм на уровне базовых принципов формообразования как в искусстве, так и в объективной реальности. Одним из таких всеобщих принципов является принцип симметрии, который называют универсальным космическим принципом. Принцип симметрии определяет внутренние законы природы, он лежит в основе законов сохранения, он обеспечивает экстремальное значение важнейших параметров системы, т.е. действие вариационных принципов.

Господство законов симметрии простирается от макрокосмоса симметрии подобия спиральных галактик и центральной симметрии Солнечной системы, вплоть до симметрии микромира кристаллических решеток, двойной спирали молекулы ДНК и атомного ядра. Идея симметрии обогащена свойствами антисимметрии, диссимметрии, симметрии подобия, цветной симметрии и т.п. И если нобелевский лауреат Ю. Вигнер назвал симметрию сверхпринципом науки, то сейчас мы с полным правом можем назвать ее сверхпринципом искусства.

Список литературы: 1. *Мамчу Е. А., Скорупская Ю. Г.* Виртуальные миры искусства и науки: проблема референции [Текст] / Е. А. Мамчур, Ю. Г. Скорупская // Филос. науки. – 2007. – №7. – С. 32–48. 2. *Князева Е.* Нелинейная паутина познания [Текст] / Е. Князева // Человек, №2. – 2006. – С. 21–32. 3. *Волошинов А. В.* «Двенадцать» Блока: музыка, фракталы, хаос [Текст] / А. В. Волошинов // Человек, 2007, №3. – С. 145–151. 4. *Эткинд Е. Г.* Демократия, опоясанная бурей ((О музыкально-поэтическом строении поэмы А. Блока «Двенадцать»)) [Текст] / Е. Г. Эткинд // Блок и музыка: Сб. ст. Л., М.: Сов. Композитор, 1972. – С. 72–90).

Виктор Мищенко
г. Харьков, Украина

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Глубокая духовность отечественного образования, основанная на православной вере, с древних времён обусловила его высокий нравственно-воспитательный характер, способствовала созданию удивительно чистой, действенной и сильной культуры. И действительно, отечественная литература, подарившая человечеству духовный мир Толстого и Достоевского, Чехова и Гоголя, бессмертную поэзию Пушкина, Лермонтова и Шевченко, вместе с её искусством представляет собой на протяжении многих столетий необыкновенную *целостность*, отражающую единство и крепость народного духа, проникнутого нравственным просвещением.

И сегодня, *идея духовно-нравственного образования и воспитания* растущего поколения является ведущей в деятельности Харьковского отделения Союза писателей Украины. Даря людям свои произведения, мы видим свою задачу в том, чтобы вырастить молодое поколение добрым, честным и трудолюбивым. Мы вполне отдаём себе отчёт, что в силу целого ряда факторов и обстоятельств, произошло прерывание этой гуманистической традиции, этой системности и целостности духовного бытия, в котором вера, нравственность и искусство находились в состоянии гармонии и креативного взаимодополнения. Если не проанализировать причины произошедшего, невозможно выработать адекватную стратегию XXI столетия, отвечающую идее полноценного и гармоничного развития цивилизации. К таким негативным факторам прерывания гуманистической традиции можно отнести следующие:

Во-первых. Социокультурный опыт нашего XX столетия, отмеченного жестокостью мировых и локальных войн, положившего конец гуманистической традиции и ознаменовавшего *победу иррационального, наступление эпохи постмодерна*, свидетельствует о том, что такие категории, как добро, красота, гармония, сознание, разум, здравый смысл, сами по себе перестали быть реальной альтернативой историческому безумию, насилию, фанатизму, социальному злу. «Мир утратил ориентиры. Целесообразность процессов уступила место бессмысленной тотальной процессуальности и технологичности. Все наиболее важные точки отсчета – Смысл,

Цель, Польза, Развитие, Прогресс, Счастье – все более атрофируются и взаимно аннигилируются, превращаясь в виртуальную вязь иллюзорных приоритетов, на которые давно уже никто не обращает внимания» [1, с. 1].

Во-вторых, глубокие кризисные явления нашего столетия по сути дела знаменуют завершение эпохи формирования *техногенной цивилизации*, основанной на либеральных ценностях и технократических принципах принятия решений. В техногенном обществе духовно-нравственные ценности были заменены так называемой светской моралью, один из постулатов которой гласит, что «свобода личности кончается там, где начинается свобода другой личности». В результате, «с точки зрения светской морали подчас самые аморальные явления считаются абсолютно нормальными и допустимыми при условии, если не ущемляется ничья свобода и не нарушаются ничьи права» [5]. Так, если речь идет об искусственном прерывании беременности, то с т. з. системы ценностей этой доктринальной концепции это не вызывает никаких моральных протестов, поскольку нерожденный младенец не является субъектом права и не может защитить свои права. XXI век должен возродить духовность и гуманизм, сформировать новые нравственные устои цивилизации.

В-третьих, на протяжении тысячелетий *Восточнославянская цивилизация* осуществляла духовное влияние на западноевропейскую систему ценностей, однако, после проведенной «революции сверху», в сознание людей началось внедрение «жесткого и зачастую вульгарного социалдарвинизма и ... мальтузианства» [3, с. 331]. Разрушение «культурного ядра» привело к внедрению в массовое сознание новой антропологической модели, несовместимой с идеалами духовности и нестяжательства, гуманизма и солидарности – тех ценностей, которые, находя своё отражение в литературе, производили «духовную подпитку» западной цивилизации. В современном обществе культивируется дух жестокости и грубой силы, что находит вызывает тревогу интеллигенции, педагогов, священнослужителей. В силу этих обстоятельств именно от нас сегодня зависит исторический выбор вектора нашего развития, будущность цивилизации.

В-четвёртых, это *влияние глобализации*. В настоящее время мир стоит перед лицом экспансии западной «цивилизации потребления», приближающейся к порогу энергетической, демографической и экологической катастрофы. Анализируя высказывания Френсиса Фукуямы и Самюэля Хантингтона о том, что войны нового тысячелетия будут связаны с «со-

циокультурным водоразделом цивилизаций», известный российский исследователь Акоп Назаретян замечает, что «...Хантингтон нарисовал нам дорогу к пропасти», избежать которую можно лишь одним-единственным образом, а именно: «Принятием всеми региональными культурами единых ценностей и норм общежития (конвергенция, унификация)» [2]. Если предположить, что конвергенция и унификация осуществимы, то это на практике привело бы к снижению мирового уровня культуры до стадии едва ли не каменного века. Отвечая на вызов западной «цивилизации потребления» мы должны следовать стратегии укрепления духовности и нравственности.

В-пятых, за годы так называется «атеистического воспитания», выросли несколько поколений, утративших *духовную связь с Богом*. Отталкиваясь от известного тезиса Достоевского «Если Бога нет, то всё дозволено», известный российский философ В. И. Гараджа ставит вопрос: «значит ли это, что «не может быть подлинного гуманизма без бога», что «человека может освободить только бог»? Не несет ли в себе такая постановка вопроса опасности индоктринации, духовного насилия, против которого и направлена эта апелляция к богу? Может ли религия быть понята как единственно возможная опора нравственности и являлась ли она таковой в самой жизни?» [4, с. 18]. Очевидно, что органическую связь религии и нравственности на протяжении всей истории отрицать невозможно. Это явственно видно на примерах нашей реальности, так и на фактах более ранних исторических времён: о деформациях нравственности хорошо известно и в период постфеодализма, когда возникли первые попытки секуляризации общества.

Следует сослаться на российский опыт: в учебных заведениях начали изучать православную этику, причем, следует поучиться мудрости и толерантности руководителей, принимавших это судьбоносное решение. В многонациональной, в многоконфессиональной стране было принято решение дать возможность обучаемым самим осуществлять выбор этической системы, которая может быть основана на одной из религий или на светской морали. Состоявшийся в начале октября 2008 года Архиерейский собор Русской Православной Церкви в Послании к клиру и мирянам, подчеркнув, что «религиозные ценности должны учитываться при осуществлении любых общественных проектов, затрагивающих интересы большого числа людей, и то, что их необходимо учитывать эти ценности, в сфере демографической политики, особо отметил, что *«насаждение в мире одной системы ценно-*

стей является лишь повторением уже знакомой нам тоталитарной практики ... Православное мировоззрение должно обладать, по крайней мере, равными правами с секулярным видением мира».

Данный подход Русской Православной Церкви снимает все проблемы в вопросе о соотношении религиозного и нравственного воспитания. В демократическом обществе – это исключительно выбор конституционного права – свободы совести. Однако легко видеть, что опора на трансцендентные начала, которые придают обычным моральным нормам чувство святости формируют реальный механизм функционирования морали, её влияния на общество, воспитание молодёжи. Такое осознание и признание общечеловеческого нравственного опыта, у всех народов и во все времена освященного по разному выраженной, но общей верой в высшую и вечную правду, в мировой объективный закон, согласно которому торжествует справедливость, и зло оказывается наказанным, а добро вознаграждается, позволяет укрепить нравственность, формировать подлинную духовность.

На что следует обратить внимание, чтобы реализовать идею формирования подлинной духовности?

1. Сегодня осуществляются попытки найти в «вере», форму социального престижа, определённую *форму «интеллектуальной моды»*. Под этим знаменем осуществляется «крестовый поход» против научной рациональности. Русская Православная Церковь осуждает такой подход. Когда Митрополиту Московская и Всея Руси Кириллу был задан вопрос об его отношении к эволюционной теории, он отметил, что это вопрос науки, а задача религии – в духовном спасении. Он отметил так же, что Русская Православная Церковь всегда толерантно относилась к науке, и в нашем обществе, в нашей истории никогда не было института святой инквизиции. Хочу подчеркнуть, что в той мере, в какой религия перестает быть делом «моды» и становится нормальной составной частью жизни общества, в той мере возрастает значение реально ощутимых позитивных сдвигов.

2. Существует тенденция видеть в церкви *«политическую духовность»*. В современном обществе, особенно в поведении элиты, проявляются попытки использования религиозных чувств людей для привлечения на свою сторону потенциальных избирателей. Показная набожность всегда констатирует с искренностью истинных религиозных чувств. Следует признать, что зависимость церковного института от Власти в данном контексте уже лишает этот институт ореола священства и придает ему оттенок имита-

ционности, социального театра, рождает в обществе атмосферу двойной морали и «цинического разума». В тоже время, необходимо эффективное взаимодействие, социальное партнерство Русской православной Церкви и государственных образовательных учреждений, оно востребовано сегодня, как никогда ранее, особенно при выработке ценностных ориентиров.

3. О религиозности формальной, внешней и религиозности сущностной, внутренней. Можно допустить, что и внешняя религиозность дает некоторое продвижение в духовном развитии, но только до определенного уровня, после которого она становится торможением, если не сочетается с религиозностью внутренней. Я вижу эту задачу в том, чтобы способствовать переходу личности от «от внешней, обывательской, формальной религиозности к религиозности внутренней». Под внешней религиозностью я понимаю чтение молитв, посещение церкви, следование церковному календарю и прочие действия атрибутивного характера. Внутренняя же религиозность – это отношение к Миру и Жизни как к божественным проявлениям, следование божьим заповедям в повседневной жизни, видение Бога и в большом, и в малом, стремление приблизиться к Богу, а значит, и стремление изменить себя в лучшую сторону.

Задача сущностной, внутренней религиозности – восстановление разрушенных атеистической идеологией и практикой так называемых «сакральных» зон, не допускающих цинизма, нигилизма и глумления над тем, что связано или с антропологическими пределами человеческой жизни (священность материнства, отцовства, детства, рождения и смерти, ценность человеческой жизни), или с определенными «границами» человеческого духовного образа, с утратой которого человек может называться «особью», но не человеком в смысле разумного, духовного, культурного существа. Строго говоря, снятие этих «культурных одежд» с человека есть процесс «вторичного одичания», который равносителен антропологической катастрофе. Поэтому, задача литературы – донести до массового читателя, прежде всего, до молодёжной аудитории всю глубину этических ценностей православия, христианства, способствовать формированию внутренней религиозности.

В Национальном техническом университете «ХПИ» на протяжении ряда лет реализуется концепция формирования управленческой, гуманитарно-технической элиты. Используются нестандартные методы активизации ума, интеллекта, воли. Целью является формирование человека

как открытую знаниям, развивающуюся систему. Но главное внимание уделяется проблеме формирования **духовности элиты**. Для этого и проводятся вечера славянской духовной музыки и поэзии, встречи с философами, с писателями и богословами, студенты активно участвуют в проведении круглых столов, международных научно-теоретических конференциях. Мы ставим перед собой вопрос: духовная элита – что это такое, по каким критериям определяется? В признании элитности тех или иных групп мы видим и элемент духовной избранности – **праведничества**, нравственности, причем не чисто вербальной, а реализованной в собственной жизни. И этот элемент праведничества, – есть важнейшее основание для элитности.

С целью формирования духовности отечественной элиты мы не только активно привлекаем священнослужителей на встречи с молодёжью, но и стараемся проводить плановые занятия во внутривузовской системе повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Такой опыт накоплен и изучается методическим отделом НТУ «ХПИ». Реализовать стратегию духовно-нравственного воспитания мы стремились, проводя широкие дискуссии и встречи творческой интеллигенции, писателей и поэтов, объединённых общим духовным пространством литературы. Это наш путь к новому миру – миру, где царят согласие и сотрудничество славянских народов, основанные на православных ценностях. Мы считаем, что решению этой задачи будет способствовать издательство литературно-художественного журнала «Славянин», в первых номерах которого приняли участие писатели наших братских народов. В нем отражаются материалы о проведённых нами мероприятиях, посвящённые памятным датам со дня рождения славянских писателей, информации о неделе русского языка и русской культуре, литературных встречах с молодёжью, писателями и священнослужителями.

Важнейшим направлением деятельности Харьковского отделения Союза писателей России является проведение вечеров славянской духовной музыки и поэзии «Колокольный звон пасхальный», целью которого является раскрыть наши духовные святыни, основанные на православной вере, вызвать светлые чувства в душе человека, способствовать духовному очищению. Данное направление, в проведении которого принимают активное участие священнослужители, писатели и поэты из раз-

личных городов Украины и России, мы рассматриваем, как одно из основополагающих в нашей деятельности.

Выводы. Подводя итоги, я хотел бы сосредоточить внимание на следующих принципиальных позициях, раскрывающих роль Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании.

Во-первых, православие – это наши истоки, наша общая судьба и история, основа духовного единства братских республик и сохранения своего генетического кода. Православная вера, взращенная в сердцах поколений, наших предков, пришедшая из Византии, одухотворила, соединила княжества и племена в одно из самых просвещенных государств Европы и Азии – Киевскую Русь. Она есть их духовной матерью. Она сформировала нашу восточнославянскую идентичность, наш менталитет, нашу цивилизацию. Нам необходимо обеспечить передачу этого генетического кода через ситемму духовно-нравственного воспитания.

Во-вторых, православие – это наша духовная основа, наш стержень, источник нашей стойкости, силы и могущества, гарантия нашего устойчивого развития, наш путь в будущее. В настоящее время мир стоит перед лицом экспансии западной «цивилизации потребления», приближающейся к порогу энергетической, демографической и экологической катастрофы. Сохранение общности Восточнославянской цивилизации является оптимальным вариантом смягчения усиливающейся стагнации и более быстрого перехода к жизнеспособному типу цивилизации. Мы должны иметь духовные силы, чтобы выстоять в этой борьбе.

В-третьих, православие это основа нравственного воспитания личности, которому подчиняется всё – и социальная сфера, и политика, и экономика. Об этом убедительно говорилось в Слове Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на XIII Всемирном Русском Народном Соборе, посвящённом проблеме экологии души и анализу духовно-нравственных причин кризисов: «Нас долгие годы уверяли, что главное в экономике – это капитал, средства производства, теории и технологии. Однако разразившийся кризис отверг эти постулаты. Главное в экономике – это человек. От его ума, от его души, от его нравственного состояния зависит настоящее и будущее мирового хозяйства» [5]. Формирование и совершенствование системы духовно-нравственного вос-

питания – условие перехода от «техногенной» к духовной цивилизации, основанной на принципе гуманизма.

Список литературы: 1. XXI век: мир между прошлым и будущим. Культура как системообразующий фактор международной и национальной безопасности / Под научной ред. О.П. Лановенко. – К.: Стилос, 2004. – 572 с. 2. Назаретян А. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 144. 3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с. 4. Гараджа В. И. Мораль и религия. / Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 17–24. 5. Материалы XIII Всемирного Русского Народного Собора 22–24 мая 2009 г.

Ольга Оконеvская
г. Харьков, Украина

ВО ДНИ СОМНЕНИЙ И ТЯГОСТНЫХ РАЗДУМИЙ, ИЛИ ПЛАЧ ПО НЕРОЖДЕННЫМ УРОКАМ

Хочу высказать свое мнение по поводу предмета, деликатно именуемого «Всемирной литературой». Новая программа для школ с украинским языком обучения составлена по принципу лоскутного одеяла – то, что способно утеплить тело, не согревает душу. Огромное количество отрывков и обрывков из непрочитанных книг производит удручающее впечатление на учителя и не дает возможности ученику сформироваться как читателю. Не может старшеклассник, обремененный полутора десятками предметов, прочитать до тысячи страниц зарубежной литературы, не считая украинской. Вот и адаптировалась методика, предлагая вместо сопереживания опорные схемы, ответы по предложенному учителем плану, запись отдельных цитат, таблиц и прочие формы изучения непрочитанных произведений. Зачем же изучать литературу по касательной к душе, если она – единственная в школьном курсе – приглашает к диалогу именно душу? Так, почти незаметно, муза сначала превратилась в обычный экзаменационный предмет, для элементарной сдачи которого тысячными тиражами выпускаются элементарные ответы на вопросы билетов. Коротко, ясно, с минимальными затратами – материальными, временными, духовными. А сейчас это уже второстепенный предмет, который и вовсе не сдается. Переходим на дайджест, почти как в Америке. Но там и не было кропотливой совместной работы ума и сердца, а мы равнодушно соглашаемся с утратой этого нашего уникального богатства, накопленного если не столетиями, то хотя бы двумя последними веками нашей цивилизации, и сейчас, как Атлантида, уходящими в небытие.

Кто мы после этого? Марионетки, вынужденные выполнять ниспосланную свыше программу, или манкурты, которых заставляют забыть весь опыт постижения, а не сдачи литературы? Не успев войти в школьный курс, ушла из него Библия (я имею в виду только ее гуманитарные и культурологические аспекты), уже нет сказок Пушкина, «Бородино». Не поплачут дети над судьбой и подвигом Пети Ростова, не задумаются над толстовской «скрытой теплотой патриотизма», не встретятся ни единого раза

за весь школьный курс с красотой слова Паустовского, Яшина, Пришвина, Абрамова, Астафьева, Платонова, Заболоцкого, Казакова...

Разжалован благородный разбойник Дубровский, его место занято не менее благородным англичанином Робин Гудом. Не услышат дети со страниц «Капитанской дочки» пророческое: «Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и жестокий».

Ушел из нашего компьютерного века мастеровой Левша, исключили из программы «Детство» Толстого и Горького – у одного, наверное, слишком барское, у другого же очень созвучное с детством «пересичного» украинского ребенка. Зато пришла, наконец, в школу «Собака Баскервилей», вытеснив не только «Муму», но и «Мцыри», «Бирюка», «Певцов»... В 7 классе раздел «Героическое прошлое» представлен только романом «Айвенго», скорее историческим, очень трудным для восприятия детьми, не имеющими знаний по истории Англии XII века ввиду нестыковки программ по истории и литературе. Грустно, но в разделе «Баллады» не нашлось места Жуковскому, а при изучении классицизма даже не упоминаются ни Фонвизин, ни Грибоедов. Канули в вечность образы русской литературы, поднявшиеся до вершин мировой. В 10 классе дети даже бегло не знакомятся с творчеством Островского, Гончарова, Тургенева, Фета, Тютчева, Салтыкова-Щедрина. Их как будто и вовсе не было. В программе этого года нет уже и Чехова. Вместо него – Ибсен.

Просто чудовищна программа 11 класса. Литература модернизма представлена в таком объеме, что несведущему ученику даже трудно себе уяснить существование реалистических произведений и отражение в них жизни во всем ее многообразии. Хорошо, что пришли в программу Рильке, Аполлинер, Лорка, но куда-то за ненадобностью «ускакал на розовом коне» Сергей Есенин – «óрган, созданный природой исключительно для поэзии». Уже нет Мандельштама, Цветаевой, Маяковского, Твардовского. Неужели реально за один урок осуществить требования программы по теме «Поэзия Ахматовой», например: «Акмеизм в поэзии Ахматовой», «Художественные особенности творчества», 3 стихотворения да еще «Реквием», об эпохе создания которого выпускники имеют очень смутное представление, а в придачу – «Библейские мотивы в поэме», при том, что Библии, увы, уже нет в школьной программе. Программа пестрит именами, направлениями, течениями, названиями, произведениями английской, американской, немецкой, французской, японской литературы. Но из

наиболее близкой нам, русской, остался только гениальный булгаковский «Мастер...», увидевший свет спустя почти три десятка лет после создания и потому не оказавший влияния на современный ему литературный процесс. Выпускникам нравится этот роман – его необычность, сатирическая направленность, афористичность, позволяющая цитировать Булгакова так, как их бабушки и дедушки цитировали Ильфа и Петрова. Они с удовольствием следят за историей любви героев, восхищаются Бегемотом, смеются над обманутыми посетителями варьете и участниками бала у Сатаны. Но понять линию Иешуа и Понтия Пилата им очень тяжело без знания хотя бы отдельных эпизодов Евангелия.

Не кощунство ли, что не нашлось места даже обзору литературы Великой Отечественной, да и вообще – отражению войны в послевоенной прозе? Забыты слова С. Орлова: «Я, может быть, какой-нибудь эпитет, // И тот нашел в воронке под огнем». Никто не вспомнит М. Алигер: «Стихи-окопы и стихи-землянки! // В боях у Сталинграда и Москвы // Вас рвали мины, вас топтали танки, // Сгорели вы. И победили вы».

Наши выпускники так и не узнают, что газеты с «Василием Теркиным» не шли на самокрутки, а симоновские строки «Жди меня» тиражировались тысячами солдатских треугольников. Зачем же тогда уроки литературы?

На сегодняшний день в программе по всемирной литературе русская литература представлена следующими произведениями:

5 класс

Пушкин. «У лукоморья...» – 1 час

Лермонтов. «Горные вершины...» – 1 час

Тютчев. Стихи о природе – 1 час

Маршак. «Двенадцать месяцев» – 1 час

Итого 10 часов

6 класс

Крылов. Басни – 2 часа

Чехов. «Толстый и Тонкий», «Хамелеон» – 2 часа

Итого 4 часа

7 класс

Былины – 2 часа

Пушкин. «Песнь о вещем Олеге» – 2 часа

Гоголь. «Тарас Бульба» – 9 часов

Твардовский. «Я убит подо Ржевом» – 1 час

Шолохов. «Судьба человека» – 3 часа

Итого 17 часов

8 класс

Ни одного произведения!

9 класс

Пушкин. Стихи. «Евгений Онегин» – 5 часов

Лермонтов. Стихи. «Герой нашего времени» – 5 часов

Гоголь. «Шинель» – 2 часа

Итого 12 часов

10 класс

Достоевский. «Преступление и наказание» – 7 часов

Толстой. «Анна Каренина» – 7 часов

Некрасов – 2 часа

Итого 16 часов

11 класс

Ахматова – 1 час

Блок – 1 час

Пастернак – 1 час

Булгаков. «Мастер и Маргарита» – 5 часов

Итого 8 часов

При 70 часах в неделю мы имеем в средних и старших классах $70 \times 7 = 490$ часов, из них 67 отданы русской литературе, то есть чуть меньше 14 %.

Программа по литературе – это государственная программа формирования нации, ее духовного и гражданского потенциала. Она должна обязательно составляться при участии учителей-практиков.

Она должна быть одинаковой для русских и украинских школ, ибо это наш общий фундамент, наша духовная база. Почему дети в украинских классах даже одной и той же двуязычной школы так обделены по сравнению с русскими? Я не против прекрасного и мелодичного украинского языка, дети наши обязательно должны знать украинский язык и литературу, но нужно оставить право родителям выбирать, в какой школе или в каком классе обучать ребенка в русском или украинском, а не насаждать насильно тот или другой язык обучения.

Что же касается русского языка, то его просто нет в программах украинских школ – ни в каком классе, ни часа. Мы же теперь Европа: у нас

по 2–3 урока немецкого, французского, английского, но ни одного русского, такого же родного, как и украинский, для нашей Слобожанщины, где одна сторона улицы приграничной Казачьей Лопани отнесена к Украине, а другая к России. Вот так – по-живому. Божий дар билингвизма и раннего приобщения к двум великим культурам насильственно сводится к одному языку. Зачем же убивать то, с чем рождается человек на нашей много-страдальной, но счастливой от возможности владеть двумя языками, двумя литературами и двумя культурами земле? И нам, и детям необходим свет и воздух уроков русской литературы, аура великих имен и великих произведений. Ведь литература – единственный предмет в школьной программе, который и не предмет вовсе, а что-то совсем-совсем другое, не могущее отразиться ни в дневниках, ни в журналах, ни, тем более, в оценках. Тогда как научить даже слабослышащих настраивать на него свои души? Как помочь им расти без фундамента, безнаказанно выбитого из-под ног?

Есть в жизни и в искусстве люди (образцы? камертоны? эталоны? кумиры?), к которым невольно тянешься, без которых оскудение и тьма. Не дай Бог, чтоб такое – и в душе. Да озарится она светом изнутри, неистребимым светом литературы, который ежедневно высекает для себя Человек Читающий. А вдруг кто-то прошепчет: «Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой». Чем большими духовными запасами владеет человек, тем чище и выше становится он, терпимее к другим народам, счастливее, наконец. Помните, у Вознесенского?

Родины разны,
Но небо едино.
Небом единым
Жив человек.

Не дадим же погибнуть этому небу, которое должно обязательно отражаться в школьных программах, а через них – в сердцах и душах наших учеников. Иначе зачем мы?

Станіслав Пазиніч
м. Харків, Україна

ФІЛОСОФІЯ МИСТЕЦТВА В ГЕНЕЗІ СВІДОМОСТІ ОСОБИСТОСТІ ХУДОЖНЬОЇ ЕЛІТИ

Технічний прогрес, інноваційні технології, розвиток наукової думки усе глибше й глибше поринають в світ меркантилізму, залишаючи на поверхні щирі почуття і нехтуючи тими цінностями, які у свій час бентежили людство більше, ніж промисловість, політика, бізнес, гроші тощо. Наприклад, у сучасному суспільстві відбувається своєрідний тиск масового матеріального виробництва, в тому числі й науки на цінності моральні, естетичні, духовні. Створюються обставини, коли інколи наукове мислення розвивається на шкоду моральнісному й естетичному розвитку особистості, інакше кажучи, на шкоду сутнісним, родовим якостям людської природи. Тому і не випадково, що у більшості сьогоденних молодих людей образ успішної людини, складається переважно з її матеріального, а не духовного потенціалу. Як наслідок, людські почуття все частіше розвиваються по стереотипному стандарту, а це призводить до значного скорочення меж духовного світу особистості і значно лімітує комунікаційні сфери соціально активної життєдіяльності – основи людського буття.

Ось тому *майбутнє як світоглядна проблема* являє собою фундаментальний зв'язок з суспільними потребами та ідеалами, з вибором конкретних життєвих подіб і цілеспрямованого, духовно насиченого способу життя. Не випадково навколо цієї проблеми постійно ведуться творчі дискусії. Все це актуалізує розробку проблем, безпосередньо пов'язаних зі з'ясуванням філософських, методологічних в своїй основі перспектив, мистецтва, спрямованого на розбудову атрибутивних чинників далекосяжного розвитку суспільства і цивілізації взагалі. Уточнення ключових гносеологічних і естетико-етичних домінант, визначеність і корекція гіпотетичного художнього мислення, дозволить, на наш погляд, не тільки схарактеризувати базові ціннісно-орієнтованні установки сучасного мистецтва, але й допоможуть здійснити, в певних випадках, їх якісну соціально дієву перевірку.

Мета дослідження саме і полягає у з'ясуванні сутності філософського феномену художньої творчості та можливих варіантів і методів її впливу на перспективний розвиток особистості і суспільства в цілому.

Слід відразу зазначити, що мрія підняти завісу майбутнього і знайти певний шлях до нього, про це людство мріє відвіку. Тому бажання знати, що готує день прийдешній, це не повсякденна дозвільна цікавість, а наукова проблема, оскільки чим більше знань про майбуття, тим більш безпечний вибір модусів плідної дієвості в сьогоденні, які убезпечать соціально надійні кроки в грядуще.

Сьогодні, коли світ переживає духовну кризу і її катастрофічні наслідки в економіці, як ніколи до тепер, виявлявся інтерес до перспективного розвитку суспільства. Але потреба в орієнтації на майбутнє викликана не тільки вище згаданими чинниками, а ще й неприборкною стрімкістю, масштабами і темпами науково-технічного прогресу, спонтанним зростанням не усвідомлених суспільством і цивілізацією матеріальних потреб.

В такій складній ситуації, коли профспілки (нині соціально і духовно майже без дієві), а ще більше, у цьому відношенні, політичні партії, які дискредитували себе в якості посередників між народом і державними власними структурами, представники гуманітарно-художньої еліти виходять на перші лідируючі ролі в допомозі особистості та й взагалі простому люду, усвідомити своє дієве місце і роль в суспільстві. Продовжуючи цю тезу наголосимо, що необхідною передумовою соціальної дієвості мистецтва в нашому суспільстві має бути його безпосередня участь в захисті інтересів обездолених матеріально, а ще більше духовно, середньостатистичних «маленького» українців. Нині це під силу тільки мистецтву, яке завжди ставило перед собою завдання подолання пасивно-споглядального підходу до дійсності і одночасно спрямовувалося на збагачення гуманістичних першоджерел, в яких чітко відмежовувалось *скороминуще і перспективне*. «Щоб знову вдихнути в цей плачевний порядок речей здорове і героїчне життя, – писав свого часу Уолт Уїтмен, – потрібна нова література, здатна не тільки відображати або копіювати видимість речей і явищ, не тільки догоджати, як повія, тому, що називається смаком, не тільки бавити для порожнього супроводження часу» [1, с. 148]. Цей заклик-застереження видатного американського поета, звернений до літераторів і митців мистецтва, актуальний як ніколи раніше в нашу добу.

Отже, соціальне функціонування мистецтва, як свідчить історія, невіддільно від його установки на активну співтворчість з дійсністю або ж пасивне споглядання чи споживання її. Ідейно-естетична якість літератури і мистецтва виявляється, зокрема, в тому, що дієвий вплив на думки, відчуття

і волю людей здійснюється за допомогою зображення характерів творчих, цілеспрямованих на перетворення дійсності. Саме такий підхід стимулює соціально-творчу активність особистості і зокрема її естетичну і духовну культуру. Навпаки, поверхневий, вульгарно-примітивний підхід до витворів мистецтва, нерозуміння його природи і мови вульгаризує благотворний вплив художньої творчості на розвиток свідомості й прочуття людей. Якщо це так, то мета мистецтва полягає не в пасивному пристосуванні до нерозвинених смаків аудиторії. Навпаки, художня критика, як своєрідна представниця народу на Парнасі, (шкода, але вона майже зникла в нашому суспільстві), повинна розмежовувати істинно ціннісне, по-справжньому модерне від фальшованого, художньо збідненого і убогого в мистецтві.

Як відомо, мистецтво в своєму соціально-історичному функціонуванні не існує як автономна, замкнута система. На художню творчість накладає винятковий відбиток історична доба, але і розвиток останньої значною мірою визначається ідейно-естетичними потребами суспільства. Отже, суспільно-естетична активність повноцінного мистецтва завжди сприяє перетворенню природного буття і людської долі в гуманістичному спрямуванні [2].

Спосіб за допомогою якого філософи змогли б збагнути сутність людини, розгадати її таємниці, бентежив не одну епоху, не одне покоління. Спрадавна філософськи настроєний розум вирішує цю віковічну проблему, що таке людина і яка її перспектива розвитку. І ось уже минули десятки століть, а популярний девіз стародавніх греків: «Людина, пізнай саму себе!» залишається для епохи XXI століття ще більш актуальним ніж для еллінів. І нічого немає парадоксального в тому, що чим глибше людство пізнає природу, чим масштабніше поле творчих перетворень дійсності, тим очевидніше прагне людина усвідомити своє місце в історії цивілізації, в прийдешньому світі, а за великим рахунком, і в космічному просторі-часі.

Саме з цього приводу, із покоління в покоління, мислителі переймалися проблемою про власну моральнісну й естетичну досконалість. Згадаймо як стародавні греки сформували ідеал гармонійно розвиненої людини, в якій поєднуються мужність і атлетизм, розум і особливо *відчуття краси*. Система платонівського естетичного виховання передбачає *музичний* і *гімнастичний* розвиток, подолання професійної обмеженості. У «Державі» Платон особливо відзначає роль *мусического* мистецтва в розвитку універсальних здібностей особи. «воно – говорить він, – завжди більш проникає в глибіню душі і найсильніше зачіпає її; ритм і гармонія не-

суть з собою благовидість. Хто в цій сфері добре вихований, той дуже гостро сприйме різні людські помилки або природні недоліки. Його роздратування або, навпаки, задоволення будуть правильними; він хвалитиме те, що прекрасне, і, прийнявши його в свою душу і сам стане бездоганним..» [3, с. 185–186]. Оздоровлення людської душі веде, згідно Платону, до вдосконалення особи громадянина і всієї держави. Перекинувши місток через тисячоліття, можна констатувати, що турбота про виховання гармонійної особистості повинна бути *загальнодержавною* справою сьогоденної України, яка мріє про благополучне грядуще своїх громадян.

В епоху Відродження вперше закріплюється ідея самооцінки людської особистості, ведуться інтенсивні пошуки можливостей її всебічного самовиникнення. Ренесансна людина орієнтована, перш за все, на «героїчний ентузіазм», всебічний розвиток творчих потенцій, великодушність і любов до прекрасного. Велетні Відродження, укріпили віру мислителів-гуманістів в реальність ідеалу, який природно властивий гармонійній особистості. Прекрасні майстри-творці суміщали в своїй творчій діяльності різноманітні інтереси, були всебічно ерудованими і в такій же мірі цілеспрямовано дієвими. Притаманний їм універсалізм був невіддільним від всебічності розвитку особи. Він ґрунтувався на багатогранному розвитку здібностей індивіда, в якому ці якості були органічно втілені немов амальгамована цілісність [2.].

Нас і сьогодні вражає не тільки різноманітність інтересів мислителя-енциклопедиста епохи Просвітництва Іоганна Вольфганга Гете, але й глибина, цілісність його пізнання, єднання волі, розуму і відчуттів цього великого генія людства. Гете як художник і учений прагнув осмислити дух природи, відшукати єдині принципи усвідомленого активного творення нового, розпізнати універсальну силу гармонії, що вічно вабить людину в прийдешнє. Поетична натура в ньому все ж таки превалує: у мистецтві Гете бачить передбачення раціональних знань, наділяє його незвичайно широкими творчими потенціями і насамперед, гостротою бачення, рухомою уявою, радісною любов'ю до всього людського. Саме так архітектоніка поетичного мислення слугує Гете, рідкісному універсалові, в справі розгадки витоків взаємозв'язку природи, мистецтва і науки.

Ми пишаємося, що наш земляк філософ-гуманіст Григорій Савович Сковорода приналежав до плеяди універсалістів. У літопис історії він увійшов не тільки як оригінальний мислитель, автор філософських трактатів, але

і як майстер ліричного вірша, байки, епістолярії, як обдарований живописець, педагог-новатор, перекладач і композитор. Цінне також його вміння своєрідно синтезувати творчі можливості окремих різновидів коректного мислення і світосприймання, які властиві філософській і художній діяльності.

Всебічний розвиток особистості спонукає до піднесення всіх індивідуальних сил і здібностей: інтелектуальних, моральних, естетичних і фізичних. Це знаходить активне віддзеркалення в різних сферах життєдіяльності: виробничій, художньо-естетичній, спортивній, сімейно-побутовій тощо. Але здійснення всебічності в сучасних умовах не означає все вміння і професійного універсалізму. Навпаки, ефективніший шлях розвитку особи полягає в різнобічності, максимальному прояву загальних і специфічних здібностей. Це означає, що досягнення універсалізму у вибраній галузі вимагає високої культури коректного мислення, цілісності світогляду, вміння майстерно використовувати евристичні досягнення різних сфер творчості. А якщо бути ще точнішим, то універсальність немислима поза створенням самостійної архітектоніки мислення, на кшталт творчої системи, яка неодмінно допомагає оптимально використовувати індивідуальний потенціал особистості. Якщо звернутися за досвідом із різних історичних епох, то неважко помітити, що *універсали*, при всій духовній різносторонності, були дивовижно зосередженими, творчо цілісними особистостями. Умоглядна безмежність ніколи не була властивою рисою універсалізму. Навпаки, різносторонність підкорялася творчому самоконтролю, поглибленню початкових, природою даних, індивідуальних здібностей. Отож, універсальність є вищим проявом всебічності особи, максимальним розвитком її творчого потенціалу.

Звернення до генези прояву універсалізму дозволяє чітко визначити своєрідні канони максималізму, вимоги до творчої особи, і разом з тим більш очевидно представити, максими та екстреми можливостей сучасної людини і екстраполювати їх в майбутнє. І хоча соціально художній ідеал людини-універсала важко досяжний у наш час, все ж таки, очевидно, немає підстав відноситися до цього явища скептично. По-перше, ідеальна «норма» універсального розвитку людської особи історично видозмінюється, і має розумну межу. По-друге, важливо враховувати співвідношення актуального і потенційного в розвитку людських здібностей. По-третє, «ймовірно, 99 відсотків здібностей людини розтрачується даремно; навіть сьогодні люди, що рахують себе культурними і освіченими, працюють здебільшого як автомати, лише один або дві-

чі за все життя осягаючи на мить ті могутні, але глибоко приховані можливості, які має в своєму розпорядженні їх розум»[4, с. 184].

В цьому контексті варто звернути увагу в мистецтві на взаємозв'язок понять «всебічність» і «гармонійність» особи. Всебічність припускає гармонію, але не вичерпується нею. Безумовно, гармонійність, як єдність в різноманітті, пов'язана з певною різнобічністю. Іншими словами, людина не може бути всебічно розвиненою, не досягнувши іманентної гармонії. Отже, поняття «всебічність» ширше за поняття «гармонійність». Якщо це так, то оптимальний шлях до ідеалу гармонійності лежить через дозвіл і одночасно подолання дуалізму певних антиномій: розуму і відчуття, споглядання і творчості, рефлексії і уяви, переконань і вчинків, людських відчуттів, дисгармонії інтересів і здібностей. Тому так важливо, з нашої точки зору, формування і розвиток в мистецтві відчуття діалектичної міри, майстерного пошуку оптимальних варіантів поєднання дуалістичних протилежностей в іманентній природі особистості.

Величні, із давньої історичної епохи, греки, які вельми обожнювали гармонію, не випадково сповідували принцип «нічого надмірного». У нас час можна почути популярний польський вислів, «що занадто то не здорово», який акцентує увагу людини на міру, яка є сутністю екстраординарної якості. Вимога розумного обмеження не протистоїть безмежності гармонійного вдосконалення, а, навпаки, зосереджує увагу на його якості. Автор цих рядків, навіть особистісну свободу визначає, як вміння вчасно обмежити себе в почуттях, концептах, діях і поступках. Проте, варто пам'ятати, що навіть в дотриманні міри повинна бути певна міра, особливо це стосується форми і змісту художньої творчості, яка відповідальна за ідеали, які трансформуються в суспільну свідомість.

Сучасне суспільство конче потребує таку особистість, яка постійно з пристрасстю потребує розвитку самої себе, в збагаченні своєї субстанціональної суті, своїх творчих потенціалів і здібностей в їх здійсненності. Тільки за таких умов, підіймаючись до істинно людського ідеалу, індивід знаходить себе і стає винятковою *Особистістю*. Інакше, коли ігноруються вищі духовні потреби і робиться ставка лише на невгамовне наочно-речове споживання, людина спустошується, деградує і скочується на узбіччя псевдоіндивідуальностей. Шкода, але в сучасному суспільстві останнє, в масі своїй, превалує над першим. Тому актуальною проблемою сьогодення має бути масштабне розгортання естетичних відносин у всіх видах діяльності,

які дозволяють людині благословляти себе універсально і естетично дієво, досягаючи гармонії міри в своїх думках, мріях, почуттях і цілеспрямованих діях. Отже, установка суспільства на естетичну досконалість включає духовне піднесення особи, творчу самореалізацію, фізичний розвиток, моральнісну культуру поведінки. Слід наголосити, що подібна установка, це своєрідний категоричний імператив спрямований на формування у кожної, без винятку, людини естетичної вимоги, як повсякденної, животрепетної потреби духовного життя. Без естетичного сприйняття і відображення дійсності гармонійний розвиток особи нездійснений, як наслідок, суспільство, в якому домінують такі люди, неухильно деградує у всіх своїх вимірах, починаючи від матеріального виробництва і закінчуючи соціально-естетичним просто-ровим середовищем.

Гармонійність і цілісність складають субоснову й визначальні характеристики ідеалу людської краси. Тому немає нічого парадоксального в тому, що просте перерахування позитивних якостей, ще не розкриває дійсної суті уявлень про красу людини. Необхідною умовою для цього є усвідомлення іманентної сукупності різних людських якостей, основних чинників утвореної своєрідної духовної амальгами. Звідси, ідеальна людина, згідно нашому переконанню, це, перш за все, особа, в якій реалізовані всі її потенції. Потужність її сили полягає в тому, що вона сповнена надії на прекрасну перспективність своєї долі.

Отже, деонтична установка митця, активно включаючись в перебудову життя, налаштовує особистість на майбутнє. В такому разі, людина перетворює саму себе, свою свідомість і як наслідок, свій спосіб життя. Максими, які стоять перед людиною і яка прагне до всебічного, гармонійного розвитку, вимагають упередженого особистого бажання надтерпіння і творчої самовіддачі в плоті прекрасного. Звідси, виховання особистості неухильно переростає в самовиховання. А мистецтво, в основі якого лежить універсальне відношення до світу, дає цілісне уявлення про життєві явища в їх конкретності, впливає на всі сторони духовного світу людської особистості. В художній творчості людина розкривається в субстанціональних зв'язках як певна нероздільна і унікальна цілісність. Саме мистецтво, у різних його вимірах, обумовлює розвиток універсальних здібностей суб'єкта в сприйнятті багатоякісного світу в загальних форм людської чуттєвості.

Мистецтво впливає не тільки на творчі здібності і емоційні якості особи, незвичайно велика його роль в збагаченні змісту духовного життя, у формуванні естетичних ідеалів. Цей змістовний момент соціальної діяльності мистецтва несе виразний світоглядний і моральнісний заряд, сприяє особистості у цілеспрямованому виборі певного способу життя.

Відгукуючись на запити століття, сучасне мистецтво мобільно нарощує свій прогностичний потенціал, знаходить нові засоби для передбачення *позитивного в естві прекрасного* завтрашнього дня. Діяльна участь творців мистецтва за долю людини і людства наполегливо вимагає різносторонньої світоглядної культури, громадської активності, ясного усвідомлення цілей суспільного розвитку. До речі, у старослов'янській мові слово відповідальність суміщало в собі «*відпо-відь*» і «*заповіт*». Художник зобов'язаний відповідати і за напрям своєї творчості, за його результати та соціальні наслідки. Звідси, відповідальність художника, що передбачається, перед народом, епохою, майбутнім зачіпає істотні моменти ідейно-естетичної активності мистецтва.

Художня творчість може бути і великим каталізатором людяності, невтомним розвідником новочасних шляхів оновлення світу. Тільки спираючись на достеменний естетичний ідеал, митець здатний репрезентувати моральнісно позитивне майбутнє, що відповідає гуманним і соціально перспективним потребам людського суспільства. Інакше, не убачивши реальних шляхів творення майбутнього, він вимушений буде або перетворитися на челядь олігархічних кланів, або розділити долю аутсайдера, людини позбавленої соціальної дієздатності. Безперечно, майбутнє за соціально активним, цілеспрямованим на розвиток у людини якостей людяності в естві прекрасного.

Таким чином, аналіз тільки деяких аспектів художньої творчості дає підстави **прийти висновку**: *по-перше*, майбутнє як світоглядна проблема безпосередньо пов'язана з філософськими потенціями мистецтва; *по-друге*, постійне уточнення ключових гносеологічних і естетико-етичних домінант, а також визначеність і постійний розвиток гіпотетичного художнього мислення, дозволить корегувати базові ціннісно-орієнтованні установки сучасного мистецтва; *по-третьє*, сучасне суспільство конче потребує таку особистість, яка постійно з жагою потребує іманентного саморозвитку, в збагаченні своєї субстанціональної суті, своїх творчих сил і здібностей. Ось саме такі люди без зайвого галасу,

політичної тріскотнечі належать до істинно духовної еліти суспільства й водночас вони і є достеменними патріотами нації.

Список літератури: 1. *Уитмен У.* Избранные произведения. «Листья травы». Проза. – М.; «ИХТИОС», 2008. – 368 с. 2. *Пазиніч С. М.* Взаємобумовленість ідеалу прекрасного і соціально-політичних подій в історії людського суспільства. //Збірник наукових праць. «Проблеми та перспективи формування національної гуманітарно-технічної еліти». Випуск 19. Харків НТУ «ХПІ» 2008. – С. 78–84. 3. *Платон.* Соч. у 3-х т., т. 3, ч. 1. – М.; «Мысль», 1968. 4. *Клар А.* Черты будущего. – М.; 2007. – 340 с.

С.М.Пазиніч

ФІЛОСОФІЯ ХУДОЖНЬОЇ ТВОРЧОСТІ В СИСТЕМІ ПЕРСПЕКТИВНОГО РОЗВИТКУ СУСПІЛЬСТВА

Розглянуті питання взаємозв'язку художньої творчості та світоглядної проблеми перспективного розвитку суспільства, показані теоретико-творчі можливості мистецтва у вирішенні цієї нагальної комплексної проблеми сучасності. Звернута увага на необхідність постійного уточнення ключових гносеологічних і естетико-етичних доміант, а також визначеності та корекції гіпотетичного художнього мислення, яке дозволить корегувати базові ціннісно-орієнтованні установки сучасного мистецтва.

С.М.Пазиніч

ФИЛОСОФИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Рассмотрены вопросы взаимосвязи художественного творчества и мировоззренческой проблемы перспективного развития общества, показаны теоретико-творческие возможности искусства в решении этой неотложной комплексной проблемы современности. Обращено внимание на необходимость постоянного уточнения ключевых гносеологических и эстетико-этических доминант, а также определенности и коррекции гипотетического художественного мышления, которое позволит координировать базовые ценностно-ориентационные установки современного искусства.

S.N.Pazinich

PHILOSOPHY OF ARTISTIC CREATION IS IN SYSTEM
OF PERSPECTIVE DEVELOPMENT OF SOCIETY

The questions of intercommunication of artistic creation and world view problem of perspective development of society, rotined теоретико-творческие possibilities of art in the decision of this urgent complex problem of contemporaneity, are considered. Paid a regard to necessity of permanent clarification of key gnosiological and эстетико-этических dominants, and also to definiteness and correction of hypothetical artistic thought which will allow корелировать base valued-orientation options of modern art.

*Василий Омельченко
г. Харьков, Украина*

КОРНИ НЕПРИЯЗНИ

Всем известно, каким путем политики вовлекают в свои сети избирателей – просто нужно наобещать народу золотые горы и он клюнет, проголосует за вас. Райская жизнь, социальная справедливость, свобода слова, единый язык, единая Украина, которой восхищается весь мир...

Двадцать лет мы шагаем к обещанным благим высотам жизни, вернее, плетемся, тащимся, а еще точнее – ползем, обдирая колени и локти. Райская жизнь, как горизонт – вроде бы она рядом, но идешь-бредешь... а она все не приближается. Естественный вопрос – как быть, что делать? А делать-то мы не очень мастера, но зато мастаки винить друг друга: это все они!.. Кто именно? Ну, сначала – коммунисты... потом – националисты... теперь – олигархи... И, конечно же, сам народ, который выбрал не тех... Получается, что виноваты мы все... Да не все с этим соглашаются и с пеной у рта доказывают, кто именно виноват. Слов не хватает и берут друг друга за грудки... и вход идут кулаки, стулья, а то и дубинки... Надо бы удивляться: как это украинец украинца (представитель одной из лучших наций мира!..), так люто, мягко говоря, не уважает друг друга? А вот не уважает, относится с неприязнью, а если называть вещи своими именами – ненавидит! И за что?

Помню, на одном из собраний харьковских писателей слово взял тогда недавно принятый в литературное сообщество поэт А. Филатов. Вымученным, болезненным взглядом обвел присутствовавших в зале «инженеров человеческих душ» и обескуражено произнес:

– Слушал я вас, слушал... и мне стало как-то не по себе: господа, за что же вы так ненавидите друг друга?..

Свежий взгляд художника подметил точно: люди, казалось бы, одного круга... одних интересов... одной страны... и в них столько друг к другу нескрываемой или плохо скрываемой неприязни... А в Верховной Раде что порой творится... а на площадях... не страна, а пауки в банке... А все наперебой кричат: мы едины, едины!... Едины ли?.. И за что же мы, порой так не терпим друг друга?

Перед мысленным взором один за другим предстают эпизоды, которые не могут не возмутить любого нормального человека.

Не могу забыть уже давний визит в нашу страну председателя Государственной Думы России Геннадия Селезнева. Выступая в украинском парламенте, кроме всего прочего, он затронул болезненный вопрос о славянском тройственном союзе России, Украины и Белоруссии. Реакция в зале заседаний была резко противоположная. Большая часть депутатов, левое крыло, приветствовали предложение Селезнева, стоя, бурными овациями, скандируя: «Дружба!»... «Дружба!»... «Дружба!». Правое крыло, да не крыло, а крылышко, где-то пятая часть зала, с искаженными лицами барабанили руками, стучали ногами, выкрикивали проклятия в адрес России, бросали в лицо гостю: «Геть!.. Геть!.. Геть!..». А потом поднялись и стали покидать зал. Один из тех, кому невмоготу дружба с русским народом, покидая зал, обернулся к выступающему гостю из России и к тем, кто ему аплодировать, выставил левую руку вперед, правую прижал к груди и из воображаемого автомата или пулемета открыл по ним «огонь». Сколько ненависти было в лице этого народного избранника! Не хочу называть его имени, кто голосовал за него – знают...

Ладно, пусть кто-то не любит русских, насильно мил не будешь. Но чтобы так ненавидеть, чтобы эту ненависть продемонстрировать перед миллионами телезрителей, чтобы все видели, что у тебя, народного депутата, на уме – стрелять, стрелять, длинными очередями... стрелять! Не такие ли «автоматчики» ездили наемниками в Чечню, чтобы дать волю своим чувствам, чтобы русских ребят убивать, своих кровных братьев?

Когда-то люди показывают свое истинное лицо. Как хорошо, что лицо этого народного депутата – не лицо всего того народа, который отдал ему свой голос и сердце. Людям свойственно ошибаться, а избирателям – тем более.

А народ, конечно же, берет пример со своих избранников.

...Площадь Свободы в Харькове. После одного из митингов, как всегда, люди не расходятся и продолжают дискутировать. Они оскорбляют друг друга, кто-то огрызается, крутит пальцем у виска, одна старушка прямо-таки лезет из кожи, чтобы зацепить, достать кого-то, свернула полу пальто в трубку и направила в спины пришедшим на митинг:

–Эй! – истошно кричала она. – У меня автомат, я сейчас вас всех...

К ней подходит внушительного вида омоновец, держа руки за спиной, наклоняется к старушке и что-то шепчет ей на ухо, снисходительно ухмыляясь.

Воинственно настроенная старушенция мигом угомонилась, только губы ее вытянулись в мстительную полоску, а прищуренные глаза стрельнули в одну сторону, в другую – не дали «повоевать» национально озабоченной бабушке.

Да, попади такой старушке в руки автомат, не задумываясь, нажмет на курок. Только ради чего?..

... На киевском майдане после столкновения двух не дружественных сторон забинтованный милиционер, молодой парень, рассказывает корреспонденту телевидения:

– Через решетку щита я видел глаза нападавшего – в них было столько ненависти...

К кому? К такому же украинцу? К парню, который стоит на страже порядка?

... Львовский депутат горсовета от партии «Свобода» Юрий Михальчишин, ранее заявлявший о неизбежности гражданской войны на Украине, грозит: «Наша бандеровская армия перейдет Днепр, придет в Донецк и выкинет синежопую банду».

... Во время последних президентских выборов был развешан плакат, на котором были изображены раскрашенная под тигра претендент в президенты Ю. Тимошенко и тигр с оскаленной пастью. Внизу грозная надпись: «Разорву за Украину!».

Злость и ненависть уже на высшем уровне... Подумалось тогда: в любом случае половина страны будет против «тигрицы». Так неужто она, потенциальная глава страны готова разорвать половину украинского народа?

А 9 мая во Львове... День Победы...

Украинец идет на украинца...

За что же такая лютая ненависть?

Что же с нами происходит? За что же мы так не любим, не терпим друг друга?

Причин этой, мягко говоря, неприязни больше, чем достаточно.

Начнем с языка. Уж больно хочется национально озабоченным, чтобы в один миг Одесса и Луганск, Харьков и Донецк заговорили на ридный мови... Но вот приезжает парень или девушка из села и почему-то переходит на русский... И это не может не возмущать тех, кто в Москву ездит с переводчиком. И мовноозабоченные призывают на помощь суды. А нужен тут не суд, не указы-приказы – всего лишь пустяк: создать приятную необ-

ходимость говорить на государственном языке. Именно по этой причине, например, говорят на немецком и английском братья Клички... Сила здесь не нужна, река жизни сильнее любых законов. И как же тут не скрипеть зубами, когда одесситы говорят по-русски, и харьковчане, и весь Донбасс? Тут в пору уже и за автоматы хвататься... Или что-то делать... Как? На то они и Дума, чтобы думать – как... А думать не получается и тогда берут за грудки и хватаются за мысленные автоматы...

Не очень мы любим друг друга и за то, что мы все-таки разные. Печально и горько это сознавать, но наша независимая Украина разная. У нас разные истории... Отсюда и разные герои... У нас разные соседи... У нас разный менталитет.

Одна, большая часть украинцев, тянется к России, которую она больше понимает и которая ей родней, чем Западная Европа. Другая, малочисленная, но гонористая и голосистая, руками и ногами отбивается от своего кровного брата.

Как-то мне попала на глаза запись в Книге отзывов Харьковского литературного музея, связанная с юбилеем Микола Хвильового.

«Трагедія роздвоєності – це не тільки особиста трагедія Хвильового. Це внутрішній трагізм нашого народу. На зламі віків. На зламі світів. На зламі культур...».

Точно, правильно, хорошо. И вдруг – дальше:

«І все-таки – ГЕТЬ ВІД МОСКВИ!!! Бо ж нема іншого шляху до внутрішньої цілісності до самих себе, до Європи у собі...».

Написали это, конечно же, гости из Львова.

Откуда столько ненависти?! Ведь мы уже и с немцами целуемся-обнимаемся, хотя не так давно они были для нас лютыми врагами. В жизни все бывает. Кто-то из правителей накуролесит, наломает дров, судеб людских, но при чем тут, спрашивается, весь народ...

Тон в неприязни украинца к украинцу задает, убежден, так называемая элита страны.

Не так давно передавали по телевидению парламентские слушания в Верховной Раде. Начала я не застал, но разговор, как понял, был посвящен национальной идентичности. Насколько эта тема сегодня актуальна, красноречиво говорил полупустой зал. В воздухе витал дух воинственного национализма. Красной нитью проходила мысль, что сначала надо стать истинным украинцем, а потом – европейцем... Пытались определить и утвердить характерные черты истинного украинца. На первом месте все ста-

вили его трудолюбие. Телезрители, конечно же, подумали (автор этих строк в их числе): а люди других национальностей разве не трудолюбивы – японцы, например, или те же китайцы... Называли еще такую черту характера, присущую украинской нации, как толерантность... И тут же ее наглядно «продемонстрировали»...

В зале в общем-то сидели люди, пропитанные национализмом, для которых Украина – начало жизни на земле и Иисус Христос – чистокровный украинец. И тут предстает перед залом человек, на мой взгляд, более трезвого ума, человек, который объективно смотрит на мир, на все происходящее в нем и вещи называет своими именами. Например, что герои Великой Отечественной войны – это не вояки УПА, а советский народ, что Петлюра не Герой Украины, а ярый антисемит, что советский народ после войны сумел поднять из руин страну, многое построил: заводы, электростанции, метро, жилье для людей, кинотеатры, Дома культуры...

И зал вдруг взорвался от возмущения, выступавшей не давали дальше говорить – захлопали, затопали ногами, засвистали... Так наглядно перед миллионами телезрителей показала свою терпимость – толерантность элитная часть украинской нации. Десятки грамотных вроде бы интеллигентных мужиков прогоняли с трибуны одну женщину, которая на прекрасном украинском языке высказывала свое мнение. На выступление ей было отведено всего пять минут. И слушавшие не могли человеку дать слово – их же коллеге, депутату Верховного Совета Украины Виктории Демьянчук.

Сидевшие в зале просто неистовствовали, они не могли слышать о том, что люди, рожденные в СССР, многое построили. Не могут слышать, конечно же, потому, что за два десятка лет своей националистической власти только все разрушали: промышленность, сельское хозяйство, искусство, культуру, семьи и людские души. Поэтому и так лютовали, что им нечем было крыть, что они ничего не создали, кроме разобщения общества и ненависти людей друг к другу, которую они так наглядно всенародно и продемонстрировали. Хотелось сказать им, переполненным злостью: да вы же, в конце концов, и в зале сидите, построенном теми людьми, которых так яростно ненавидите. Или относитесь толерантно – по-украински?..

Молодежи – пример для подражания... Ведь среди негодовавших были весьма солидные люди: доктора наук, профессора, академики, они же – народные депутаты, так называемая элита общества.

Не нужно быть большим психологом, чтобы понять, откуда растут корни... неприязни, а то и ненависти.

Неприязнь и ненависть исходят чаще всего от беспомощности.

Те, кто люто ненавидит москалей и нынешнюю власть злится оттого, что они, националисты, вроде бы и у власти и вместе с тем не у власти, так как они ничего не могут, кроме как кричать «Геть!» и «Ганьба!», они немощны, за двадцать лет ничегошеньки не построили, а только, повторюсь, разрушали. Не зря же у народа появилась поговорка : «Спасибо РУХу за разруху...».

Корни лютой неприязни от сознания своего крайнего бессилия, от сознания того, что предыдущая власть в самое трудное время из руин подняла страну, сделала ее одной из самых могучих держав в мире. А они, эти, которые умеют громко кричать, хватать за грудки и прогонять женщину с трибуны, не смогли не только еще что-то построить, но даже сохранить то, что им досталось в наследство – разрушили все...

Печальнее всего то, что неприязнь и ненависть уже пытаются возвести в более высокий ранг, в одну из черт национального характера. Недавно объявлен еще один «праздник» – День гнева. Против трудностей жизни. Митингующие требуют отставки правительства и назначения новых выборов Верховной Рады. Этот так называемый День гнева называют не политическим, мол, на майданы всех городов Украины может прийти любой, недовольный нынешней властью. По-моему, это обыкновенная уловка, маневр оппозиции, то есть оранжевых и похожих на них. Они уже предостаточно наломали дров и теперь пытаются завуалироваться под бесцветную беспартийную массу. А массы-то нет. Заявили на 130 тысяч, а на Киевский майдан явилось тогда где-то две сотни человек. Что-то не видать толп гневающихся и в Харькове на площади Свободы – пришла жалкая горсточка людей скрывающих свою окраску.

В общем, происходит то, что и должно произойти: партии наплодились, как колорадские жуки – скоро будет две сотни уже, все хотят руководить, а вот этого-то, управлять страной, никто из них по-настоящему и не умеет. Здорово научились только кричать «Нас богато, нас не подолать!». Стояли эти крикуны у власти, но бедность так и не подолали. И опять хотят властвовать. Работать бы они так здорово хотели, созидать, а не продолжать разрушать то, что создало старшее поколение...

Акцию День гнева собирались сделать бессрочной, у Верховной Рады начали было ставить палатки... Собирались на длительное время людей отрывать от работы... А из Бразилии нам везут сахар, из Польши и Аргентины – мясо, из Китая – гречку, из Африки – картошку... Народ беднеет, а миллиардеров у нас становится все больше... И миллиарды эти не здесь, в Украине, а в заграничных банках. А могли и должны быть у нас...

И мы опять негодуем, злимся и ненавидим друг друга.

Не слишком ли много у нас уходит энергии на злость? Что делать?

Есть мудрая притча... В одном царстве-государстве властвовал бедлам: все постоянно ссорились, ругались, радовались бедам друг друга, страдали, когда у соседей все ладилось, терпеть не могли друг друга, дрались-воевали... Государь этого горе-царства прослышал однажды, что где-то есть государство, в котором люди живут совершенно по-иному, душа в душу, в мире, любви и согласии. И послал туда гонца, чтобы тот узнал, как это у них так ловко получается – жить нормально, по-человечески. Привез гонец от правителя завидно благополучного государства солидный свиток, царь горе-государства развернул его и увидел там только одно слово, написанное сто раз: т е р п е н и е... т е р п е н и е ... т е р п е н и е ...

Может быть, и нам пора последовать этому простому и мудрому совету – терпеть друг друга? Не пускать в ход кулаки, а находить более убедительные аргументы доказывать свою правоту? Обрубить корни ненависти и протянуть друг другу руки...

Есть еще вариант, правда, болезненный, но полезный во многих отношениях – это федеративное устройство страны... Исчезнет языковая проблема, вопрос финансирования разных областей, мирнее заживет духовенство, а стало быть и миряне... Никто не будет никому навязывать свое мировоззрение. Исчезнет и, так мешающее нам жить и созидать, неприятие друг друга.

Когда родичи живут не в одной квартире, а на расстоянии, они, согласитесь, лучше относятся друг к другу, гораздо роднее...

*Наталія Суворова
м. Харків, Україна*

ЛІТЕРАТУРА ЯК ВАЖЛИВИЙ ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ ДУХОВНОСТІ МАЙБУТНЬОГО ПОКОЛІННЯ

У своєму розвитку людство пройшло низку форм об'єднання у спільноти: рід, плем'я, народність, нація. На кожному з цих етапів культура забезпечувала цілісність спільноти, ставала одним із основних об'єднуючих факторів при творенні суспільства вищого рівня.

Розвиток кожної з літератур народів світу — це насамперед розвиток і становлення нації, формування характерних рис ментальності, сплаву усіх складників національної духовної культури. Адже ментальність народу — це його мислення, окремий спосіб думання, поведінки, специфічне світосприймання, світовідчуття, вміння бачити себе у світі, це «душа» народу в його національному характері.

Сучасні умови політичної та соціальної нестабільності, що склалися в Україні в останні роки спричинили кризу духовного життя суспільства. Виникло загострення історичних суперечностей: прояв бездуховності в суспільстві та прагнення до гармонізації картини буття з повноцінним відродженням у ній світу людини. У зв'язку з тим духовність народу, розвиток духовної культури особистості усвідомлюються як найбільш необхідні чинники у розбудові суверенної України. Це вимагає принципово нових підходів до питань виховання підростаючого покоління на засадах загальнолюдських цінностей, вільного вибору життєвого шляху. Такий стан загрожує духовному розвитку суспільства, його національній культурі, коли матеріальні потреби набувають потворних форм. Сучасні студенти мають обмежену художньо-естетичну підготовку в офіційних субкультурах різних типів навчальних закладів, прилучаються до групових субкультур і вважають їх достатніми для власного життя.

Духовний розвиток майбутнього покоління дуже важливий у наш час. Навчальним закладам потрібно турбуватися про духовний світ молоді. Саме тоді країна буде бачити молодь — як майбутнє нашої нації, рушійну силу, яка спроможна вирішити проблему держави не на свою користь, молодь із своїми вищими моральними, естетичними канонами та ідеалами. Адже від її ставлення до надбань культури залежить нині духовне оновлення нашого суспільства, зміст її цінних орієнтацій і майбутнє.

Проблема формування духовності молоді — одна з головних проблем багатьох держав. Успішний розвиток демократичних процесів в країні залежить від багатьох умов, серед яких провідне місце посідає духовне відродження громадян, гармонізація соціального життя нації. І питання це — надзвичайно важливе, оскільки духовність визначає спрямованість усіх розумових, емоційно-чуттєвих, вольових якостей людини, її здатність до самоусвідомлення себе як особистості.

Духовність — творча спрямованість, наснага, енергія людини. Особистість має право на самостійність, на індивідуальність. Саме духовність відбиває другу природу людини, весь її арсенал власне людських цінностей, ідеалів, світогляду, потреб, центром якої є сама людина як результат і продукт культури.

Однак для пробудження і подальшого духовного розвитку індивіда потрібно створити відповідні умови.

Взагалі проблеми духовності торкалися багато років тому. Про це свідчать праці педагогів минулого: Я. А. Каменського, А. Дистервега, В. О. Сухомлинського. Вони однотайно виділили головні фактори, які впливають на духовне виховання молоді: праця, сім'я, школа, вчитель.

Сьогодні ми вже можемо спостерігати активний процес оновлення змісту освіти й удосконалення систем духовного виховання студентства. Тому головною метою ХКТК НТУ «ХПІ» є переосмислення й пере-орієнтація та вплив на формування високоморальної громадської позиції, національної свідомості, потяг до прекрасного. І в свою чергу, сучасний вчитель повинен переосмислити й переорієнтуватися, тобто відійти від усталених канонів у суспільстві щодо моральних цінностей, оновити свої форми й методи вивчення того чи іншого предмету.

Це ми можемо побачити на прикладі вчителя – літератора. Якщо раніше вчителі вважали пріоритетними тільки знання студентів, то тепер викладач стає ще й на бік виховання морально-естетичного і духовного поряд з вивченням художнього твору.

Саме література є одним з найдоступніших видів мистецтва для сучасної молоді, а тому викладачі літератури мають чи не найбільшу можливість вплинути на формування духовного світу кожної особистості, вплинути на її емоційну сферу, а й відповідно й формування системи цінностей майбутнього покоління.

Звичайно, студентство далеко не завжди усвідомлює значення того чи іншого твору у своєму духовному розвитку, але мистецтво в цілому і література як один з його видів відкриває перед читачем унікальні можливості для виховання культури почуттів і переживань, що є основою здорової людської поведінки.

Одним з найважливіших і одночасно найскладнішим критеріїв духовності є розуміння людиною сенсу буття в цілому, а відповідно до цього й визначення людиною сенсу свого особистого існування. Показниками цього критерію духовності є наявність у студента суспільних якостей, прагнення знайти найвищий сенс свого існування, мету життя, реалізація чи принаймні спроби реалізації студентом своїх творчих здібностей й різноманітних інших можливостей тощо.

Велику роль у формуванні усіх показників і критеріїв духовності належить літературі, адже саме на уроках літератури викладач має найбільше можливостей вплинути на емоційно-оцінну сферу студента й до того ж зробити це непомітно чи майже непомітно для неї, що має чималу вагу, адже кожен викладач знає, що дуже важливо у процесі виховання уникати надмірності уваги, уникати моралізаторства й відкритої та частотої критики у бік тих чи інших якостей особистості. На уроках літератури викладач має змогу, впливаючи в першу чергу на емоційну сферу молодої людини, коригувати її систему цінностей, розширювати її кругозір, формувати її духовну сферу. Вдало підібрані твори для прочитання, навчальний матеріал та відповідні методи й прийоми роботи над ними здатні успішно впливати на формування з кожного названих вище критеріїв духовності людини. Проте, на мою думку, викладач на уроці літератури здатен вплинути на перший і останній з названих критеріїв духовності, оскільки в дитячому та юнацькому віці людина найбільш підвладна впливу емоцій.

Художні твори впливають на людину через образи. В істинному мистецтві зміст і форма художнього образу злиті воедино. Художній образ виростає з образів чуттєвих, первинних, подібно тому як із них виникає поняття, являє собою стійке утворення: він живе у віках. Саме через образи люди знайомляться з минулим свого народу, з добром і злом, з красивим і потворним, з моральним і аморальним. Так, наприклад, значним творчим досягненням Олеся Гончара є відтворення гуманізму, благородних поривів, краси духовного світу його героїв (Микола Баглай «Собор», Юрій

Брянський «Прапороносці»). В образі Мавки («Лісова пісня» Лесі Українки) гармонійно злилися духовне багатство і зовнішня краса. Вона є уособленням світлого й гуманного начала в житті людини, високої поетичної мрії і чистого кохання, щирої дружби і волелюбності. Чи Григорій Многогрішний (роман «Тигролови» Івана Багряного), який не скорився, не змирився із своїм насильницьким нав'язаним йому статусом в'язня жахливої системи і залишився Людиною. Хай один, лише один він, не змирився, збунтувався, вирвався з пекла концтаборів. Але це вже перемога людей, це вже свідчення нездоланності духу. Художні образи удосконалюють духовний світ особистості, забезпечують різнобічний і добродійний вплив на свідомість молоді, тобто виступають як джерело пізнання, духовного збагачення і формування її світогляду.

У процесі роботи на уроках літератури ставляться завдання, пов'язані з духовним вихованням учнів, — розуміння студентами мети і сенсу буття, красу людської душі, природи, творів літератури, моральних ідеалів письменника.

Ефективність виховання духовності засобами мистецтва забезпечується при цілеспрямованому підборі оптимальних форм та методів роботи естетичного спрямування на засадах єдності художньо-естетичних та загальнолюдських цінностей.

Суспільство й держава не можуть існувати, нормально виконувати свої функції без певної системи гуманістичних духовних цінностей. Оволодіння студентською молоддю духовними цінностями підносять свідомість особистості на вищий рівень, наповнюють життя й діяльність високими громадянськими цілями. Духовність зміцнює єдність усього суспільства, забезпечує подолання труднощів на шляху його розвитку. Саме навчальні заклади формують майбутні покоління, а від цього залежить розвиток і розквіт нашої держави.

Наталья Угольникова
г.Харьков, Украина

ДОБРО И ЗЛО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ

Угольникова Н. С. «Добро і зло у творах гумористичного фентезі» В статті розглядаються характерні особливості зображення добра і зла у творах класичного фентезі та у циклі романів «Міфічні історії» відомого американського письменника Роберта Асприна. Проводиться аналіз використання й трансформації образу трікстера, як носія добра у творах гумористичного фентезі. Наводиться характеристика поведінки головних героїв циклу на засадах філософських концепцій Е. Фромма та Г. Маркузе.

Ключові слова: гумористичне фентезі, добро і зло, Р. Аспрін, трікстер, цикл «Міфічні історії».

Угольникова Н.С. «Добро и зло в произведениях юмористического фэнтези» В статье рассматриваются характерные особенности отображения добра и зла в произведениях классического фэнтези и в цикле романов «Мифические истории» известного американского писателя Роберта Асприна. Анализируется использование и трансформация образа трюкстера как представителя добра в произведениях юмористического фэнтези. Дается характеристика поведения главных героев цикла на основе философских концепций Э. Фромма и Г. Маркузе.

Ключевые слова: добро и зло, Р. Асприн, трюкстер, цикл «Мифические истории», юмористическое фэнтези.

Natalie S. Ugolnikova Good and evil in humorous fantasy The article deals with the characteristic features of depicting good and evil within the classical fantasy and the *MYTH Adventures Series* by Robert Asprin. The use and transformation of the trickster archetype as the representative of the good in humorous fantasy has been analysed. The general behaviour of the characters of the series are characterised on the basis of philosophical concepts of E. Fromm and H. Marcouse.

Key words: good and evil, humorous fantasy, MYTH Adventures Series, R. Asprin, trickster.

Жанр фентези на сьогоднішній день являється обширним і різноплановим феноменом, який і в нинішнє час продовжує активно роз-

виваться. Его изучению посвящено множество работ, однако большая их часть исследует классические произведения жанра или же носят обзорный характер. В связи с этим, представляется актуальным остановиться на изучении менее исследованного аспекта данного феномена, а именно на произведениях юмористического фэнтези, а также на отображении в них категорий добра и зла.

Рассматривая категории добра и зла, воплощаемые в произведениях жанра фэнтези, следует упомянуть, что такие признанные классики жанра, как Дж.Р.Р. Толкин, Урсула Ле Гуин, А. Нортон, К.С. Льюис, А. Сапковский, М. Семенова, Г.Л. Олди и многие другие, обращались к безграничным возможностям жанра, чтобы отразить в своих произведениях широкий спектр вопросов и проблем, которые волнуют человечество. Все они создавали (и создают) собственные миры, отличающиеся не только яркой индивидуальностью, но зачастую и специально смоделированные на основе принципов, отличных от нашего мира. Причем указанное отличие выражается не просто в изменении географии и введении в повествование волшебства и мифических существ, а в существенно отличающихся от реальности политических и даже биологических или физических факторах. Следует отметить, что в большинстве классических произведений фэнтези нет относительности категорий Добра и Зла, они четко определены, абсолютны. Эти произведения постулируют принципы решающей роли личности в истории, отстаивают нравственные законы человечества и человеческое достоинство, на первый план в них выходят идеалы чести, добра, истинности. Немаловажную роль играет отношение к природе [5]. Исследователи подчеркивают, что произведения жанра фэнтези, которые уже вышли за рамки массовой литературы, выражают «романтическое умонастроение – взгляд, оживляющий действительность, делающий ее интересной и многомерной. ... Это взгляд ценностный, он различает добро и зло и при этом предполагает, что за добро можно постоять, он подвигает нас на смелые поступки, заставляет поверить в то, что у нашей жизни могут быть цель и смысл» [2, с. 241].

Тем не менее, все вышеперечисленные принципы трансформируются в произведениях юмористического фэнтези, которые широко эксплуатируют и трансформируют каноны и штампы жанра. В произведениях этого типа не только появляется относительность категорий добра и зла (характерная также для некоторых произведений эпической и героической фэн-

тези: Р. Хобб (зло во благо общества), Г. Кук (меньшее зло против большего зла), С. Лукьяненко (общая природа добра и зла) и другие), но также меняются носители этих категорий.

В частности, во многих произведениях фэнтези происходит противопоставление таких аспектов добра, как общественное благо и личное счастье. Если в примерах классического фэнтези традиционно прослеживается тенденция к жертвованию личным счастьем ради блага общественного (персонажи Дж. Р. Р. Толкина – Фродо, Гэндальф, У. Ле Гуин – Гед и другие), то герои юмористического фэнтези чаще всего, наоборот, стремятся к достижению личного счастья. Следует также отметить, что для славянского фэнтези, даже в его юмористическом поджанре, характерным является приоритет общественного блага.

Необходимо также отметить, что в юмористическом фэнтези акценты добра и зла смещаются с индивидуальных и несколько идеализированных представителей или персонифицированных воплощений данных категорий на персонажей, воплощающих общенациональные представления о добре и зле: отношения свой – чужой, положительные и отрицательные явления современного социума.

Кроме того, можно проследить, что для юмористического фэнтези характерной является трикстерская природа героев. Как известно, Карл Густав Юнг определил архетип трикстера как первобытное «космическое» существо, с одной стороны, превосходящее человека своими сверхчеловеческими качествами, а с другой – уступающее ему из-за своей неразумности и бессознательности [9, с. 347-348]. По определению, данному Карлом Кереньи в его работе «Трикстер и древнегреческая мифология» фигура трикстера «представляет собой вневременной праобраз, корень всех плутовских созданий мировой литературы, охватывающий все времена и культуры» [3, с. 245]. Будучи мастером на все руки, трикстер обычно является спутником культурного героя и проверяет претензии последнего на силу и власть. При этом трикстер аморален с точки зрения этической системы культурного героя; для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что он воспринимает их как игру, которая каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена. В качестве целей появления трикстера в мифе или литературном произведении выделяют следующие: осознание главным персонажем (культурным героем) себя, поиск собственного пути, познание, обучение, накопление опыта, се-

парация от родителя или объекта власти его заменяющего, передача накопленного опыта следующему поколению и другие [1].

В одном из первых ярких примеров юмористического фэнтези – цикле «Мифические истории» известного американского писателя Р. Асприна образу трикстера уделяется особое внимание, фактически, он воплощается в нескольких главных героях. Именно его черты превалируют в описании внешности, характеров и поступков основных персонажей. В то же время Р. Асприн привносит в этот образ некие новые черты, которые не присущи трикстеру, например, стремление героев к обладанию материальными ценностями [6].

При этом следует отметить, что из нейтрального, отрицательного или комического персонажа трикстер трансформируется в персонажа положительного, протагониста и становится неоспоримым носителем категории добра. Среди его положительных качеств автор выделяет находчивость, чувство юмора, позитивное мышление, а также в процессе повествования наделяет его такими нехарактерными чертами, как способность к обучению и самосовершенствованию, гуманизм, ответственность и внимание к окружающим. Им противопоставляются и отмечаются как негативные такие качества, как неразумное, маниакальное пристрастие к чему-либо; чрезмерная простота и доверчивость, неспособность и нежелание проверять полученную информацию; злоупотребление доверием. При этом, если первые из перечисленных качеств еще можно, по мнению автора, понять и простить, то злоупотребление доверием позиционируется как непростительное и абсолютное зло.

Кроме вышеперечисленных принципов, для анализа поступков персонажей «Мифических историй» можно использовать принципы поведения, описанные в работе Эриха Фромма «Иметь или быть?», согласно которой социально-экономические условия формируют адаптированного к ним индивида, существование которого можно описать принципами «бытия» и «обладания» [8, с. 14]. При анализе романов цикла «Мифические истории» Р. Асприна было выявлено, что преобладающим является модус «обладания». Модус «бытия» прослеживается эпизодически, в основном, персонажи «вспоминают» о нем в каких-либо кризисных ситуациях, которые требуют от них немедленных и решительных действий. В связи с этим следует отметить, что Р. Асприн в своих произведениях озвучивает принципы успешного ведения бизнеса, которые являются одними из основных позитивных принципов для личности и общества Соединенных Штатов Америки.

Формирование фроммовского социально адаптированного индивида перекликается с постулатами Герберта Маркузе, который в своей книге «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» утверждал, что в результате действия государства через средства массовой информации намеренно формируется одномерное видение мира [7]. При этом достигнутый уровень науки и техники создает принципиально новую систему формирования и удовлетворения массовых «стандартных», «ложных» материальных потребностей. В результате этого процесса формируется «одномерный человек», которого Г. Маркузе описывает как «объект духовного манипулирования с пониженным критическим отношением к социуму и включенный в потребительскую гонку» [4]. При этом «культурные ценности» не уничтожаются, вместо этого они просто встраиваются в утвердившийся порядок. Выход из сложившейся ситуации Г. Маркузе видел в «Великом Отказе» от господствующих ценностей, с которым он связывал радикальную трансформацию сознания.

В произведениях юмористического фэнтези с трикстером в роли протагониста или же ближайшего его помощника и формируется возможность именно такой трансформации. «Великий Отказ» осуществляется посредством трикстерского осмеяния, испытания на прочность, доведения до абсурда массово пропагандируемых «стандартных» ценностей. В результате этого главный герой, а вместе с ним и читатель, получает возможность выбора точки зрения и собственной оценки окружающего мира.

Таким образом, можно утверждать, что в произведениях юмористического фэнтези носителем категории добра становится персонаж, воплощающий образ трикстера. При этом данный архитипический образ нередко наделяется нехарактерными для него качествами. Тем не менее, выполняя одну из своих основных функций, персонаж-трикстер позволяет переосмыслить пропагандируемые ценности современного мира.

Список литературы: 1. *Гаврилов Д.А.* К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [материалы]. – Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж), 2006. – С. 359–368. – Режим доступа к источнику: <http://lib.swarog.ru/index.php?Dir=books/wera/0pagan/00wolh/yggeld>. 2. *Золотухина-Аболина Е.* Гарри Поттер и все, все, все... // Логос. – 2004. – № 5(44). – С. 235–245. 3. *Кереньи К.* Трикстер и древнегреческая мифология // Пол Радин.

Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 242–264. 4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; Сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526, [2] с. – (Philosophy). – Режим доступа к источнику: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markuze/index.php. 5. Угольникова Н.С. Нравственно-этический потенциал произведений жанра фэнтези и его развитие в условиях глобализации мирового сообщества // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2008. № 836 – С. 198–200. 6. Угольникова Н. С. Образ Трикстера в романах Р. Асприна «Мифические истории» / Н. С. Угольникова // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія Літературознавство. – Випуск 2 (58), ч. 3. – 2009. – С. 119–129. 7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с. 8. Фромм Э. Иметь или быть? [пер. с англ.] – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 448 с. 9. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ. – К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

Елена Фель
г. Харьков, Украина

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ж. ДЮТУРА

Идея утверждения гуманистических ценностей во всех сферах общественной жизни стала одной из основных в современном мире. Гуманистические ценностные ориентиры – это стремление к возвышению человека, наиболее полному воплощению в нем человеческой сущности. Гуманистическая традиция своими корнями уходит в глубинные истоки человеческой культуры, еще в глубокой древности задавались вопросы, которые не потеряли своей значимости и актуальности в настоящее время. В процессе исследования взаимоотношений между истиной, добром и красотой, определился единый общий знаменатель – понятие «ценность».

Рассмотрение специфики, содержания и структуры общечеловеческих ценностей следует начинать с введения ее первого элемента – объекта ценности. Это, во-первых, природа как источник и условие жизни и ее духовного потенциала, выступающая в качестве самоценного субъекта, а не только условия среды межсубъектных отношений. Во-вторых, человек и любая общность: семья, социальная группа, нация, народность, общество. Отдельный человек в этих отношениях предстает как индивид, личность, гражданин. На это наслаиваются различные типы отношений: межличностные, межвозрастные, межполовые, наконец, межнациональные. И все эти аспекты неизменно затрагивает в своих произведениях французский писатель, философ Жан Дютур. Наследник Вольтера и Дидро, он обладает свободным умом и вызывает к себе пристрастное отношение. Ж. Дютур – один из ярких представителей послевоенной французской литературы – почти не известен, к сожалению, отечественному читателю. Стилю письма Дютура свойственны простота, лаконичность, тонкая ирония.

К сожалению анализ последних исследований и публикаций на данную тему показывает, что тема достаточно слабо освещена и заявленная проблема не рассматривалась. Исследование творчества писателя проводилось такими авторами, как А. Д. Михилев, О. Ю. Волох, однако целостного взгляда на проблему не существует. Отсюда вытекает поставленная нами задача анализа некоторых выборочных романов исследуемого писателя в контексте его традиционных ориентиров.

Ж. Дютур – автор, создавший около шестидесяти произведений, в том числе известных, в основном франкоязычному читателю, романов «Собачья голова», «Свежее масло, или Десять лет из жизни одного молочника», «Весна жизни», «2024», «Маскарень», «Мемуары Мэри Ватсон», «Анри, или Национальное воспитание», «Плюш, или любовь к искусству», «Бордосский семинар», «Ужасы любви» и «Женские портреты»; сборников остроумных философских сказок и моралите «Простофили», «Конец Краснокожих», «Закат волков»; забавных и язвительных пародий на клишированный язык средств массовой информации «Готовая одежда хорошо продается» (трактат о журналистике), саркастического Малого учебника для авторов анонимных писем под названием «Друг, который желает всем добра», ряда иронических словарей прописных истин, многих литературно-критических эссе и социально-политических хроник.

«Каждый писатель, согласно Дютуру, – одинок в мире. Если он желает культивировать братство, пусть делает это с Корнелем, Монтескье, Флобером или папашей Гюго. Они – собратья моего сердца.»

Писатель показывает в своих произведениях критическое отношение к современной цивилизации, характерная черта которой – усиливающийся духовный кризис, упадок общечеловеческих ценностей, этапы которого отразились в общечеловеческих событиях XX века. Это, в значительной мере, события второй мировой войны, которые потрясли основы налаживающейся европейской цивилизации. Откликом на данные события является блистательный роман «Свежее масло, или Десять лет из жизни одного молочника» (1952), роман, в котором показано разрушительное действие военных событий на людей, пробуждая у них низменные инстинкты, побуждая к сотрудничеству с оккупантами, к подлости, предательству своей страны. В романе автор показывает, что при этом герои романа хорошо зарабатывают в таких условиях и впоследствии занимают видные посты в Парламенте.

Высокая социальная насыщенность сатиры, которая проходит через роман, казалось бы одиночными комичными и трагичными случаями и образами, отображает состояние французского общества в целом.

Не случайно в романе Дютура показано при помощи шаржа единство главы марионеточного правительства и таких представителей французского общества как Пуассонары, так как по сути своей все они – люди далекие от понимания и осознания национальной гордости, человеческого самоуважения и порядочности. Пресмыкаясь перед оккупантами, молочник и

его жена выдают им местонахождение партизана Леона. Предательство Пуассонаров дополняется и непорядочностью, которую они проявляют в ведении своего бизнеса, принимая участие в темных махинациях и обирая покупателей. Используя приемы комического, автор с сарказмом высмеивает подлость, цинизм, алчность молочников, которые в его романе становятся показателем вульгарного обывательства и мелкобуржуазного эгоизма.

Примечательным является тот факт, что эти люди остаются не наказанными. Более того, они процветают и в послевоенное время, становятся хозяевами жизни. Породнившись с депутатом Леграндье, Пуассонары получают возможность влиять и на политику. Дютур показывает, что Пуассонары были не одиноки в послевоенной Франции, их обобщенный образ вобрал в себя негативные черты, принадлежащие определенным слоям буржуазии того времени, писатель раскрывает перед читателем их настоящее лицо.

В романе «Свежее масло», замечает Жак Бреннер, «чудесно нарисованы картины французского быта периода оккупации... Книга читается с удовольствием... Это шедевр в жанре романа о нравах, в нем заметно, что легкое окарикатуривание может быть ярким отражением реальности» [3, с. 273].

Наряду с обличительной линией в «Свежем масле», в романе «Бордосский семинар» (1987) проходит и другая линия – социально-психологического повествования. Писатель представляет читателю романа не просто сюжеты, действия персонажей, а параллельно описывает их внутренние переживания, душевные состояния. Дютур размышляет, характеризуя взаимоотношения поколений в современном обществе, отношения между полами, уделяет внимание проблемам молодежи.

Действие романа происходит в современной Франции, в Париже, в 60^x годах. Главные герои «Бордосского семинара» – молодые ученые Национального Центра научных исследований, занимающиеся научными изысканиями, «исповедывающие» современный образ жизни и, как подчеркивает Ж. Дютур, отказывающиеся «познать реальные вещи». Несмотря на то, что они участвуют в майских событиях, ставших моментом кризиса V Республики, кризиса государственно-монополистического капитализма во Франции, поражения левых сил, что привело в дальнейшем к власти правительства, состоящего из социалистов и коммунистов, герои живут в своем мире, своей жизнью, озабочены своими проблемами.

Автор с первых страниц романа преподносит свое описание нравов общества, подчеркивает, что «действия людей, их поступки расходятся с

их словами». Иногда Дютур отходит от сюжетных линий и проводит параллели с действиями и мыслями героев других произведений, возвращаясь к героине Софокла, упоминая Пруста, Дюма и его «Трех мушкетеров», Руссо, Монтеня, Мольера, он все время размышляет, характеризуя молодежь, взаимоотношения людей в обществе. Писатель стремится понять это общество и созданных им современных людей, он делает акцент на кризисе личностных отношений, на поисках утраченных в обществе ценностей. Отталкиваясь от изображения индивидуальных судеб, Дютур идет к изображению общества, всей системы. Так, характеризуя одну из своих героинь Аделину, он указывает: «... она была, как и другие, жертвой предрассудков своей эпохи» [8, с. 32].

Необходимо отметить и тот факт, что через произведение проходит саркастический, иронический тон повествования, который выражает и показывает и отношения поколений, и отношения мужчины – женщина, и национальный вопрос, и вопрос владения французским языком, борьбы со сленгом, целью чего является не смешить, не развлекать, а, напротив, подчеркнуть всю серьезность положения и ситуации, так как именно в насмешке обнажается нелепость происходящего.

«Бордосский семинар» среди всех романов Дютура – один из трех предпочитаемых автором (в том числе «Ужасы любви» и «Портреты женщин»), как отмечал Бернар Леконт.

На примере романа «2024» (1975) Ж. Дютур показал и пророчески предугадал негативные последствия современных ему тенденций, способных принять глобальный характер. Писатель показал суть этих негативных последствий, затронувших житнетворческую природу человека, ведущих к демографической катастрофе всего человечества. Фантастический вымысел, свойственный скорее писателям-фантастам, определяет структуру и содержание этого романа. Роман можно отнести к получившему широкое распространение в мировой литературе XX века жанру сатирической антиутопии.

Повествование романа «2024» ведется от первого лица и представляет собой экскурс в прошлое, как показывает название романа, из будущего – 2024. Дютур описывает время с 1974 г. до 2024 г. (конец повествования) как уже свершившееся прошлое, описывает реальность, которой в момент написания романа еще не было. В результате утраты «обществом изобилия» интереса к жизни и веры в будущее Париж 2024 года – город без детей и без молодежи, с разрушенными небоскребами,

опустевшими домами, остановившимся транспортом и превратившимся в джунгли Булонским парком, это город, населенный доживающими свой век представителями не столь давней эпохи бурного прогресса и безумного наслаждения. Автор описывает Францию таковой, какая она будет – жертвой отсутствия рождаемости. «Все старо, Париж необитаем... ..отвратительные и опасные скелеты построек... Он плачет, однако, над этим всем с тем, чтобы призвать молодежь современности к этой проблеме», замечает Бернар Леконт [9, с. 114-115].

Автор в романе критикует процессы и явления, к которым привела глобализация и в тоже время выступает в роли пророка: «Конец XX века принесет достаточно значительные и окончательные изменения в поведении человека. Это будет демонстрацией того, что материальный инстинкт был лишь недоразумением» [6, с. 46].

«В романе «2024» Дютур в художественной форме воплощает свои мысли о пагубности современного процесса цивилизации, сделавшего ложную ставку на вытеснение фундаментальных основ человеческого бытия (упорный и настойчивый труд, усвоение духовной культуры, согласие и гармония с природой) в пользу облегченного и чересчур комфортного существования с обольщающей массовой культурой», – отмечается в статье А. Д. Михилева [5, с. 16].

Трагедия нашего времени состоит в том, что надвигается вырождение человека как биологического вида. Одним из свидетельств пагубности технического прогресса, по мнению Дютура, является все усиливающийся примитивизм мышления современного человека и понижение уровня искусства по мере дальнейшего развития техники, науки и комфорта. Современники думали, продолжает Ж. Дютур, «все пройдет как всегда, одна цивилизация уступит место другой, новый мир придет на смену старому. Они вспоминали, конечно, старый мир, они оплакивали его исчезновение...» [6, с. 156]. Они не представляли, что Наука через сто лет, разрушив все, что существовало, уничтожит себя же, и что человечество утонет в невежестве, в бессилии и придет конец.

Современник Ж. Дютура, Бернар Леконт указывал, что «Дютур не проклинает, но он пророк несчастья. «2024» предостерегает, что наступит мир стариков, где нет более детей, свежести, изобретений, где все глупо, пусто...» [9, с. 87]. Однако, замечает он, «такие пессимисты, как Дютур, – веселы» [9, с. 89].

Характерная черта дютуровского мышления, и не только в романах, – это постоянная обращенность к современности и порождаемым ею проблемам, к той самой современности, к которой он не испытывает особой симпатии и которой готов был предпочесть другие эпохи и особенно, любимый им, XVII век. Однако, в то же время, Дютур замечает, что «нет большего счастья для романиста, чем описывать окружающее его общество, особенно когда оно не похоже на предшествующее». Для него «писать роман – значит осуществлять критику действительности».

Ж. Дютур, по мнению Жака Бреннера, «всегда имеет оригинальный подход к проблеме, и то, что он говорит, всегда неожиданно... В Дютуре есть что-то и от Лафонтена. Смешнее всего он звучит тогда, когда его герои произносят реплики, значительно лучше отражающие реальность, чем официальные речи...

...Дютур опирается на ценности, которыми больше всего пренебрегают сегодня. Он упрекает министерство образования в том, что оно не сумело вменить молодым французам необходимость изучения национальной истории и орфографии. Его волнует не только история Франции. Заведенный разговор позволяет ему предложить богатейшие выкладки при сравнении двух типов образования вчера и сегодня...» [3, с. 275].

Как отмечает Т. Балашова, книги Дютура часто привлекали читателя любовью к земле Франции, её традициям, беспокойством за её судьбу. Торжественно и полновесно звучали порой ноты национальной гордости» [2, с. 275].

Анализ рассмотренных произведений Ж. Дютура дает основание утверждать, что пафос творчества писателя заключается в защите общечеловеческих ценностей, к которым он относит идеалы просветительства, уважение к человеку, стабильность, неприятие массовой культуры, которая ассоциируется с неприятием насилия англокультуры, использования американского сленга в речевой практике. Для Дютура важна свобода: и свобода политическая, и свобода выбора работы, и свобода от нищеты, которая позволяет реализовать себя. Для писателя чуждо понятие и сущность фашизма, тоталитаризма, их проявлений и последствий. И все эти аспекты находят отражение в его творчестве.

Список литературы: 1. Андреев Л. Г. Современная литература Франции: 60^е годы. – М.: Московский университет, 1977. – с. 242. 2. Ба-

лашова Т. Порядок против мятежа, или новые сказки про людоеда. // Иностранная литература № 3, 1972. 3. Бреннер Жак. Моя история современной французской литературы. – М.: Высшая школа, 1994. 4. Литературная газета, 1977, 16 ноября, – с. 14. 5. Михилев А. Д. Жан Дютур: меня начнут обожать после смерти // Дютур Ж. Воспоминания Мэри Ватсон: Романы, рассказы: пер. с франц. и вступ. ст. А. Д. Михилева. – Харьков: Фолио, 1999. – с. 7–21. 6. Dutourd J. 2024. – P.: Gallimard, 1975. – 213 p. 7. Dutourd J. Au Bon Beurre. – P.: Gallimard, 1952. – 377 p. 8. Dutourd J. Le séminaire de Bordeaux. – P.: Flammarion, 1987. – 318 p. 9. Leconte Bernard. Quelques coups de burin pour la statue de Dutourd. – P.: Plon, 1997.– 137 p. 10. Paucard Alain. Dutourd, l'incorrigible. – P.: Flammarion, 1997. – 154 p.

ЗАОХОЧЕННЯ ДО ПРОФЕСІЙНОГО САМОВДОСКОНАЛЕННЯ

Дослідженню проблеми професійного самовдосконалення вчителів завжди приділялась належна увага. Складовими елементами цього процесу науковці (А. Дистервег, М. Демков, Ф. Дьяков, К. Єльніцький, В. Крижко С. Миропольський, Є.Павлютенков, О. Прокопова, Н. Румянцев та інші) розглядають формування в учителя настанови на самоосвіту, самовиховання, саморозвиток, рефлексію через створення відповідних зовнішніх і внутрішніх умов: вимоги соціуму, моральне і матеріальне стимулювання, контроль за цими процесами, створення і оптимізація умов для здійснення цієї діяльності. Поштовхом до самовдосконалення може бути потреба бути вчителем-майстром, інтерес до самого процесу самовдосконалення, знайомство з досвідом роботи передових учителів, спроба повторити їх заходи, а надалі й удосконалити їх[2, с. 34].

Самовдосконалення виконує такі функції:

- удосконалення, збагачення знань учителя (предметних, частково-методичних, дидактичних, виховних, психологічних, етичних тощо);
- розвиток світогляду, професійно-ціннісних орієнтацій, переконань, що відповідають задачам суспільства й школи;
- розвиток мотивів творчої діяльності (любов і повага до дітей, захопленість предметом, потреба у самореалізації тощо);
- розвиток стійких моральних якостей особистості (переконаність, гуманізм, педагогічний оптимізм, принциповість, доброта, душевна щедрість тощо);
- розвиток сучасного стилю педагогічного мислення, таких його ознак як системність, конкретність, гнучкість, економічність, селективність, почуття міри тощо;
- розвиток професійних навичок, педагогічної техніки, виконавчої майстерності (техніка словесної і несловесної комунікацій, тобто техніка мови, а також руху міміки і жестів, інтонацій тощо, техніка спілкування зі школярами, навички застосування різних технічних засобів навчання, включаючи складні технічні засоби (комп'ютери, відеотехніку);

– розвиток культури емоцій і вольових проявів учителя, саморегуляції діяльності;

– розвиток рефлексивних умінь [3, с. 109].

Безперервність процесу професійного самовдосконалення формує у педагога вміння визначити перспективу свого професійного зростання і відчувати в цьому постійну потребу незалежно від ступеня вдосконалення системи педагогічної діяльності.

Результатом такої роботи є позитивні зміни в особистості вчителя, прагнення до підвищення рівня професіоналізму. Це проявляється у покращенні якості діяльності, усвідомленні своїх успіхів, посиленні мотивації до подальшого самовиховання, усвідомлення конкретних особистісних позитивних змін, високій оцінці колег, результатах професійної діяльності. Проте слід зазначити, що успішність реалізації професійної ролі вчителя, прагнення до постійного самовдосконалення значною мірою залежить від правильного підходу адміністрації школи до вибору системи заохочення педагогічних кадрів.

Розглядаючи конкретні механізми організації професійного самовдосконалення вчителя, важливо зробити логіко-семантичний аналіз поняття «заохочення» та визначити поняття «заохочення до самовдосконалення».

Так, у «Великому тлумачному словнику сучасної української мови» В. Т. Бусела заохочення має декілька визначень: 1) «те, що заохочує когонебудь до чогось; нагорода, похвала»; 2) «спонукати когонебудь до якоїсь дії певними засобами (переконуючи в чомусь, подаючи приклад, хвалячи, нагороджуючи і т. ін.) //Викликати у когонебудь бажання, охоту робити щось// Сприяти кому-, чому-небудь, підтримувати прояв, розвиток чогось»[1, с. 109]. В Українському педагогічному словнику, укладеному С. Гончаренко, знаходимо, що заохочення – це матеріальне або моральне стимулювання праці, діяльності людей [5, с. 132].

У правовому розумінні заохочення трактується як «спосіб впливу, що через інтерес, свідомість направляє волю людей на здійснення корисних, з погляду заохочуючого, справ» і розглядається як метод діяльності виконавчої влади [26,]. У вищезначеному документі вказується, що основними засобами підтримання високої трудової активності працівників є створення сприятливих умов праці, нормального психологічного клімату, переконання, сила прикладу, моральне і матеріальне стимулювання. Ініціатива, творча діяльність базуються головним чином на внутрішньому переконанні особи. Ця ініціатива стимулюється заходами морального і матеріального характеру шляхом публічного визнання, схвалення, позитивної оцінки ус-

пів робітника. Таку стимулюючу роль в трудовому праві виконує заохочення, яке виступає формою сприяння сумлінному виконанню працівником своїх трудових обов'язків, сприяє вчиненню ним корисних творчих дій, які перевищують звичайні нормальні вимоги. Заохочення є публічним проявом пошани до працівника у формах, що визначаються чи дозволяються нормою права, за зразкове виконання трудових обов'язків, підвищення продуктивності праці, поліпшення якості праці, тривалу і безперервну роботу, новаторство в праці та інші досягнення в роботі. Це важливий засіб виховання державних службовців і зміцнення трудової дисципліни. Заохочення сприяють формуванню свідомого ставлення до справи, розвитку ініціативи, рішучості та впевненості у своїх діях, мобілізують на переборювання труднощів. Заохочення найкращих працівників підвищує їх авторитет, створює їм пошану і, що найважливіше, позитивно впливає на колектив співробітників. Завдання полягає в тому, щоб за допомогою засобів матеріального та морального заохочення, поряд з іншими формами та методами виховного впливу, забезпечити правильне розуміння державними службовцями своїх службових обов'язків, сумлінного ставлення до їх виконання [4].

На наш погляд, всі формулювання поняття «заохочення» загалом сприяють цілісності його визначення. Аналіз вказаних трактувань поняття «заохочення» дозволяє вважати його процесом стимулювання, впливу, сприяння та спонукання кого-небудь до якоїсь дії матеріальним або моральним способом. Це дає підстави зробити висновок, що заохочення до самовдосконалення – це процес або спосіб стимулювання, впливу, сприяння та спонукання вчительських кадрів до самовиховання, самоосвіти, саморозвитку та рефлексії матеріальним або моральним способом з метою удосконалення своєї фахової майстерності для забезпечення якості навчання і виховання.

Список літератури: 1. Великий тлумачний словник сучасної української мови: 170000 слів / [автор, керівник проекту та голов. ред.. В. Т Бусел]. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1426 с. 2. Павлютенков Є.М. Організація методичної роботи / Є. М. Павлютенков, В. В. Крижко. – Х. : Основа, 2006. – 80 с. 3. Темченко О. В. Педагогічні умови формування професійної позиції вчителя загальноосвітньої школи: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Темченко Ольга Василівна. – Харків, 2010. – 266 с. 4. Трудове право України. 5. Український педагогічний словник, укладений С. Гончаренко – К. «Либідь», 1997. – С. 132.

Фесенко Г. Г
м. Харків, Україна

РОЛЬ МУЗЕЇВ У ФОРМУВАННІ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТОРУ УКРАЇНИ

Музеї як зберігачі, хранителі та транслятори культурної спадщини, належать до інституцій, які сприяють формуванню єдиного культурного простору національної ідентичності. В сучасній Україні політика збереження культурної спадщини не набула ще сталого розвитку, бо є випадки руйнування заповідних територій, недофінансування проектів реставрації пам'яток історії та культури й підтримки у належному стані діяльності установ культури. Це загрожує втратою багатьох пластів культурної спадщини, руйнуванням культурного і природного середовища людини. Разом з тим спостерігається стала тенденція до відродження етнографічних, фольклорних традицій, відновлення релігійних і національних святинь, відкриваються нові виміри історико-культурної спадщини.

В умовах відродження інтересу до історії свого регіону, свого родоводу, підвищується соціальна значимість і затребуваність колекцій музеїв, що сприяють персоніфікації і одухотворенню вітчизняної історії. Музеї покликані зберігати і передавати від покоління до покоління культурний та історичний код нації. Саме музеї сприяють осмисленню історії з гуманітарних позицій і дозволяють простежити взаємозв'язок історії країни, регіону, історії сім'ї і долі окремої людини, відчутти себе частиною історичного процесу.

Музей створюється там і тоді, коли виникає суспільна потреба в інституціональному закріпленні певної суми накопиченого культурного та історичного досвіду поколінь. Нова інституція покликана акумулювати цей досвід, транслюючи накопичені цінності в сферу колективної соціокультурної свідомості, інтегруючи таким чином історію і конкретний досвід в загальнолюдський контекст. У цьому сенсі музей – не просто дзеркальне відображення історії, він постає смислоутворюючим соціальним інститутом.

Втім в українському суспільстві роль музеїв недооцінюється, бо українці рідко відвідують музеї. Зокрема, згідно з даними УНІАН, більш як чверть жителів великих міст України (28,1%) останній раз відвідували музей один-два роки тому. Майже така сама кількість опитаних (26,4%) останній раз була у музеї три-п'ять років тому. Кожний п'ятий респондент (21,5%) заявив, що відвідував музей більш як п'ять років тому, а кожний десятий (11,2%) – півроку назад. Були в музеї протягом останніх трьох мі-

сяців 4,5% опитаних, а 8,3% заявили, що ніколи не відвідували музеї [4]. Зали з історичними експонатами відвідують здебільшого науковці чи мистецтвознавці. Постає питання: як повернути людей у музеї? Як зробити візит у музей типовим явищем культурно-освітнього відпочинку?

Реалізації потенціалу музеїв як чинника формування якісного культурного простору може сприяти інформатизація музейних практик. Проте більшість районних і обласних музеїв не підключені до мережі Internet, не мають власних Web-сайтів. Відповідно більшість українських музеїв та національна культурна спадщина залишаються маловідомими не лише за кордоном, але і в нашій країні. Тільки найбільші музеї України можуть дозволити собі мультимедійні видання з метою популяризації власного закладу, експозицій та виставок. Не вирішеною проблемою для музейних закладів залишається комп'ютеризація і автоматизація обліку музейних експонатів, оцифрування найбільш цінних пам'яток культури і мистецтва.

Музейна справа України має значний потенціал для розвитку, музеї здійснюють свою соціальну функцію документування історії природи і суспільства, збереження і трансляції культурної спадщини. Разом з тим, без докорінних змін у соціальній і культурній політиці як на національному, так і на регіональному рівнях музеям загрожує втрата наявних позицій в соціокультурному просторі і животіння. В даний час мова йде вже не стільки про збереження окремих пам'яток і артефактів, скільки про включення в життя, в реалії сучасного світу усієї культурної спадщини в її цілісності і розмаїтті, що охоплює як самі об'єкти, які підлягають збереженню, так і середовище, в якому вони існують, і людини як носії спадщини. Це передбачає роботу з виявлення всієї сукупності спадщини, включаючи такі найважливіші її елементи, як народну культуру, традиції, ремесла і промисли, історичне міське середовище та сільську забудову, етнокультурний простір та ін.

Необхідність формування потужних музейних закладів, які б реалізовували стратегію збереження і популяризації національної культурної спадщини, актуалізує проблему удосконалення підходів та засобів управління українськими музеями [2]. На сучасний стан значно вплинули історичні передумови і при формуванні музеїв в умовах відсутності держави, і в часи тотального ідеологічного контролю за їх діяльністю. Музеї України пережили і репресії, і реформування, і вимушені переміщення окремих предметів та цілих фондів груп. Зараз час зібрати зусилля і спираючись на кращі традиції й досвід та нові знання подолати епоху відставання від вимог часу. Багатство наших музеїв як особливий гуманітарний капітал має працювати ефективніше.

Нині у розвинених країнах активно проводяться музейологічні дослідження щодо підвищення ролі музеїв у культурному просторі, розвитку інтерактивності як засобу розвитку музейного закладу, окреслення шляхів взаємодії музеїв, зокрема створення мережі, що охоплює музеї різних рівнів і типів: національні, регіональні, місцеві, кунсткамери і галереї. Актуальною є ідея розвитку території через культуру, розбудову культурної політики на рівні міста і регіону. Ідея розвитку міст через культуру передбачає те, що на музеї покладається велике навантаження – не тільки забезпечення власного існування і обслуговування відвідувачів, але і створення акцій, які б привернули увагу до регіону, допомагали створювати його неповторний імідж. Отже, перед українськими музеями стоїть й питання про налагодження PR-комунікацій з громадськістю. Зараз у музеях зазвичай немає відділів або фахівців, які б спеціально займалися рекламою закладу, нових експозицій і виставок.

Вплив музеїв на культурний національний простір може сприяти пошуку самоідентифікації в нових історичних реаліях за умов реалізації суспільної місії музеїв: збирання заради збереження для майбутніх поколінь на служіння суспільству і його розвитку. Адже у такому служінні виявляється відповідальність перед суспільним розвитком на основі культурних цінностей і формується відповідальність кожного за майбутнє.

Культурний потенціал Україна має достатній, але розпорядитися ним ще не вміємо. Цінність цього потенціалу у його культурному розмаїтті, а величезна частина його – у наших музеях. Ширші можливості і шанси може розкрити поширення дискусії про музейну роботу до європейських рамок і збільшення фокусу музейної практики від презентації гомогенної національної історії до гетерогенізації, роздрібнення історії, перенесення акцентів на цінність культурного розмаїття України. Зокрема показати історію народу в контексті історії культури Європи, показати музейними засобами через призму людини, родини, дати змогу пережити історію інакше, ніж це нам пропонують історіографи.

Щоб ефективніше використовувати наш культурний потенціал для розвитку нашого суспільства, нам треба переосмислити і покращити основні функції музею, змінити організаційно-правові форми діяльності, застосовувати сучасні комунікаційні технології. Національна, культурна ідентичність тримається на вільній особистості з глибоко вкоріненою свідомістю і критичним мисленням. Орієнтація музейної діяльності на відвідувача тягне за собою зміни в підходах до збирання, збереження, дослідження і популяризації. Що і як відбирати з множини предметів, що нас

оточують? Як освоювати нові напрями збирання предметів незвичної матеріальної субстанції і нематеріальні цінності, щоб відобразити сучасний культурний стан? Як при цьому визначати пріоритети і координувати їх серед музеїв? Як вести облік фондів з використанням сучасних інформаційних технологій? Як вести наукову інвентаризацію на основі типового тезаурусу фондів різних профілів? Як організувати наукові дослідження, керуючись сучасною науковою методологією в кооперації з музеями і науковими інституціями, в т. ч. на міжнародному рівні? Як використовувати ефективні форми музейної комунікації, презентації й популяризації знань, вартостей і значень музею? Як розвивати ширше партнерство з різними організаціями? Разом з тим музей мусить дбати і про те, що не має права мінятися, що зберігає неповторність музею і вирізняє його серед інших організацій культури. А для цього потрібні нові знання, відповідні компетенції і осмислений досвід. Тому треба налагодити розгалужену систему професійного вишколу.

Усвідомлення музеями своєї ролі у формуванні суспільної свідомості, трансляції культури, встановленні взаєморозуміння між народами і гуманістичному вихованні людини XXI ст. сприятиме посиленню їх значення як чинника формування сучасної культури. Кроком в цьому напрямі має стати дорожня карта до програми розвитку і збагачення української культури, де важливе місце займає актуалізація національної культурної спадщини. Пам'ятки культури і мистецтва цінуються й зберігаються, як на те заслуговують лише тоді, коли усе суспільство бачить в них цінності, які мають бути збережені для майбутніх поколінь.

Список літератури: 1. Кодекс музейної етики від icom: український національний комітет міжнародної ради музеїв/ перекл. з англ. І. Б. Коновалової і О. С. Климишина; за реком. ICOM з видання: «COM code of ethics for mh3seh3ms». – Paris: The Sans, 2006. – 16 р. [Електронний ресурс] // Наукові записки Державного Природничого музею. – 2007. – Вип. № 23. – С. 3 – 16. – Режим доступу: <http://www.icom.in.ua/subinfo1.html>. 2. Кузьмук О. Стан та шляхи модернізації музейного менеджменту в Україні [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://old.niss.gov.ua/Monitor/oktober08/2.htm>. 3. Мазурик З. Музеї сьогодні – європейські тенденції та українські виклики; українська музейна спільнота [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://museum.ridne.net/node/10>. 4. Як часто туристи відвідують музеї? [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://tour-cn.com.ua/news/jak_chasto_turisti_vidvidujut_muzeji/2010-05-26-908.

*Александр Шокуров
г. Харьков, Украина*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УКРАИНЦЕВ И РУССКИХ

В современном мире, согласно различным подсчетам, существует от трех до пяти (как считают некоторые ученые, до семи) тысяч языков.

Учитывая, что государств приблизительно около двухсот, легко посчитать, сколько разных языковых сообществ в среднем насчитывается в каждом государстве.

В условиях всемирной глобализации наблюдаются проявления как интеграции, так и дезинтеграции этнических образований в различные политические формы. Когда объединение происходит по «имперской» модели, участник, являющийся центром экспансии, получает значительно больше выгоды от подобной интеграции. Присоединяемый этнос подчиняется, поглощается более крупным, сильным, развитым участником процесса. Используются как экономические средства, так и политические (версии о цивилизаторской миссии агрессора, мифы о воссоединении братских народов, спекуляции на языковом вопросе, о восстановлении «исторической справедливости», об «исконных» территориях, о бескорыстной «отцовской» помощи младшему партнеру и т.п.). Подобный процесс мы наблюдаем на примере «воссоздания СССР», проводимого руководством России.

Этим объясняется активная научная деятельность украинских и российских ученых, ведущих постоянные дискуссии о спорных моментах совместной истории. Цель этой статьи – внести немного больше ясности в происхождение российской и украинской наций.

Сторонники «воссоединения» рассуждают о якобы едином происхождении восточнославянских народов, провозглашенном еще в екатерининские времена, но возведенном в ранг государственной политики в сталинскую эпоху. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к понятиям «этнос» и «нация».

«Следует принять во внимание, что в отечественной и мировой науке не сложилось общепризнанного понимания природы, характера и строения этноса» [1]. Однако в подавляющем большинстве теорий легко увидеть общее: этнос есть совокупность людей, имеющих общую культуру, историю, говорящих на одном языке и осознающих свою общность как отличие от других подобных людских групп. Часто этносы приравнивают к поня-

тию нации. Это ошибка, т.к. нация – понятие политическое и географическое, а не лингвоисторикокультурное, как этнос.

Территория, на которой компактно проживает тот или иной этнос и где он составляет большинство населения, принято именовать этнической территорией [2]. Как известно, территории Украины и европейской части России во времена появления там предков современных украинцев, русских, белорусов представляли собой абсолютно разные этнические территории. Территории Украины и Белоруссии были заселены преимущественно многочисленными славянскими народами. Еще арабский географ Аль-Бекри в «Книге путей и стран» писал: «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять».

По каким же критериям отличались славянские народы в начале второго тысячелетия?

Северяне отличались от прочих славян (например, древлян) узким лицом и долихоцефалией.

По словам летописца Нестора, поляне назывались так «занеже в поле седяху». Поляне резко отличались от соседних славянских племён и по нравственным свойствам, и по формам общественного быта: «Поляне бо своих отец обычаи имяху тих и кроток, и стыденье к снохам своим и к сестрам и к матерем своим.... брачные обычаи имеяху». При обычных и древнейших занятиях славян — охоте, рыболовстве и бортничестве — у полян более чем у других славян были распространены скотоводство, земледелие, «древоделие» и торговля.

Центром союза лютичей было святилище «Радогост», в котором почитался бог Сварожич. Все решения принимались на большом племенном собрании, а центральная власть отсутствовала.

Название племени хорватов производят от древнеиранского слова «пастух, страж скота», что может свидетельствовать о главном его занятии — скотоводстве. Древляне, радимичи и вятичи жили в лесах «подобно зверям», и браков у них не было.

Персидский ученый Ибн-Русте в X веке писал о вятичах: «Глава их, которого они называют главою глав, зовется у них «свиет-малик». И он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем».

Тот же Ибн-Русте писал о государственном устройстве других славянских народов: «У ободритов государство представляло собой федерацию, в нее входили рароги, варанги и еще ряд племен, они имели собственных князей, обладали определенной автономией, а во главе союза стоял

великий князь. Похожее устройство было у лютичей, северян. У ругиев установилась теократия. Верховный жрец бога Свентовита имел власть больше, чем у великого князя, давал указания подчиненным племенам, определял политику страны, имел храмовую дружину из 300 воинов».

Отличались у разных племен и похоронные обряды. Словене, кривичи, северяне, русы, вятичи сжигали покойников, возводя над местом погребения небольшие курганные насыпи, а поляне, древляне, волыняне, радимичи хоронили покойников в земле. Граница между территорией расселения кривичей и новгородских словен определяется археологически по типам захоронений: длинные курганы у кривичей и сопки у словен.

Некоторые славянские племена и народы различались исключительно по месту обитания, т.е. по географическим признакам. Однако следует заметить, что в подобных случаях средневековые авторы, очевидно, слишком мало знали об описываемых народах. Отличия от соседних племен все же были, иначе зачем же тогда давать этносу отдельное имя?

Таким образом, разные славянские народы отличались по антропологическим признакам, по роду основных занятий, по типу государственного устройства, по нравам и обычаям, т.е. различались чрезвычайно. Что же позволяло относить их к одному и тому же славянскому народу?

Конечно же, язык. Все этносы и племена, традиционно относимые к славянским, говорили на разных, но родственных между собой диалектах. Вспомним, что при общей нечеткости картины в отношении понятия этноса за последнее время появилось немало теорий, пытающихся снять разногласия в этом вопросе. «К числу одной из таких интересных концепций этноса следует также отнести интересное научное построение, выдвинутое некоторыми исследователями, в частности Н. Н. Чебоксаровым, которое удобно назвать информационной концепцией этноса. Оно базируется на представлении о том, что во всяком социальном образовании, как и в обществе в целом, устойчиво циркулируют потоки сообщений (информации), имеющие свои генераторы (источники) и реципиентов (тех, кто их воспринимает). Отсюда делается предположение, что в границах устойчивых социальных общностей, каковы, например, этносы, информационные потоки должны быть интенсивнее и насыщеннее, чем за их пределами. Дальнейшее развитие концепции связано с мыслью о том, что в разных исторических типах этносов – от племени до современной развитой нации – плотность информационных потоков различна и по мере исторического развития она возрастает» [3]. С нашей точки зрения, если добавить к этой концепции понятие языка информационных потоков, то картина будет и точнее,

и полнее. Смеем утверждать, что понятие языка в современной этнологии незаслуженно отодвинуто на вторые или даже третьи позиции. Ведь одноязычность этноса аксиоматична, т.е. является первейшим необходимым условием возникновения и дальнейшего развития этноса.

Ни единого «общенародного», ни какого-либо универсального, надплеменного языка для множества славянских этносов тогда не существовало. Хотя близость славянских племенных говоров, безусловно, ощущалась.

На территории, впоследствии получившей название «Московия», славяне проживали всего лишь в виде пришлого, некоренного национального меньшинства, а народ относился к финоугорским племенам, таким как эрзя, мокша, чудь, мурома, весь, мордва, пермь и т.п. Доказательством этому служит и топонимика современной российской средней полосы. Москва, Мещера, Суздаль, Муром, Вологда, Кострома, Рязань – все эти и многие другие географические названия, ставшие символами современной России, не имеют славянских корней. Значит, эта территория не была этнической территорией славян. Каким же образом финоугорские этносы заговорили на славянском языке?

У восточнославянских народов четко прослеживается разделение национального языка на литературный – церковнославянский – и разговорный простонародный. Использование литературного языка было ограничено. Его знание было доступно лишь образованным людям и верхушке, элите общества. На каком же языке говорил простой люд? Прямых указаний, к сожалению, наука до сих пор не имеет, только косвенные. К ним относятся и нерасшифрованные пока памятники (достаточно малочисленные) докириллической письменности, и топонимика центра и севера России, и свидетельства современников.

В средневековой Московии одновременно функционировало несколько языков. Княжеская знать общалась при помощи славянского койне, служащего для общения между народами с разными диалектами и языками. Народ общался на языках финской языковой группы. Тюркские языки использовались как религиозные и дипломатические в период пребывания Московии в составе Золотой Орды. И, наконец, использовался церковнославянский язык в качестве языка православных текстов и религиозных культов. Вся эта смесь в итоге и стала основой для нынешнего русского языка. Многие лингвисты отмечают, что современный русский язык совпадает в лексике только на 30–40% с другими славянскими языками, тогда как у украинского и белорусского это совпадение несоизмеримо выше и составляет 70-80%.

Церковнославянский язык воспринимался не только как язык универсальный, снимающий географическую ограниченность каждого отдельного племени, но и как язык высочайшей культуры, приобщающий отдельных просвещенных представителей этноса к огромному, богатому культурой и знаниями христианскому универсуму как доминантной цивилизационной составляющей. Т.е. общими чертами, присущими коренным этносам, жившим на территориях Украины и России, были литературный язык и, начиная с 16 века, конфессиональная общность (до 1589 г., когда Московия приняла греческий канон православной веры, там исповедовали необычную смесь из христианства, ислама и пережитков языческих культов. В доказательство вспомним заключительную благодарственную молитву Афанасия Никитина в книге «Хождение за три моря»: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иуса Духа Божия. Аллах велик...» В подлиннике: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим».).

Единство литературного – единого языка письменности, литургии, культуры, науки, образования, государственно-правового устройства – на протяжении столетий во многом помогло сгладить территориально-диалектные различия. Но для Московии разница между народным и литературным языками была столь глубока, что многие «книжные» слова постепенно полностью вытеснили «народные» эквиваленты. В русском же и белорусском языках близость просторечных и книжных форм привела к интерференции, некоему изменению, но не окончательному вытеснению.

Основу русского и украинского народов составляют совершенно разные этносы. Подтверждение этого находим у известного советского историка, археолога Л. Гумилева. Он объясняет разницу в этногенезе обеих наций совершенно различным географическим положением, и, следовательно, климатическими условиями, обусловившими разные матрицы поведения. В более суровых природных условиях этносам, составившим базу российской нации, для выживания необходимо было напряжение всех сил, максимальная консолидация усилий всех слоев общества, экстенсивная модель развития. Как следствие – «абсолютистская» модель общества, жесткое пресечение инакомыслия и «ересей» [4]. А на территории Украины и Белоруссии на несколько веков ранее уже существовали зачатки демократии. Украинцы приравниваются Л. Гумилевым к финоугорским племенам по оседлости и способности быть колонизированными. О чем Л. Гумилев забывает упомянуть, так это о совершенно разном уровне развития «лапотных» финоугорских племен и славянских народов, входивших в начале первого тысячелетия в состав Киевской Руси – одного из могуществен-

нейших государств Европы того времени. Фактически поставив знак равенства между финоуграми и славянами, он делает неверный вывод об историческом отставании Московской и Киевской Руси в своем развитии на 500 лет от западноевропейских государств.

Хотелось бы обратить внимание на то, что мы говорим именно о происхождении, истоках русского и украинского народов. Совершенно по-другому выглядит ситуация в настоящий момент, спустя несколько столетий после начала целенаправленного процесса ассимиляции всех народностей на территории сначала Российской империи, а позже – СССР. Кульминационным моментом этого процесса стал XX век, когда целые народы, не говоря уже об отдельных населенных пунктах, насильственно перемещались на новые далекие, абсолютно чужие территории. А их место занимали трудовые мигранты из столь же отдаленных восточных и северных регионов необъятного СССР. Поощрялись межэтнические браки. В гигантском «котле» должна была выплавиться новая внеэтническая общность – «советский народ». На территории Украины национализм сейчас не находит достаточно широкой поддержки именно в силу того, что «чистых» этнически украинцев найти крайне затруднительно. Если проанализировать генофонд каждого гражданина Украины, можно будет найти примеси татарской, польской, финоугорской, венгерской, еврейской и т.п. кровей. Но это тема другого исследования.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. При анализе этногенеза, безусловно, следует учитывать языки, используемые на этнической территории. При этом следует учитывать ситуацию билингвизма литературного и народного языков (например, практически во всей Европе в качестве литературного языка в средние века преимущественно использовалась латынь). Учитывая последние исследования исторической науки, сопоставительной лингвистики, можно утверждать, что основу украинской, российской и белорусской наций составили различные этносы, а не мифический единый древнерусский народ, как утверждалось ранее.

Список литературы: 1. Марков Г. Е., Пименов В. В. Этнология – Москва, Наука, 1994. – С. 6. 2. Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. С. 63–74. 3. Марков Г. Е., Пименов В. В. Этнология – Москва, Наука, 1994. – С. 8. 4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли, М.: Айрис-пресс, 2008, С. 234–236.

*Михаил Красиков
г. Харьков, Украина*

«НАЖАЛ НА КНОПКУ — ЧИК-ЧИРИК, И ИНЖЕНЕР ГОТОВ!»

Песенный фольклор харьковских студентов-политехников

1950-х — начала 1960-х гг.

Обзор репертуара

Песенный репертуар студенчества как субкультурного образования открыто-закрытого типа составляют три основные группы произведений:

1. Распространенные и передающиеся из поколения в поколение песни, отражающие специфику студенческой жизни;

2. Насыщенные местными реалиями и антропонимами песни, имеющие локальное, групповое и временное распространение (среди участников художественной самодеятельности кавээнщиков, однокурсников, жильцов общежития определенного периода, той или иной дружеской компании и т.д.);

3. Популярные фольклорные и авторские песни (впрочем, авторство, как правило, носителям традиции неизвестно или приписывается первому исполнителю или вообще неинтересно).

Сегодня лишь мизерное количество студентов Харьковского политехнического института знает студенческую классику; местные окказиональные песни теперь очень редки, сочиняются они, как правило, к КВНам и не живут дольше одного-двух представлений (разве что какое-то время цитируются при случае удачные строчки или выражения из них). Разумеется, современные студенческие песни отличаются от подобных песен предшествующих поколений. Из новых произведений на студенческую тематику чаще всего поется песня Кузи про «шнягу шняжную – жизнь общажную» из телесериала «Универ». Коллективное (групповое) исполнение все более уступает индивидуальному, да и само пение уступает место слушанию записей, причем последнее тоже преимущественно индивидуальное, благо современная техника предоставляет такую возможность. Основу репертуара сегодняшних студентов ХПИ составляет творчество современных авторов (музыкальных групп).

В 1950-е – в начале 1960-х годов студенчество Харьковского политеха было и дружным, и веселым, и поющим. В репертуаре ребят (в частности, энергетиков) были **общестуденческие** песни, в которые чаще всего привно-

сились свои новации: «Колумб Америку открыл...», «От зари до зари...», «В первые минуты...», «Магадан» («Слушай, друг, мотай на оба...»), «Султан» («В гареме тешится султан...»), «Электричество» (песня в одном из вариантов имеет подзаголовок «Гимн электриков ХПИ»), «Всем известно, что студенты...», «Как закончу я учебу...», «Окончив институт...», «Студент» («Раскинулось море над модулем пять...») и другие. Варианты этих песен, в большинстве, известны, но каждый новый добавляет свои нюансы к нашему восприятию данных фольклорных произведений.

Были и **сугубо политеховские** песни (большей частью, как и сейчас, переделки), причем, как правило, авторы их не забывались: «Лагеря» («Если грустно вам, друзья...»), «Харьковская прощальная» («Скоро кончим диплом...»), «Был у нас студент на факультете...», «Незабудка» («Не в саду цветут цветы...»), «Перегончики» («На перегончиках...»), «Как-то раз до новой эры...», «Марш агитбригады художественной самодеятельности ХПИ» (автором его был впоследствии известный детский поэт В. Левин). Приведем текст «Марша», написанного осенью 1955 года, как весьма характерное произведение своего времени:

Мы с песнею веселой
Объедем край родной.
Спешим степями, сёлами,
Дорогой полевой.

Друзья повсюду рады нам,
Встречают, как своих.
Концертная бригада мы —
Студенты ХПИ.

Бывало, что на месте нам
Обед забудут дать,
Но мы умеем весело
Не жравши выступать.

Грязны мы, и охрипли мы,
И в сено спать уйдем,
Но голосами сиплыми
Мы всё-таки поем... [ПМА, зап. от В.А. Левина]

Не менее характерна и «Песня, написанная на крыше крытого грузовика, внутри которого спала женская часть агитбригады» (автор В. Левин):

Темная ночь,
Только зубы от ветра стучат,
Только квакают, видно к дождю,
У колодца лягушки.
В темную ночь
Ты, товарищ мой, знаю, не спишь,
Ты на крыше машины лежишь
Без перин и подушки.
Ночь не страшна,
С ней не раз мы встречались в пути.

Вот и сейчас
Нам с тобою опять
Не спится.
Радостно мне,
Знаю, девочки спят подо мной,
И поэтому я не боюсь
В будку к ним провалиться. [ПММА, зап. от В.А. Левина]

Имелись в репертуаре и **мелодраматические шлягеры**, исполняемые «со слезой в голосе и надрывом», но, разумеется, с ориентацией на комическое восприятие: «Постой, паровоз, не стучите, колеса...», «Сиреневый туман», «Стальной гигант» («Они стояли на корабле у борта...») и другие. Песня «Стальной гигант» в 1960-е была обожаема и студентами-физиками Харьковского государственного университета, причем исполнение ее (исключительно хоровое) всегда сопровождалось пародийной инсценировкой.

Очень часто исполнялись тогда модные смешные **песенки литературного происхождения**, такие как: «Однажды рыжий Шванке...», «Венецианский мавр Отелло...», «Сага о Толстом» («Писатель дворянского класса...»), «Девушка в платье из ситца...», «Песня о зубах» («Цилиндром на солнце сверкая...»), «Файдули-фай» («Что же нам делать...»), «Сиреневый платочек» («Расцвела сирень в моем садочке...»), «Турецкая лирическая» («Снова замерло все до рассвета...»), «Зараза» («Что ж ты смотришь

на меня в упор...»), «История каховского раввина» («Зачем, скажите, вам чужая Аргентина...»), «30 метров креп-де-шина» («Расскажу я вам, ребята...»), «Задумал я, братишечки, жениться...». Многие из этих песен, например, «Про каховского раввина», «Холостою жизнью я извелся» и другие фиксировались как активно бытующие среди российского студенчества и во второй половине 1980-х годов.[ ]

Разумеется, популярен был **блатной фольклор**, в частности, песни: «Я с детства был испорченный ребенок», «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...» (песня на слова Юза Алешковского, бытовавшая, разумеется, как безавторская и «блатная»).

Изредка звучала **романсовая лирика**, например «Клен ты мой опавший...» (на слова С. Есенина).

В 1960-е годы студенческий репертуар харьковчан пополняется **бардовскими** произведениями. Песни Б. Окуджавы «Последний троллейбус» («Когда мне не в мочь пересилить беду...»), «Вы слышите, грохочут сапоги...» и другие харьковская интеллигенция услышала раньше, чем в иных городах СССР, благодаря замечательному филологу Льву Яковлевичу Лившицу, который вначале привез записи домашних концертов никому не известного тогда автора, а потом и самого Окуджаву, устроив ему, по сути, первое большое публичное выступление в Центральной лектории.

Пользовались успехом и «**стиляжьи**» однодневки: «Пьяненький» («Ночь тьмой окутана...»), «Чуча» («Ночь! Два голых негра роют яму...») и подобные. Входили в репертуар, хотя и в значительно меньшей степени, тогдашние **эстрадные** песни, например, «Солдатская» («Мы сегодня писем ждем крылатых...», слова Л. Ошанина, музыка М. Фрадкина), а также русские и украинские **народные** песни.

Остановимся на собственно студенческом фольклоре. В начале 50-х годов среди студентов-электриков многих советских вузов была необычайно популярна песня «Электричество». Она была написана ориентировочно в 1952 году на мотив песни «Пиши, не забывай!» («Черная стрелка проходит циферблат...») из кинофильма «Веселые ребята» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского, 1934 год). Ряд вариантов этой песни встречается в Интернете, однако «Гимн электриков ХПИ» содержит оригинальные строфы, отсутствующие в предшествующих публикациях. По этой причине приведем песню полностью:

Нам говорили: пар
Прогресс продвинет заново

И Ньютон, и Карно,
И братья Черепановы,
Но заявили твердо
(И в этом был резон!)
Доливо-Добровольский
И Томас Эдисон:

ПРИПЕВ:

Нам электричество
Сделать все сумеет,
Нам электричество
Мрак и тьму развеет,
Нам электричество
Заменит тяжкий труд,
Нажал на кнопку: чик-чирик!
И тут как тут.

Придет желанный век —
И все преобразится,
Не будем мы тогда,
Как лошади, трудиться,
Стальной электроробот
Нам будет лучший друг,
А ширь степную будет
Пахать электроплуг.

ПРИПЕВ.

Плавать мы будем
Тогда в электрованне,
А летать мы будем
На электроплане,
Грабить нас будет
Тогда электровор,
А судить нас будет
Электропрокурор.

ПРИПЕВ.

Заменит сердце нам
Электрогенератор,
А кашу сварит нам
Электросепаратор,
А органы заменит
На время брачных дней
Катушка индуктивности
И соленоид к ней.

ПРИПЕВ.

Не будет поцелуев,
Мы так будем любиться,
Не будет пап и мам,
Мы так будем родиться,
Не будет акушеров,
Не будет докторов.
Нажал на кнопку: чик-чирик!
И человек готов.

ПРИПЕВ.

Заходишь в ресторанчик —
Там все на электричестве.
Нажал на кнопку: чик! —
Вино в любом количестве.
Еще на кнопку: чик! —
Тарелка с колбасой!
И не прошло пяти минут,
Как ты уже косой.

ПРИПЕВ.

Пришел с работы злой,
А там одно и тоже!
Пускай орет жена,
Пусть вылезет из кожи,
Сиди, читай газету

И ты не виноват,
А за тебя ругается
С женой электромат.

ПРИПЕВ.

Придет счастливый век —
И все преобразится,
Поскольку электричество
Везде распространится,
И будет мир богатым
И рвущимся вперед,
Покуда мирный атом
Все это не взорвет.

ПРИПЕВ. [ПМА, Копусь, 2010]

Первый и последний куплеты сочинил Виталий Копусь, тогда — студент-энергетик ХПИ, активный участник художественной самодеятельности, сегодня — автор нескольких поэтических сборников. Данная песня, при всей ее ироничности, отчетливо запечатлела свою эпоху, когда, по словам Бориса Слуцкого, были «физики в почете». Электроэнергетический факультет ХПИ (бывший Харьковский электротехнический институт) являлся в 50-е самым престижным (12 человек на место, тогда как на остальных факультетах — не больше 5). Некоторым обывателям («простым советским людям»), да и юным романтикам, которых тогда еще хватало, действительно, казалось, что грядущая научно-техническая революция решит как глобальные социальные, так и многие личные проблемы. Ничего удивительного, что будущие инженеры — главные действующие лица этой революции — создали вполне *абсурдистский текст*, исполненный тотальной иронии по поводу подобных иллюзий. Студенчество всегда, отчасти даже разделяя заблуждения своего века, все-таки умело смотреть на вещи достаточно трезво, чему способствовало не в последнюю очередь чувство юмора, не задавленное у молодых людей даже тоталитарным режимом.

Песня «Электричество» записана нами в трех вариантах, хотя известны и другие, в т.ч. выложенные в Интернете. Приведем основные различия. Во 2-ом варианте песня начинается с припева:

Нам электричество мрак и тьму рассеет,
Нам электричество сделать все сумеет,
Нам электричество заменит всякий труд.
Нажал на кнопку — чик-чирик, и тут как тут.
[Здесь и далее — ПМА, Зубарь, 2010]

Обратим внимание на эпитет *всякий* вместо *тяжкий* в 1-ом варианте: здесь рисуется с первых же строк не облегчение труда, а полная отмена его, и как результат — праздная счастливая жизнь людей.

В будущей утопии «лысых не будет, и все омолодятся».

Если в 1-ом варианте предполагается, что пахать будет *электроплуг*, то во втором:

Нам электричество тьму и мрак разбудит,
Нам *электричество* пахать и сеять будет. (курсив наш — М.К.)

Электричество здесь намеренно опредмечивается и предстает как некая волшебная сила, которая вполне сродни «щучьему веленью» в русских сказках — непостижимому, но действенному.

Замечательны во 2-ом варианте строфы, посвященные перспективам «личной жизни»:

Не нужно будет нам влюбляться и терзаться,
Не нужно будет нам подолгу объясняться.
Электрообъяснение включи и не горюй.
А страсти нам заменит электропоцелуй.

Вот кончилось у вас электрообъяснение.
Порядочность зовет исправить положение.
На этот случай в парке ночной электрозагс
Без всяких проволочек в момент распишет вас.

Нажал на кнопку — чик-чирик, готово заявленье.
Еще на кнопку — чик-чирик, готово поздравленье.
Еще на кнопку — чик-чирик, и ты идешь домой
С свидетельством о браке и с новой женой.

Не будет никого счастливей вас на свете,
Появятся у вас с женой свои электродети.
Их рев не потревожит ваш безмятежный сон.
Споет им колыбельную электропатефон.

Ты нервы сохранить в семейной жизни сможешь.
Пускай орет жена, хоть вылезет из кожи.
А ты лежишь с газетой, и ты не виноват,
А за тебя ругается электроавтомат.

Нажал на кнопку – чик, и ты горишь от счастья,
Еще на кнопку – чик, и ты летишь в участок,
Еще на кнопку – чик, и ты идешь домой...,
А там жена встречает электрокочергой.

Обратим внимание, что «электромат» в первом варианте интереснее в силу своей двузначности, чем «электроавтомат» в приведенном только что тексте.

Финальный куплет, с намеренно неточной рифмой и акцентированной просторечной неправильностью словоупотребления, подчеркивает студенческое происхождение песни-утопии, так как апофеозом ее и «пределом мечтаний» студентов является избавление от учебы (и связанных с нею страданий):

Нам электричество тьму и мрак развеет.
Нам электричество сделать все сумеет.
Не будет институтов, не будет чертежов.
Нажал на кнопку – чик-чирик, и инженер готов!

Ср. в варианте, помещенном в Интернете: <http://a-pesni.golosa.info/dvor/nebudetlys.htm>

3-й вариант начинается весьма невнятно и неблагозвучно (в 1-й строке):

Приветствуем мы мысль,
Да здравствует наука!
Она стремится ввысь,
Прогресс нам в том порукой.

И заявляем всем:
Друзья мы потому,
Что нам электричество
Развеет мрак и тьму! [Здесь и далее – ПМА, Шехман, 2011]

В целом 3-й вариант во многом подобен 2-ому, хотя расположение строк другое и есть ряд мелких различий, например:

Еще на кнопку – чик!
Капуста с колбасой... [Здесь и далее курсив наш – М.К.]

* * *

А дело будет заводить
электропрокурор.

Не будем мы *весной*
Влюбляться и терзаться.
Не надо будет нам
Подолгу объясняться.
Электрообъяснение
Включи и не горюй.
А страсти *все* заменит нам
Электропоцелуй.
Вот кончилось у вас
Электрообъяснение.
Порядочность зовет
Исправить положение.
На этот случай в парке
Ручной электроЗАГС
Без всяких проволочек
В момент распишет вас.
Нажал на кнопку — чик —
Готово заявление.
Еще на кнопку — чик —
Услышишь поздравление.

Еще на кнопку — чик —
И ты идешь домой

С свидетельством о браке
И с *молодой* женой!

Мы нервы сохранить
В семейной жизни сможем:
Пускай орет жена —
Хоть вылезет из кожи.
Лежи себе с газетою —
И ты не виноват:
Ведь за тебя ругается
Электроавтомат!

А этого куплета нет в других вариантах:

Нетрудно будет нам
С женою разводиться.
Не надо будет нам
За тысячи судиться.
Ручной электросуд
Найдешь в семье любой.
Нажал на кнопку — чик-чирик! —
Ты снова холостой!

Завершается 3-й вариант повторением 2-го куплета (аналогичного начальному куплету 1-ого варианта), который здесь не исполняется в качестве припева, но выполняет «закольцовывающую» функцию. В других известных вариантах финал утопии порой рисуется так:

Нам электричество земной добудет рай —
Сиди себе, поплеывай и кнопки нажимай! [Антология, 2008, 661]

Харьковские политехники, вполне по законам фольклора адаптируя известные студенческие песни, деликатно насыщали их родной конкретикой. Например, в песне «Колумб Америку открыл...» они пели:

Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
Дурак, он лучше бы открыл
В *электроркорпусе* пивную. [ПМА, Копусь, 2010]

Этот вариант мы фиксировали неоднократно от политеховцев разных поколений, да и от выпускников других харьковских вузов, хотя электрокорпус — именно политеховская реалья. В большинстве же публикаций, как правило, встречается такой вариант последней строки:

...На *нашей улице* пивную. [Антология 2008, 59]

В популярной до сих пор среди студентов песне «Султан» обычно поется:

А я различий не терплю, не терплю,
Вино и девушек люблю, да, люблю!
Чтобы все это совместить,
Простым студентом надо быть. [Антология 2008, 64]

Близкий вариант, где также была строчка: «Простым студентом надо быть» — нами был записан десять лет назад от студента машиностроительного факультета НТУ «ХПИ». Однако студенты 1950-х пели:

А я лишений не терплю,
Вино и девушек люблю, да, люблю,
А чтобы это совмещать,
Студентом ЭМС¹а надо стать. [ПМА, Копусь, 2010]

Есть и еще один политеховский вариант, который стоит привести полностью в силу оригинальности его концовки:

В гареме нежится султан, да султан,
Ему счастливый жребий дан, жребий дан.
Он может девушек любить, да любить —
Хотел бы я султаном быть.

Но он несчастный человек, человек —
Вина не пил он целый век, целый век.
Так запретил ему Коран, да, Коран.
Вот почему я не султан.

---

¹ ЭМС — электромашиностроительный факультет ХПИ.

А в Древнем Риме Папа жил, папа жил.
Вино, как воду, Папа пил, Папа пил.
Бокалы полные вина, да, вина —
Хотел бы Папой быть и я.

Но он несчастный человек, человек —
Не знал любви он целый век, целый век.
Так запретил ему закон, да, закон.
Так пусть же Папой будет он.

А я различий не терплю, не терплю,
Вино и женщин я люблю, я люблю.
И чтоб все это совместить, совместить
Простым студентом надо быть!

В одной руке держу бокал, я² бокал,
Чтоб он случайно не упал, не упал,
Другой сжимаю женский стан, женский стан —
И вот я Папа и Султан!

Но я несчастный человек, человек —
Зачеты мучат целый век, целый век ...
Но есть надежда у меня, у меня ,
Что ХПИ закончу я!

[<http://a-pesni.golosa.info/stud/vgareme.php>]

Почему Папа стал обитателем *Древнего Рима* — загадка: возможно, в силу необразованности авторов, а, возможно, вследствие особой условности исторических реалий, характерной для некоторых студенческих песен.

«Колхозы» — весьма яркое и характерное явление студенческой жизни советского периода. В 1970-е — 1980-е годы едва ли не 2 сентября и зеленых «перваков», и матерых «старшаков» в принудительном порядке отправляли на сельхозработы. В 1950-х харьковские политехники «боролась с урожаем» преимущественно на Херсонщине, бедной студенческой

---

² Возможно, опечатка. Скорее всего, нужно: да.

рабсилой. Как ни утомительна была работа, но и возможность хоть на время забыть об учебе, и радость освобождения из-под родительского надзора (некоторыми испытанная впервые), и «праздник живота» — вкушение арбузов и других южных фруктов в неограниченном количестве, как и неограниченное общение с друзьями, а также — что важно! — с противоположным полом, песни и душевные разговоры у костра далеко за полночь — все это не просто скрадывало «принудиловку», а придавало ей характер весьма романтического времяпрепровождения. «Памятником нерукотворным» этому незабываемому эпизоду в жизни политеховского студенчества стала песня «Перегончики», являющаяся талантливой переделкой (автором ее был Лион Надель, впоследствии известный своими палиндромами, шуточными стихотворениями и очерками о Высоцком) очень популярной тогда туристско-альпинистской песни «Вагончики» (не случайно студенты на ее основе создали песню целинников ТЭФ, слова Л. Ярового и О. Спиридонова [<http://www.izmerov.narod.ru/rsong/rrs0067.html>]). Приведем харьковский текст:

ПЕРЕГОНЧИКИ

На перегончиках
Стучат вагончики,
За перегоном перегон.
И с песней движется
И чуть не рушится
От нашей песенки вагон.

Прощай, Херсонщина,
Прощай, арбузики,
Прощай, херсонский виноград,
Из края южного семьею дружною
Мы возвращаемся назад.

Прощайте, подлости
Херсонской области,
Любимый Харьков манит нас.
Там электричество

В любом количестве,
Цивилизация и джаз.

На перегончиках
Стучат вагончики,
Орет студенческая рать,
А перед ужином
И рай не нужен нам,
Лишь только было б где поспать.

На перегончиках
Стучат вагончики,
За перегоном перегон,
Уже не движется,
Уже разрушился
От нашей песенки вагон.

Приведем для сравнения тексты ленинградцев и москвичей, воспевающих возвращение в родной город:

Все безобразия остались в Азии,
Видна Кремлевская звезда.
Прощай, просторное
Ты, море Черное,
Прощай, соленая вода
Прощай просторное
Ты, море Черное,
Прощай, соленая вода.

Все «безобразия» остались в Азии,
Видна далёкая Москва.
Огнями залита, работой занята,
Встречает москвичей она.

Прощайте яблочки, прощайте персики,
Прощай сухумский виноград.

Из рая южного семьею дружною
Мы уезжаем в Ленинград.

Все безобразия остались в Азии,
Адмиралтейства манит шпиль,
И виден блеск его в тумане Невского
Сквозь азиатскую жару и пыль.

Харьковский вариант по сравнению с питерским и двумя московскими отличается большей художественной завершенностью: последний куплет не просто перекликаются с первым, но является кульминационным и весьма выраженным.

Хорошо известна история создания песни о Льве Толстом [Антология 2008, Бахнов 1996, В нашу гавань заходили корабли 1995, Далекое прошлое Пушкиногорья 2000, Теплинский 2009]. Исходный текст был создан Сергеем Кристи, Алексеем Охрименко и Владимиром Шрейбером, авторами не менее популярных песен «Вот ходит Гамлет с пистолетом...», «Я был батальонный разведчик...», «Венецианский мавр Отелло» и других.

Публикации вариантов песни о Толстом неизменно входят во все сборники городских песен. Некоторые авторы уверяют, что с этой песней ходили нищие по электричкам. Может, и ходили. Однако, хотя формально песня представляет собою «нищенский текст», прагматика ее явно факультативна. Песня создавалась и до сих пор функционирует как «стебное» произведение, высмеивающее педагогические штампы, вульгарно-социологическое прочтение литературы, «классовый подход» к феноменам культуры. Это сегодня она кажется просто «прикольной», а, как полагал Леонид Бахнов, в 1950-е годы «за ернические песенки типа «Жил-был великий писатель» или Батальонный разведчик» <...> можно было хорошо загреметь» [Бахнов 1996, 223].

Марк Теплинский пишет, что Р.Н. Поддубная, выпускница харьковского филфака 1963 года, впоследствии профессор русской литературы в том же вузе, сообщила ему, что «в ее студенческие годы песня, «переданная в наследство от старшекурсников», содержала... критику в адрес Михайловского и Плеханова, которые-де Толстого не поняли — в противоположность Ленину, который все понял и объяснил. К сожалению, этот вариант не сохранился в памяти Риты Никитичны. Вот бы найти его!» [Теплинский 2009, 91].

Этот вариант искать не надо — он широко известен во многих публикациях [Далекое прошлое Пушкиногорья 2000, Антология 2008]. Правда, в этих текстах речь идет только о Плеханове и Ленине; возможно, варианта с упоминанием Н. Михайловского никогда и не было — скорее всего, память просто подвела профессора. Песня о русском классике обычно среди исполнителей не имела жанрового определения, но политехники, осознавшая всю ее эпичность, дали название «сага».

САГА О ТОЛСТОМ

Писатель дворянского класса
Лев Николаич Толстой
Не кушал ни рыбы, ни мяса,
Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Толстая,
Обратно, любила поесть,
Она не ходила босая,
Спасая дворянскую честь.

Жена его именем Софья,
И в ней-то ошибся Толстой,
Ей чужда была философия
И мужа характер простой.

Он юность провел очень бурно:
Кутил и в гусарах служил,
А старость, напротив, культурно
В родимом имени прожил.

В имении Ясной Поляне
Любил принимать он гостей,
К нему приходили славяне
И негры различных мастей.

И плакал великий писатель
И кушал вареный овес,

И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Георгий Валерьянович³ Плеханов
Сказал, что писатель Толстой
Прозаик был очень великий,
Философ, обратно, плохой.

Владимир Ильич же считает,
О том, что Толстой был велик
Не токмо как русский писатель,
А также как русский мужик.

Из этих из двух изречений
Студенты запомнить должны:
Учения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

Я родственник графа Толстого,
Незаконорожденный внук...
Подайте, подайте, граждане
Из ваших мозолистых рук!

Обратим внимание на то, что во многих вариантах содержится обращение «ребята», что скорее мыслится как обращение к школьникам:

Из этой сложнейшей проблемы
Понять вы, ребята, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны. [Далекое прошлое 2000]

Иногда встречается местоимение «мы»:
Из этой сложнейшей дилеммы
Понять мы, конечно, должны:
Суждения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

---

³ На самом деле — Валентинович. «Мифическое» отчество вполне могло употребляться сознательно в качестве одного из маркеров малообразованности героя. В одном из вариантов Толстой упорно назывался Львом...Алексеевичем [Далекое прошлое 2000]. В некоторых вариантах имя революционера звучит укорочено: Георг — для рифмы и оригинальности.

В политеховском же варианте, записанном от В. Копуся [ ], сказано: «*Студенты* запомнить должны», что подчеркивает обращенность данного текста именно к студенческой аудитории. Данное резюме является идейным контрапунктом произведения. Как помнят все бывшие студенты, изучавшие некогда историю КПСС, смысл штудирования ленинских «первоисточников» сводился именно к этому: уяснению того, что абсолютно все суждения Ленина верны, а мысли его оппонентов, естественно, неверны.

В варианте, записанном от В. Зубаря, первая строчка отличается от приведенного выше текста одной буквой, но эта буква сразу дает нужный тон:

Писатель дворянского классу...

Всего-то и сказано, а мгновенно встает образ «человека из народа», этакий слегка «политически подкованный» советский Шариков.

В этом варианте многие куплеты расположены в другом порядке, есть множество лексических отличий от приведенного выше текста (например, *чужда ей была философия; а Ленин* *обратно считает, что Лев Николаич велик; из этой сложнейшей проблемы* и др.), есть строфы, отсутствующие в приведенном выше тексте, в частности:

Вступил он с правительством в тренья,
И был он народа кумир
За книжицу «Анна Каренина»
И роман «Война то ли мир».

* * *

«Налейте, налейте, граждáne,
Я сын незаконный яво,
Я очень привязан к папаше,
Хоть не дал он мне ничего.

Заканчивается песня тем же куплетом, что и в 1-ом варианте. Примечательно, что герой именуется себя вначале сыном, а через несколько секунд уже «незаконнорожденным внуком», что смешно уже само по себе. Однако это логическое противоречие только усиливает комический эффект и, на наш взгляд, показывает, что текст вовсе не имел установки на убеждение слушателя в правдивости излагаемого, как полагает М. Теплинский, утверждая, что эту «песню пели обычно

разнообразные нищие в электричках, собирая милостыню, и пели все-ррез, имея целью прежде всего разжалобить слушателей, а не рассме-шить или позабавить их и «замена *сына внуком* (в приведенном авто-ром варианте — М. К.) была вызвана просто стремлением к бытовому правдоподобию: по возрасту певец никак не мог быть *сыном* гениаль-ного писателя, *внук* же выглядел более натурально». Однако если «профессиональные нищие» и взяли в репертуар данное произведение, это пример вторичной функциональности, непародийного восприятия и «применения» пародийного текста. Как уже отмечали исследователи (в частности Б. Сарнов и М. Теплинский), фольклорные варианты дан-ной песни оказались значительно интереснее первоисточника (как это нередко бывает). Приведем для сравнения исходный текст:

О ГРАФЕ ТОЛСТОМ — МУЖИКЕ НЕ ПРОСТОМ

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой.
Мяса и рыбу не кушал —
Ходил по имению босой.

Он очень удачно родился
В деревне наследной своей
Впоследствии мир удивился,
Узнав, что он графских кровей.

Граф юность провел очень бурно
На фронте в Крыму воевал.
А в старости очень культурно
В именье своем проживал

В имении в Ясной поляне
Любил принимать он гостей:
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Вступал он с правительством в трения,
Но был он народа кумир.

Закончил граф «Анну Каренину»,
А также «Войну и мир».

Но Софья Андревна Толстая,
Напротив, любила поесть;
Она не ходила босая —
Спасая фамильную честь.

Великие потрясения
Писатель в быту перенес,
И роман его «Воскресение»
Читать невозможно без слез...

Легко нам понять-догадаться,
Ведь мы все живем на земле, —
Что так не могло продолжаться
В старинской дворянской земле.

Наскучило графу все это.
Решил он душой отдохнуть —
Велел заложить он карету
И в дальний отправился путь.

В дороге, увы, простудился
И на станционном одре
Со всеми беззлобно простился
И милостью божьей помре.

На этом примере учиться
Мы все, его дети, должны -
Не надо поспешно жениться
Не выбрав хорошей жены.

Не надо, ребятки, поспешно жениться
Не выбрав хорошей жены.
Нельзя под венец или в загс торопиться —
Последствия будут грустны!..

Правда, Б. Сарнов приводит другой «авторский текст», отличающийся даже названием:

О ГРАФЕ ТОЛСТОМ — МУЖИКЕ ПРОСТОМ

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой,
Мяса и рыбы не кушал,
Ходил по имению босой.

Он очень удачно родился
В деревне наследной своей,
Впоследствии мир удивился,
Узнав, что он графских кровей.

Граф юность провел очень бурш
На фронте в Крыму воевал.
А в старости очень культурно
В имении своем проживал.

В имении, в Ясной Поляне,
Любых принимал он гостей.
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Вступал он с правительством в тренья,
Зато был народа кумир,
Закончил граф «Анну Каренину»
А также «Войну и мир».

Но Софья Андревна Толстая,
Напротив, любила поесть,
Она не ходила босая,
Спасая дворянскую честь.

Великие потрясенья
Писатель в быту перенес,

И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Легко нам понять-догадаться,
Ведь все мы линем на земле,
Что так не могло продолжаться
В старинной дворянской семье.

Наскучило графу все это!
Решившись душой отдохнуть,
Велел заложить он карсту
И в дальний отправился путь.

В дороге, увы, простудился
И на станционном одре
Со всеми беззлобно простился
И милостью Божьей помре.

На этом примере учиться
Мы все, его дети, должны —
Не надо поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены.

Не надо, ребятки, поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены!

Любопытно, что песни, сочиненные талантливой троицей, по словам А. Охрименко, «долгое время нигде не были записаны, пока, наконец, Володя не хватился и говорит: «Слушай, Леша, давай, все-таки запишем, перепечатаем их, все же на памяти на нашей, так же не должно быть». И несколько, правда, песен удалось перепечатать. У него была машинка. Но далеко не все. Все остались на памяти» [Далекое прошлое, 31]. Авторы этих текстов С. Кристи, В. Охрименко, А. Шрейберг [Антология бардовской песни 2006, 684–685] в 1950 году создали, конечно, весьма остроумную биографию «зеркала русской революции», а в финале спародировали банально-морализаторские концовки худших произведений соцреализма. В фольклорных же

текстах (во всех известных вариантах) авторский финал оказался отброшен и заменен типично «вагонной», точнее — пародирующей «просительные тексты» концовкой (как, например, в песне «Жуткий случай»: «Вас пятнадцать копеек не встроить.//А для меня это — хлеб трудовой!» [зап. М. Красиков 2.07.11 от А.И. Шехтмана]). Любопытно, что первый набросок песни, сделанный Сергеем Кристи, не столько был о Толстом, сколько о его «сыне», и «просительный» акцент текста был весьма существенен:

Жил-был великий писатель,
Лев Николаич Толстой.
Не ел ничего он мясного,
А только все книжки писал.

Подайте, подайте, граждане,
Я сын незаконный его.
Подайте кто может, сколь может,
Копейкой своей трудовой.

Я с роскошью с детства спознался,
Средь фарфора-мебели жил,
И вот меня, бедного крошку,
Этапом угнали в Сибирь.

Об атом проведаль мой папа
И Чехову письма писал;
«Ты ближе к начальству, Антоша,
Спаси дорогое дитё!»

А Чехов ему отвечает:
Мол, дело совсем не мое.

Подайте, подайте, граждане...,
И т. д.

Из фольклорных вариантов, к сожалению, ушла великолепно сделанная вторая авторская строфа, но многие строки стали значительно ярче. Например, авторы констатируют:

Вступал он с правительством в тренья,
Но был он народа кумир.
Закончил граф «Анну Каренину»,
А также «Войну и мир».

В фольклорных же текстах вместо сообщения о написанных произведениях, никак не связанного с предыдущим двусутием, — весьма логичное *пояснение*, за что писатель был «кумиром»:

За книжицу «Анна Каренина»
И роман «Война то ли мир».

Совершенно намеренно в фольклорных текстах роман называется *рóманом*, *повестью* и даже *пьесой*, что подчеркивает необразованность героя и вызывает комический эффект. Не только «для поддержания мелодической основы», как полагал М. Теплинский [Теплинский 2009], но и для усиления все того же комического начала, название толстовского произведения звучит в фольклорных вариантах так: «Война то ли мир», «Война ой да мир», «Война али мир». Совершенно замечательна в фольклорных текстах замена литературного *напротив* на «народный» синоним *обратно*, причем в некоторых текстах этот прием повторяется дважды и даже трижды:

Жена его Софья Толстая,
Обратно, любила поесть.

* * *

А Ленин, обратно, считает,
Что Лев Николаич велик.

В близком к приведенному тексту варианте последние три строфы звучат так:

Однажды любимая мама
На барский пошла сеновал.
Случилась ужасная драма —
Граф маму изнасиловал.

Вот так разлагалось дворянство,
Вот так распадалась семья;
И в результате того разложения
На свет появился и я.

В суровом огне революций,
В агонии творческих мук
Подайте, подайте, граждане,
Из ваших мозолистых рук.

Риторика «революционной» поэзии и «идеологически воздержанной» вульгарщины первых лет Советской власти в «жалостливом» тексте, разумеется, вызывает комический эффект. Простонародные «*граждáне*» (во всех фольклорных вариантах), как и формы «*яво*», «*токмо*» и т. п. (в некоторых текстах), конечно же являются социально маркированными и, так сказать, приближенными к «целевой аудитории». Знаменательно, что Евгений Евтушенко в 1963 году написавший свое знаменитое стихотворение «Граждане, послушайте меня», цитирует «песенки свербящее начало» с ударением на первое -а-: *гра́ждане*. Естественно, в лирическом тексте, который «вымучивает» солдат на бочкотаре» это слово может употребляться только так, чего не скажешь о пародийном фольклоризованном тексте.

Как видим, песенный репертуар студентов ХПИ 1950-х — 1960-х гг. был богат и разнообразен. Немалое место в нем занимала собственно студенческая тематика. Совершенно необходимым представляется нам изучение полного репертуара данного, пожалуй, самого песенного, поколения, поскольку память тех, кому сегодня около восьмидесяти или за восемьдесят, хранит еще массу интереснейших произведений уже отошедших в прошлое или существующих в живом бытовании лишь в виде фрагментов.

Список литературы: 1. Антология студенческих, школьных и дворовых песен. Более 500 песен / Сост. М. Баранова. М. 2008. с. 59. 2. Учебное пособие для студентов II-III курсов специальности «музейное дело и охрана памятников истории культуры». 3. Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций / Сост.

С. В. Билецкий. СПб, 2000, с. 100. 4. Сарнов Б. «Интеллигенция поет блатные песни» // Вопросы литературы. 1996, Вып. 5 – С. ... 5. Бахнов Л. «Интеллигенция поет блатные песни» // Новый мир. 1996 № 5. С...6. В нашу гавань заходили корабли. М., 1995 (Далекое прошлое 2000. С. 566–569). 6. Теплинский М. Фольклор интеллигенции. Тексты и размышления // Радуга (Киев) 2009/ №7 С. 89-91/ 7. Антология бардовской песни. 100 бардов. 600 песен. / Автор-составитель Р. Шипов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 896 с., ил. 8. Summary: Nhe article briefly analyzes content of the NTU «КПИ» students songs. For the first time sampies of the folklore wide-spread in 1950-1960th years have been published. Keywords: students, folklore, songe. 9. Охрименко А. Я был батальонный разведчик. М.: Московские окна, 1998.

*Юлия Ващенко
г. Харьков, Украина*

РОССИЯ И УКРАИНА В МИРОВОСПРИЯТИИ И ТВОРЧЕСТВЕ Р. М. РИЛЬКЕ

XX век не только ставил человека перед лицом зла и величайших земных трагедий, но и побуждал искать путь к утраченной гармонии, к позитивным ценностям. Яркий пример удачной реализации такого поиска – творчество австрийского поэта Р. М. Рильке, которое было попыткой синтеза европейской культуры в трех ее компонентах – германском, романском и славянском.

Творческую зрелость Рильке-поэта знаменуют два поэтических сборника – («Часослов», три цикла, 1901–1905) и «Книга картин» (1902). Важную роль в появлении этих книг сыграли путешествия писателя по России, состоявшиеся в 1899 и 1900-м годах. Во время первого путешествия (апрель – май 1899 г.) он побывал в Москве и Петербурге, где в основном знакомился с русской культурой. Наиболее волнующим событием в Москве было для Рильке посещение Льва Толстого. Рильке читал классиков русской литературы и переводил на немецкий Лермонтова, Достоевского, Чехова и других писателей. Р. М. Рильке принадлежит один из лучших переводов на немецкий язык «Слова о полку Игореве». Он интересовался также русским искусством, церковным зодчеством, русским и украинским народным творчеством. Живя в Петербурге с 4 по 17 мая, Рильке погрузился в изучение русской иконописи. «Я... рассматривал древние русские иконы, изучал изображения Христа и Мадонн Православной Церкви и понял, чем отличается Владимирская Богоматерь от Смоленской... – пишет он русской корреспондентке Елене Ворониной. – Итак, Вы чувствуете, какое огромное значение приобрели для меня эти русские недели. Моё искусство стало сильнее и богаче на целую необозримую область, и я возвращаюсь на родину во главе длинного каравана, тускло поблескивающего добычей».

В России Рильке более всего поразила глубокая религиозность русской души, проявляющаяся в красоте православного богослужения. В его новелле из цикла «Истории о Господе Боге» герой рассказывает своему другу о России: «Когда Вы спросили, что это за страна, мне многое стало

ясно... Видите ли... страна не атлас. В ней есть горы и бездны. И вверху и внизу она ведь тоже с чем-то соприкасается... – Наверное, с Богом? – Конечно, – подтвердил я, – с Богом. – А люди в России замечают это соседство? – Его замечают повсюду. Влияние Бога самое мощное». В русской иконописи наиболее глубокое впечатление на Рильке произвели образы Богородицы. «Когда я буду знать русский язык и смогу говорить на нём, – пишет он той же корреспондентке, – я буду чувствовать себя до конца русским. Тогда я трижды, как православный, поклонюсь Знаменской, которую люблю больше всего... Уж, конечно, не в Исаакиевском соборе, а скорее в той маленькой церквушке, которую Васнецов построил в Абрамцеве, или в той, что находится в селе Останкино, или... ещё в какой-нибудь, где Богоматери обладают величием, которое в мечтах соединяешь с их девственностью и женственностью...»

Второе путешествие по России Рильке совершил вместе с Лу Андреас Саломе в 1900 году. Из Москвы они направились в Тулу, чтобы вновь посетить Льва Толстого, на этот раз в Ясной Поляне. «Словно благословленный, я продолжал свой путь, – пишет Рильке в письме к Елене Ворониной. – Недолгое время я провел в Киеве, где посетил монастырские пещеры и близлежащие скиты, потом спустился по реке до Кременчуга, пересек целую область и наконец у Саратова ступил на берег великой Волги. ... Что я видел до этого – было лишь уменьшенным образом страны, реки и мира, здесь же всё подлинно. Мне кажется, я увидел само творение. Здесь все вещи – по замыслу Бога Отца...».

Высадившись в Ярославле, Рильке и Лу провели три дня в деревне Кресты-Богородское, расположенной на холме высоко над Волгой. В письме к матери поэт рассказывал: «Я провёл три дня в маленькой избе, живя как крестьянин среди крестьян. Я спал без постели и делил с моими хозяевами ту скудную пищу, которой они изредка питались в часы их тяжелой работы». Еще в первой поездке Рильке стал изучать русский язык, а в 1900–1901 годах написал восемь стихотворений по-русски. Лу Андреас считала, что «хоть они и грешат в отношении грамматики, но всё же, непостижимо почему, поэтичны». Поэт не владел в совершенстве русским языком, когда писал их, и стихи напечатаны «с соблюдением орфографии подлинника», то есть с ошибками. Но поэтический дар Рильке преодолевает несовершенство языка и придаёт этим неправильностям пронзительную искренность.

*«Я так один. Никто не понимает
молчанье: голос моих длинных дней
и ветра нет, который открывает
большие небеса моих очей.
Перед окном огромный день, чуждой край города,
какой-нибудь большой лежит и ждёт.
Думаю: это я? Чего я жду? И где моя душа?».*

В стихотворении «Лицо» поэт как бы «примеряет» на себя облик и внутреннюю сущность русского мужика:

*«Родился бы я простым мужиком,
то жил бы с большим просторным лицом:
в моих чертах не доносил бы я
что думать трудно и чего нельзя
сказать...».*

Поразительно не только то, что поэт перевоплощается в русского мужика, а то, что он чувствует тайну: мы входим в свое тело, а затем покидаем его, и никто так и не узнает, каково же наше подлинное лицо, существовавшее до нашего воплощения и продолжающее существовать после нашего ухода из тела. Эта мысль приближает нас и к тайне многочисленных «избранных родин» (вторых родин Рильке, одной из которых была Россия): Россия была настолько притягательна для поэта, что одно время он даже думал о том, чтобы обосноваться здесь навсегда. Через А. Бенуа Рильке передал письмо к Суворину, где объяснял своё желание переселиться в Россию: «Я – одинокий и лишний в этой стране (Германии), где нет смирения и нет Бога для смиренных и молчаливых. И я не сомневался бы, что буду везде таким же одиноким, потерянным и лишним, если бы дважды... не посетил России, где я узнал, что и у меня есть родина, что на земле есть край, в котором я мог бы пустить корни, и есть народ, который я мог бы любить, который – люблю... Соедините меня как угодно с Вашей великой и полной будущего страной, в которую я верю каждой частицей своего чувства...». А в письме к Лу Андреас Саломе 15 августа 1903 года Рильке пишет: «То, что Россия – моя родина, принадлежит к великим и таинственным внутренним убеждениям, которыми я живу». За несколько месяцев до

смерти, 17 марта 1926 года, поэт вновь затрагивает эту тему: «Россия стала в определенном смысле основой моего жизнепереживания и жизнесприятия, точно так же, как Париж стал базисом моей художественной воли».

Киевские впечатления также оказались для поэта глубокими и плодотворными. Хотя в сборнике «Часослов», на который вдохновило Рильке путешествие, киевские и украинские реалии встречаются редко (поэт избегает их развернутого изображения, он только намекает на них), есть тут и стихотворения, в которых находим достаточно широкие и колоритные зарисовки киевских сцен и картин. Они интересны прежде всего как свидетельства «топографической» закреплённости второго цикла сборника «Часослов» за Киевом. Киево-Печерская лавра упоминается в «Часослове» среди бессмертных архитектурных творений – Венеци, Рима, Флоренции, Пизы и Троице-Сергиевской лавры. В сознании поэта возникает образ «церкви на востоке», который в стихотворении «Ты монастырь господних ран» обретает четкие контуры Киево-Печерской лавры. Сборник «Часослов» написан от имени «киевского монаха» как его молитвенное обращение к Богу. Киев, субъективно воспринятый и пережитый, казался поэту наиболее подходящим фоном для развертывания философско-лирической драмы человеческого бытия, составляющей основное содержание «Часослова».

Украинские впечатления отразились и в стихотворении «Карл XII, король шведский, мчит по Украине», где присутствует характерное для Рильке восприятие украинского пейзажа «под знаком вечности», на фоне бесконечного времени и пространства. Рильке также написал два рассказа из украинского быта – «Как старик Тимофей умирал, напевая» и «Песня про Правду» (1900).

Р. М. Рильке познакомился с поэзией Т. Г. Шевченко, посетил могилу поэта в Каневе (17 или 18 июня 1900 года). В Петербурге, перед отъездом в Германию, он приобрел «Кобзарь» в русских переводах (издание Белоусова); эта книжка хранилась в библиотеке Рильке до конца его жизни. Определенное влияние исторических поэм Т. Шевченко ощутимо в «Песне про Правду», рассказе о временах «казацкой Украины».

Большой интерес у Рильке вызывал Н. В. Гоголь. Причем этот интерес был сосредоточен именно на украинских повестях Гоголя, привлекавших поэта ярким воспроизведением народного украинского быта, психологии и мироощущения. Ценил Рильке повесть «Тарас Бульба»; следы ее чтения заметны в «Песне про Правду», где кобзарь Остап, воспевая слав-

ные деяния казаков, рядом с именами Остряницы и Наливайка вспоминает имя Бульбы («Слава Бульбы, Остряницы и Наливайка казалась нерушимой, а преданность казаков – вечной»), а в другом месте – имена Кирдяги и Кукубенка, также персонажей гоголевской повести.

Последним этапом украинского путешествия Рильке был Харьков, откуда поэт повернул на Волгу.

Пережитые впечатления привели к радикальному перелому в мироощущении Р. М. Рильке. Важно, что именно путешествия по Украине и по Волге пробудили в поэте совершенно новое восприятие природы, интенсивное переживание глубинной связи с землей, материально-чувственным миром, ту «жажду реального», которая будет усиливаться с каждым его сборником и, обогащаясь опытом нового французского искусства, впитывая влияния Родена и Сезанна, обретет завершенное воплощение в «Новых стихотворениях» (1907–1908) с их одухотворенной предметностью образов, утонченной и динамичной пластичностью.

В целом же описанные путешествия стали важным шагом в познании Р. М. Рильке славянского мира, в освоении его духовных и культурных ценностей, что имело решающее значение для дальнейшей творческой эволюции поэта.

Список литературы: 1. Березина А. Г. Поэзия и проза молодого Рильке. – Л., 1985. 2. Волощук Є. Постать Р. М. Рільке на тлі літературного ландшафту доби Модерну // Вікно в світ. – 2008. – № 1 (22). 3. Лисенко І. Райнер Марія Рільке і Україна // Радянське літературознавство. – 1989. – № 5. 4. Литвинец Н. Забытое лицо вещей. // Лит. обозрение. – 1979. – № 3. 5. Наливайко Д. С. Єдиним він зі світом був // Рільке Р. М. Поезії. – К., 1974. 6. Ратгауз Г. И. Послесловие // Райнер Мария Рильке. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть. – М., 1977. 7. Роднянская М. Райнер Мария Рильке: притяжение России / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: G:\ Docs\ Рильке Русский Мир.htm 8. Рожанский И. Д. Райнер Мария Рильке // Рильке Р. М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. – М., 1971. 9. Хольтхузен Е. Райнер Мария Рильке. – Челябинск: «Урал LTD», 1998.

ДУХОВНАЯ СИЛА СЛОВА – ОСНОВА ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

*Сергей Котькало
г. Москва, Россия*

ВОЙНА И ГОЛУБИ

«Душа болит...», – так писал Ваня, когда первая «тамагавка» разорвала грудь дома, где он прожил с Катей последние несколько дней. Огонь проглотил все, но ничто не саднило, кроме образа Спасителя в Красном углу, привезенного с родины. Им благословил их отец-духовник, отбывавших в неведомый Багдад.

«Ты, Ваня, осознано отправляешься в пекло, – говорил батюшка. – Никому давно не секрет, что «имя им легион» и они уже не остановятся ни перед чем. Такова природа Сатаны. Прежде, на Пасху, они бомбили братьев сербов. После, в Страстную неделю, они резали палестинцев едва не у самого Гроба Господня. Нынче они же бомбят без объявления южные районы Ирака только за то, чтобы завтра зажечь всю территорию. Я не могу сказать, что радуюсь твоей прямолинейности, но и не могу не признаться в радости за твою простоту любви к ближнему, с какою возвращаешься на древние Вавилонские земли, где некогда давно строился Ноев ковчег и откуда поплыл Божественным курсом в наши дни... Кто-то, верно, посмеется над тобою, кто-то посочувствует твоей простоте, однако никто из нас не будет рядом в самые безрадостные дни века нынешнего с тем крохотным малышом-арабом, нуждающимся в братском локте христианина... Возможно, им окажешься ты, что стоит дорогого... Господь благословит тебя, Ваня, – и на том батюшка заплакал, перекрестил Ваню и скоренько, слегка подшаркивая валенками, побежал обратно в храм», – не грустно, не весело, а обыденно рассказывала семейную историю, сидя под забором на лавке мать Маргарита поселянину из города, держа в руках сизаря.

– Голубок-то, – начал было спрашивать поселянин...

– А этот, – спохватилась мать Маргарита, – нет, ничего, не примерзнет... – и так, как-то особенно нежно пожалась о крылья птицы корявыми заскорузлыми руками. Не он один... Вчерась английский королевский перелетел на нашу сторону, дурашливый такой, надо думать, тожесть жить

хочет... Не верит антихристам... – посопела сколько-то, встала молча, выпустив по ветру птицу на волю, захватила ведра с водой и пошла в избу.

В доме, в горнице, перед образами горела синяя лампадка. Шумел на печке чайник. Не то, что кипел, а только шумел от избыточности скопившегося пара внутри. По долу гуляли сизарь и голубка. Жирные и нерасторопные, они клевали, скорее по привычке, доливку и самотканые застилки. Удивительным для поселянина было то, что птицы не гадили, как случается видеть в природе, абы где, а только на ведро, стоявшее под дверцей печки с углем. Пили тоже не из ведра, а из тарелки, куда налила им матушка Маргарита.

Словом, домашняя, точнее даже комнатная получалась птица. При виде входящей в горницу хозяйки, они построились и вытянулись, как на параде, и что-то такое на своем голубином языке прокричали. Матушка же на приветствие никак не отчестилась. Поставила ведра, сняла серебряно-синюю дошку, зажгла свет, посыпала по столу муку, достала из макитры пресное тесто, перекрестилась сама и стол перекрестила со словами: «Господи, Владыко живота, благослови...», – и проворно заработала кулаком и пальцами хлебный ком.

– Война войной, а жаворонков лепи Маргаритка, – весело сказала сама собою матушка, – у Бога все живы и Сорок Севастийских мучеников ждут твоего участия.

Меж тем, под Ум-Касрой, шли ожесточенные бои. Поганые варвары, лили с красного неба на белую землю огненные реки, на жилые дома и живых людей. Араб Исса, дежурный подстанции порта, владелец маленького участка земли, отец семерых детей, муж беременной Александры, имевший долг перед престарелыми родителями, увидев на дороге Ваню, сиротливо державшего пару голубей в руках, когда повсюду громыхали пушки противника, когда город пылал от бомбовых ударов врага, остановил «Москвич-400» и сказал радостно:

– Здравствуй, Ваня, – по-русски.

– Здравствуй Исса, – сказал Ваня тоже по-русски.

– Садись быстрее, – позвал Исса, – дома обед стынет...

Ваня никогда не видел Иссу, но по легкому голосу и по кресту на руке узнал в нем брата Константина, обещавшему написать из Магабы.

Ехали по пустыне без слов, лишь зорко следили по сторонам, где свистали ракеты, бомбы, снаряды и грохотали танковые колонны. «Москви-

чек» ревел как буря, однако делал свое машинное дело, вез пару пернатых и двух мужиков на обед, по слову Иссы.

Скоро, показались мазанка-кибитка и несколько деревьев, одно из которых высилось над крышей. Для средней полосы России такой хуторок мог бы показаться диковинным, но и здесь это не частый сюжет. Обыкновенно так селятся бедуины и совсем редко христиане. Слишком дорогая и трудоемкая здесь земля.

Дома их встретили Александра и две кареюкие девочки с косичками и красными бантами, в белых шелковых платьях, в резиновых сандалиях, ровненькие меж собою, худенькие и резвые. Одна держала халат Александры, другая – за веревочку, черненького ягненка.

– Здравствуйте, Ваня, – сказала Александра.

Девочки только кокетливо улыбнулись и поклонялись.

– Здравствуйте, – сказал Ваня, – Мир вашему дому.

– Спасибо, – снова по-русски говорил Исса, печалуясь в усы, – это сегодня нам надо... Ты, Ваня, проходи, – указуя рукою на пуф, – садись ближе к столу... – и далее обращаясь к девочкам по-арабски, велел принести зерна для птиц, а Александре принести гостю воды и кофе...

Ване нравилась теснота слов и жизни арабов. В обыденной, мирной жизни она кажется нарочитой и скучной, особенно для русских, чьи просторы и климатическая разность не имеют границ. Здесь же все предельно ясно, не множественно и постоянно тысячами лет, не взирая на ядерные грибы и искусственность технологий для уничтожения наций. Англичане, в отличие от американцев, многожды уже в том убеждались после выродившихся израильтян, но, увы, тупая атеистичность побуждала их вновь и вновь кидаться на нефтяные поля, полагая, что только тем жив человек.

Исса и Ваня полулежа пили кофе. Девочки то бегали в дом, то возвращались обратно, вынося зерно птицам, воду мужикам и голубям, кокетничая, кружась кружевами окончаний на платьях. Александра слушала их гомон и незлобно нарочито морщилась шалостям детей. Ваня, с позволения Иссы, курил табак.

– Я сам не курю, – говорил тихо Исса, – но люблю смотреть на дым, когда курят русские. У вас это жизненно получается, без форсу, – так будет по-русски?

– Да, – согласился Ваня, – без форсу. Красиво, не от каждого русского услышишь.

Девочки кончиками косичек пытались гладить голубей. Те, в свою очередь, щетинились и спешно взлетали, делали малый круг и садились на место...

– Последняя моя почтовая пара, – сказал Ваня, взяв в руки сизаря, так же обыкновенно, как говорил ему на дороге в пустыне: «Здравствуй Ваня», – Исса. – Одни полетели, а остальные легли под бомбы в Багдаде, – и замолчал.

– Сегодня Сорок мучеников Севастийских, – робко сказала Александра на арамейском, – Господь, да услышит наши молитвы...

«... слышит Господь их молитвы, – пакуя сизаря и голубку в дальнюю дорогу, говорила матушка Маргарита, – лукавый сыплет на них реки огненные, а Илия-пророк, ладненький наш утешитель, ветерком, как водой, и задует. Вы только летите, родимые, безтревожно, не печалуйтесь за Ваню. Господь слышит наши молитвы и правит сообразно...»

– Сорок жаворонков желтых сейчас выставила мама моя на столе, радуется, – сказал Ваня, – любят наши радоваться в дни торжества Православия.

«... донесите Ване крошечку нашей радости. Он поймет, – говорила матушка Маргарита голубям, – мои хорошие. Ну, летите, – подкинула птиц над собой и лихо, по-уличному, свистнула, заложив два пальца в рот, вдосыл».

– Мне пора, – поднялся Ваня, – я отправлю, с вашего позволения записку...

Весеннее равнодействие не помешало в тот день закрутиться ураганному ветру. Загулял песок по пустыне волнами морскими. Загудела земля.

– Бомбят док, – сказал Исса, – чужого не жалко.

– Ты поедешь? – спросила жена.

– Поеду, – ответил Исса и посмотрел глаза в глаза Ване.

– Поедем, – сказал Ваня с готовностью, – под лежащий камень и вода не течет.

– А как же голуби вас найдут, – спросили смеющиеся девочки, когда он освистал пару и птицы быстро потерялись в туманной пыли бурана.

– Лишь бы живу, – засмеялся Ваня.

– Пожил бы у нас, отдохнул, – от себя сказал Исса.

– Там война, – красивым лицом обожгла Александра.

– А здесь дети и мы, мужики, должны прикрывать их собою. Ибо сказано, что никто не смеет обижать дитя... Поедем, Исса...

«... ночью в городе шли ожесточенные бои. Варвары на своем пути сжигали все до тла. Звериный оскал крушил жилые кварталы и школы. На пепелищах «воины свободы» устраивали сатанинские пляски, упиваясь пуншем и пивом, обкалываясь наркотой. Трижды взрывали госпитали и родильные дома,

насиловали женщин и детей, избивали, забивали до смерти стариков и инвалидов, грабили «освобожденные» дома и травили газом животных...

Весь день молился святителю Григорию Паламе и отцу Николаю. Сама Святая Троица ни на миг не оставляла меня, я жил в ней весь, как никогда.

Душа болит. Бог с нами...» – писал Ваня отцу-духовнику с передовой Южного фронта, где рука об руку, спина к спине стояли в неравном бою мусульмане и христиане против варваров цивилизованного мира, зная наверняка, что ни один волос не упадет с их головы без воли Божией, бывший сейчас к ним ближе, чем когда либо до начала войны.

– Он ни разу не написал о Кате, – заметила матушка Маргарита, – за нее надоть как-то молиться...

– Ей Ангели поют на небеси... – прикровенно и просто сказал отец-духовник, – и многомиллионному иракскому воинству, выдвинутого Господом на передовой рубеж. Ты, Маргаритка, пару встречай, – озорно свистнул батюшка, – новую оду Иерасалимскому Софронию правит Ваня. Сизарь только, – подслеповато вглядываясь в темень неба, говорил матушке, – на правое крыло слабнет: погрей его до утра.

– Англичанин вернулся, – смеялся поселянин.

... Голубь – птица христианская, – рассказывал, куря табак, сыну Иссы, Ваня, – ей только скажи: «Христос Воскресе!», – и она уже в ногах твоих трется. Вот, смотри, – зачерпнул рукою в темноте по ноге и тотчас протянул на растопыренной ладони к лицу юного воина сизаря, твердо и гордо стоявшего во фрунт, – а только что не было никого.

– Ваня, – позвал Исса, – начальство предлагает тебе...

– У нас один начальник: Отец и Сын и Дух Святой... – и спрятал сизаря за пазуху.

...ночь завершалась. Русская голубица села на плечо спавшему стоя Ване. Ему снились Родина, Церковь, благословляющий с амвона отец-духовник и выпускавшая чередную белую, благовествующую пару с высокого порога, что повис над ревушим Днепром, изнутри глубины вод рвавшего и толкавшего вперед Черного моря льды зимы, матушка Маргарита...

Зверье бомбило.

Голубь и голубка пролетели Басру, Багдад, Тегеран, Корсунь, Чигирин, Черкассы, ..., и, сбывая скорость полета, стали опускаться над стрехой дома Маргариты, где мокрая и соленая матушка слезно молилась на

колених пред образом Спасителя: «Господи, Владыко живота, не за Ваню одного, а за всея Ирак прошу, молитвами Пресвятыя Богородицы, батюшки Николая и всех святых...»

Солнце выплыло из Черного леса.

Занялся восход.

Близится Христово Воскресение.

НАДО ГОТОВИТЬСЯ К ВОЙНЕ

Дорога была обыкновенно знойной. Ехала группа русских людей меж скал, по горам к Красному морю, чтобы переправиться на берег Акабы, что стало уже традицией: прикоснувшись древних мест святой Ближневосточной земли и запечатлев для укрепления опыт предшествующих тысячелетий, возвращаться домой по водам. Из года в год собирались и ехали так многие: Сергей Куличкин, Юрий Лоциц, Валентин Зубков, Борис Манвелидзе, Иван Лыкошин, Эдуард Володин, Сергей Лыкошин, Александр Богатырев, Игорь Ляпин, Владимир Щедрин, Анатолий Сафронов, Александр Сегень, Олег Фомин... Многие ехали. Разные и каждый за своим, а после уж, по силам, делились с русским народом через журналы и газеты накопленным в Святых землях. Ехал среди них и Ваня, простой, неказистый, можно сказать, что совсем странное в тех рядах явление, однако ж прилип, и все терпели его наличие...

«Синай» вышел от Египетского берега сразу после отдания гудка береговой службы.

Гудел катер или не гудел – этого Ваня не помнил и не утверждал. В письмах к сродникам, например, он сообщил лишь о прибытии в бухту Акабы совершенно ясно, будто Иордания начиналась сразу в Москве, – должно быть торопился.

В сообщениях газет мелькнуло извещение, что писатели ехали в шторм, что, конечно, преувеличение, хотя бала полтора-два было, когда «Синай» находился на середине пути.

Известно также, что писатели на борту вели себя смирно. Кое-кто даже спал. Ваня тоже, когда его «закачало», вздремнул, но после, по этому поводу, на машинном тракте, сокрушался в разговоре с антикваром Евгением, дарителем чудотворного образа Святителя Николая Мир Ликийского чудотворца с частицей мощей Свято-Никольскому храму Свято-

Никольского скита Валаамского Свято-Преображенского монастыря. Об этом писали в газетах и сообщали радио и телевидение.

Когда Ваня смотрел в номере гостиницы для паломников видео-сюжет о передаче монастырю чудотворного образа Святителя Николая, чему сам был свидетелем, прежде посетив Валаам, то, к своему удивлению, не увидел в нем ни самого факта передачи, ни иконы, ни пения акафиста Святителю Николаю, да и монастырь с братией прошел рефренным фоном....

Меж тем, писатели и Ваня приближались из Египта к берегам Иордании по пути пророка Моисея. Каждый думал свое, потому что большинство паломничало в этой части Святой земли первым разом и опытом ничего не знало. Они пытливно вглядывались в бескрайность, а иногда и в окраинную палестинскую приграничную дымку, арестованную колючей проволокой израильских оккупантов, и думу гадали каждый свою.

Они не пили горькую. Курили «втихую», кому было невозможно удержаться от соблазна. Ваня тоже курил, и даже в сравнении с иными прочими – часто. В нем, в его движениях и поступках чувствовалась нервность и непростительная суетность. Один, теперь покойный писатель, его товарищ, говорил прежде по такому поводу: «В тебе, Ваня, откровенная заброшенность, безхозность. Ты, вроде и не бомж еще, и всем нужный, а что чемодан без ручки – нести неудобно. Миръ – не для тебя...», – а сам этот провидец умер на паперти Большого Вознесения у Никитских ворот в Москве. Душевный был человек: Царство ему небесное.

Писатели ехали хорошие, видные. О некоторых часто говорят даже «знаковый», то есть отмеченный, что правда. И Герои, и Лауреаты, и многотомные... Конечно, они везли для монастырских и церковных библиотек наработанные годами труды букв. Кто-то из них, когда поднимался на палубу, чтобы плыть в Акабу, «от тяжести горбился...». Ваня не горбился – нечем. Он всегда одинаково никакой, а то и противен. Ему другой брат-писатель тоже как-то сказал: «С тобой говоришь, будто с памятником на высоком постаменте... Как ты только жив до сих пор...» – но про этого писателя сейчас ничего неизвестно, где и что он, а Ваня – какой-никакой, а на Святой земле.

Ему нравилось ехать по пути пророков и апостолов, пусть и страшновато, и ответственно.

Еще недавно, год-два назад, Ваня о них думал сдержано, но теперь вот трепещет и будет трепетать, – знает наверняка – до конца дней. Он лю-

бит все: и Синай, и Палестину, и Иорданию, хотя прежде никогда не был; и не по книгам любит, а просто так; потому что Святые берега, что с незапамятных лет люди там славили Бога и славят по сию пору, и будут славить до веку. Такое есть на Святом Афоне, в Сергиевой и Киевско-Печерской лаврах, в Печерах и в Почаеве... – и Ваня про это знает, и тоже любит. Однажды его спросили: «А куда бы ты хотел?» – и он честно сказал: «Не знаю.. Мне и в Дивееве хорошо, и в Прилуках, и в Святых горах на Донце, и у преподобного Иринарха в Борисоглебске... Всюду...»

– Вот ты, верно, читал Бунина, – начал было однажды спрашивать Ваню Александр Петрович, большой и красивый русский державный витязь.

– Читал, – признался Ваня, – только Иван Бунин свое писал, а мне чужого не надо. Мне и Шмелев, и Зайцев – далеко. Местами мне Юрий Лошиц сродни, где у него святители и игумен Даниил меж собою ведут незримые беседы, и близко, а так – я люблю сам пощупать, приложиться лбом и губами: натура – колхозная, подкидыш.

«Синай» шел прямым курсом. На мостике стоял отец Василий, настоятель Никольского храма в Акабе. Это настоящий капитан. Совершенно не важно знать его подвиги. На него глянешь и все: **Капитан! Отец родной!** – есть такая фактура людей, которым к виду никаких характеристик не требуется. Оно бы можно многое из впечатлений на его счет сказать, да незнамо, что лучше. Вот и Ваня тоже говорил: «Отец Василий», – значительно так произносил, что сразу верилось в какую-то совершенную правду, но дальше этого молчал, хотя наверняка мог рассказать не меньше, чем мы читаем про святого Игумена Даниила у Сергея Куличкина... А иной раз и плакал, что многое хотелось бы поведать, однако далее, кроме слез ничегошеньки...

Прибывали... То есть стали приближаться к пристани. Первым увидели вдаль, над множественным, прибрежным городским хозяйством Акабы Крест над храмом святителя Николая. Сам отец Василий сообщил... Все перекрестились, поклонялись Кресту, что сиял золотом над парным от жары городом... По правде сказать, народ, конечно, мало еще чего тогда чувствовал и понимал, где и что... Но глядел, вздыхал...

– Мне почему-то вспомнилась икона преподобного Феодора Санакарского, – совершенно неясно сказал Ваня тогда. – На ней святой старец держит свиток, где написано: «Думай о смерти»... Страшно не думать здесь!

– Ты меньше думай, – кто-то насмеялся на Ваню, – умничаешь много... Фарисействуешь...

– Каюсь, грешен...

– Это правда, – тоже кто-то безадресно сказал.

– А вон там, – сказал о. Василий, указуя перстом на берег израильской оккупации впереди, – Вифлеем, – спускаясь с мостика.

Никто из пассажиров не знал, что близость к батюшке на расстояние вытянутой руки закончится на причале. Точнее, увидят они его еще раз на напутственном молебне и в трапезной Никольского собора, но это уже другое «свидание»...

«Синай» открыл арабскую православную церковь, где служили молебны еще в середине третьего века и где и сегодня сияет неугасимая лампадка перед образом Спасителя над Царскими вратами: чудно и диковинно. Ваня смотрел и ничего не понимал, – где жизнь начинается и где заканчивается? – и просто верил.

Верил и как бы даже соглашался, например, что большой тяжеленный крест в руках Андрея Первозванного, широко шагавшего по берегу Иордана от горы к горе, испытует его крепостью веры и духа. В минуту своей мысли об апостоле в нем смешивались радость и надежда до слез.

* * *

...более всего Ваня трепетал перед пророком Моисеем. Этот собенный трепет он испытал в сравнительно тихом, хотя суетном городке, каковы все города Иордании, где по улицам одинаково неспешны автомобили и осляти, верблюды и лошади, пия из святого источника, льющего тысячелетие за тысячелетием воду из скалы, пробитую жезлом святого пророка. Что творилось в душе Вани, то только Богу известно, но в своем рассказе, вскоре, по его возвращении на родину, на поминках скончавшейся маменьки, рабы Божией Веры, он говорил:

– Тогда я понял, что даром мне не пройдет такая встреча... Какое-то время, не без боязни, вскрикивал ночами посреди кафизм: «Господи, Господи, за что мне сие, недотёпе... И Моисей, и Лот, и Красное море...», – и плакал не таясь.

Ваня тогда чаще думал о смерти. Он нет-нет, да и повторял слова одного монаха на вопрос своего духовного чада, что вот погиб-де очень чистый человек, совестливый, но язычник, которому нельзя молитвенно помочь: «Ты, брат, не печалуйся шибко... У Господа мест много... Есть

такие хорошие и уютные места, где все имеется, кроме радости...» – и Ваня с той поры много думал и страдал, как всякий грешный человек, избравший однажды путь спасения, подчинив свое содержание воле Господней.

Удивительно, но ничего, за столько времени, на этой земле не изменилось: ни караваны бедуинов, ни войны язычников противу воинов Господних.

Жители, населяющие берега вокруг морей Галилейского, Мертвого и Красного и вдоль реки Иордана Богобоязненны, кроме тех, кто, бежал от праведного суда из стран, где они истребляли своих братьев, и нанялись уничтожать коренные в гвардейские полки безвестных королей, как, впрочем, и липовых, цивилизованных иудеев, надумавших взять реванш не во искупление греха распятия Сына Божия, а в выжигание палестинцев, сирийцев и всего мира, за ту историческую память и любовь к Богу, конечно, уже не столь крепкую и твердую, что имел Моисей и его народ, однако, может, и большую, что есть у нынешних христиан.

Образ жизни арабов и бедуинов – это совсем не тот образ, имеющийся у нас или народов Старого и Нового света. Им Господь по-прежнему дает все необходимое для жизни: землю, солнце и воду. Земля плодородна тем, сколько иорданцам необходимо для пропитания. Они даже в плодах природы почти не отошли от сложившейся традиции: смоква, маслины, мандарины и апельсины, финики и бананы, орехи и виноград. Солнце столь щедро, что крестьяне собирают по два и три урожая в году. Ограниченность водных ресурсов Господь так устроил, что, обмениваясь с израильтянами и меж собою, арабы и ее имеют достаточно для потребления.

В письме другу Ваня писал:

«Арабы и бедуины трудолюбивы.

Арабы и бедуины живут в любви и согласии, хотя израильтяне и прочие цивилизованные народы, как то – англичане, французы и американцы, – и по сию пору раздирают их...

Арабы верующие люди. Они ровно дети. Их младенчество существует от начала по заповеди Господа.

Арабы преданы своей участи и, по опыту предыдущих тысячелетий, останутся таковыми до века. Можно внешне менять много на Иорданской земле, но внутренний ее мир постоянен. Взять тех же простых арабских мусульман. Их никто не неволит творить молитвы в час намаза. Меж тем, даже рядовой воин оставит винтовку и помолится на своем цветастом коврике, когда угрожает ему смерть от неприятеля, но не изменит Господу».

Ваня, видя младенческую веру простого солдата-мусульманина, от умиления перед ним и скорби за своих соотечественников, писал после брату на Север: *«Имей мы такую веру, какую я видел в правительственных кварталах Амана, когда в сорок градусов жары, боец на призыв муэдзина, ровно и хладнокровно сложил с себя вооружение, постелил коврик и самозабвенно молился. Он молился так, что я, не зная их языков, слышал его просьбу к Господу дать мир дому его сродников и народу, и земле...*

Странно, но больше ни о чем он не просил Бога. Как самаритянин, ничего не знает из Богословия, но верит, так я пожелал бы верить и нам, христианам. В нем, воине, невозможно найти мудрствования протестантов или фарисейства католиков. Он младенец. Ему дай сегодня Святое Крещение и завтра уже он будет в раю, а то и к вечеру.

Мы часто слышим об арабском терроризме... Понятно, в семье не без уроды... Верно, и среди арабов есть таковые, особенно в части образованных в странах Европы управленцев. Но сам народ, его центральная составляющая – простолюдины – это новорожденный чистый младенец, независимо от возраста, как источник святого пророка Моисея. Этот народ не станет громить христианские церкви, хотя в Иордании основная масса мусульмане, а, напротив, с почтением и воздыханием положит лепту на укрепление алтаря Престола Божия.

Арабы вообще к христианам относятся с особым чувством. Они и детей стараются пристроить в православные гимназии и школы, полагая, что только в них способно получить достойное образование.

Арабы при том, что в цивилизованном мире их приравняли западные гуманисты к человеконенавистническому роду, никогда не ворвутся в чужой дом, никогда не станут выжигать огнем, как то творят израильские фашисты в палестинских городах и деревнях, уничтожая разом кварталы и улицы.

У них, я бы назвал, избыточная снисходительная извинительность.

Один араб, Исса, что есть по-нашему Иисус, понятно, христианин, поведал мне, как в его подъезд вселился израильский дипломат, у которого, может, только ермолка не в крови убиенных палестинских младенцев. Так этот араб не убил дипломата и не взорвал детей его, а вместе с другими жителями дома обратился к правительству Иордании с просьбой подыскать для израильянина более комфортное жилище, где соседи не будут испытывать неприязни к палачу-новосельцу.

Этот араб, как и его далекие и близкие предки родился по ту, западную сторону Иордана. Он ходил в школу, открытую Русской Православной Миссией в Палестине еще при турецкой оккупации. Там же учились его родители и дети. Затем набежала израильская саранча из стран Европы и Америки, разбомбила их село и школу. Перерезали под водительством Шарона и К^о едва не весь его род, выгнав автоматной очередью оставшихся в живых мытарствовать по миру. И все ж, чудный, белый от огня и горя араб, которого я полюбил навсегда, встретив одного из армии Шарона, ряженного в тогу дипломата, не смел и подумать об убийстве...»

Вдругоряд Ваня писал своей маманечке перед ее успением: «... вернулся я с трудным сердцем. И ты, любовь моя, меня поймешь... Там Красно во всех отношениях: солнце и кровь. Нет, в Иордании не стреляют и не режут наружно, как в Багдаде, где американский скот ежедневно качает свои дряблые мышцы бомбометанием по безответным иракским детям...

Словом, не ведаю, помнишь ли ты Али, – он палестинец, – они у нас на Донце учились на энергетическом факультете... Должна помнить, по общежитию. Ты еще дивилась, когда наезжала ко мне, как много их и какие они красивые и сильные...

Впрочем, у него все, слава Богу, благополучно. Жена хорошая. Русская. Три хлопца. Два уже учатся в России.

Он меня узнал среди прочих. А я его не сразу.

Совершенно несказанна их приветливость, мамочка. Прямо как в нашем селе...

Кстати, тогда же я встретил своих однокурсниц, что вышли замуж за арабов и уехали с ними. Очень красивые девчата, хотя четверть века минуло. И русскости не потеряли, и семьи хорошие у них. Я не берусь судить за всех, но те, наши энергетика, любви-дороги...»

Батюшке Ваня писал иное: «... в Святых землях все прозрачно, как линии на ладони. Сразу видны Иерусалим, Вифлеем, Иерихон... Видны простые палестинцы на редких плантациях смоковниц и маслин, чудом сохранившихся в огне израильских танков, минометов и бомб. Видны вооруженные до зубов, безотчетные головорезы израильской армии. Среди них слишком заметно выделяются, бежавшие в девятнадцатом веке с турками черкесы: они одинаково преданы королю Иордании и премьеру Израиля Шарону. Задача, как цель, одна: уничтожение арабов.

Мой бывший однокурсник, араб Константин, прочитал в интернете на сайте православного сетевого братства «Русское воскресение» стихи Муина Бсису, зверски убитого в английской столице в номере гостиницы моссадовскими палачами. Узнав о моем пребывании в Магабе, целый день сидел над напольной мозаикой-картой Иерусалимской епархии, набранной смальтой в V веке, искренне веря, что именно в этот день, когда от жары плавился асфальт, мы встретимся...

И встретились. Долго молча смотрели друг другу в глаза. Ни он, ни я четверть века не знали друг о друге ничего и, надо полагать, знать не желали бы, если бы с нами и нашими странами не произошли то, что есть.

Забавно, однако, мы узнались. Константин стал на паперти, когда два Сергея, перекрестясь, входили в притвор, и сказал им: «Передайте Ивану, что я жду его здесь». Удивленные ребята, приблизившись к карте-мозаике, невинно бросили: «На паперти тебя спрашивал нищий».

Константин не был нищим. Скорее щеголь, по нашим, по московским меркам. Весь белый – голова, платье, носки и ботинки.

– Ты дал хорошие стихи Муина, – сказал Константин, когда я взором разыскивал нищего. – Ты меня не узнал, Ваня, и я тебя тоже... Ребята помогли, – быстро, с хорошим московским прононсом говорил. – У нас мало времени, но много ушей... Давай пройдем и выпьем на углу по чашечке кофе... – и я, покорный телок, шаркал за ним через улицу. – Ваня, забыл назваться: я – Костя. Мы с тобой учились в группе «один-два», после нас развели...

Развели всех.

На западном берегу у Кости была большая родня. Был дом. Сейчас он на восточном берегу. У него есть жена и три сына. Он возил детей инкогнито, без опознавательных знаков на западный берег и показывал дом, где жил он и где будут жить они.

– Это наш дом, – выкрикнула, подслушавшая разговор отца и сына, временная обительница подворья на русском языке.

– Нет, – сказал кишиневской хабалке Костя по-русски, – он никогда не будет твоим: и через десять, и двадцать, и тридцать лет...

– Константин, – обронил я, после фразы, которую напомнил мне товарищ, запавшую со времен нашего студенчества. – Горя много. Много горя. Бог милостив.

– Я знаю, – весело кричал вслед нашей машине, – повстречаться хотелось Ванюша, ты же знаешь. Я тебе напишу....

Как красив он, батюшка, как бел и прозрачен, и чист. Он похож на пророка.

Чувства смешаны. В Митрополии нас принимали протоирей Ибрагим, или правильнее Авраам и архимандрит Макарий приветливо, чинно. Владыка на тот час был в Иерусалиме.

Оба священника производили впечатление полной открытости, но это только внешне. Внутренне застегнуты на все пуговицы, по полной выкладке, готовы в любую секунду перейти в контрнаступление. Словом, бойцы!

Отец Авраам русского языка не знал и говорил через переводчика. По виду он занимает должность «правой руки» митрополита. Информировал о текущей жизни митрополии, избегая острых углов. Особенно нажимал на ровный характер отношений светских и церковных властей. Ложь весьма похожая на нашу.

– Отче, простите, Христа ради, – вклинился в момент паузы в его монолог, – нам действительно многому можно поучиться у вас, потому что Иерусалимская церковь самая древняя. На вашей земле, по вашим словам, мир и благодать, и то правда. Когда я стоял на горе Небо и обонял благоухания, парившие в воздухе, где несомненно всегда присутствует пророк Моисей. Я не чувствовал тысячелетий разделявших меня и его, – о.о. Авраам и Макарий сопереживательно улыбались в ответ, – он был со мною и во мне. Душа моя смеялась и рыдала, рыдала и скорбела. Второе чувство вызвано, не трудно догадаться, тем, что католики-францисканцы захватили гору вместе со святынями ея и используют лишь в части туристического бизнеса, точнее торговли... Схожая участь постигла и остатки святынь в долине, где вознесся на колеснице пророк Илия, подвизался пророк, Предтеча и Креститель Иоанн, где крестился водою Господь наш Иисус Христос... На месте пещеры, где скрывалось святое семейство по пути из Иерусалима...

– Довольно, – примерно так переводится жест о. Авраама, – мне понятна ваша шума. Для случайного гостя все, что сказано вами, горько слышать, но не нам, кто живет и молится Господу нашему Иисусу Христу здесь со дней Его рождения. Одна ваша писательница говорила, что не было подлее нашего времени. Две тысячи лет палестинцы встречали и разносили по свету благодатный огонь и никогда не сходили со своего

места. В этом году (2002 – С. К.) в Страстную седмицу и на Пасху они тоже встречали и разносили по Иерусалиму Благодатный огонь, но те из них, кто был в Вифлееме и скрылся в стенах храма Рождества Пресвятой Богородицы, вопия к православным братьям о помощи и защите, не услышали, кроме католиков, отклика, даже от самой большой и уважаемой в мире Русской Православной церкви, которая, обиженно, обратилась Мировое сообщество с требованием спасти ее имущество от повреждений: Паломнический центр, – построенный, между прочим, при активном содействии Палестинской администрации, – куда ворвались израильтяне, где давно не бывает паломников... Много, много детей и женщин в те дни в Вифлееме и Рамале тогда положили израильтяне под гусеницы...

После слов мы пили кофе и обменялись приветственными адресами.

Конечно, в Святой земле, мы молились и пели акафисты Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, Илии пророку и Предтече и Крестителю Иоанну...

И все ж, уезжая, я плакал, сроднившись с родною Палестиною, зная, что у Господа на моей грешной голове все волосы сочтены и ни один не упадет без Его святой воли. Что милость Его дана мне была на укрепление, дабы встретившись с непогодами на родине, пусть и крепко забившись, не пал до края, откуда обратного пути не бывает.

Маму перед ея успением соборовали. Отпели в церкви святого мученика Димитрия Солунского, – помните, летом я был у его святых мироточивых мощей в Салониках.

Хоронили на старом погосте в еще не мерзлую землю.

Два чувства — радость и скорбь — слились во мне...

Помолитесь о грешном р.Б. Иване непутевом, батюшка».

* * *

Спустя месяц Ваня получил письмо из Святой земли на свое там пребывание:

«Здравствуйте, уважаемый!

От имени нашего женского клуба Друзей русской культуры в Иордании и от себя лично хочу поблагодарить вас, а также Александра Юрьевича Сегеня, Сергея Павловича Куличкина, Лыкошина-младшего за интересную и незабываемую встречу. Вы даже представить себе не можете, что значит для нас, живущих вдали от Родины, но болеющих за ее судьбу,

встреча с вами — истинными патриотами России. Мы ценим каждое ваше слово в защиту правды и справедливости.

Очень жаль, что не довелось встретиться с Сергеем Артамоновичем Лыкошиным. От нашей семьи хочу сердечно поблагодарить его за теплые слова о нашем родственнике, палестинском поэте, Муине Бсису и пожелать уважаемому Сергею Артамоновичу крепкого здоровья и творческих успехов.

Очень приятно было для нас также увидеть стихи Муина Бсису на сайте «Русское воскресение». Спасибо!

От всей души желаем всем вам здоровья и творческих успехов. Храни вас Бог.

Надеемся на новые встречи с вами на иорданской земле.

С уважением Елена Бсейсо», – прочел в конце зимы.

* * *

Да, ровное дыхание осталось на спуске по трапу с «Синая». В остальном он понял лишь, что внешне тихая Иордания – это пуп Земли, где все переплелось от пророка Моисея до Второго Пришествия Господа нашего Иисуса Христа: чем глубже проникаешь в её прозрачность, тем крепче захватывает дух и чаще текут слезы.

Его добрый товарищ Сережа Исаков на Крещение, лежа в госпитале, говорил: «Слишком близко и быстро время. От Ильина дня до Богоявления – одно мгновение. Надо Петровичу в Аман позвонить: пусть готовится!»

«Всем нам надо готовиться», – завещал блаженной памяти успевший Иадор.

P.S. *Сегодня, двадцать седьмого января, на Отдание Богоявления, Ваня молился в церкви Ивану-воину о даровании мира арабским братьям...*

Американо-израильский военно-истребительный блок (США, Англия, Австралия, Израиль) сосредоточили мировой бюджет 2003 года в районе Персидского залива, держа под парами тысячи единиц авиации, нагруженной, кроме бомб, десятками тысяч британских и австралийских мясников.

Ваня не стал ждать приглашения на казнь отдельно взятых иракцев и по полудни вылетел в Багдад.

ЛЕТЯТ ПТИЦЫ

... тень движения рук осталась лишь в грезах, и все ж не мог он согласиться с бесчувственностью и, пусть мысленно, но касался кончиков пальцев

голубки, что тоже парила над ним, боялась, не могла притронуться к его слабеющей стати, роняя слезу за слезою на темячко, пробуждая к сопротивлению смерти. Голубь стонал позади, как бы подталкивая в спину, едва подававшее признаки жизни, через лихорадку горячки в существующем теле, сердце, впереди которого торчали наружу обоженные лазером света ребра. Правая, простроченная пулями рука хлестала по сторонам фонтаны...

И все ж он не падал, собирал силою голубиной любви себя и сначала незатейливо, коряво, дальше скорьше заработал ногами, не видя и не разбирая впереди себя дороги, вдосыл мыслям решительно набирал скорость.

«Надо, – говорил он себе, – двигаться, иначе упаду. Иначе они добьют меня...»

Ваня брел бегом, подгоняемый сверху заботливым урчанием чашечек и раскаленным жаром белого песка по пустыне в сторону пещеры Авраама. Он не боялся встретить на дороге американца или англичанина, вооруженных и зашитых в пятнистые скафандры специальной защиты, – но и не собирался беззубо сдаваться на милость безбожному и богохульному победителю.

Ваня брел, оставляя за собою полюбившиеся героические будни Умм-Кассры и Басры, держа память веков Ветхого и Нового Заветов, ничего не боясь, зная, что у Бога даже волосы на его голове сочтены. Он брел, чтобы помолиться на земле Авраама, вверяя себя в его молитвенное заступничество, ибо, как сказано в Писании, от его семени пошли все племена и народы...

...В конце моста, Ваня рухнул лицом в пыль откоса дороги, в шум Тигра и Евфрата, что смешало его остаточное сознание и как бы понесло по берегам и левадам Чумацким шляхом меж ореховых аллей и абрикосовых посадок, через хутора и села на Абиссинию, где за столом собралась вся его рода, радостная и веселая, кроме отца, что никогда не жил в их хате и о ком никто из сродников не поминал вслух.

– Вот штука... – обыкновенно всплеснула ладошками бабушка.

– Ваня, – тоже обыкновенно сдержано вызвалась его любименькая крохотулечка и труженица полей мама.

И все такое ясное и родное: ток, толока, огород и не кошенная тропа к речке, откуда мчала, над землей, его талая и любая – сестра босоногая, Марыся.

– Ваня, – жалкуя, звалась, – Ванечка..., – и он вздрогнул на зов:

– Марыся, – хрипло из глубин земли подал голос и затем вывернул вместе с песком часть лица на солнце, едва-едва приоткрыв один глаз, ска-

зав вслух, должно быть чаечкам: «Теряю сознание...», – и так как-то задохся разверзости Альфы и Омеги.

Ваня не родился, чтобы стать знаменитым. Жизнь его складывалась так, как складывалась у многих его погодок. Радостное, счастливое детство. Школа, посильные труды по хозяйству во дворе и в колхозе, футбол и игры в войну, путешествия по лесам и долам, мечтания...

Когда его одноклассники в фантазиях брали города-герои и столицы мира, Ваня просто учился и, чтобы не огорчать маменьку незванным вниманием учителей, легко получал примерные оценки по предметам образования. Когда было, что мама слегла, Ваня, по простоте натуры, поступил на учебу в институт инженеров-энергетиков, – куда шли без затей колхозные хлопцы, – выводя себя за пределы затрат домашнего бюджета...

Ваню можно еще назвать последышем детей ветеранов войны с фашистами, но он непременно мирное дитя Великой страны Россия.

Ваня родился и собирался умереть в степях Украины, в гомоне птиц и щебетанье дубрав, где тихий колокол сельского приходского храма святителя Николая никогда не смолкал и всегда манил, держал народ в напряжении и ответственности, откуда блаженной памяти отец Михаил выходил, широко размахивал кадиллом, пускал благоуханное курение по свету, зазывал на кладбище: «Паки-паки, миром Господу помолимся...», – и тысячи народу спешили, крестясь, под его молитвенный покров...

Ваня любил все содержание Абиссинии и не задумывался, что Господь ему судит иную жизнь, иные песни: и славу, и гимны, и порох, и...

– Не здесь! – вскрикнул грозно Ваня на приближавшуюся смерть одним, не полно раскрытым глазом. – Не здесь! Рано еще! – И снова задвигался. Не пошел, а пополз, еще сильнее обдирая рваную грудь, и скоро ж опять затих, вслушиваясь в хрип биения сердца, в стук течения задавленных массой тела дырявых артерий...

– Нет, не здесь... – еще раз убеждаясь в своем голосе, сказался Ваня и дальше забылся.

* * *

..., брат, – спрашивал Аббас доктора, – ты работаешь на войне полгода и ты видел не одну смерть...

– Несчетно, – сказал нарочито ясно Исмаил Аббасу, когда они возлежали на белом песке в черной ночи, облитые колючими зорями в Меж-

дуречье, вблизи Эдема, в центре раздвоения Тигра и Евфрата, печалуюсь об участи родины и народа, и себя, и особенно, ставшему им дорогим, Вани. Аббас был в правительстве членом власти. Исмаил работал военным врачом. Оба они родились в трудовых семьях и трудились одно общее дело, чтобы их народ в своей стране чувствовал себя дома, но случилась война, которая порвала родину, семьи, взрослых и детей в клочья, и надо было работать на новом, доселе невиданном направлении, вырывая из рук врага оставшиеся лоскуты природной жизни, склеивая их для воскресения отчизны. Ни правил нового труда, ни техники воплощения еще никто на тот момент не мыслил и каждому следовало руководствоваться каким-то специальным орудием, чаще неизвестным...

– Несчетно..., – повторил протянуто Аббас, пытаясь представить себе единой картиной весь ужас многоголосья кричавших от боли, вылуплявших из орбит очи несчетных людей, где наверняка были дети и бабы, и немощные старики, что выпали из обихода века, требующие призрачной надежды!... – И ты еще не тронулся умом! Ты еще остался! – воскликнул испугано.

– Привычка, брат.

– Какая? Откуда? Разве можно привыкнуть смотреть на смерть каждый день? Разве можно, скажи мне, каждый час привычно взирать на горе? Чему обыкла тебя война? Чему научилось и выгорело до тла твое сердце? Способно ли осталось чувствовать?... Или, кроме ножа и пилы, ты уже ничего не чувствуешь и не видишь? Есть ли еще в человеке для тебя тайны?

– Есть! – спокойной уверенностью сказал Исмаил и опустил к мутной воде, походя, срывая с чинары листья и яростно швыряя по течению их в темноту, – есть! Сам человек для меня стал большей загадкой, чем то было до начала войны, – говорил он Аббасу с размышлением, превышающим музыку пульса, листая раз за разом портреты, умытых кровью бойцов и мальчишек-инсургентов.

В минуту чувств борьбы лицо Исмаила буквально просияло, — он вспоминал спасенных или, хотя бы, облегченных от боли, – в бархотном трауре ночи, осветив и берег, и песок, и чинару, где, прижавшись друг к другу, посапывала белая пара Ваниных чаечек, весьма редких и прихотливых голубей, давно никуда не летавших...

– Вера, брат, – молвил Аббасу, многозначительно и протяжно, – открылась мне через человека. Удивительно: война и вера. Вера – любовь. Есть любовь – есть человек! Нет любви – нет ни человека, ни веры! Через

кровь, боль и смерть я вышел на любовь, – это, – может со стороны показаться не многим, – мне и дорого.

* * *

...вечером, когда стало темно, день завершился, и жизнь вместе с солнцем сошла на нет. Вымороченный Ваня сидел на сырой земле край дороги, около своего двора, уже готовый к смерти, какая имела на его счет иные виды, и непомерно страдал под стук неурочного дятла, долбившего рваную кожу вербы. Мимо него колонною пробегали длиннохвостые, навьюченные дубовыми стволами автопоезда на запад по пыльной государственной дороге. Колонна увозила последнюю часть его содержания, которую он честно вложил в строительство леса, вырвав себя из мира на двадцать пять лет. Радость оставила его и он уже не видел смысла в продолжении какого-либо делания, отчего даже стволы принимал не в сыром, а напротив тому, в готовой оформленной законченности...

– Что ж ты, Вань, зря сидишь? – крикнул в окошко вопрос вedomый тяговой колонны.

– Смерти жду, да вот гроба нету, – несмело отказал сиделец.

– Напрасно, – сказал вedomый колонны, – на гроб заришься. Так помирай: дешевле станет...

– Это так, – согласился Ваня, не желая продолжаться....

...и колонна скоро оставила его внимание. Пыль поулеглась. Небо вспыхнуло жаркой летней зарей без месяца. Дятел долбил вербу, как бы исповедовал древо на память, уходившее долгими затвердевшими корягами в глубинность подземных течений реки. За мудреным своим ремеслом птах растерял самостоятельность. Его разгульные мысли в блуждающих недрах мозга наследовали промозглый стервенеющий взгляд растроганного Вани, но это его не смущало, потому что он понимал бессмысленность реагирования на случайные внимания человека в наступившей по всему фронту ночи, тогда как ему полагалось успеть довести затеянное до конца и дать испытываемому покой...

Ваня, меж тем, довольно отдалился от мирских хлопот душою и потому серое вещество его мозга работало вхолостую. Он разучился понимать роль труда и значение безвозмездной взаимности, и даже осуждал дятла, что случалось с ним редко, и называл «дурой-птицей», тогда как человека возвеличил до «вещества гораздо находчивой компетенции».

Дятел и Ваня успели много потрудиться, пошуршать в общежитии Всемирного равенства, мало пользуя его за дело, полагая, что так работает весь мир и от того в человечестве размножается всеобщая польза. Газет они не читали и радио не слушали, а довольствовались фактическим опытом. Им нравилось верить абстракциям пестрого светлого будущего и они гордились до последнего времени видимостью общего успеха, и так бы быть тому еще неизвестно сколько. – Ваня бы холил, лелеял и охранял леса и рощи. Дятел бы сотрудничал с ним, превнося в хозяйство достаточность полноты. – Но... произошла перемена. Правительство старой власти приказало долго жить и оставило народ оккупантам ...

Пузатая, лазоревая луна изменившейся природы неслышно ступила на пунцовый свет звездного неба, поубавила яркости, обводя мутным взором необъятность простора. Она, с высоты окоема, подивилась неслаженной дружбе Вани и дятла, поводила их тени туда и сюда: не сошлись, разладилась дружба. Ваня кивнул на луну, мол, конечно, права, нет той дружбы, ничего уже нет, сам собрался в иную дорогу. Смутилась луна и закрылась газовой синей вуалью от мира, приглушив нарочитость свечения. Заведенный характером Ваня, пусть и далек был от слов, но сказал:

– Эй, ты, – привычное прежде вхождение, – дятел! – проворная птица, не бросая труда, не смогла отвечать и потому отмолчалась, чем крепко задела самолюбие Вани...

– Ну, ты и чувырла, – продолжил себя соратник трудов витиеватым восклицанием в голосе. – Обернись на присутствие образом, когда с тобою сам Шкода сумерничает. – Но это мозговитое животное промолчало пользы ради общей взаимности, стукнуло раз за разом в черствую кожу вербы, после задрало клюв в небо на неспешность в походке луны и, щурясь глазками узкими и хитрыми, замыслилось над пациентом, разыскивая внутри его тела невидимую боль качественной вредности. Покачав умною головою, дятел ударил повторный вопрос.

Верба лишь согласно шумела листвою, как бы давала знать: думай доктор, что хочешь, я все стерплю, и не такое терпела, мне лишь бы жить.

Ваня не мог не радоваться их мягкому обходительному уважению в стылой зелени ночи и радовался одиноко, тогда как дятел продолжал трогательно ласкать вербу перламутровым хвостиком, прижимаясь одутловатыми щеками к грудной шероховатости простуды и затем, спустя слух, снова стучал больно, и...

– Не уважаешь ты меня, дятел, – сказал Ваня, – не ценишь простого моего уважения. Вот случится в тебе надобность и тебе не отвечу...

Так они проводились под звездным небом. Луна плыла меж прозрачных сизых облаков, лишь изредка выныривая из них всей полнотою лазоревого света, и на нее, в этой тихой прохладной ночи не выли даже собаки, потому что изменилась в жизни природа. Ваня не мог позволить душе продолжительного страдания. Он поднялся с насиженного места в шелковой пыли и ушел в дом.

Больная жена валялась клубком на постели, занимая от общей площади лежания лишь малую долю по центру, провалившись внутрь набитого соломою матраца. Когда-то давно Ваня неслыханно ее любил, отчаянно бросив прежнюю любовь и сына Ваню. Он безоглядно тратился на взаимность, от которой не вышло последствия. Они поочередно любили мечтания, пока те не испарились. Последняя любовь-жена затосковала без занятий, слегла, ее маленькое сердце высохло. Она непрестанно тревожилась в потемках древнего лесного жилища, бредила и бесконечно звала:

– Вань-а-Вань...

Ваня вошел в дом, потоптался на месте — он давно потерял интерес к стенам жилища, — ничего не придумав, приблизился к пергаментной коже ненужной жены:

– Ну?! – спросил и ей нравилось его спрашивание, и она повторилась «ань-а-Вань...» – Ну, – раздраженно отозвался муж, – ну, здесь я, тут.

– Не кричи, – возразила она его надменной ревнительности. – Не кричи, Ваня.. – и муж, топнув ногою о половицы, отошел от нее к столу, оторвал ломоть черствого черного хлеба от буханки, макнул в соль и стал жевать.

– Мне, Ваня, сон приснился. Химерное – не иначе, как к лихомани... Поспросать бы старух... Деньги-то, деньги – фальшивые...

Ваня молчал на жену. Не осталось в нем ни любви, ни жалости. Он покойно жевал черствый хлеб и запивал его холодной «Лидией» и смотрел в открытую створку в студеной печи, наливаясь ненужною думою. Он перестал жевать. Аккуратно вымыл в тазу лицо и руки, облил прямо по полу ноги водой, затем облачился в костюм и парусиновые белые туфли на мокрую босую ногу...

– Ну? – выставился.

– Куда ж ты? – виновато смешалась жена. – Может помру.

– Двенадцать годов мрешь, – возразил Ваня, – вона, лучше телевизор гляди, хуже фашистов бомбят... Никакой жизни не знаешь, – говорил, прибирая со стола останки еды и крохи от хлеба.

Потоптавшись по дому, Ваня установил над чистой скатеркой сальную свечу на тарелку, зачем-то решив, что именно так обставив предмет, он утешит жену. Свет от зажженной свечи, какая скверно воняла и чадила на комнату, прерывисто возгорался и гас, но это нисколько не мешало ему сесть у края столешницы и склониться над простою ученической тетрадкой в косую фиолетовую линейку, чтобы писать в ней чернилами. Ваня писал Ване, – сыну от прежней любви, – письмо: «Здравствуй сын. Жизни нет никакой. Супруга мне нынешняя двенадцать годов уже истлевает. Новая власть берет нас силой наглости, а отвечать нам ей нечем, потому что старая власть воспитала нас духом любви и мира.

Скосила новая власть дубы в роще, завтра начнут косить ореховую аллею и липы. Нас они теперь ни про что не спрашивают и потому, уже сегодня, я хотел помереть, но решил обождать, потому, как новая власть не имеет для смерти гробов, продав материал под корень. На месте рощи американец Мкдональдс из Жмыренки строится гостевым домом для соплеменников неизвестных нам стран. Ты знаешь про мое слабое здоровье и мой ревматизм, отчего ложиться в сырую могилу такому ядовитому, какое есть я, противно для тела.

Ты давно работаешь в надежном направлении, и я еще никогда тебя ничем не беспокоил. Вот, а сейчас испрашиваю тебя: привези, сына, мне гроб, скоренько привези, и я к тому времени отойду, чтобы не жить в уже чужой нам земле лишним. Бывай здоров и пусть здравствуют твои сродники. Прощай. Твой отец Ваня», – затем надписал адрес на конверте, повесил на плечо ружье и отправился к проезжавшим по государственной дороге машинам, что шли к транзитным поездам через город.

Ночь была темная и была золотая луна, и как-то немножко от ее сияния светилась впереди леса розовая церковь с хмурым, но правым крестом на маковке, отчего ночь кажется утром и бодрит в старости прожитую молодость.

Много Ваня прополз утр по мялым росным огородам, где буйно в цвету реяла мелкая сладковатая, розовая американка. Плескалась об обрывистые берега волною река, хлюпали в камышовых чашах черные раки, скрипел в ногах белый, даже в ночи, песок, над головою молчаливо сучали белые хребты леса, возвышавшие собою с одного боку монастырь в лепрозории, с другого – суровую чугунную кондовость труб кирпичного завода.

Ваня прошел сквозь лес, которого нет, минул выкорчеванный сад покойного графа Левки Бобринского. Навстречу покатила вереница машин.

– Вань, извиняюсь, далече собрался, на ночь глядя? – спросил один из водителей транспорта.

– Да, нет же, – обрадовано закричал ему Ваня, – сыну письмо в город, к поезду, иду отправлять.

– Так давай его мне, – просто сказал шофер, – чего зря дорогу топтать. Я отправлю.

– Возьми, – легко отдал конверт, – скинь его в ящик.

Тот взял и машина пошла своим чередом. Ваня долго глядел в ее правильное ко времени движение на синюю, туманную, с малиновой прослойкой от влажного света дорогу. Чуть поодаль горел красный бакен на белом перекате на зеленой воде и слышалось поспешающее дремотное бормотанье мерщика: «Шест.. мат.. сем.. мат...» – шорох переплетенных ольховых веток, запах ранней травы и пронзительный до свиста в носу, ядовитый привкус белого ландыша, и дольняя на дожди под второй сенокос лягушья симфония, и надрывный, в сполохах из густых молочных, мокрых от слез кос ив крик одинокого жаворонка, и воробьиное, зябкое треньканье... А над всей благодатью реки и заливных лугов мало-помалу нарастала из кармина денница... По мосту бежал трудовой поезд. Под обрывом, что под мостом, в пьянящем несочном цвету по черной реке плыла вне времени, сорванная ветром ветка белой акации, как бы пробивая собою, своею безрадостною участью карминный рассвет, мимо заспанного грязного от частой копоты труб печи берегового ресторана, где богомолка, зарабатывая на свечи, нашептывала молитву и чистила картофель.

Грустно Ваня смотрел на скученную жизнь раннего утра и потому не заметил, как она прервалась для него, потому что свалился в земляной погребок ресторации и, напуганное громом кастрюль-черепков, ружье выстрелило в безвинную тишину зари.

Ваня спал в сознании...

* * *

...земля Эдема всегда остается в руках Господних.

Среди шатров и бедуинских кибиток, где давно не то, что лекарств, но нет даже пресной воды, месяц за месяцем работал раненых и пораженных бомбовыми разрывами в операционной палатке доктор Исмаил.

Персонал разбежался, потому что трудно каждый день смотреть оголтелый смертный поток или устоять перед непрерывным криком

боли. Ему помогали подростки да хромоногий фельдшер-черкес, ткнувший за собою в операционную жертвы войны и обратно на санитарную площадь, пропитанную гнойно-трупной вонью зону, никем давно не замечаемую, как, впрочем, и много другого, где на одну сторону клал живых, а на другую – мертвых...

Железные коршуны днем летали над Эдемом и беспорядочно скидывали на головы ребятишек бомбы с химической и графитовой начинкой. Что не попадало на головы взрослых в укрытиях, то впитывалось с воздухом внутрь легких, отчего все получали «добро» оккупантов сполна, и почти никто не знал, что ему с ним, – «добром», – делать, однако все с надеждой смотрели на Исмаила: «Он знает и поможет»...

Исмаил за месяцы войны всяко жестоко истощился. Семьи у него не осталось и он жил теперь исключительно народной болью, и питал силы надеждою будущего воскресения из пепла родины. В минуты слабости тела и духа он отправлялся на излучину двух великих рек и подолгу плакал без слов. Молиться он боялся, потому что многое из прошлой веры перечеркнуто печальной памяти страницами предательств.

Исмаил временами раздражался больными и его не хватало на любовь. Он срывался на помощников-подростков криком, но тотчас же вился и после страдал излишним вниманием к себе, корился и звал фельдшера-ассистента: «Следующего давай!»

Так черкес положил пред Исмаилом Ваню.

Это был уже не человек, а полыхающая жаром живая печь, превратившаяся в сплошной газовый гнойный пузырь...

Продолжительно тупо смотрел Исмаил на, как казалось ему, должно быть, в прошлом вполне симпатичного воина, в мгновение воплощенного истребительной машиной в кусок протухшего мяса. Нет, подумал доктор, ему уже не поможешь, – и сказал фельдшеру-ассистенту:

– Уноси, – безразлично, – даже резать нечего.

– Так найди! – скомандовал Ваня, чем немало подивил доктора, и тот с почтением вниманием широко уставился на раненого.

– Найди! – скомандовал по-арабски, по-французски и по-русски Ваня, Найди! Найди!

...Исмаил нашел и несколько часов кряду резал и штопал тело Вани без наркоза. Ваня своим смирением и терпением вынуждал доктора то вздыхать от напряжения, то впадать в стеснение перед героической кротостью безнадежного пациента.

Меж тем, ничего не помогало. Чтобы хоть как-то спасти раненого, требовалась кровь, но и ее в госпитале не было...

Сколько хватало мужества и сил у доктора, он потратил на Ваню, и все напрасно: сознание больной не терял, а остальные функции тела постепенно замирали, – и фельдшер по приказу доктора вытащил Ваню на открытую площадку, и положил пылающего воина посреди правой и левой сторон. Зачем положил? – черкес едва и сам способен был ответить: положил аще положил.

* * *

...после выстрела работала пресса. Пишут: он давно таился, давно готовился к залпу...

– Это он-то готовился к залпу? С чего? С охотничьего ружья дать сигнал свержения власти? Этот-то тщедушненький, тихонький человечек способен для больших дел?!

– Представьте себе, что способен, да еще и как способен, коль вся городская шума шумит, а ее у нас полным полно, неустанно трубит и требует высшей меры.

– Так уж и шума? – нарочито подивился от себя заключенный...

– Да-да, – продолжал рассказывать один из спорщиков, — и народ на стороне спорщиков, потому что ему больше некому верить, кроме шума.

– Вы напрасно смеетесь, – обратился к заключенному, лежавшему на верхних нарах, – этот тип, приди к власти, таких дров наломал бы, что от демократии один плюрализм остался. Лягнул, понимаете, залпом...

– Помилуйте, – засмеялся старик с нар, – какое там залп из двух стволов охотничьей пушки. Пугач, да и только.

– Нет уж, позвольте, никакой не пугач. Вы сами-то были на улицах?

– Давно, брат, не бывал. По лесному делу служил. Там прежде все деревья да деревья были, но теперь, по всему выходит, улиц настроят.

– Да, – согласился спорщик, – а меж тем уже утро. Вон и лучик пробился с воли. Скорее бы на свободу, там нынче весна среди лета, хорошая весна. Вы, уважаемый, любите вёсну?

– Очень даже любил вёсны. Слышите крик вдали, то бежит по мосту дивной реки на зеленый свет сигнала трудовой поезд, какой и меня возил в чудные весенние утра на труды в пригород, где я служил начальником станции третьего класса. Он бежит по той дороге, какую построили мои

предки, чтобы проезжая на транспорте, люди смотрели и помнили нашу пойму от огромной судоходной реки Иордань, которую принято называть, то лиманом, то притоком, что есть сушая ложь... – и тут он сделал паузу для раздумия, широко вглядываясь со своего висока на предмет нужности дальнейших слов. – А вы, простите, из местных будете или вербованный?

– Вербованный, – коротко отвечал спорщик.

– Тогда, верно, и не следует вам ничего говорить. Чужой народ не способен до наших тревог...

– Вот и напрасно, – возразил вербованный, – вы так о нас, и среди нашего брата тоже всякий случается, но грести всех одною гребенкою... Вы говорите и ничего себе не думаете, потому что сидеть нам сообща еще не Бог весть сколько, а, следовательно, и разговоров, мож, случится немало...

– А что говорить? – подивился старик с нар. – Я у этой поймы-лимана родился, вырос на ее водах. Полумерком, конечно, мало смыслил в ней: вода-де и есть вода, – а с летами иное мое отношение. Вот вы скажите: много ли надо простому человеку?

– Много. Дом нужен простому человеку. Дом в три-четыре оконца.

— Верно, вы наш человек, но много ли их, домов, у простого человека? – Почитай, не осталось. А у меня есть. Я сберег его... Теперь вот сижу с вами и думаю: на кой я его ловчил и берег? Что с ним теперь, пока нас здесь расследуют, сделают...

– Ничего не сделают. Подержат положенный срок и вернетесь в свою лачугу.

– Нет, – возвысился на ударении старик и нервно попенял на камеру пальцем, – не лачугу, а дом, настоящий, в четыре окна по фасаду дом, со ставнями и мезонином. Таких домов не строят теперь, а у меня есть, то есть был, пусть и с выбитыми окнами, – с понижением тембра сказал он. – Там ведь я весь и вышел, там могла вместиться большая наша родня... Какой то был дом. Ему одного износу не износить, не говоря о другом.

– Вы о доме, как о живом.

– Он и есть живой, – сказал и, подумав, еще добавил грустно, – был!

– Вы старый человек и у вас есть головная боль о доме?

– Нет, – честно оказал Ваня, – у меня нет головной боли, – и замолчал. Вместе с собеседником они смотрели, как играет по полу золотой лучик надуманной весны, и слушали трудовые удары дятла, который работал

работу, не участвуя в борьбе идей. Удары его, по слуху Вани, приходились в центр боли вербы, а может акации, но это не имело решительно никакого отношения к положению, какое переживали сокамерники. Но, вот вошел надзиратель, и оба сокамерника встали, чтобы приветствовать, как полагалось по уставу внутренней службы тюрьмы, бесшумно.

– Гражданин Шкода, – строго сказал надзиратель, – с вещами на выход, – и, уходя, прикрикнул: живей!

– Прощайте, – сказал, едва касаясь рукою плеча, собеседник, понимая по-своему их «с вещами на выход», уже не надеясь увидеться, потому как Ваня казался ему лишенным права на жизнь. – Храни вас, Господь милостивый.

– Ууух, – тихо, при закрытых губах, растянул Ваня и повалился на собеседника.

– Господи, – взмолился вербованный, – что ж это с ними?

– Мигрень... – крепко сказал надзиратель, – от радости встречи с волей, чудак-человек.

– Он умер...

– Что ты, – от двери посмеялся на собеседника ожидатель, – такие не мрут.

* * *

...Исмаил и Аббас ту ночь сидели на берегу Междуречья и разговор меж них был не мирным.

– Ты должен понимать, что это не наш боец и не просто доброволец сочувствующего нам дружественного народа. Это – Ваня! Это – самое совесть! Мы на тебя надеемся. Ты обязан...

На рассвете Исмаил, не нащупывая пульса, спросил больного:

– Ты как?

– Хорошо, доктор, поправляюсь... А вы как полагаете: жить буду?

– Жить будешь. Непременно будешь, – с готовой легкостью утверждал доктор, хотя по виду понимал, что Ване впору читать молитвы на исход души.

Сказал и отошел от больного к другому.

Тон все ж выдал придуманное усердие Исмаила, и Ваня совершенно здоровым голосом крикнул во след:

– Мне не время умирать... Отец ждет сына домой....

Врач внимательно посмотрел на мужественное лицо Вани и оторопел: только что последний лежал на смертном одре...

– Не время еще, – упорствовал Ваня, – верь мне...

«Врач всегда должен говорить больному приятные слова», – вспомнилось Исмаилу из практики в госпитале имени генерала Бурденко в Москве.

– Все будет хорошо, – сказал доктор и вышел вместе с фельдшером в операционную, а Ваня заплакал: судьба не решена, а его насильно угнетают – и смириться с положением не возможно, нет Его воли...

Да, он действительно остался в этой стране за други своя, не воюя в рукопашном бою, но непрестанно молясь за красивых иракцев. От внешнего мира в нем ничего не осталось, – и все ж он не мог позволить себе умереть даже в Эдеме, потому что место его там, по обету отцу духовному, среди могил предков:

– Господи, Ты милостив, Ты знаешь, что мне и я весь в Твоей воле... – и дальше его мысли поплыли по полям и долам Абиссинии, чащам, окутавшим Иордань, весь утыканный белыми лилиями; вишенкам, склонившим над травую рясные, до черноты красные ветви к Марысе – синеокой полянке, рвавшей листья шелковицы для шелкопрядов в яру, рекомендовавшей для надежности с ним в святые земли Месопотамии сестру-переводчицу Катюшу, забитую в бетон в первую ночь войны...

– Марыся, любя моя, глянь на своего Ваню и молись, – позвал даль, узко щурясь, через едва приоткрытые зенки, и с трудом различил в конце своих ног белую пару голубей, приспустил веки и сказал: тут я, тату... – захрипел, заклокотал нутром.

... и заплакали чаечки...

* * *

... где-то там, далеко, умирает мой брат Ваня, – набирая у соседей из колодца воду, говорила, черненькая и худенькая голосом горлицы Марыся псаломщику, – на смертном, чужом одре, в трех шагах от пещерки Авраама, будто подбитый на взлете журавль. Обнажились и на сердце его ребрышки опаленные. Истекла кровь из его тела. Плачут наш Ваня и две чаечки с ним, просят Исмаила участия, да не слышит он, думает о способах врачества. Ванечка-то еще жив и просит молиться, чтобы достучаться до Исмаила. Помолитесь и вы, дядечка, о брате нашем...

– Молимся, – сказал, не отрывая взгляд от сухой земли псаломщик, – миром Господу молимся который день. Солнце уже почти что вышло из облаков так, что думали сегодня...

– Нет, завтра, – махнула рукою на псаломщика, бросила ведро и воду, и побежала в левады, причитая, – страдания-то какие, страдания и где только силы взять сносить, а Ваня терпит... Господи, Господи, да будет воля Твоя...

* * *

... обойдя больных, Исмаил вошел в операционную без причины, потому как на сегодня в его распоряжении не осталось даже щепок, чтобы развести огонь и обжечь инструменты, сел и задумался о своей беспомощности.

Возможно, в эти минуты он себя ненавидел. У него не было сил возвращаться теми же рядами и говорить больным приятные слова.

Наверное, ему казалось, что...

Но шторка откинулась и перед ним в полный рост, пусть изможденный и кровавый, в холодном поту стоял вдохновенный Ваня!

– Режь! – скомандовал Ваня, выставя ржавую арматуру ребер на груди.

– Лечи! – скомандовал Ваня, делая четкие шаги, направляясь к операционному столу. – Не тяни, не в твоей воле меня хоронить...

Пришибленный поведением Вани Исмаил действительно вытянулся во фронт, как на параде Победы, и не дышал.

– Не бойся, доктор... Я живой, настоящий, – продолжал шагать к столу Ваня, – и ты должен ..., – но силы уже исчерпались и он медленно опускался долу прямо в руки Исмаилу. Доктор подхватил рваное тело и с трепетом положил, будто дитя заснувшее, на рабочий стол.

– Инструмент, – скомандовал ассистенту.

– Вы думаете его спасти? – войдя в операционную, спросил черкес.

– Не в нашей власти его жизнь, – строго сказал ассистенту Исмаил, – делайте, что вам говорят.

Надежный и верный черкес, опираясь одною рукою на палку, заменявшему ему костыли, спешно перебирался по палатке, искал хоть какие-то чистые и не ржавые орудия хирурга и не находил.

– Я же просил инструмент, – строго повторил команду доктор.

– Есть только ржавый...

– Так и давайте, – весело сказал Исмаил.

С ним происходило что-то невероятное: без страха и упрека он срывал останки истлевшей одежды Вани буквально с кожей, пальцами протыкал набухшие гнойники... Глаза его при этом сияли восторгом нежности и любви.

Исмаил преобразился. Очищая ребра от наслоений грязи, он прямо-таки пел:

– Какое у него сердце... Сколько в нем верности и вдохновения, чувства...

– Сердце не бывает неверным, – отметил обычно молчаливый черкес.

– Что в этом понимаешь, брат, – отмахнулся доктор.

– И я человек...

– Прости, брат, но сейчас не до тебя, – неистово работал ножом, зажимами и иглой одновременно всеми руками и пальцами Исмаил. – Какая сила, какой дух...

– Это верно, – опять сказал черкес, – уму не постижимо, откуда в нем сила, чтобы встать и пойти...

– Уму действительно не постижимо..., – говорил доктор, – держите руку кверху...

– Вы думаете...

– Я не думаю, – говорил веселый Исмаил, – я теперь знаю, что Ваня будет жить еще долго и полезно... Отрежьте на спине мою рубаху... Да-да от воротника и до конца, и режьте ее на бинты... И штанины кромсайте...

Фельдшер-ассистент беспрекословно выполнял указания. Он тоже вдруг понял, что в его участии есть нечто больше, чем было в прежние операции...

– Хорошо, – говорил Исмаил, – крепко и туго вяжите руку... Имейте в виду, там могут оставаться осколки...

– Хорошо, – продолжал распоряжаться доктор, – возьмите в шкафу виски и влейте в больного столько, сколько он сможет в себя вместить, – работая раны вокруг груди легко и радостно, и солнце, то самое жаркое солнце пустыни, теперь светило им особенно ясно и нужно, и даже как-то особенно улыбочато.

– Очень хорошо, – говорил ассистенту, – бинт и веревку. Будем вязать... – и вязали, и нещадно переворачивали по кругу всего Ваню, а он не спал, но и ни разу не вскрикнул, не поморщился, хотя, в прямом смысле слова, на нем не было живого места, и какое-то время и пульса...

Теперь он появился. Зардел румянец...

– Он будет жить, – уверенно сказал всему свету и себе Исмаил, глядя в синие кроткие глаза воскресающего больного, – его надо отнести в пещеру Авраама!

– Исмаил был мучеником за веру Православную, – сказал Ваня мимоходом доктору, — и тебе тоже уже пора определяться...

Фельдшер-черкес, без опоры на костыль, бережно, ведомо только Богу, как драгоценный сосуд с миром, нес через площадь, повязанное бинтами тело Вани, и в эти минуты все благоухало необыкновенным ароматом весенней свежести, и ряды живых поднимались и радовались за жизнь исцеленного.

* * *

Аббас лежал на песке в ногах Исмаила и плакал.

– Брат, – говорил он, – это чудо...

– Да, – легко согласился томленный Исмаил, – Господне... Помнишь, однажды Верховный муфтий Сирии говорил твоему русскому другу-профессору Иадору: «Он-то придет, несомненно придет, но только будем ли мы готовы», – о Втором пришествии Иисы.

– Да, – согласился поспешно Аббас, – только не совсем понимаю, к чему?

– К тому, что Господь меня позвал через Ваню, открывая врата, и я пошел, – ответил Исмаил, встал и пошел, не оглядываясь на север, в сторону, куда нес черкес тело Вани...

Аббас тоже скоро перебрался в Россию, где все они: Ваня, Исмаил, черкес, Марыся, псаломщик и Ваня Шкода, – обязательно встретятся с Верой, Надеждой, Любовью в храме Ивана-воина.

* * *

...и чаечки умилительно покружили, благословясь, над пещеркой Авраама, да и полетели прямым курсом домой.

*Инна Мельницкая
г. Харьков, Украина*

ПРОСТИ МЕНЯ, ИТАЛИЯ!

(диптих)

*Памяти Владлены Костенко,
и всем Альпини, уже ушедшим и ещё живым,
а также Джулио Марио Вигано, Серджио Галло и Пино Скачча
посвящается*

СЕРЕБРЯНАЯ РОЗА

С чего это всё началось? С Владлены. Вы не знали Владлены? Жаль, ах как жаль! Вот нет её – и мы все осиротели. А я, наверное, горше всех...

Не знаю, сколько ей было лет, когда мы с ней познакомились. Категория возраста к ней просто неприменима.

У неё было ясное лицо девочки-подростка, прелестное пионерское лицо, летучие пионерские волосы («Жора сам меня стрижет!»), звонкий, светлый голос, и роста она была пионерского – и вообще вся какая-то первомайская. Мне она напоминала жаворонка: такая же маленькая, такая же трепетная и тоже вся – как подарок тебе!

Вот попробуйте – представьте себе жаворонка, хоть на минутку! Как он журчит в весеннем небе – маленький, отважный, праздничный – и весь струится, трепещет короткими, словно детскими, крылышками. Он может быть голоден, может быть, ему холодно там, в небе; может даже, он вот-вот, окоченев, упадёт камушком на землю – мне случалось в дни весенних заморозков подбирать их, замёрзших. Одних удавалось отогреть, других доводилось хоронить в саду – но пока жаворонок жив, он дарит тебе радость...

Вот такой была Владлена. Теперь вы знаете, какой она была.

Мне кажется, она меня тоже любила. То есть меня, может быть, и нет – она любила мои рассказы.

Нет, вы не думайте – она их строго любила. У неё было удивительное чувство слова, звука, интонации, и если она, просматривая текст, проходя поставит на полях беглую «галочку», – можешь быть уверена: в этой строчке обязательно сидит какая-то блоха, и ты её непременно найдёшь.

Надо сказать, мы не всегда сходились в оценке. Это естественно: ведь рассказы твои и стихи – это же твои дети, и, как дети, они рождаются

разными и – уввы! – совсем не обязательно все умники и писанные красавцы. Но и тот, который не очень удался – он же не виноват, что таким уродился! Бывает, Оно запросилось на выход, написалось – ну, вот такое вышло! Есть такое слово украинское – «недолуге». Очень точное слово, я такого русского не знаю. Ты и раздражаешься порой, и стыдишься его немного – неловко тебе! – но ведь всё равно оно твое, родное, хоть и неудалое – вот и жалеешь его.

Бывало, спрашивают тебя, что ты написала за последнее время – покажи! И ты его украдкой в сторонку – «недолуге» же! А Владлена – цап! «А это что?» Ты мямлишь: да так, мол... «Нет-нет, давайте сюда – оно мне как раз ложится в передачу!»

Ты отдаёшь с неохотой и сомнением. Владлена делает передачу – да, я ведь и забыла сказать, что была она главным редактором отдела художественного вещания областного радио. Ну вот, делает она передачу – и так как-то подает твоего бедного детёныша, что тебе буквально обрывают телефон взволнованные слушатели, и ты вдруг понимаешь, что нечаянно сказала в нём что-то драгоценное, чего и сама не заметила – а она сразу ухватила.

Зато бывало и так: приношу я Владлене очередное детище и с тайным чувством удовлетворения кладу перед ней на стол, как курочка-несушка, только что положившая тёплое, смуглое яичко, – а она быстро пробегает текст глазами и со скучным лицом, скучным голосом говорит: «Ну да, ну да, – это как-нибудь в другой раз...» Значит, в бойко написавшемся рассказике чего-то – может быть, одной единственной нотки, слова одного, мелочи какой-то – не хватает, но без нее он не живёт, И я забираю его с досадой, и потом, с досадой перечитывая в пятый или двадцать пятый раз, вдруг отчётливо вижу, чего Владлена от меня хочет.

Помните, как у Сурикова, когда он писал «Переход Суворова через Альпы» – там у него один немолодой солдат срывается в пропасть? Так вот, не хотел он падать – и всё тут! Сто раз художник его переписывал – не падает окаянный, хоть убей! Сидит на краю обрыва, как курица на нашесте. И тут Сурикову пришло в голову: вывернул ему локти – несуразно, неестественно – и полетел голубчик в пропасть как миленький!

Вот так – найдёшь эту мелочь, эту драгоценную нотку – и заиграет всё. А если бы не Владлена...

Так вот, полюбилась Владлене моя новелла об итальянцах – об армии Alpini, альпийских стрелков, которая в полном составе заявила, что

выходит из войны, и, бросив фронт по Среднему Дону, пошла домой. Немцы жестоко наказали вчерашних союзников. Расстрелять целую армию, согласитесь, было как-то неудобно – союзники всё-таки! У них отобрали всё продовольствие, все транспортные средства – тупорылые «фиаты» и кротких ушастых мулов, отобрали оружие, и по всей оккупированной территории объявили: итальянцев на ночлег не пускать, еды им не давать – за нарушение приказа расстрел. В выборе меры наказания оккупационные власти, как известно, не затруднялись: либо повешение, либо расстрел – *tertium non datur!* Зимы стояли лютые – морозы до сорока градусов, вот и брели по Украине упрямые, отчаянные южане в хлипких шинелишках на рыбьем меху, обмотанные бог весть какими тряпками – и люди, ходившие на менку, рассказывали, что повсюду вдоль дорог, как мухи в молоке, темнеют на снегу трупы в зеленых итальянских шинелях. Но наши горемычные бабы, рискуя жизнью, всё-таки порой пускали бедняг ночевать и делились с ними последним куском, потому что это были уже не враги, а просто чьи-то дети, чьи-то сыновья, голодные, обмороженные, погибающие ни за что в чужом краю.

Как-то так получилось, что вроде бы до меня никто еще об этом не писал – я, оказалось, первая – и осторожное начальство сказала Владлене, что для такой передачи надо запрашивать разрешения МИДа. А кто, скажите, станет беспокоить МИД ради получасовой передачи?

Ну, поогорчались мы – и решили жить дальше. А что оставалось делать?

Прошло некоторое время, прошли некоторые передачи – и вдруг звонок! Владлена! «Немедленно несите! Сказали, можно. Сейчас можно – а вдруг опять будет нельзя?»

Я и завтракать не стала – так, глотнула чайку и побежала.

Прибежала, принесла, начитала (я всегда себя сама читаю, не люблю, чтобы другие) – полдела сделано! Теперь, говорит Владлена, надо такое предисловие сочинить, чтобы никто из наших не придрался: почему вдруг сейчас о войне? И почему об итальянцах? Тут, сами знаете, «не так паны, як паненята». У них главный принцип: лучше перебдеть, чем недобдеть – а то как бы чего не вышло! Короче, надо подумать о мотивации.

Ну что ж, будем думать!

Пошла домой. Иду и старательно думаю. Ничего в голову не приходит. Ну почему сейчас? Да потому что раньше не давали!

И тут идёт мне навстречу ветеран один знакомый – шустренький такой, ему за восемьдесят, а он как огурчик, и щечки розовые.

– Что это, – спрашивает, – Инночка, у вас вид такой озабоченный?

– Не озабоченный, – говорю, – а озадаченный. В обоих смыслах.

И объясняю ему, какая передо мной задача поставлена.

– Ну, тогда, – говорит, – считайте, что меня вам сам Бог послал.

И рассказал мне, что не так давно в город наш приезжало трое итальянцев – их в сорок третьем году спасла какая-то женщина – точь в точь как в моей новелле: полуживых пустила в хату переночевать, отогрела, накормила, и вот теперь – через сорок с лишним лет! – они приехали сюда, чтобы отыскать ее, поблагодарить, подарки привезли – а им не разрешили её разыскивать, потому что жила она в посёлке Лиман, а это вроде бы то ли за пределами дозволенной иностранцам зоны, то ли объект там какой-то стратегический. Словом, как всегда, – как бы чего не вышло!

Интурист отфутболил их в общество культурных связей с заграницей. Кончилось тем, что они оставили свои подарки в этом обществе с просьбой передать по назначению – и уехали ни с чем. Короче, надо мне идти на улицу Скрипника, в Дом Учителя, где помещается это общество, и там, на тарелочке с голубой каёмочкой, ждёт меня мотивация для нашей передачи.

Я, конечно, галопом на Скрипника, а там, оказывается, их аж два: общество культурных связей с заграницей и общество борьбы за мир и дружбу народов, или еще что-то в этом роде – прямо близнецы-братья. И оба помещаются в одном зале, только в разных углах: один стол побольше и посолидней, другой – поменьше и поскромней. И там, и там начальствуют дамы. Мне повезло: той, что посолиднее, не было – на месте оказалась та, что поскромней. Она мне всё подробно рассказала. Оказывается, итальянцев было действительно трое, двое постарше, один помладше – в войну ему было восемнадцать. Так вот, тот, что помладше, уже пять писем прислал после отъезда: всё спрашивает, не нашли ли ту женщину. Никто её, конечно, не искал, а подарками распорядились сами – то есть та дама, что посолиднее. Подарков было два: большая шаль, изумительной красоты, и синяя бархатная шкатулка с серебряной розой. Шаль начальница куда-то пристроила, а серебряная роза осталась в обществе, как символ дружбы наших народов.

Одним словом, к тому времени, когда, наконец, явилась главная дама, я уже была во всеоружии, ибо недаром говорят: информирован – значит, вооружен.

Дама оказалась величественной пергидролевой блондинкой с пышной причёской а ля Бабетта, – правда, вышедшей из моды, но вполне соответствующей её комплекции и статусу, – и со столь же пышным именем Жанна. Я представилась ей как корреспондент областного радио и сказала, что нам стало известно всё сказанное выше, и я хотела бы узнать, что предпринято Обществом, чтобы найти упомянутую женщину и вручить ей упомянутые подарки. Дама набухла малиновым румянцем и строго-бдительно спросила, откуда у меня такие сведения, на что я, авторитетно задрав подбородок, ответила, что, согласно журналистской этике, не обязана оглашать источник информации.

Дама заёрзала на стуле, как кошка в засаде, но сдержалась и сказала, что, поскольку адресата найти не удалось, шаль вручили другой русской матери, у которой сын погиб на войне. Я поинтересовалась фамилией и местом проживания этой русской матери, и по градусу накала заподозрила, что по всей вероятности шаль осела в гардеробе самой начальницы – тем более, что фамилию ошастливленной она назвала после некоторого колебания.

А роза?

Розу мне показали: она была прелестна и трогательна, но больше самой розы меня потрясло приложенное к ней письмо. Оно было написано по-русски – или, вернее, писавший его думал, что пишет по-русски – и по всему периметру листа, по самому краю его, были нарисованы крохотные цветочки. От этого, честное слово, перехватывало горло! Вот оно, это письмо, – я переписала его очень старательно, со всеми его особенностями, и можете быть уверены – сохраню навсегда:

Письмо Луиджи Вигано из Милана Русской Маме

Спасибо тебе русская мама!

Мы не забыли твою доброту!

«Ты в нас увидела своих сыновей,
истощенных от голода, изнеможенных,
страдающих, нуждающихся в помощи.»

Прими эту розу

в знак благодарности

от итальянского солдата.

1943–1985

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКОЙ МАМЕ, КОТОРАЯ В ДАЛЁКОЙ ДЕРЕВНЕ ЛИМАН ВО ВРЕМЯ НАШЕГО ОТСТУПЛЕНИЯ, СТАЛА ДЛЯ НАС, ХОТЬ И НА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, МАМОЙ

Были чужеземцами, врагами против нашей воли, и, все же, сколько доброты в твоих глазах, мама!!!

Твой сын, плоть твоего тела, солдат, как и мы, защищая страну от вражеского нашествия, пропал без вести. Уже много месяцев не было от него никаких известий. Может быть погиб от вражеской пули, и все же ты по отношению к нам, не смотря на то, что мы считались вражескими захватчиками, твое сердце, смогло преодолеть все барьеры, человеческое негодование, и увидела в нас несчастных сыновей другой матери, страдающей, как и Ты, по своему пропавшему сыну, чувствующей ту же самую боль.

Твои слезы слились с нашими, Ты обняла нас, как может обнимать только Мать своего собственного сына!

Накормила и приютила на ночь в той же комнате, рядом с твоими детьми, потому что в нас ты не видела чужеземных врагов, а видела сыновей, истощенных от голода, изнеможенных, страдающих, нуждающихся в помощи.

Ты маленькая Мать неизвестной далекой деревни Лиман, которую мы трое никогда не забудем, помогла нам со всей сердечной добротой и, надеюсь, судьба вознаградила тебя, дала тебе счастье вновь обнять Твоего живого и здорового сына, о котором Ты пролила, в то далёкое время, не мало слез.

Не спросили твоего имени, Ты для нас была и останешься МАМОЙ.

Где бы Ты ни была, будь благословенна! ! !

Пока я, вежливо испросив разрешения, переписывала это, дама, не скрывая раздражения, перекладывала какие-то бумаги, звонила куда-то по телефону, всячески демонстрируя занятость по меньшей мере государственной важности. Но дело надо было доводить до конца, поэтому я, поставив последний восклицательный знак и подавив волнение, снова приняла официальный вид и тон, и заявила, что хотела бы также ознакомиться с письмами, которые приходят из Милана.

– С письмами! – высокомерно фыркнула дама. – Так они по-итальянски!

– Ничего, – небрежно обронила я, – это не проблема.

Уязвлённая дама прикусила губу: такого нахальства она не ожидала. Честно говоря, я от себя – тоже, но что поделаешь: назвался груздем – полезай в кузов! Смелость, как говорится, города берёт!

Писем было пять – по числу прошедших месяцев. Опираясь на сохранившиеся в памяти крохи французского факультатива и скудную университетскую латынь, я всё-таки кое-как их одолела. Писал их всё тот же Луиджи Вигано – и ни на одно, по-видимому, не получил ответа.

– А что вы хотите, – рванулась в контратаку дама, – в Харьковской области пять посёлков под названием Лиман, К тому же мы не знаем ни имени, ни фамилии этой женщины. Как прикажете ее искать?

– Ну, положим, вернее всего, это Лиман Змиевского района, – так они шли, – бодро возразила я, – но это не так уж важно. Можно обратиться в районные газеты, объявить в нашей передаче по областному радио, рассказать эту историю...

– Только попробуйте, – взвилась дама, – только попробуйте – и это будет ваша последняя передача! Может, эта женщина не погибающих пожалела, а сознательно оказывала содействие врагу!

Ох, определенно шаль у нее пригелась – иначе откуда такая страстная бдительность? Ну, ладно – я сдержанно попрощалась и ушла, оставив даму в растрёпанных чувствах. Теперь, в конце концов, можно было и позавтракать.

Предисловие к новелле (вступление к передаче) я написала в тот же день, но решила не дразнить гусей – написала вполне обтекаемо. Сами подумайте: разве я могла подставить под удар моего жаворонка? Уж больно агрессивно эта дама была настроена – «не чіпай лиха», как говорится! Но для себя я составила чёткий план действий: я найду её, эту женщину! Если нет её в живых, детей её найду! И всё очень просто: этот Вигано (кстати, у него оказалось аж три имени – живут же люди!) – так вот, этот Луиджи Виктор Марио Вигано написал, что у хозяйки было четверо детей – двое сыновей и две дочери. Старший сын где-то на фронте – от него не было вестей с начала войны, а старшая дочь Дуся, двадцатилетняя красавица, перед войной была учительницей младших классов сельской школы. Мой план был прост, как дважды два: имя Евдокия не такое уж частое; надо обратиться в архивы рай- или облоно и искать учительницу младших классов по имени Евдокия, которой в то далёкое время было двадцать лет. И начинать с посёлка Лиман Змиевского района. Вот и всё.

Передача прошла с успехом и без осложнений. Грозная дама не подавала никаких признаков жизни, Владлена цвела как майская роза – и ей, и мне слушатели просто обрывали телефон. Последний звонок прозвучал вечером, с вокзала..

Звонила столичная журналистка. Имя ее было мне знакомо – назовём её Ирина: она училась в нашей школе, несколькими классами старше меня, а после школы как-то быстро продвинулась куда-то вверх по комсомольской линии.

– Это твой рассказ передавали по радио?

Я подтвердила: мой.

– Целый день не могла к тебе пробиться. Успех! А ты ее разыскивать не собираешься, эту женщину?

Ну как это не собираюсь! Я чётко – и, честно говоря, не без тайной гордости – изложила свой план, на что она не менее чётко отреагировала:

– У меня через двадцать минут поезд. Ты без меня ничего не предпринимай. Я через неделю приеду, и мы ее найдём.

Признаться, меня несколько озадачили командные нотки в ее голосе – руководящий работник, понятное дело! – я хотела было сказать, что и сама справлюсь, всё продумано – но в трубке зазвучали гудки. Ну конечно: ей же на поезд!

Через неделю она приехала. План мой сработал: мы без особого труда нашли учительницу младших классов Евдокию Скубинь, а с ней и всю семью. Матери, к сожалению, уже не было в живых, но пропавшего было без вести сына она еще успела дожидаться и даже успела понянчить внука. Дуся по-прежнему работала в школе. Ни она, ни младшие брат и сестра не слышали нашей передачи, но без труда вспомнили тот далёкий зимний вечер, когда к ним в окно постучались трое – три обмороженных, оголодавших чужака в зелёных шинелях, и как мать, взглянув на младшего, всплеснула руками – ой, лышечко! – и заплакала, и кинулась в чулан за картошкой, а потом, глядя, как они стыдятся, торопливо и жадно ели, всё вздыхала и вытирала глаза краешком платка.

Дуся дала нам две фотографии – довоенную всей семьи и послевоенную, матери с внуком на руках – и мы послали их в Милан, благо я заблаговременно списала адрес, когда читала письма. Собственно, «мы послали» звучит не совсем точно – столичная журналистка сразу провозгласила словами Великого Комбинатора: «Командовать парадом буду я!» Ещё бы: как журналисту упустить такой сюжет! Я всё понимала и, честно говоря, испытывала некоторую ревность к ходу событий: ведь это с моей подачи, по моему плану они развивались, – но, в конце концов, какая разница, кто стоит во главе угла? Главное, что план оказался успешным – мы ее нашли! Письмо полетело в Милан, и вскоре пришёл взволнованный ответ: Луид-

жи, он же Виктор, он же Марио узнал на фотографиях Дусю и её мать, и непременно придет! И не случайно – нет-нет, не случайно его спасительницу зовут так же, как его мать и как Матерь Божию – Мария! И сам он, как многие итальянцы, тоже носит это имя – это тоже не случайно! Он придет, он должен приехать и возложить цветы на её могилу, и сказать ей все слова, которые столько лет носит в своей душе!

В большой столичной газете вышла большая волнительная статья под названием «Серебряная роза». Справедливости ради должна сказать, что в ней упоминались и я, и моя новелла, с которой всё начиналось, но, правда, только так – в качестве элементов композиции.

Прошло ещё некоторое время – и в моей квартире настоятельно зазвучал звонок междугородки. Это была Ирина, та самая журналистка: «Такого-то числа мы приезжаем. Будь готова.» Кто – мы? «Ну, как кто – я и Луиджи!». Двое других, старших, приехать уже не смогли.

Ну вот – конечно, всё правильно! Разве я сумела бы так быстро добыть переводчика, вытребовать у городских властей две машины, чтобы повезти Луиджи в Лиман и организовать ему торжественную встречу в школе, где работала Дуся? И всё-таки немножко обидно, что мне было сказано: «А ты садись во вторую машину» – так, что до самого Лимана я не успела даже парой слов обменяться с гостем. Он ехал в первой машине с Ириной, переводчиком и каким-то не то районным, не то городским начальством. Во второй – я, завуч лиманской школы и кто-то ещё. По дороге завуч рассказала, что незадолго до нашего приезда Дуся скорострительно умерла, и похоронены они с матерью на разных кладбищах. Вот почему за задним стеклом идущей впереди машины маячат два огромных букета желтых роз: прежде чем заехать в посёлок, Луиджи хотел поклониться обеим могилам.

На первом кладбище, где была похоронена Мария, к могиле мы подошли все вместе, нас провела завуч, но в первые же минуты мной овладело мучительное чувство неловкости: наше присутствие здесь, при встрече этих двоих, было не просто неуместно – оно было почти кощунственно. Я невольно попятилась – вместе со мной без слов отошли и другие. Мы стояли в стороне и молча смотрели, как взволнованно и нежно немолодой, невысокий, седой человек гладил выцветшую фотографию на памятнике, как оправлял цветы на могиле и бормотал на голубином своём языке им одним понятные тихие слова. Наговорившись с Марией, он обратился к Богу. Он говорил с Ним так страст-

но и убедительно, прижимая руки к лацканам серого пиджака, что было ясно: Тот должен услышать его молитву!

Потихоньку, стараясь не хрустеть гравием, мы отошли к машинам, чтобы не мешать. Минут через пятнадцать Луиджи присоединился к нам. Размягчённое, помолодевшее от волнения лицо его горело пятнами румянца.

Еще одно кладбище, ещё одна могила. Ещё один букет желтых роз и долгая молитва. На этот раз мы благоразумно остались у машин: пусть поговорят наедине – им есть, что сказать друг другу. А нам было о чём подумать. Да, нам было о чём подумать и что и с чем сравнить...

Прямо с кладбища нас повезли в школу. На пороге нас встретила кучка нарядных женщин – директриса, завуч младших классов и несколько учительниц разного возраста, но удивительно похожих друг на друга праздничным – нет, *парадным* выражением лица. Одна из них, явно волнуясь, выступила вперёд: это была Дусина сестра Рая, самая младшая в семье, теперь уже тоже учительница. Вы бы видели Луиджи в эту минуту! Растерянно всплеснув руками, он отступил было на шаг – и бросился обнимать её, что-то восклицая и оглядываясь на нас, словно призывая нас быть свидетелями чему-то невероятному.

– Он говорит, – подсказал нам переводчик, – он говорит, что когда впервые её увидел, ей было шесть лет. Измученные, замёрзшие, они, уже без надежды, постучались в окно, где, как им показалось, в щёлочке мелькнул слабый свет. На стук чья-то маленькая рука отогнула уголок одеяла, которым было занавешено окно, и они увидели детскую головку в светлых кудряшках. Луиджи говорит, он подумал, что наверное уже умер и видит ангела на пороге рая.

Кто-то засмеялся, но мне почему-то не было смешно.

Нас повели в Дусин класс – так попросил Луиджи. После Дусиной смерти класс приняла Рая.

Дети во все глаза смотрели на первого в их жизни настоящего иностранца, слушали его быструю, взволнованную речь, которую через пень-колоду топорливо передавал им переводчик. По команде учительницы несколько записных отличников очень громко и очень старательно продекламировали какие-то стихи, из которых гость, конечно, ничего не понял; потом ему поднесли альбом, в котором он как почётный гость должен был что-то написать им на память. Тут он совсем разволновался – он так ответственно отнёсся к этой обязанности! Весь класс, затаив дыхание, следил, как он, прикусив губу и поминутно о чем-то советуясь с переводчиком, царапал страницу непослушным пером. А потом, со-

всем неожиданно – для меня, во всяком случае – произошло нечто, наверное, не предусмотренное сценарием: гость водрузил на стол большую сумку, которую всё время таскал за ним переводчик – класс немедленно насторожился! – и стал раздавать детворе подарки в память о Дусе – о первой учительнице, ушедшей от них навсегда. Класс зашевелился и зажуужал, как потревоженный улей. Ещё бы – вдруг какие-то подарки, да еще заграничные! И притом разные – кому что достанется? Хотя подарок – любой – вот так, ни за что – всё равно приятно! Хотя непонятно – ну, пустили его когда-то погреться, ну, накормили картошкой – и что? Чтобы вот так, через столько лет ехать куда-то за тридевять земель, тратить кучу денег на подарки каким-то чужим детям? Зачем?

Однако постепенно на некоторых мордашках радостное оживление стало сменяться напряжённой работой мысли: почему у этого странного гостя срывается голос и дрожат губы, когда он гладит их стриженные головёнки?

У меня тоже сдавило горло и предательски защекотало в носу, и я поняла: нет, недаром этот человек – этот Человек сюда приехал! И может быть, недаром не только для себя – для нас, и для этих детей...

А потом мы сидели за столом, в той самой хате – добротню её выстроил хозяин перед тем, как ушёл на войну! – и Луиджи снова, волнуясь, вспоминал над тарелкой со стынувшим винно-золотым борщом, как они шли в трескучий голубой мороз по мёртво молчащей стылой деревне. Ни голоса, ни лая собак – только хруст снега под ногами да натруженное дыхание из простуженной груди. И вдруг – щёлочка живого света в окне, как последний луч надежды... Вот в этом? Нет, в этом, наверное...

И Рая, удивляясь, подтверждает: да, в этом... Кажется, в этом.

Наш переводчик с трудом продирается сквозь путаницу их воспоминаний. Да он, оказывается, и не переводчик вовсе, а так – мелкий бизнесмен, как это модно сейчас называть. Просто отец у него был итальянец: они с матерью познакомились в Германии, куда она была угнана на работу. Отсюда имя – Марио, да кой-какое знание итальянского языка. Откуда Ирина его выудила, не знаю – всё-таки она молодец! Куда там мне до её оперативности!

На столе появляются вареники – и тут вдруг все почему-то оборачиваются ко мне. А-а, это Луиджи спросил, с чего всё началось – откуда узнали о том, что они втроём приезжали в Харьков, о шали, о серебряной розе, и как удалось разыскать Марию и Дусю.

И я рассказываю, как родилась моя невыдуманная новелла: как в далёкую, суровую, голодную зиму сорок третьего довелось мне заночевать у

своей подружки. С наступлением комендантского часа, то есть после четырёх, ходить по городу не разрешалось. У подружки топилась «буржуйка», и воду они брали не из проруби – сравнительно недалеко была колонка, так что меня даже напоили чаем из вишнёвых веточек с парёнками вместо сахара. Знаете, что такое парёнки? Это харьковское изобретение. Зимой сорок первого-сорок второго фронт стоял под Роганью, в каких-то двадцати километрах, из города никого не выпускали, и свёкла в прифронтовых полях так и осталась неубранной. Потом фронт откатился, и люди, кто посмелее, стали выкапывать эту перезимовавшую свёклу. Ну, какая погнила, а какая всё-таки уцелела – так вот эту, перемёрзшую, нарезали соломкой, как для борща, и пекли, а потом с кипятком – вместо сахара...

Одним словом, почаевали мы, угрелись и собрались было уже и спать ложиться, чтобы коптилку зря не жечь – как вдруг стук в дверь. Спрашивается, кто это может быть – в такое время? А стук всё настойчивей. Немцы, что ли? Или полицаи? Этим не откроешь, сломают двери! А зима ведь – как проживёшь без дверей? Бедная тётя Шура, сама не своя от страха, открыла – а там итальянцы. Двое! Тряпками какими-то обмотаны, грязные – но карабины при них. А как увидели, что «буржуйка» топится – у них аж слёзы на глаза навернулись! Ну что с ними делать? Впустить – так за это ж расстрел. Нет – так у них же карабины! Не знаю, что уж там взяло верх – страх или жалость, только оставила их тётя Шура, и кипятку дала с парёнками – больше-то и не было ничего, и даже воды дала умыться. А потом они расстелили на полу у печки свои шинелишки и улеглись спать, счастливые. А рано утром, ещё затемно, ушли, чтобы не накликасть на нас беды. Уходя один из них поцеловал тётю Шуре руку и, сняв с себя распятие, надел тётю Шуре на шею.

Вот, собственно, и вся история. Не знаю, насколько полно Марио её перевёл, но у Луиджи навернулись слёзы. Он что-то заговорил – быстро-быстро, взволнованно, оборачиваясь то ко мне, то к переводчику, прижимая руки к груди: оказывается, он просит – он очень хочет повезти этот рассказ в Италию! Неважно, что он не может читать по-русски: там найдутся люди, знающие язык. Его обязательно переведут: это очень важно для Alpini, для тех, кто ещё жив! Его товарищи – те, что приезжали с ним, – они уже не в состоянии приехать, у самого старшего был инсульт, второй тоже болеет – но как они будут рады! Как это важно, чтобы мы – здесь – поняли их! Ведь мы наверное не знаем – а ветераны Alpini, те, что ещё жи-

вы, обратились к правительству Италии с тем, чтобы их не хоронили на общих воинских кладбищах – они не хотят лежать рядом с фашистами!

Господи, как хорошо, что я случайно прихватила с собой свою книжку! Да нет, не случайно – я её для Ирины захватила, но обойдётся Ирина, как-нибудь в другой раз подарю!. Я передаю её со своего дальнего конца стола, небольшую, неказистую – и если бы вы видели, как вспыхивает, как освещается радостью его лицо! Как ребёнок, он гладит мягкую серую обложку, поднимает на меня глаза – и на секунду возникает ощущение, что мы с ним одни здесь из того страшного, того священного времени, непостижимо породнившего нас. Он что-то произносит – беззвучно, но я читаю по губам: *grazia!* Спасибо! И меня обдаёт горячей волной, как глоток церковного вина – святое причастие! Короткая пауза – словно полёт в машине времени – и вдруг Луиджи стремительно срывается с места, бежит куда-то к двери – нет, к своей сумке, приютившейся в уголке, – что-то достаёт, и оборачивается к нам, нестерпимо сияя мохнатыми глазами. В руках у него тощенькая тетрабочка – что это? Прижимая тетрабочку к груди, он обрушивает на переводчика поток счастливо взволнованных слов.

Марио-переводчик беспомощно барахтается в этой лавине, но главное мы понимаем: эта тетрабочка – ксерокопия дневника, который восемнадцатилетний солдат пытался вести в то грозное время. Тут даже есть фотография: такими она пришли домой! Он думал подарить эту тетрабочку Дусе, но теперь он дарит её мне, чтобы я донесла до людей всю правду о том, как это было.

Я смотрю на эту фотографию: три темных фигуры на тусклом сером фоне – то ли ксерокс никчемный, то ли фотография плохая; лиц не различить, но мне кажется, что это скульптурная группа – монумент под названием «Возвращение с войны»!

Ирина непроизвольно передёргивает плечами – видимо, её задело, что она вдруг оказалась не в фокусе. Голос её звучит резковато и громче, чем нужно, когда она хвалит вкусный обед и благодарит хозяйку; к ней присоединяются остальные, а я смотрю на Раечку – и мне видится детская головка в освещённом окне, какой её увидел Луиджи сорок с лишним лет назад.

Марио предлагает: он попросит мать перевести эти записи – она лучше его владеет итальянским – и тогда уже я смогу привести их в порядок. Луиджи благодарно трясёт его руку и оборачивает ко мне растроганное лицо. Я киваю: да-да, конечно, я постараюсь! Я обещаю, я сделаю всё, что смогу!

Всё, что говорится потом, как-то стирается в сознании – не то чтобы оно было незначительно, а просто оно служит фоном основному. Потом Ирина поднимается: пора возвращаться. Серебряная роза наконец обретает положенное место: Раечка любовно кладёт её на полочку перед портретом матери.

Мы выходим на темнеющую улицу, рассаживаемся по машинам, но на этот раз Луиджи просит, чтобы я ехала с ними. По дороге он рассказывает мне о своих внуках, показывает их фотографии – удивительные детские лица с прекрасными, горячими глазами – словно с картин старых итальянских мастеров. Вот этот, старший, уже хорошо играет на скрипке. Дед, оказывается, сам скрипач – вот откуда пронзительная тональность его писем!

Мы обмениваемся адресами – но я ведь не знаю итальянского!

– Ничего, – говорит Луиджи, – я выучу английский.

Марио, наш переводчик, смеётся.

Всю дорогу Ирина молча слушает наш разговор. Я рассказываю Луиджи о городе и немного – совсем немножко – о себе. На углу Совнаркомовской Ирина останавливает водителя и говорит мне:

– Выходи. Тебе ведь отсюда недалеко? Мы поедем дальше. Водителю пора возвращаться.

Я несвязно, торопливо прощаюсь и вылезая из машины, машина трогается – но дёрнувшись останавливается снова. С коротким восклицанием Луиджи выскакивает из машины, хватая меня за руку и двумя руками зажимает в моей ладони какой-то мягкий комочек. Я не успеваю ни понять, ни сказать ничего. Ещё секунда – и, махнув мне рукой, он захлопывает за собой дверцу «Жигулей». Ариведерчи!

Я растерянно раскрываю ладонь. На ладони, в слабо пахнущем незнакомыми духами скомканном носовом платке – распятие. Строгое распятие на цепочке белого металла, ещё сохраняющее тепло другой, не моей, груди.

СЕРЁЖА ПЕТУХОВ И МЕДАЛЬ

Нет, дневника Джулио я так и не получила. Марио, наш волонтер-переводчик, сказал, что мама его обещала перевести дневник недельки за две. Ну, если человек оказывает тебе любезность, неудобно наступать ему на пятки. Я позвонила в конце третьей недели. Мне ответил милый, несколько удивлённый голос:

– Как, разве Ирина вам не передала? Она всё забрала – и перевод, и сам дневник. Сказала, что вам передаст.

Ну да: «Казав пан «Кожух дам!» – та слово його тепле!»

Видно, слишком велико было искушение – ну как журналисту упустить такой сюжет!

Написать об этом Джулио у меня не хватило духу – но история на этом не кончается.

Прошло некоторое время – немалое время – и вдруг звонок из редакции местной газеты: тут, говорят, нам из гостиницы «Харьков» звонили. Приехали из Москвы какие-то итальянцы, разыскивают писательницу, которая об итальянцах писала, – вас, наверное?

Ну, говорю, может и меня – а может еще кто-нибудь писал, я же не знаю.

Оказывается, тележурналисты, аккредитованные в Москве, готовят материал об Альпини. Труба зовёт!

Приехала в гостиницу. Там уже полно и газетчиков, и телевизионщиков – суета! Вроде бы телемост предполагается. Не люблю я эту режиссуру: вы сядьте сюда, а вы сюда, вы спросите это, а вы скажете это – и так далее, и тому подобное. Это не по мне, мне тут делать нечего – и я потихоньку слиняла.

Но где-то недельки через две или три – звонок из «Интуриста». Это уже адресно – мне. Молодой жизнерадостный баритон отрекомендовался референтом римского журналиста Пино Скачча, аккредитованного в Москве., который в настоящее время пишет книгу об Альпини. Пино убеждён, что мы можем быть полезны друг другу – ведь я тоже о них писала. Когда мы можем встретиться?

Это уже было по-настоящему интересно! Встретились. Их оказалось трое: звонивший мне референт-москвич с бессмертным именем Борис Корнилов, сам Пино Скачча и какая-то странная фигура – русский, но из Италии, видимо, потомок белоэмигрантов, вроде бы тележурналист. Пино, в отличие от приезжавших до него телевизионщиков, скользивших по верхам, был, как говорится, «в теме». Он рассказал, что работает над книгой уже несколько лет. По числу погибших от голода и холода по дороге домой, в ту морозную зиму в снегах Украины навечно осталась целая дивизия. Отсюда и название книги. Борис затрудняется точно перевести эпитет, но не всё ли равно – «утраченная», «потерянная» или «исчезнувшая дивизия»?

Эти люди никогда не вернутся домой, – их так много, что ими можно было бы населить целый город, пусть небольшой, но ГОРОД, – а сколько

людей их не дождалось? Матери, жёны, невесты, дети – это сколько же ещё городов? Я не поняла, как Пино вышел на меня – единственное. что было ясно, это то, что к нему как-то попала моя книга – та, которую я подарила Джулио? Наверное.

Три дня мы делились друг с другом всем, что знали. Русский итальянец больше молчал и слушал, по временам украдкой вытирая глаза. Мы его понимали: у него болели две страны, две Родины! Борис, молодой парень, не знавший войны, тоже заразился нашим волнением – он с каждым днём открывал для себя что-то новое о стране, в которой родился, о людях, среди которых жил. Расставались мы трудно – как люди, случайно, при встрече, обнаружившие своё родство. На прощанье я подарила Пино свою книжку. Название – «Когда не было лета» – ему не надо было объяснять. Он дал слово, что, как только выйдет его книга, он непременно мне её пришлет – просто передаст через Бориса.

Кто же знал, что пройдёт не так много времени – и между мной и Борисом ляжет государственная граница!

Покатались обыкновенные дни, несчитанные, хлопотливые – и вдруг однажды меня оторвал от вечерней работы требовательный междугородний звонок. Звонила Москва: Борис сообщил, что Пино вернулся в Рим, что книгу свою он закончил и буквально на днях она должна выйти большим тиражом. А ещё – что моя тоже переведена на итальянский и вышла в печати, только я не поняла, вся – или только то, что касается Альпини? Слышимость была плохая: последнее, что Борис прокричал сквозь треск и шипение, было что он снова позвонит в ближайшее время.

Оно наступило довольно скоро, это время, но ещё раньше произошло непредвиденное: в рубленой баньке, после ладного сугрева, тремя распаренными богатырями было принято судьбоносное решение, и могучая держава, за которую было пролито столько крови, в одночасье перестала существовать.

Всё смешалось, всё перепуталось: время (московское, киевское?), деньги (рубли, купоны?), почтовые марки и тарифы ... Борис ещё раз прорвался по телефону: книга вышла, он успел её получить для меня – но неизвестно, как её переслать. Так и оборвалась эта ниточка. Ни адреса, ни телефона Бориса я не знала.

Общаться с Ириной я не могла – что-то внутри меня категорически этому противилось. Она, по вполне понятным причинам, мне тоже не звонила. Всё как будто замерло без движения – только совесть, как настырная, злая свекровь, всё

пилила и пилила меня: ты же обещала человеку написать о нём, он ждёт – что он о тебе подумает? А я малодушно и, что греха таить, неискренне, пыталась её успокоить: а может, Ирина усовестится и пришлёт мне дневник? Или признается Джулио, что дневник у нее и что я так его и не получила?

Так оно и тянулось – стыдно сказать, как долго.

Но однажды... Вы заметили, как оно всё у меня случается – вдруг, однажды? Так вот, однажды – как всегда, вдруг – зазвонил телефон: на этот раз Совет ветеранов. Серьёзно настроенный женский голос уточнил, что я это я, и с немотивированным вздохом облегчения сообщил, что вообще желательно, чтобы я явилась к ним, в Совет ветеранов, который находится по такому-то адресу. Зачем? Небывалая вещь: через Харьков в Россошь следует из Италии автопоезд ветеранов войны Остановка будет в кемпинге, и Совет ветеранов Альпини просил обеспечить им встречу с вами (со мной, то есть!)

Ничего себе! Ну, ладно телевизионщики, Пино Скаччо, наконец, – но целый автопоезд? Что от меня нужно автопоезду?

Усталая немолодая женщина в Совете ветеранов коротко объясняет ситуацию: Альпини едут в Россошь, чтобы там торжественно отметить пятидесятилетний юбилей принятия решения о выходе из войны. Харьков принимает их в кемпинге. Группа наших ветеранов встречает их хлебом-солью на окружной дороге, остальные ожидают в кемпинге. Автопоезд прибывает в пять. Мне предлагается ждать в Совете – за мной пришлют машину.

Ждём. Очень долго ждём. Смеркается. До кемпинга неблизкий путь, а до пяти уже всего ничего! Наконец отчаянный звонок: сейчас за мной придёт машина! Наши старики с хлебом-солью уже который час мёрзнут на окружной! Какое-то столичное начальство задерживает автопоезд в Чутово.

Едем в кемпинг. Во дворе кемпинга, в густеющих сумерках топчется беспокойная толпа: ждут! Меня приглашают в какое-то служебное помещение. На массивном письменном столе – красивый, вкусно пахнущий, большой каравай с блестящей корочкой и кокетливая, затейливой ручной резьбы, деревянная солоночка. Очень хочется есть!

Сижу, никого не знающая, не понимающая – зачем я тут? Наконец в коридоре торопливые шаги, кто-то заглядывает в комнату: едут! И тут – опять же вдруг! – по всему кемпингу гаснет свет! Ничего себе – Deus ex machina! И уже почти в темноте на территорию вползает целый поезд невиданных двухэтажных автобусов. Из автобусов высыпают говорливые, взволнованные люди. Переводчик! Где переводчик? Переводчика нет. Кто-

то, пробегая мимо, сердито бросает: «Киевская переводчица где-то спряталась!» А у нас что – не нашлось?

Какое-то шевеление в толпе ветеранов. Оказывается, есть у нас один – он в своё время бежал из немецкого плена и сражался в итальянском Сопротивлении. Его извлекают из толпы, но он конфузливо кается, что то небольшое, чему научился в Сопротивлении, он уже подзабыл. И тут меня запоздало осеняет: английский! Кто знает английский? Ко мне проталкивается высокий – для итальянца даже очень высокий – наверное, северянин – в тирольской шапочке с пером, и раздельно произносит: «Я – Серёжа Петухов».

Наверное, у меня вид клинического идиота, потому что он смеется и милосердно поясняет, уже по-английски: «My name is Sergio Gallo». Я знаю, что gallus – по латыни «петух», но это не слишком проясняет дело. Тогда Серджио берет меня за руки, как будто собирается проговорить детскую считалочку «энеки-бенеки ели вареники», и терпеливо внушает: он русский итальянец, или итальянский русский – об этом подробно потом – но по-русски ему трудно, а по-английски пожалуйста. Поэтому общение можно наладить. Правда, цепочка получается сложная, но мы справимся. Он будет переводить с итальянского на английский и обратно, а я, соответственно, с английского на русский и наоборот. Интересное кино, правда? Тем не менее, всё как-то наладилось – процесс пошёл!

Вокруг нас сбилось столько народу, что я начала путаться, кому на какой язык переводить. Группка взволнованных пожилых итальянцев атаковала Серджио – что такое? Оказывается, им надо проехать в город, им очень надо проехать в город! Ведь они были здесь в то далёкое, то грозное время! Им непременно надо – но как? Действительно, как? Троллейбусы не ходят – тока нет! Кто знает, надолго ли его вырубил! Такси? Но у них нет наших денег. Скажите им, пусть утром съездят. Какое там – утром! Они в шесть утра уезжают!

Ну что с ними делать?

Седой ветеран, тяжело опираясь на палку, сердито говорит:

– Да всё это по команде из Киева: и свет вырубил, и в Чутово их задержали, Харьков им как кость в горле – мы же, видите ли, «сх1дняки»! А переводчица?

Видно, это один из тех, что мёрзли на окружной: ещё не оттаял!

Я не успеваю ответить: в толпе какое-то шевеление. Возникает кто-то с фонарём, кто-то окликает: «Сеньора экривана! Сеньора экривана!»

Сеньора экривана – это я. Вслед за фонарём подходит высокий, худощавый военный. Он чётко берёт под козырёк и так же чётко говорит по-английски, без тени акцента:

– Разрешите представиться: генерал де Гато. Я – ещё молодой генерал, и не принимал участия в той войне, но мне доверили честь командовать этим автопоездом. И ещё: от Ассоциации Альпини я уполномочен поблагодарить вас и вручить вам эту медаль – юбилейную медаль Альпини – медаль, которую я сам с гордостью ношу.

Слова застревают у меня в горле, я лопочу что-то несусветное, а он протягивает мне маленький синий футлярчик и снова берёт под козырёк. Минутку мы молча смотрим друг на друга, потом он широко, совсем не официально, улыбается, говорит «Grazia!» – и наклоняясь целует мне руку.

Кругом приветственно-восторженный шум, а у меня одна забота – не заревет! Здесь, дома, меня никто из своих официально не погладил по головке – кто я? Даже не член Сп1лки, а тут вот – Италия, чужая страна! – и вдруг медаль! И эти, усталые после дальней дороги, чужие, для меня безъязыкие, люди улыбаются мне, глядят по рукаву, и говорят непонятные, но добрые, благодарные слова!

Я не помню, что еще говорит де Гато – я даже не знаю, как правильно пишется его имя: может быть, Дегато? Не знаю, что должна делать и говорить – я просто открываю футлярчик и почтительно целую тёмную бронзовую медаль. Толпа одобрительно шумит, и я понимаю, что сделала то, что должна была сделать, и эти люди больше мне не чужие, и никогда не будут чужими. Генерала зачем-то отзывают; жёсткая, должностного вида дама берёт меня за локоть и шершавым голосом зачем-то мне говорит «Адреса своего никому не давайте. Если захотят написать, пусть пишут на Совет ветеранов». Я не успеваю спросить, почему.

Вот теперь Серджио объясняет мне, почему он Сережа Петухов. Очень давно, двести лет назад, из России в Италию приехала большая группа людей. Осев на чужой земле, они сохранили родные названия тех мест, из которых приехали. Деревня, из которой родом он сам, называется как-то похоже на Чарники – «Чёрненькая», что ли? За двести лет многое подверглось изменениям, но сознание того, что они должны воевать против своей бывшей родины – *Drang nach Osten!* – было для них трагедией и для многих одним из мотивов выхода из войны. Он, Серджио, учит русский, он может читать – правда, не очень хорошо; он и детей

своих учит. Сам он не Альпини, но попросился в автопоезд водителем, чтобы побывать на этой земле, и у них – у русских! – к нам большая просьба: они пришлют нам названия своих деревень, чтобы мы определили, где это, откуда они родом! Он мечтает привезти своих детей на родину своих предков.

Я пытаюсь втолковать ему, что это почти нереально, потому что то, что было большой Россией двести лет назад, распалось на куски, и что названия сто раз менялись, – а он твердит: но ведь не все же? А вдруг какие-то сохранились!

Он так горячо меня убеждает, что мне уже самой хочется верить – а вдруг?!

Света по-прежнему нет. В темноте приезжих зовут куда-то ужинать, откуда-то снова возникает должностная дама и сердито сообщает, что меня давно уже ждёт машина и, если я не потороплюсь, мне придётся пешком добираться до центра, а люди (приезжие) из-за меня могут остаться без ужина.

Серджио отмахивается – Бог с ним, с ужином! – но дама неумолима. Он только успевает крикнуть нам вдогонку: «А куда же писать?» И я обречённо роняю: «В Совет ветеранов! Они меня найдут». Дама, толкая меня в спину, удовлетворённо заключает: «Ну, правильно».

Уже в машине она возмущённо сообщает кому-то из сидящих: «Представляешь, трое все-таки рванули в город. Поймали какую-то машину, водителю один вместо денег часы свои отдал. А вот как они возвращаться будут?»

Вот уж, действительно, – кто это сказал – Баратынский, кажется? «О память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной»...

Где-то через полгода кто-то между делом мне сообщил:

– Знаешь, там в Совет ветеранов какое-то странное письмо пришло – список каких-то деревень, муть какая-то!..

– Господи, а где оно, письмо это?

– А кто ж его знает! Это давно уже было...

Так я и его не получила. Прости нас, Серёжа Петухов!

Проходит еще много времени, нескладного, тревожного, бестолкового времени – и вот, в июне – почти ко дню рождения (совпало?) – я получаю небольшой пакетик: «Просили передать». Я не стала разворачивать – не до того было! – поблагодарила, да так и принесла домой. Дома развернула – и сначала ничего не поняла: серая коробочка с надписью на четырёх языках

AURORA

L'intramontabile mito della scrittura. The legendary tradition in writing.

Le mythe eternal de l'écriture. El mito eterno de la escritura.

«Легендарная традиция письма». Да ещё eterno – «вечная»?

А в коробке – чёрный футляр со строгой, изящной авторучкой и самое главное – трогательный конвертик с коротеньким письмом на немислимо корявом английском языке. Вот это письмо – я храню его с нежностью:

june 1994

Dear Inna

I remember us meet in Charkov and Liman.

Again thank you for all/ Please, accept this small present, with best wishes, for to write beautiful story, for to increase love, peace, and comprehension, too among different people and nation

Sincerely you

Mario Viganò

Не знаю, почему он подписался здесь своим третьим именем, не знаю, как передать в переводе его ошибки, но в общем на русском это выглядело бы примерно так:

июнь 1994

Дорогая Инна,

Я помню нашу встречу в Харькове и в Лимане. И снова – спасибо Вам за всё.

Пожалуйста, примите этот маленький подарок с моими наилучшими пожеланиями,

чтобы писать прекрасные рассказы, чтобы увеличивать (*это его слово!!*) любовь,

мир, а также понимание между разными людьми и народами.

Искренне Ваш

Марио Вигано.

И нет обратного адреса – а Ирина говорила, что он переехал из Милана. Куда? И подписался почему-то своим третьим именем...

И как мне теперь жить и маяться, что я в долгу перед ним, перед Альпини, перед Серёжей Петуховым, и всеми сегодняшними итальянцами, чьи предки двести с лишним лет назад привезли в Италию названия родных деревень и мешочки с родной землёй? Как мне быть, скажите!

Прости меня, нет – прости н а с, Италия! Прости – и прими этот сбивчивый рассказ!

Павел Черномаз
г. Харьков, Украина

ПОЭТАМ

*Посвящается Максимилиану Волошину, Анне Ахматовой,
Борису Пастернаку и другим поэтам «Серебряного века»*

Творить и вправду нелегко:
Строка, идущая от сердца,
Вдруг может ранить глубоко,
Взрываясь музыкальным скерцо.

И капля Истины в стихе
Кому-то, может, неудобна,
Ведь много легче жить в грехе,
Облѣкшись ложью поголовной.

И даже тень, полунамек
Кого-то просто раздражают,
Когда добром зовут порок,
А чистых сердцем унижают.

Но в тьмы глухие времена,
Когда за стих судили строго,
Поэтам жизнь была дана,
Чтоб видеть мир глазами Бога.

И те, кто, не боясь творить,
Нес Божий Свет в сердца людские,
Нам ныне помогают жить
В своих творениях живые.

Владимир Глебов
г. Харьков, Украина

НА НАШЕЙ МАЛЕНЬКОЙ СТАНЦИИ

* * *

Европейские стандарты –
Это русскому беда,
Потому что по стандартам
Мы не жили никогда.

И не будем!
Птица-тройка
Вновь почувяла простор:
С Богом!
Любо, братцы! Горько!
Уберите светофор!

* * *

Без хозяина дом –
Сирота.
Надо строить его,
В нём жить...

За Отчизну
Заздравная чаша
Пуста,
Если ей не служить.

* * *

На нашей маленькой станции
Самый густой туман
В мире.
И делегации
Из ста шестнадцати стран
Приехали ознакомиться:

Немного в туман углубились,
И, как у нас это водится,
В нём навсегда растворились...

АЛЁНУШКА

Сидит Алёнушка над Летой
И жемчуг слёз в неё роняет...
Простите, русские поэты, –
Мне вас она напоминает.

Как сладостно натянуть лапоть,
Найти недвижимые воды,
И, в них глядясь,
Тихонько плакать
О доле бедного народа...

Я сам такой:
Сижу на камушке,
На сердце – грусть, тоска, излом...

А в это время
Брат Иванушка
Стал из козлёночка
Козлом.

* * *

Когда в сугробах розовых
Бегу я за трамваем,
«Боярыню Морозову»
Внезапно вспоминаю.

А что всё это значит?
Попробуй, разгадай!
Ведь я давно не мальчик,
А дровни не трамвай.

НЛО

Чан витает с халявную кашей
Над простором великой Руси,
Люд повысыпал, ложками машет...
Боже, чашу сию пронеси!

* * *

Это раньше был блок НАТО –
Зло, агрессия, гробы!
А сегодня служат в НАТО
Очень милые ребята,
Любят собирать грибы.

Хочется хорошим хлопцам к нам –
Погулять с лукошком по лесам.

* * *

Снова осень – птицы стаятся.
Снова выборы – сбиваются
То ли в стаи, то ли в блоки
Политические блохи.

* * *

Одноклассник в сочиненьи
Написал,
Что желает стать писателем.
И стал.
Пишет повести, романы
И поэмы
Всё как в школе –
Всё на заданные темы.
Власть меняется,
Но он всегда обласкан...
Литераторы,
Следите за указкой!

Ещё намедни виделось ему –
Россия погружается во тьму.
А нынче в окнах,
Взглядом не стеклянным,
Увидел солнце, белые поляны,
Над зеркалом реки
Блестящий холм
И церковь златоглавую на нём.
Какая тьма,
Когда так много света!
В программе вечером
Он рассказал об этом...
Совет решил: обозреватель болен.
Был вызван на ковёр
И был уволен.

Аркадий Фаустов
г. Харьков, Украина

Аркадий Михайлович Фаустов (1936 – 2009), выпускник АП факультета ХПИ 1958 г.. Активный участник студенческой художественной самодельности. С 1965 г. – руководитель киностудии ХПИ. При его участии создано ок. 120 фильмов, многие из которых отмечены дипломами международных и союзных фестивалей. Студия воспитала ряд известных режиссеров, операторов, актеров, журналистов.

ОДА-ПЕСНЯ ВЫПУСКНИКАМ ХПИ, ОДНОКАШНИКАМ ПО КОНФЕРАНСУ

Когда уйдешь с дипломом ХПИ,
Прощаться с ним не надо торопиться.
Пусть об искусстве помыслы твои,
Но опыт есть большой, и ты пойми,
Что легче всем устроиться в столице,
Когда диплом имеешь ХПИ.

Мог выйти из тебя ученый муж.
Но если призвала уж Мельпомена,
Будь инженером человеческих душ,
Сей доброе! А вечное не рушь!
И дружбу чти! И это неизменно!
Хоть инженер, хоть человеческих душ!

Пускай живешь в Москве сегодня ты,
Но создавая сцену или опус,
Ты помни, что рождаются мечты
В делах первоапрельской суеты.
Не забывай родной электрокорпус,
Хотя вдали от нас витаешь ты!

Для вас Дворца всегда открыта дверь,
Где создано и сыграно немало...

В столицах и провинциях теперь
Ты временно прописан, но, поверь,
В сердцах друзей прописка не пропала,
В сердцах друзей всегда открыта дверь!

1982

* * *

Если к власти прорвался злодей,
Свой, обычно, чужого подлей:
Путь чужого – по вражеским трупам,
Свой топтал, поднимаясь, друзей.

* * *

Нельзя прийти во власть тропую суеты.
Чтоб не были твои старания пусты,
Будь первым среди тех, кто грабит и ворует,
И громче всех жалей, кого ограбил ты.

* * *

Когда я плыть по жизни уставал,
Господь мне удержаться шанс давал –
Он тонущий корабль на горизонте,
Как будто луч надежды, посылал.

* * *

У Бога взгляд на жизнь отнюдь не плоский:
Обычно тем, кому послал обноски,
Он мудрость в компенсацию даёт,
Чтоб на нужду смотрели философски.

* * *

Ложь, зависть, алчность, подлость и коварство –
Болезни, от которых нет лекарства.
Опасно, если болен твой сосед,
Нормально, если – наше государство.

*Алексей Бинкевич
г. Харьков, Украина*

«САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСЕН»

ПЕСНЬ 9

И буду я всем сердцем славить имя
Того, кого всегда зову Господь.
И запоёт, возрадовавшись, плоть
деяниями чудными Твоими.
Ты – судия, воссевший на престоле,
Ты – праведник, и праведен Твой суд.
Воздать врагам не посчитай за труд,
ведь для Тебя их трудности – пустое.
Ты, не жалея времени и сил,
моих врагов навеки погубил.

Вселенную судить по правде будешь –
и суд свершится Твой по правоте.
Господь, пребудь прибежищем и тем
народам, тем, которых больше любишь,
каких Ты, утешая, приумножишь
во времена печалей и скорбей.
Придут портной, гончар иль брадобрей,
Добрейший, всем Ты в поисках поможешь.
Ты не оставишь ищущих Тебя.

Ты – покровитель. Вместемы – семья.

Тому, кто на Сионе, пойте славу,
дела Его меж многими живут.
За кров Ты взыщешь, что, пролившись тут,
напоминает огненную лаву.
На недостойных отыщи управу
да вопли угнетённых не забудь.

Ещё взгляни на пройденный мной путь,
души страдания оцени по праву.
Ты жерновами жизнью наших вертишь.
Ты ведаешь один вратами смерти.
...Копаящие яму в ней погибнут.
Кто ставит сеть – тот угодит в силок.
Не тяжело заповнить сей урок.
Я прозриваю и слагаю гимны.

Не навсегда забытым будет нищий.
Восстанет на гонителей народ.
На брата брат пойдёт и род на род,
но верх возьмёт лишь тот, кто веру ищет.
Перед Тобой пройдут народов тыщи.
Зачем скрываешь, Господи, Себя
во время скорби, ближнего любя?
Пути спасенья праведный отыщет!
Коварен, лжив неверногоя зык,
хоть гибок он, как веточка лозы.

Пусть в помыслах, порой, не сыщешь Бога,
когда пренебрегает Им глупец.
Вот пренебрёг Тобой надменный лжец
и тот, кому повсюду имя – погань.
Но их отвергнув, потерял Ты много ль?
Маньяк сидит в засаде с топором,
подстерегая жертву за двором...

Будь справедлив, взыщи с убийцы строго.
И наведи на нечестивцев страх:
любой из них мне трижды враг и враг...

Как в логовище лев сидит в засаде,
так в потаённом месте враг сидит,
а Божий глаз за этим всем следит:
в лесу, на водах, в шахте, в зоосаде.

Зверь нападает – и тогда в досаде
мы говорим, что Бог закрыл лицо,
забыл о нас, но в мире мертвецов
придётся призадуматься об аде.
Встань, Господь, десницу вознеси.
Дай угнетённым мудрости и сил.

Ты видишь притеснения, обиды.
Ты – бедному опора, сироте –
помощник Ты. И, правый в правоте,
Свои имеешь на бесчестных виды.
Язычнику на этом свете быть ли?
Меня Ты слышишь, Господи, скажи?
Смирением путь смиренья укажи,
предавшись удивительной молитве.
А укрепив сиротку и калеку,
вершить Ты суд Свой волен человеку.

ПЕСНЬ 10

Как говорите вы душе моей:
«На гору вашу улетай, как птица».
Душа бескрыла, но взлететь стремится.
Стань, вера, ей попутчицей скорей.

Рой нечестивых, чтобы ополчиться,
спешит стрелу приладить к тетиве,

и в час, когда над миром мраку взвиться,
всех правых сердцем истребить во тьме.

А праведник что сделает, когда
разрушены устои и основы?
На Господа он уповает снова.
Бог для него – хлеб, воздух и вода.
И хоть престол Его на небесах,
но зрят за нами пристальные Очи:

Господь проверить праведного хочет,
все «за» и «против» взвесив на весах.

...Насильников и нечестивых Он,
известно, ненавидит всей душою.
И это всё запомню хорошо я,
поскольку сам я не хамелеон.

Швырнув угольев раскалённых град,
докажет нечестивым Он могучесть,
и серный дождь прольёт свою вонючесть,
и ураган с корнями вырвет сад...
И Страшный суд определит их участь.

Господь всемогущ и всезнающ, хоть
Он Сам незрим, – зато всех нас Он видит.
И праведника в жизни не обидит.
Он любит правду. Праведен Господь!

ПЕСНЬ 13

В сердцах сказал безумец: «Бога нет.
Разврат и гнусность верховодят в мире».
Потом добавил: «Знаю, не секрет,
двоих не сыщешь, чтоб добро творили».

А от песков кругом красным-красно,
змеёй струится вечная дорога.
Господь с небес взирает на сынов,
решая: есть ли ищущие Бога?..

Неужто не хотят уразуметь
те, кто людей сжирают вместо хлеба,
что надобно добро творить уметь
и совершать положенные требы.

И Господа в молитвах поминать,
и там, где нет для праведника страха,

пусть нечестивец будет трепетать,
пока не станет горсточкою праха.

И если не Господь, то кто нам даст
спасение и кто наслёт свободы
с Сиона? Для кого Екклесиаст
мудрейших притчей составляет своды?

Кто возвратит в Израиль Свой народ
из векового плена, чтоб Иаков,
продолжив на земле бессмертный род,
над миром, как дитя большое, плакал?..

ПЕСНЬ 21

Встаёт заря. Ночь покидает ложе!
Почто слугу покинул, Боже мой?
Я говорю: «Без Бога жить негоже.
И днём и ночью думаю я всё же,
к Тебе взывая, Боже, что с Тобой?
Услышь меня и сжапись, Дорогой».

Но, Святой, Ты живёшь средь славословий
Израиля. Что для Тебя льстецы?
Ведь уповали на Тебя отцы.
Ты вёл их и не ставил им условий.
В народе я презреннее овцы –
не человек, а мерзкий червь без крови.

«Он уповал на Господа, – кричат, –
пускай спасёт, коль он Ему угоден».
И тот угоден Богу, кто юродив!
Сквозь зубы злопыхатели ворчат...
Спасибо, что, как смокву в огороде,
Ты выделил меня из тысяч чад.

Я на Тебя оставлен от утробы.
От мамкиного чрева Ты – мой Бог.
Добычи алчет зверь – исчадьё злобы,
пасть на меня свою раскрывший, чтобы
ждать от Тебя я помощи не мог.
И веру ту мне пронести до гроба.

Воск сердца плыл, как в зной плывёт песок,
как черепок, моя иссохла сила,
выпячивались рёбра не красиво,
язык к гортани будто бы присох.

Чернела в небе туча, как могила.
Мой взгляд померк, кровь кинулась в висок.

...Взбесившиеся псы кругом бродили,
вокруг меня толпилась злая рать,
мне руки, ноги копьями пронзили, –
себе, безумцы, зрелище творили,
а разве мне хотелось умирать,
когда в толпе моя рыдала мать?..

...А вот и ризы делят меж собой,
и брошен жребий о моей одежде.
Господь, будь щедр, не откажи в надежде,
приди ко мне на помощь, Дорогой,
дай пообщаться мне с Тобой, как прежде,
не дай душе уйти глухонемой.

От пасти льва, рогов единорогов
спаси меня и от меча избавь,
и буду возвещать я имя Бога,
в собраниях братьям восхваляя строго.
И вся семья Иакова, прославь
Его, благоговей. Нас так много!

Ты скорбью страждущих не пренебрёг,
к болезному, отвергнутому вышел,

ничтожного и слабого услышал, –
с убогим разделил простой пирог,
и нет Тебя на этом свете выше...
Вовеки сердца не покинет Бог.

Все племена предстанут пред Тобою,
к Тебе воспрянут все концы земли,
Владыка наш. Язычники тропою
бредут необозримою толпою –
все, как один, рабы и короли.
Со временем все будете травой...

Ибо Господь – есть Царь! Владыка Он
народов и земель необозримых,
что перед Ним проносятся без грима
и, окружив Его со всех сторон,
нисходят в персть, где непоколебимо
стоит над миром непривычный стон...

Порой идти приходится в потёмках,
но тьме рассвета не перебороть.
Теперь ты – Богу отданный ломоть,
тебе пусть слава воздаётся громко,
ты правду известишь и тем потомкам,
которых сотворит ещё Господь.

ПЕСНЬ 25

Рассуди меня, Господи, суд назначь надо мной.
Я всвоей непорочности предстаю пред травой.
Искуси меня, Господи, и урок преподай,
я ходил к Твоей истине, сердце мне испытай.

Не общался с льстецами я и неверных не знал,
не сидел со лжецами я и зловредных не звал.

В знак своей невинности омовение рук
совершу. Накажи, если грешен я, если вру...

Обойду я Твой жертвенник, воздавая валы.
Чудеса Твои, Господи, слаще всей пахлавы.

Возлюбил я, о Господи, дом, обитель Твою,
на пути Твоём, Господи, очень крепко стою.

Не равняй со мной грешника, кровопийцу, льстеца,
что гребёт со столешника золотого тельца,

и рука его правая всё неправо творит –
мзды отравой наполнившись, новой взяткой горит.

Я ж своей непорочностью никогда не грешу,
на пути своём праведном лишь Тебя возношу.

ПЕСНЬ 85

Приклони Своё ухо, Господь, приклони
и услышь меня, ибо я беден и нищ.
Сохрани мою душу, Господь, сохрани.
На Тебя уповаю я, падая ниц.

И помилуй меня. Пусть яголоден, наг –
только душу мою я к Тебе возношу.
Ибо Ты милосерден, всемилостив, благ,
и в день скорби моей я к Тебе поспешу.

Не найти меж богами второго, как Ты,
и нет, Господи, праведней дел, чем Твои.
Все народы, которые Ты сотворил,
пред Тобою, Господь, поклоняться идут,

потому что Ты, Господи Боже, един,
Твоё, Господи, имя прославится тут.
Поскорей меня, Боже, на путь Твой наставь,
по земле Твоей в истине буду ходить.

Сердцу ж я прикажу: – Сердце, Господа славь,
не имеешь ты права Ему навредить.
Не найти меж богами второго, как Ты,
и нет, Господи, праведней дел, чем Твои.

Ибо милость Твоя, Боже мой, велика,
потому что меня смог от ада отвлечь
в тот момент, как мятежники издалика
ищут душу мою, чтобы на смерть обречь.

А Тебя пред собою не видят они,
ибо Ты благосердный и щедрый, мой Бог.
Твою силу рабу Своему подари,
сыну бедной рабыни Своей Ты б помог!..

Не найти меж богами второго, как Ты,
и нет, Господи, праведней дел, чем Твои.
И во благо знаменье на мне покажи
доказательством, что царство Божье придёт.

Ты утешил меня и врагам докажи
ненавидящим – должен увидеть народ:
Не найти меж богами второго, как Ты,
и нет, Господи, праведней дел, чем Твои.

ПЕСНЬ 89

Господь, спаситель наш и покровитель,
прибежище Ты нам из рода в род.
Вселенная – Тво йдом, Твоя обитель,
Ты – Бог, в тлен отправляющий народ.

Придёт пора, и Ты нам скажешь: «Люди,
сыны мои, вернитесь в этот мир...»,
где Ты один и милуешь и судишь,
где для любого Ты – ориентир.

Перед Тобой прошли, как день вчерашний,
тысячелетья став на караул.

Как половодье, хлынувшее пашней,
уносишь их, как сон Ты, как траву,

что, поутру пробившись, зеленеет,
затем цветёт, роскошна и строга,

а к вечеру, когда в ней жизнь дотлеет,
подкошенная, валится в стога.

От ярости Твоей придя в смятенье,
скрываемся от гнева Твоего
и исчезаем, не оставив тени,
услышав справедливый приговор.

Итожишь Ты все наши беззакония,
и наши тайны не сойдут нам с рук.
Пред светом лика Твоего спокойного
вся наша жизнь проносится, как звук.

А наших дней – лет семьдесят иль более...
Ход времени, увы, неотвратим.
Часть лучшая его в труде и горе
с болезнями пройдёт – и мы летим...
Ты научи нас так счислять дни наши,
чтоб людям мудрость сердца приобрести,
и милостью насыть нас вместо каши,
умилосердись – в этом же Ты весь!

И нас возвесели за пораженья,
за бедствия, что видеть довелось.
Дай сыновьям Твоим благословенье
и славу дай им до седых волос.

Всё это упадёт на наши головы,
споспешествуя в деле наших рук.
Мы и в одеждах пред Тобою голые.
И жаль, что жизнь проносится, как звук.

*Вадим Левин
г. Харьков, Украина*

ИСТОРИЯ О ДЖОНАТАНЕ БИЛЛЕ

Джонатан Билл,
который убил
медведя
в Чёрном Бору,

Джонатан Билл,
который купил
в прошлом году
кенгуру,

Джонатан Билл,
который скопил
пробок
два сундука,

Джонатан Билл,
который кормил финиками
быка,

Джонатан Билл,
который лечил
ячмень
на левом глазу,

Джонатан Билл,
который учил
петь по нотам
козу

Джонатан Билл,
который уплыл

в Индию
к тётушке Трот, –

ТАК ВОТ
этот самый Джонатан Билл,
очень любил компот.

ГЛУПАЯ ЛОШАДЬ

Лошадь купила четыре калоши –
пару хороших и пару поплоше.

Если денек выдаётся погожий,
лошадь гуляет в калошах хороших.

Стоит просыпаться первой пороше –
лошадь выходит в калошах поплоше.

Если же лужи по улице сплошь,
лошадь гуляет совсем без калош.

Что же ты, лошадь, жалеешь калоши?
Разве здоровье тебе не дороже?

МЫШКИНА СЧИТАЛКА

– Раз, два,
три, четыре.
Сосчитаем дыры в сыре.

Если в сыре много дыр,
значит, вкусным будет сыр.

Если в нём
одна дыра,
значит, вкусным
был
вчера.

КУДА УЕХАЛ ЦИРК

Куда уехал цирк?
Он был ещё вчера,
и ветер не успел
со стен сорвать афиши.
Но больше не горят
его прожектора,
под куполом оркестр его не слышен.

Куда ушли слоны?
В какие города
погонщики ведут
учёного верблюда?
Куда уехал цирк?
Уехал он туда,
где кто-то сказку ждёт и верит в чудо.

Своих усталых змей
туда факир несёт,
бумажных голубей
туда уносит ветер,
туда под Новый год
уходит старый год,
туда на карусели едут дети.

Куда уехал цирк?
Куда уехал цирк?

Там музыка гремит
сегодня, как вчера,
и вновь наполнен зал,
и зрители всё те же.
Кружится карусель,
горят прожектора,
и чудеса вершатся на манеже.

Туда уехал цирк.

УЧТИВЫЙ РАЗГОВОР

История очень вежливая и не слишком короткая

Один англичанин толкнул англичанина
и тут же сказал:
«Извините, нечаянно».

Второй англичанин любезно ответил:
«Простите, но я ничего не заметил». –

«Нет-нет, это вы, ради Бога, простите». –

«Простите, но что мне прощать, объясните». –

«Как – «что мне прощать?» Неужели не ясно?» –

«Сэр, вы беспокоитесь, право, напрасно:
я рад бы простить вас, но мне не понять,
что именно должен я вам извинять».

Тогда
англичанин
толкнул англичанина
и сразу сказал:
«Извините –
нечаянно».

На что собеседник любезно ответил:
«Простите,
но я ничего не заметил». –

«Нет-нет,
это вы, ради Бога, простите». –
«Простите,
но что мне прощать?
Объясните». –

«Как – «что мне прощать»?
Неужели не ясно?» –

«Сэр,
вы беспокоитесь, право, напрасно:
я рад бы простить вас, но мне не понять,
что именно
должен я вам извинить!»

Тогда
англичанин
толкнул
англичанина
и сразу сказал:
«Извините!..
Нечаянно!»

На что собеседник
любезно
ответил:
«Простите, но –
я ничего не заметил!» –

«Нет-нет!!
Это вы,
ради Бога, простите!» –

«Простите,
но что мне прощать?!
Объясните!» –

«Как – «что мне прощать»?
Неужели не ясно?!» –

«Сэ-э-эр,
вы беспокоитесь,

право, напрасно:
я рад бы простить вас,
но мне не понять,
что именно
должен я вам извинять!»

Тогда
АНГЛИЧАНИН
ТОЛКНУЛ
англичанина!
И сразу сказал:

«ИЗВИНИТЕ, НЕЧАЯННО!»

Но тут
собеседник
ответил
иначе:
«Простите,
но я вам, пожалуй, дам сдачи».

И
в е ж л и в о – в е ж л и в о
два англичанина
друг друга
до ночи
тузили
отчаянно.

*Николай Манжос
г. Харьков, Украина*

ПЕВЕЦ

Он песню пел, и с самого начала
Рот открывался, а душа молчала.

* * *

У нашей власти есть одна традиция:
Что ни политик, то и некондиция.

* * *

Имеют разное родство
Величье и ничтожество,
И грех кричать: «О, Божество!» –
Когда оно – убожество.

* * *

О политике и политиках
Мне жаль бывает и яйца
Для депутатского лица.

* * *

Твердят нам почти с детства
Серьезно и назидательно:
– Державу любить свою надо,
А ей нас – не обязательно.

* * *

Чтоб наш футбол вперед шагал уверенно,
Как говорят, всерьез, без дураков,
Нам надо пригласить чужого тренера
И дать ему не наших игроков!

Ирина Полякова(Глебова)

г. Харьков, Украина

ПЕТРО СОРОКА

Петро Сорока – писатель из Тернопольской земли. Там он родился, там, в Тернополе, живёт и работает ныне. Он автор многих книги: поэзии, но в основном, прозы. Это необычная проза, очень редкого жанра. Сам автор свои записи называет «Денниками». Я писала об этой поразившей меня и взявшей за сердце прозе, повторю кое-что для читателей сборника.

... Писатель живёт в лесничестве, в заброшенном домике. Он сам отремонтировал и вычистил жилище, украсил его листьями, цветами... Да, только настоящее уединение даёт и душевный покой, и полную свободу. Только тогда начинаешь замечать то, что не увидит ни грибник, ни турист, пришедший в лес на несколько часов. И только тогда приходят к писателю такие поэтические размышления и рождаются такие прекрасные строки: «Раніше мені здавалося, що дерева – загублені діти всесвіту, адже хто б там, на Небі, полічив їх, тримав у своїй пам`яті, тим більше, опікувався ними та переймався їх долями? Але тепер знаю напевне: як і люди, вони мають своїх янголів-охоронців, що прилітають до них на ясно-зелених крилах, аби допомогти вистояти і передчасно не надломитися».

Человек и лес, писатель и лес... Творческая мысль освобождается от бытовых неурядиц, органично вплетается в природу, такой вольной мысли доступно всё: небесные выси, земные глубины, безграничный охват тем, раздумий, открытий... Так, наверное, работали писатели Бианки, Пришвин...

Но всё же хочу представить поэта Петро Сороку: на мой взгляд, одного из самых душевных, пронзительных поэтов современной Украины. Да и как может быть иначе, если писатель, открывая свою новую книгу денниковой прозы «Дерево над водним потоком», пишет: «Молюся за всіх своїх читачів, за їх фізичне і духовне здоров'я. Молюся щотижня на недільному богослужінні, молюся вечорами вдома, і прошу Господа, щоб оберег мене від згубного і душетлінного слова, яке може зашкодити іншим. І при тому прошу у всіх пробачення.

Письменник відповідальний і за те, що пише, і за тих, до кого потрапляє його книжка.

Я звісно прагну, щоб мої твори були наділені світлою цілющою силою, але добитися цього без вищого благословення не можна, бо тільки Бог вдихає душу в написані нами слова».

Я переводила стихи Петра Сороки, испытывая светлую радость и чувство душевной сопричастности. Вот эти переводы.

ЗЕЛЁНАЯ РУСЬ

* * *

Дни своевольные, каждый – потеря,
Мчатся... Считать их уже боюсь.
Не отпускайте меня, деревья,
Травы и реки – Зелёная Русь.
Не отпускайте, звонкие рощи,
Крепче вяжите, петли дорог,
Чтоб исповеднее, глубже и больше
Выразить в слове душу я смог.
Я не насытился небом и цветом,
Каждой травинкой звенит всё во мне.
Голосом зяблика и бабьим летом
Душу мою привяжите к земле.

Не отпускайте. Багряно-немыслим
Мир предстаёт в предрассветной красе.
Я не хочу ещё в горнии выси,
Я ещё в теле, как солнце в росе.
Я не сдаюсь ещё смертному зелью,
Сон ли я вижу, иль всё наяву...
Если внезапно умру в воскресенье,
То в понедельник опять оживу.
Ах, эти годы, кураж нетверёзый!
Сколько осталось – и думать боюсь.
Не отпускайте меня, берёзы,
Травы и реки – Зелёная Русь!

* * *

Боль как лезвием острым рванёт
Пусть ещё не по сердцу, но рядом,
И за миг жизнь промчит, промелькнёт
Перед внутренним взглядом.

Как последний поклон – отболит
И погаснет всецело.
Пол столетья за миг пролетит,
Как уже один раз пролетело.

* * *

Был же ангел в небе, был, я знаю!
Как ни бейся – больше не видать.
Может, это Бог меня карает,
Заслонив виденья благодать.
Только нету силы отступиться,
Жду, упрямо глядя в небеса.
Может, тенью лёгкою промчится
Или знаком бросится в глаза.
Без него душа моя чуть дышит,
Жизнь скучна и пресно бытиё.
Может, он мою молитву слышит,
Да не верит в искренность её.
Горько от раздумий опостылых,
От ничтожных, суетных преград.
Хоть бы раз услышать шелест крыльев,
Ангельских очей почуять взгляд.
Он меня держал на свете этом,
Оттого шёл в ад я напролом,
Этим взглядом ласковым согретый,
И святым обласканный теплом.
А теперь зияет небо адом,
Давит, словно гробовой гранит.
Может, так мне, глупому, и надо,
Пусть тревога душу мне гнобит.

Пусть теперь проходят дни бездарно,
Пусть судьба телегой тарахтит!
Человек, увы, как падший ангел –
Божий дар не в силах сохранить.

* * *

От жара золотого, словно спьяну,
Упала осень поздняя в стерню,
И вот уже, как орды Чингизхана,
Зима готова всё предать огню.

Равняется, и дышит тяжело, хищно,
Аж леденеет в ужасе трава.
И оборвётся через миг затишье,
Как рвётся, натянувшись, тетива.

И кони-змеи вздыбятся, шальные,
Блеснёт, схлестнувшись, сабельный булат,
И в белом вихре бешеной стихии
Всё на земле завертится не в лад.

Но скоро все улягутся тревоги,
И даже станут радовать нам взгляд
Высокие сугробы при дороге,
И белизна – как свадебный наряд.

И эта мощь всеобщего напора
Так затуманит души и умы,
Что мы признаем и легко, и скоро
Тотальную империю зимы.

И до самозабвения тревожно
Потянет сдаться в плен её красот,
Хотя предвидим: как волков обложат
Флажками недозволенных свобод.

* * *

И сердце и душа окаменели –
Паду в траву.
А ты придёшь – и прикоснёшься еле –
Я оживу.
И засияю весь, и запылаю –
Зоря во мгле.
О, ангел мой, не потерявший рая
Здесь, на земле!
От сладостного откровенья тела,
От волшебства,
Сгорают мои губы ошалело
И все слова...

* * *

Спасибо, Боже, за горы,
За счастье, за горький смех,
За ветер, что с нами спорит,
За небо, что тянет вверх.
Спасибо, Боже, за грозы,
За солнце и за мороз,
За призрачно-тихие грёзы
И светлую сладость слёз.
Благодарю и молюсь я
За безневинный грех,
За смерть, которой страшусь я,
За вечность – тайну для всех.
За острую жажду жизни
Даже в годину бед.
За краткость мгновений быстрых
И красоты вечный свет.

* * *

Кто рано зреет – рано угасает.
Жизнь – миг слепящий, как благая весть.

Талант, он преждевременно сгорает:
И в двадцать восемь, или в сорок шесть.

Здесь от имён аж головокруженье.
От Байрона до Кашки... Но, прости:
Ведь есть талант, чьё позднее рожденье
Даёт ему до старости цвести.

Талант и юность – грешное сплетенье,
Опасное – уж очень яркое свет!
Пусть в шестьдесят проснётся озаренье,
И ляжет на бумаге вечный след.

Чтоб встретить старость – тихую обитель,
Согретую огнём твоих идей.
И, коль Господь позволит, то увидеть
Заслуженные почести людей.

И, подсчитав книг тиражи большие
И гонорары, выдохнуть: «Всё – дым...»
И ощущать свои виски седые
Сияньем ореола золотым.

* * *

Взгляд мой устремляется за город,
где сливаются и даль, и высь.
Нет тоски, но перехватит горло
музыка, с которой не срастись.

Взгляд блуждает в загородных чащах,
там, где в синем мареве луна,
где зазывно, вечно и маняще
тянет даль, что тайнами полна.

Где река стремится к небосводу
и сгорает солнце среди полей,

только там моя душа свободна
на дороге, что судилась ей.

* * *

Леса и равнины. Озёра без парашютов.
Высокие тополи, жёлтые травы полей.
Не думал, что можно так сильно любить землю эту –
Как душу в себе, и как женщину... Даже сильнее.
Что можно так пьяно, надрывно
припасть к её тёплому лону
И, мудрую жизнь презирая, прожить
словно истый мудрец.
– Ты кто? – вопрошает меня тихий ангел у рамы вагона.
– Паломник, бродяга, прекрасных пейзажей ловец.
Я всё навиваю дороги на сердце, и горы, и доли,
Где пьёт человек свет преясный, а ветер – росу.
Душа, говорят, отлетает в иные миры нище-голой,
Я ж диво-коллекцию в горнюю высь принесу.

* * *

Садится солнце медленно, и мне
Быть может остаётся час единый,
Чтоб дочитать, с собой наедине,
В смерканье дня святого Августина.

И так светлы нетленно небеса,
Любовь в душе пронзительно-печальна,
Что этот час огромнее, чем вся
Жизнь, что уже осталась за плечами.

Перевод с украинского Ирины Поляковой (Глебовой).

*Анатолий Шехтман
г. Харьков, Украина*

* * *

*В первые минуты
Бог создал институты,
И Адам студентом первым был...
Студенческая песня*

Неудержимо мчатся дни.
И встречи наши – все дороже.
Помилуй нас, великий Боже,
И друг для друга – сохрани!
Ты – есть. И в том сомнений нет.
Иначе – как понять такое?
Кто нас отеческой рукою
Объединяет столько лет?
Светлы деяния Твои.
В творенья первые минуты
Ты, Боже, создал институты
И в их реестре – ХПИ.
И мы, кто верою живет,
Что нет обители чудесней,
Ее немеркнущие песни
Поем весной который год!
Святая дружба греет нас.
Она подарена Тобою.
Мы с нею держим хвост трубою.
Нам легче с нею в трудный час.
А час – Господь не приведи
Его надолго продолженья:
Эпоха общего броженья
С густым туманом впереди.
Бардак в отечестве родном.
Тайфун швыряет нас по свету.
И не изменишь данность эту –
Плодить друзей в краю ином.

Но где бы ни были друзья,
Они, как прежде, с нами вместе.
Поем мы с ними наши песни.
Нам друг без друга жить нельзя.
Почто ж, потери наши множа,
Несутся пасмурные дни?
Помилуй нас, Всеблагий Боже,
И друг для друга – сохрани...
1993г.

* * *

Да что же это делается со мною!
Ну нет ума – в такие-то года:
Живу с непреходящею виною
За все. И перед всеми. И всегда.
И вроде зверски вкалывал всечасно.
И вроде был весомым результат.
И понимаю вроде бы прекрасно,
Что, ну хоть кое в чем, не виноват!
И даже чем-то можно бы гордиться,
И что-то там не я, а мне должны...
Ну не могу достойно утвердиться,
Снедаем вечным комплексом вины,
В чаду сомнений, постоянстве боли,
Стремленья страстном вытравить раба...
Коллизии такой абсурдной роли
В спектакле под названием «Судьба».

*Виктор Мищенко
г. Харьков, Украина*

ДУХОВНОСТЬ

Что такое духовность?
У неё различные лики –
Как свет на воде – блики...
Но знай, она – не условность.

Духовность – это страдание,
Путь в одиночку пройденный.
Труд не ради признания,
А ради людей и Родины.

Духовность – это старание,
Энергия креативная.
Жизни платформа активная,
Духовность есть созидание.

Духовность – радость познания,
Сердца счастливого пение,
Творчества муки искания,
С истиной соприкосновение.

Духовность – это искание,
Это души горение,
Способность найти призвание,
Понять предназначение

Это способность подняться
Силою вдохновения,
В жизни своей разобраться,
Осмыслить её течение.

Эмпатия – понимание
Души другой бесконечность

И гуманизма признание,
Сочувствие и сердечность.

Духовность есть сострадание.
Жалость к тем, кто расстроен...
Духовность сильна как воин,
Духовность есть зла отрицание.

Иисуса понять страдание
И к чистоте стремиться,
Бога в себе искание,
Стремление измениться.

Духовность есть почитание,
Духовное благоговение:
Искорка Бога в мгновение
Сердцу даёт начинание!

Это образование,
Это неуспокоенность.
Мира понять обустроенность,
Духовность – это дерзание.

Духовность – открытость миру
И чистота желанья,
Умение слышать лиру,
Прекрасного понимание.

Духовность – скорей утонченность.
Это движение к свету.
Музыки сонм сонетов,
Это одухотворенность.

Вселенной слышать волнение,
Но главное – быть человеком.
Понять, чтобы, как век за веком,
Идёт твоё становление.

Пусть осознание святости
Рождает одухотворённость,
Дарит чудо влюблённости,
И состояние радости.

Смыслы такие различные,
У каждого ещё они личные.
И всё ж, она даст очищение,
Духовное в мире рождение.

* * *

Живём в ещё несовершенном мире,
Мы всё же видим мира красоту.
Во лжи страстей и зла ампире,
Лелеем радостно извечную мечту:

Погибнет зло, беспечным будет мир,
Красивыми, духовными – все люди
Пускай замрёт, поверит гласу лир...
Друзья мои! Я верю, что так будет!

12 марта 2011 года

КАЧЕЛИ

Не спеша, вдумчив

В детстве качелей полёт неземной
Ты ещё помнишь? Хранят наши души
К небу движенье, прыжок затяжной!
Как поёт сердце, ты только послушай!

Сладок полёт в тёмной кроне деревьев,
Где сквозь листву солнце луч посылает
Что-то поёшь, иль кричишь нараспев,
Тихо от счастья душа замирает.

Кажется всё, вот рекорд уже взят!
Снова как птица в небо взлетаешь!

Но всё равно, возвращаясь назад,
Ты ещё выше подняться мечтаешь –

К самому небу, чтоб дух замирал,
Чтобы познать невесомости радость,
Чтобы себя, свою смелость познал,
Страх ощутить, его томную сладость!

Люди – не ангелы, не суждено
В небе парить нам, как гордые птицы...
Только во снах летать им дано
В детстве дано... И не повторится.

Видно не дал Бог возможность летать,
Чтобы в дерзаниях чувствовать радость!
Верить, любить, создавать и мечтать,
Ну а летать – только самую малость.

Только желание в сердце живёт,
К звёздам высоким зовёт нас стремится!
Детства ты помнишь – качелей полёт,
Воспоминание счастьем искрится.

Не покидай, окрылённость, вовек,
Не исчезай, ощущение полёта!
Если же имя твоё – человек,
Только в полёте узнаешь сам, кто ты.

Не говори мне, что годы прошли,
Сердцем качелям – полёту откройся...
Только чуть-чуть оттолкнись от Земли,
И ничего, словно в детстве, не бойся!

Духа дерзанья, любовь и мечта
Пусть в этой жизни тебя окрыляют.
Ведь в твоей жизни была «высота» –
Детства качели тебя вспоминают.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Синичка на ладонь мою присела,
Прикосновеньем одарив небесных крыл
Всё неожиданно так было и так смело, –
Как будто мир свои объятия раскрыл.

Мне жизнь свою доверила синица –
Легка, красива, деловита и быстра.
И до сих пор в душе искрится
Прикосновенья свет, его искра!

Прикосновенье это не забыть
Ведь в радости его – смысл мирозданья
Коль Солнце продолжает нам светить –
Прикосновенье света дарит всем созданиям.

И свет тот отражается в сердцах.
Так нежно нас ребёнок обнимает,
Уснув беспечно на твоих руках,
И сну его Вселенная внимает.

Мой «тонкий мир», ты существуешь, знаю:
Прекрасное дано нам ощутить
Я с благодарностью подарки принимаю
Те, что природа рада нам дарить.

И бескорыстно она дарит лучик света,
Очарование майского цветка...
Так радостно: прекрасна вся планета!
Так грустно мне, что жизнь так коротка...

Как ветра нежного прикосновенье сладко,
Как радостно касание волны.
Прикосновенье губ твоих украдкой,
Когда любовью мы опьянены.

Как трепетно смотреть игру котёнка,
Как грациозна на кувшинке стрекоза...
Рисует как старательно девчонка,
Как отражают мир её глаза.

Синичка «тонкий мир» душе открыла,
И коль прекрасное дал Бог мне радость зреть,
Душа моя, наверно, не остыла
И просит всё прекрасное воспеть.

КРАСОТА СПАСЁТ МИР

Надежда искрится, и чуть жива мечта:
Жизнь сохранит своё очарованье.
Спасёт наш мир – любовь и красота,
Спасёт Мадонны нежное дыханье.

Спасти весь мир – его не воевать.
А сделать добрым, чистым и прекрасным.
Достоинно жить, друг друга понимать,
Не прожигая жизни понапрасну.

Пусть миром движет славянская душа,
И философия российского космизма.
Пусть мир застынет, тихо, чуть дыша,
Внимая строкам русского лиризма.

ЧТО ТАКОЕ КРАСОТА?

Коль красота наш мир спасает,
Что же такое красота?
Скажите мне, кто это знает
Богами лёгкая черта,

Как неземное совершенство,
Зачем и как она дана?
Ты знаешь, зреть её – блаженство,
Она воздушна и нежна.

Гармония соединяет
С какой-то истиной святой,
И дух, и сердце исцеляет
Свиданье с чистой красотой.

И есть космическое в лице,
В нём тайн миров иных не счесть,
Но будто запах земляники –
В нём близкое, родное есть.

И романтическое что-то...
Секреты гор и островов
И магия звезды полёта,
И откровенья вещих снов.

Но кто же станет идеалом?
Кто свет творца в себе хранит?
Несёт его с зарёю алой,
Кто код Джоконды воплотит?

И знаю я, что идеалом
Что тайный свет в душе хранит
Взошедшая над пьедесталом,
Богиня, что зарёй летит!

Не удивитесь вы, я знаю!
Скажу, секрет не утая:
Для каждого – его родная,
Прекрасная, любимая!

* * *

Весны очарование как прежде
Дарует взору сини акварель.
Ласкает ветер, словно колыбель,
Израненную душу, и надежде

Она открыта призрачной совсем.
Неясно всё, наивно всё, но всё же...

Как это на любовь, мой друг похоже,
Пришедшую в мой космос, но зачем?

Ещё пролог, ещё не первый акт,
Но всё ж любви, пришедшей так несмело...
Скажи, ответь, ты этого хотела,
Чтоб моё сердце с миром билось в такт?

Дотронулась до веточек Весна,
Слегка салатным раскрасила округу.
Так осторожно, будто тайну дарим другу,
Как будто виновата чем она?

Её вина, что гимны прозвучали
Восторженные ноты для души
Её вина, что Вы очаровали
И сердце говорит: люби, пиши!

Я о Весне пишу: как нежен твой приход!
Как бережно твоё прикосновенье...
Твоё неуловимое движенье
Душе моей проснуться шанс даёт.

И я люблю! О как волнителен приход –
Приход любви, я знаю с какой силой,
Как только ты прошепчешь мне: «Мой милый!»
Нас увлечёт любви водоворот!

Но час ещё не пробил и сюжету
Внимает сердце ласковой весны.
И мы в волшебный мир унесены,
Как рады мы нахлынувшему свету!

Всё ненавязчиво и трепетно, и чисто!
Но сила тайная скрывается во всём
Заполнит радость мир, и счастье будет в нём
Мне улыбнешься ты так нежно и лучисто!

3 мая 2011 года

ЖУРАВЛИКИ

К нам прилетели журавли.
Весна ж немного опоздала.
Их клин в синеющей дали
Холодным днём она встречала.

Ну что же, здравствуйте друзья!
Без вас немного мы скучали.
Ваш вечный зов забыть нельзя –
Тревожный, с капелькой печали.

Вернулись вестники весны!
Без вас мы зиму пережили.
Вы сердцу моему нужны –
В нём еще чувства не остыли.

Каким-то радостным огнём
Внезапно душу осветили
Обычным и холодным днём
Надежду тайную вселили

Она журавликом плывёт
И в синеву небес стремится
И сердце ждёт, всё время ждёт,
Что мир привычный изменится.

Морозный воздух резал клин
Так властно, словно бы знаменье
Далёко, вглубь родных равнин
Он нёс свой знак – весны рожденье.

И как то совестно за то,
Что холодом весна встречает
И вороник подняв пальто
Я вдаль смотрю, где клин ваш тает.

В душе надежда не умрёт
Мечта огнём весны искрится
Свободный в синеве полёт –
Он наяву иль только снится?

24 марта 2011 года

ДОЖДЬ

Дождь пошёл. Какое чудо!
Влагой полнится земля.
Где он взялся и откуда?
Зонтик взять было нельзя?

Стала мокрою одежда,
Сам смешным каким-то стал.
Что поделаешь – невежда
О погоде не читал.

Барабанят капли лихо...
Сразу летнее тепло
Незаметно как-то, тихо
Вдаль за горизонт ушло.

И вдыхаем мы прохладу,
Воздух пропитал озон.
Мы дождю, конечно рады,
Если ненадолго он.

Постоянство не выносит
Горделивая душа.
Новизну у мира просит,
Обновленьями дыша.

21.06.2011

ЗАКАТ

Над головой – весенний небосвод.
А там, вдали, где солнышко садится,

Рассёк пространство неба самолёт,
И алым светом след его искрится.

И небо там прозрачно, как слеза,
Так беззаботно сине и так чисто,
Как будто я смотрю в твои глаза,
Глядящие спокойно и лучисто.

Как будто бы лазурный океан
Нас ждёт вдали с сияющей прохладой
Сердечко верит в призрачный обман:
Подарит мир небесную усладу.

Богиня мудрости, наверно, там живёт.
Там истина, добро, очарованье...
Душа беспечно в синеву плывёт –
В свободный мир, где вольное мечтание!

Мир как ребёнок – с нежностью, любя,
Доверчиво раскрыл свои объятия.
В том мире, может быть, найду тебя...
Там безмятежно счастье, люди – братья.

И пристально смотрю беспечно вдаль:
Какая нега скрыта в этом мире,
Откуда, эта нежная печаль,
Какие чувства она дарит лире!

Но вот, восток – лилово-синим стал –
Там мгла разверзла сумерки седые.
Царица Ночь взошла на пьедестал,
Горят над миром звёзды молодые.

Какой контраст же алому огню!
Ночь покрывало тёмное опустит...
И пташка умирающему дню
Поёт тихонько, с капелькою грусти.

И тихая печаль в душе моей живёт.
Душа, любя, весь мир благословляет.
Земля – корабль, в Галактике плывёт,
Песчинкой малой в синей дали тает.

МОЛИТВА

Переживаю и Бога прошу
Дать тебе силы, здоровье и счастье,
Дать пережить это злое ненастье,
Эту мечту в своем сердце ношу.

Дай снова быть и весёлой, и звонкой
Перебивать, волноваться, лететь,
Всем улыбаться и всюду успеть,
Быть как всегда остроглазой девчонкой!

Мир весь любить и любовь испытать,
Перенести эту муку покоя...
Я от тебя эту тайну не скрою,
Скоро весна, можно снова мечтать!

Пусть заживает сердечная рана,
Не беспокойся, всё время излечит.
Я помолюсь в тихом таинстве свечки:
Ты вновь аккорды возьмёшь фортепиано.

Музыка томной нахлынет волной
Нежно обнимет за хрупкие плечи
Здесь не нужны не признанья, ни речи...
Сердце открыто тебе лишь одной!

Переживаю и Бога молю
Дать тебе силы, здоровье и счастье,
Дать пережить это злое ненастье,
Я тебя нежно, родная, люблю.

28 февраля – 1 марта 2011 г.

*Михаил Красиков
г. Харьков, Украина*

ПОЭТ

Часом с квасом, а часом с водою,
но – живою водой, ключевой,
он живет, озаренный бедою,
и не просит себя ничего.

Но жар-птица перо обронит
прямо в руки в урочный час...
И горит – с горизонтом вровень! –
На столе трудяга-свеча.

* * *

Зимняя женщина,
нерожалка,
прижимает к груди
огромный букет роз
и поправляет
газетные пеленки
так бережно,
словно боится –
и хочет! –
услышать оттуда:
-У-а-а-а...

* * *

Как бомж
в вагоне метро,
появляется гений,
и сразу вокруг –
п у с т о т а.

* * *

Уже больше знакомых на тех берегах,
чем на этих,

Но ветерок летейский слышится
самую малость.
Вот и пора штудировать труднейшую
из поэтик,
с горем слагая горе и выдыхая –
радость

* * *

«Жизнь» —
какое короткое слово:
одна только гласная –
заблудившийся
невесть что сочиняющий
сочинительный союз –
со звоном разбившейся посуды
(«дзынь!») в конце!

Не успеешь раскрыть рот,
а оно уже кончилось.

* * *

Едва родившись,
мы начинаем орать.

Только влюбившись,
мы научаемся
говорить шепотом.

Только возненавидя,
мы постигаем прелесть крика.
И почему-то уже кричим
большую часть жизни,
сами того не замечая.
Только умирая,
мы вновь переходим
на шепот.

* * *

Поцелуй – две странички бытия,
перевернутые разом.

* * *

Быстрее детей
растут только наши долги
перед ними.

* * *

Уйти из обжитого дома,
уйти из нажитого мира –
туда, где брезжит аксиома
любви, как новая квартира.

Уйти без криков и скандалов,
без ритуальных выяснений –
туда, где плачет лист сандала
об участи земных творений.

* * *

Как заблудившийся «дождик»
в брошенной на помойку ёлке,
никого не радующий,
но радостно сверкающий на солнце, –
заблудились в моей душе
серебристые паутинки
прежнего чувства к тебе:
ни красоты, ни тепла,
но память, память, память!

* * *

Возле метро — выставка старух.
Кто продаёт пирожки,
кто – семечки,
кто – свою старость.

* * *

А что – стихи?
Отдарок Бытию.

*Анатолий Мирошниченко
г. Харьков, Украина*

ПОРА ПРИЗНАНИЙ

(исповеди, баллады, притчи, были)

* * *

Всё тяжелее тьма ночей,
Всё ближе вьюги и морозы,
И траурной каймой грачей
Уже очерчены берёзы.
Наверное, пришла пора
Смешать с багряною листвою
Всё, что сближало нас с тобою,
И сжечь.
У горького костра
Над остывающей золой
Поддаться приступу печали
О жизни, ставшею былой,
Увитой яркой мишурой,
Которой мы не замечали...
За блеском призрачных побед,
Не подвергавшихся сомнению,
За суетою и за ленью
Не замечали лучших лет...
Пора, увидев знак зимы
Сквозь призму чёрно-белой прозы,
Сквозь наготу берёз,
сквозь слёзы
Понять,
как ошибались мы...

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Вот и дожили до снежных седин,
И до серебряной свадьбы дожили...

Ты госпожа или я господин –
Мы за прошедшие годы забыли.
Кто это (жёнка, назад оглянись!)
Бьётся и плачет у нас за спиною?..
Это не голубь залётный, а Жизнь
Наша с тобою, наша с тобою!
Сколько же там иссушающих ссор
Было и сколько счастливых мгновений!
Вынесем, выбросим из дому сор,
Вышвырнем липкую грязь подозрений!
Я ли противлюсь, ты ли не «за»?..
Надо, как в песне забытой поётся,
Чтобы сияли от счастья глаза,
Если жена или муж улыбнётся!
В доме достаток, но невпроворот
Дел, как всегда: поднимаются дети!
Будем в кругу повседневных забот
Жить, забывая в заботах о смерти.
Жизнь не тобою, не мной зажжена
Свечкой алтарною хрупкою, слабой...
Ну же, поздравим друг друга, жена,
С нашей февральской серебряной свадьбой!

* * *

Восковые липы. Жёлтые каштаны.
Золотые клёны. Красные рябины.
У стволов алеет юбка юной Анны,
На траве синее сарафан Арины.
Анна и Арина, словно две зарницы,
Озарили рощу, разбудили рано
На сосне янтарной – выводок синицы,
На багряном дубе – сокола сапсана.
Что уносят сёстры в кузовках плетёных
Из сокровищ скромных, рощей припасённых?
Позолоту листьев, солнечные пятна,
Кисточки калины, грузди и опята.

Роща, одари их на зиму и на год:
Дай им по две меры и грибов и ягод!
Только б не исчезли эти две куртины:
Юбка юной Анны,
                                сарафан Арины...

Помню, как простился с милой сердцу рощей,
Как приехал в город, как пришёл на площадь,
Как на круглой клумбе догорали канны...
Сарафан Арины, юбка юной Анны!..

СМЕШНАЯ ПЕЧАЛЬ

Поздно ночью. Один. Без руля и ветрил
Я домой возвращался Петровским пассажем.
На меня манекены полночных витрин
Как-то странно смотрели и плакали даже.
И тогда я к витрине с неоновым «ЦУМ»
Подошёл и сказал манекену:
– Слушай, парень, а слёзы тебе не к лицу,
Понимаешь, совсем. Совершенно.
Он ответил, не пряча заплаканных глаз:
– У меня нет ни папы, ни мамы,
И меня раздевают в полмесяца раз,
Чтобы снова одеть для рекламы.
Я стою здесь за толстым витринным стеклом,
А по улице мимо проходят москвички
Молодые, красивые, как электрички,
И целуют возлюбленных в губы и в лоб.
А меня не целует, не любит никто
И не гладит ладонями щёки.
Я стою, как неначатый праздничный торт,
Разукрашенный и одинокий...
– Ладно, – я ему снова сказал, – выходи, –
И стекло – на куски кулачищем! –
А пока по Петровке ты будешь бродить,
Я тебя замену здесь, дружище.
Он ушёл... И, наверно, про всё позабыл.

Я ж сказал ему, сукину сыну,
Чтобы он до рассвета, не дольше, бродил,
Чтобы, глупый, не лез под машину.
Что с ним случилось?..
Но чтобы не начался шум,
Чтоб пропажу никто не сумел обнаружить,
Я стою. А на мне заменили костюм.
И стекло заменили к тому же...
И стою я теперь за витринным стеклом,
А по улице мимо проходят москвички
Молодые, красивые, как электрички,
И целуют возлюбленных в губы и в лоб.
А меня не целует, не любит никто
И не гладит ладонями щёки.
Я стою, как неначатый праздничный торт,
Разукрашенный и одинокий...

ИСПОВЕДЬ

Когда я научился превращаться
В зверей, в пичуг, в деревья, в облака,
Явились монстры, чтобы разобраться
С пристрастием
в причудах старика...
...Пытали так, что содрогались сени!
Ломали рёбра каменным катком,
Паяльной лампой жгли мои колени
И обливали кисти кипятком.
Они меня почти лишили жизни
И сбросили с крылечка:
«Подыхай!»
Крикливый пир устроили на тризне,
Пустили под застреху петуха...
Когда они всей стаей уходили
В дыму пожара, в клубах красной пыли,
И солнце их, испепеляя, жгло,

Злом наказуя ханжество и зло,
Я обратился в облако грачей
И плыл над ними к вечному забвенью,
И укрывал их собственной тенью
От солнечных карающих лучей...

БАЛЛАДА О КАРАВАНЕ

*Исследователям и геологам,
пересекающим бесплодные пустыни
в поисках питьевой воды
и полезных ископаемых,
посвящаю.*

Шёл караван по мёртвым пескам.
Грызла людей и верблюдов тоска.
Солнце ползло черепахой в зенит.
Казалось – пустыня от зноя звенит,
И слушает этот озноенный гул
Изгнанник природы – сухой саксаул.
Казалось – горящие угли во рту,
А в жилах не кровь, а кипящая ртуть!
Истаяли дымом запасы воды.
В глазах воспалённых усталости дым.
Вдали (наважденьем!) висят миражи –
Озёра с водою желанной, как жизнь.
Но лжёт он про этот озёрный озон,
Горбатый, барханный, пустой горизонт!
И бредит водой наяву караван,
Бредущий из Киффы в глухой Араван...
...Вёл караван эти долгие дни
Сухой и костлявый перс-проводник.
Он вёл и молился пустыне пустынь:
– Остынь хоть немного, Сахара, остынь!
Но что он увидел? Так пристален взгляд!..
Ведь небо пустынное, чем земля.

Нет, он не ошибся, старый Хаям,
О, это облачко, размытое по краям!
Он столько их видел! Но страшно ему:
Верблюды

ложатся

на землю...

– Самум!!!

А облачко таяло с каждой минутой...
...Уже горизонт занавесило мутной
Сплошной пеленою... И солнце (светило!)
Истёртой монетой в зените застыло.
И небо с землёй (пронесёт ли беду?..)
Смешалось в крошечном песчаном аду!
Сухая, горячая плутьма.
Кажется, сходишь от жажды с ума!
Бешено кровь барабанит в висок.
Воет, ревет раскалённый песок!..
В лёгких, в суставах, в сердце скрипит!
Кожа – пылает. Горло хрипит:
– Пи-и-ить!!!

Пи-ить!

Пить...

И рвётся сознания тонкая нить.
Внезапно утихли и ветер, и шум:
Унялся – дыхание смерти – Самум!..
Рассеялся жёлто-багровый туман.
Построился в зыбкую цепь караван...
...И солнце опять повело под конвоем
Людей и верблюдов, измученных зноем.
Они уходили из небыли в небыль:
В пустыню пустую, как знойное небо.
И чудился им в океане песчаном
Цветущий оазис

за каждым

барханом...

ПРИТЧА О КОРОЛЕ

*...И будет трижды проклята война,
И разума лишён завоеватель.*

Возвратился Король со столетней войны,
Не застал ни друзей,
ни детей,
ни жены.

Всё, что снилось ему тридцать тысяч ночей,
Не коснулось теперь королевских очей:
Городская стена.

Обвалившийся ров.

Переулок Дождей.

Площадь Синих Ветров.

Он сидел за столом и подняться не мог.
Он устал от дорог.

Он устал от тревог.

Приказал он созвать горстку старых солдат,
От столетней войны уцелевший отряд.
Собирались солдаты на зов трубача,
Костыли по земле, как судьбу, волоча.

...В королевском дворце и поминки, и пир:
Пьёт Король за победу,
за мёртвых,
за мир...

Вместе с ним за столом

(только кружки стучат!)

Пьют солдаты вино,

пьют вино

и молчат.

У дворца, за окном, городская стена,

А на ней их друзей

имена,

имена...

Их погибших друзей побуревшая кровь...

«Что молчите, солдаты?!» – поднялся Король.

Пьют беззвучно солдаты. Ни смеха. Ни слёз.

Словно души их кто-то за Стикс перевёз.
«Трубачи, протрубите немедленно сбор!» –
Приказал трубачам он и вышел во двор.
Ни души во дворе. Тихо, словно во сне.
На безмолвные

площади

падает

снег...

Он вбежал во дворец – никого! Только в ряд
Кружки с красным вином

неподвижно

стоят!..

...Опустился Король

на качнувшийся

трон...

В руки взял он зачем-то одну из корон...

Засмеялся... От смеха его, наконец,

От столетнего сна пробудился дворец.

Он смеялся,

и вновь зажигались огни,

Пели громко солдаты, и пили они...

Отзывались друзья

все, кого б он ни звал...

Королева входила с улыбкою в зал...

...Повторяло послушное эхо и крик,

И забытое имя...

Смеялся старик...

...До сих пор во дворце (среди кружек, корон)

Только эхо живёт

да безумный Король...

ВОСПОМИНАНИЕ О ТАНКОВОМ ПОБОИЩЕ

Игорю Андреевичу Чернухину

Я сейчас не танками зажат.

Я идти куда угодно волен.

Надо мною ласточки кружат
И парят над Прохоровским полем.

Режут воздух крыльями со свистом
И над Звонницей взлетают в небо, словно
Души пехотинцев и танкистов,
Павших за Россию поголовно

В танковом побоище в июле
Сорок третьего...

Доносится всё глуше

Рёв моторов, скрежет гусеничных траков,
Залпы миномётов, грохот пушек,
Очереди автоматов, визги пуль и
Стоны раненых в кострах горящих танков...

Глуше всё доносится...

Однако

Это наваждение покоя
Не даёт мне...

Дым над полем боя

Рененое Солнце заволок...
Слава Богу, что вмешался Бог:
Ад крошечный в сумерках умолк...

...В тишине «наркомовские» пьют
Чудом уцелевшие друзья,
Пережившие, что пережить нельзя...
К ним, как призрак, подхожу и я,
И бойцы мне кружку подают...
С ними я на кладбище металла
Пью за Землю Русскую, до боли
Возлюбив её; за убиенных пью,
Вспоминая, как, оставив всё и вся в Раю,
Богородица в слезах летала
Ласточкой над Прохоровским полем...

Белгород–Прохоровка–Харьков,

28.05–14.09.2010.

К РОССИИ

Сергею Котьяло

Хватит тебе татаро-монгольских и прочих вериг,
Коиx не выдержит даже железная выа...
Хватит тебе воевать за других,
Воюй за себя, Россия!

Слушай, Россия, провидцев своих и окрыляющий зов
Предков, а не русофобов по кличке «эзопы»...
Хватит транжирить русскую кровь
В Азийских горах, на равнинах Европы!

Но ежели, Русь, на тебя ошетинится сброд
С «вождями», мутящими массы и воду
Протухшими байками про свободу,
Сметай эту нечисть «Катюшами» влёт
На подступах к русским священным границам,
Открытым одним лишь светилам и птицам...

Россия, отринь безрассудно-бессудные Тройки,
Концлагери, ревтрибуналы, тюремные койки,
Барачные нары — весь сталинский свод!..
Пускай наконец облегчённо вздохнёт
Великий, прославленный, стойкий,
Истерзаный войнами русский народ!

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предь зорями?

«Слово о полку Игореве»

БЫЛИ О ПОХОДЕ КНЯЗЯ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА В ПОЛОВЕЦКУЮ СТЕПЬ ВЕСНОЙ 1185 года

САЛЬНИЦА

И оттуда поидоша к Салнице.
Наш князь не робкого десятка:

Он ободрить дружину смог,
Когда послал знаменье Бог,
И сердце колотилось в пятках
Почти у каждого из нас!..
Погасло Солнце, тьма сгустилась
Над степью, небо обагрилось,
Обвальный гром поля потряс
В послеполуденное время!..
(Заговорил Господь, и ужас
Объял и мальчика, и мужа!..)
А Игорь в золотое стремя
Вступил (советам вопреки)
И, перейдя Донец, к Осколу
Поспешной рысью, маршем скорым
Повёл смятенные полки...
Два дня, покуда мы подмогу –
Полк задержавшихся курян,
Прождали там, среди полян,
Почти рассеяли тревогу...
...Пять суток к Сальницкому броду
По зацветающей степи
Дружину Игорь торопил,
Забыв про сон, про хлеб и воду...
...От зноя почернела рать,
Пропахло потом всё до сбури!
И под конец пути ковуи
На князя начали роптать...
Но Шеломянь взметнулся вверх
В степи, как стол дубовый, плоской,
И Сальница, блеснув полоской,
Уже обрадовала всех!..
Её спокойное течение
И стая белых лебедей
На чистой, как слеза, воде
Остановили всё движенье!..

И можно спешиться, напиться,
Увидеть можно наконец
Брод через Северский Донец
На зелени степного ситца!
Здесь, у подножья Шеломяня,
Дозорный доложил князьям,
Что дальше двигаться нельзя,
Что собираются под знамя
Гзы, Кончака ли – не понять –
Кочующие порознь орды:
«Не время, княже, для похода
И лучше возвратиться вспять!»
Но Игорь, всех собрав, ответил:
«О братья, если я на Русь,
Не бывши в битве, возвращусь,
Позор нам будет хуже смерти!
Господь всемогущ
и помочь
Сумеет и в аду кромешном!..»
В степь Половецкую поспешно
Решили ехать через ночь...

СРАЖЕНИЕ НА СЮУРЛИЕ

*Съ зарания въ пяток
потопташа поганья
плъкы половецкыя.
Сюурлий, как Десна...*

Половецкие лучники
Осыпают нас стрелами, словно дождём,
Да и мы не таимся, не трусим, не ждём:
Начеку (за щитами) стрелки наши лучшие!
Игорь вскинул свой меч –
стан наш, будто бы вымер...
Он взмахнул им – и сердце запело трубой:
Молодые князья Святослав и Владимир
И Олексич с ковуями
бросились в бой!

Красных девок, кольчуги, коней,
половецкие вежи,
Оksamиты, узорочья –
всё раздали друзьям!..
«Будет! – Игорь изрёк, –
Будет души победою нежить!

Братя, ночью покинем пределы закланной земли!»
Но сказал Святослав, поддаваясь невольной тревоге:
«В долгой скачке за половцами кони изнемогли.
Если ехать немедля, – отстану от вас по дороге».
Поддержал его Всеволод (всем на печаль и беду...)
Остаёмся...

Разводим костры,
чтоб поестъ и погреться,
И вполглаза поспать до рассвета
у звезд на виду
Посредине погибельной
вражьей земли Половецкой...
Охраняет покой наш,
припасы, полон, табуны
Неусыпная, зоркая,
верная Игорю стража.
...Волчий вой долетает, должно быть,
до самой Луны...
Лай лисиц. Писк мышей. Сон предутренний
чёрный, как сажа...
...Догорает подворье моё.
Почерневшая мать,
Будто пламя в Десне,
над избою погубленной бьётся...
На аркане волочит жену и детей моих тать...
Пробуждаюсь от крика:
«Когда ж этот мёртвый проснётся?!»

БИТВА НА ПОЛЕ НЕЗНАЕМОМ

*Чръна земля подъ копыты
костьми была посеяна,
а кровию поляна.*

...О Боже правый, мы окружены
Полками половецкими, как бором!
Мосты для отступления сожжены...
Русь посрамить, а нас покрыть позором
Надеется недремлющий Кончак.
Семидесятитысячному стону
Мы ужаснулись!..

Игорь подал знак
Условный: «В круговую оборону!»
Сказав собратьям: «Я вам не судья,
Но мы вчера с собой не совладали:
Ночь упустили!

Сами на себя
Всю землю Половецкую собрали!..»
И нам сказал он: «Если ускользнём,
Предавши пеших, что же будет с ними?
Сойдём с коней и вместе все умрём,
А даст Господь – останемся живыми!»
Мы спешились.

Короткий вспыхнул спор
Среди князей (не время препираться!)...
Сквозь почерневший половецкий бор
Они к Донцу решили пробиваться.
Сжимается железное кольцо...
Глаголят стяги вещими устами...
Загородившись красными щитами,
Мы движемся к рассвету над Донцом.
...Всё воронье перебудила смерть!
Ну что ж, родимых загодя помянем:
Мы от Руси отрезаны теперь
Не только пограничным Шеломянем...
Какой урон от половецких стрел!

Они в щитах трепещут и в кольчугах.
Вон мой товарищ побелел, как мел,
И мне понадобилась помощь друга...
Трещат, ломаясь, копыя,
и мечи

Гремят.

Сползают с сёдел половчане...

Но нынче раны некому лечить
И предаваться некогда печали.
Бок о бок с нами рубятся князья,
Обмахивая вражеские стрелы...
Напиться бы! Да негде и нельзя.
Как тяжело даётся слава смелым:
Князь Всеволод, тисками конных сжат,
Сражается, как тур в открытом поле!
Там, где стоит он, – головы лежат,
Щиты и шлемы половецкой голи...
Повсюду вопли, стоны, ржанье, пыль,
И горы трупов, чёрные от грая,
И кровью пропитавшийся ковыль...
Жара и жажда мучат, изнуряя,
Нас и ковуев!

Мы, в пыли, в поту,
Отрезанные от воды донецкой,
В смертельную втянулись маету
Среди земли заклётой Половецкой...
Врагов не изрубить, не истолочь...
О Родина (как больно сердце сжалось!..),
Взгляни на нас: уже настала ночь,
А мы идём, без отдыха сражаясь...

ОКАЯННАЯ КАЯЛА

*Ту ся брата разлучиста
на брезе быстрой Каялы;
ту кровавого вина не доста;
ту пирь dokonчаша храбрии русичи.*

Рассвет воскресный криками разбужен,
Тяжёлым звоном кованых мечей,

Вороньим граем, стонами сычей
И гулким громом копий харалужных.
Вторые сутки битва в адском чане
Кипит! Коней меняя,

от реки

К кочевьям оттесняют половчане
Редеющие русские полки...
Сегодня день побагровеет белый,
Как половецкий хан на скакуне...
Летите в цель, заждавшиеся стрелы!
Лук, напоследок послужи-ка мне!..
О жажда, ты мучительнее раны!
Ты нас сжигаешь изнутри живьём!
Так пейте же, захлёбываясь, ханы,
Кровь собственную на копье моём!..
...Ковуи дрогнули!

Предав поруку,

Бегут они с протяжным воем «пи-и-ить...»
И Игорь, раненый стрелой в руку,
Пытается их полк остановить.
Напрасно князь за ними скачет смело:
Вокруг уже не сосчитать врагов!
«Назад!!!»

На расстояньи перестрела

От нас

пленают половцы его!..

В зияющую в нашей обороне
Огромную ковуевскую брешь
Вот-вот водою полой хлынут кони...
Успеем ли закрыть её допрежь?
Томительная тянется минута...
Нам что-то храбрый Всеволод кричит
И рубится так яростно и люто,
Что у него ломаются мечи!
Успели... половцы, покуда брешь зияла!..
И снова кровь рекою полилась...
...О, где ты, окаянная Каяла,
В жару немилосердную взялась?!
Ты надломила силы наши дважды!

Полки к воде рванулись напролом,
Как будто после утоленья жажды
И смерть сама им станет нипочём!..
Скатившись вниз по берегам скалистым,
Припав почти в беспамятстве к воде,
Мы оказались (Богу ненавистны...)
Всем скопом в половецкой западне!..
Висят над нами половцы, как тучи...
Пленённый Игорь спешен Кончаком...
Но витязь курский – Всеволод могучий
Из окруженья вырвался с полком!
Уходит к морю, волоча на вые
Своих курян из половецких пут,
И половцы, как псы сторожевые,
Его терзают и на части рвут!..
А здесь, в речном обрывистом овраге,
Последней кровью истекает бой...
К полудню пали Игоревы стяги,
И, мёртвые, смирились мы с судьбой...
Кровавых слёз не сдерживают скалы...
По убиенным голосит вода...
На обагрённых берегах Каялы
Два брата разлучились навсегда...
О русичи, ни славой, ни любовью
Не насладиться нам
и не узнать,
С какой тоской и неизбывной болью
Нас будет Русь веками вспоминать!..

ПОБЕГ КНЯЗЯ ИГОРЯ ИЗ ПОЛОВЕЦКОГО ПЛЕНА

1

Игорь спитъ,

Игорь бдитъ,

Игорь мыслию поля меритъ...

Кочевье хана Кончака
На берегу степного Тора...

...Саднит у Игоря рука,
Но пуще – сердце от позора...
Хан, как матёрый волк, хитёр!..
Язвительна его забота:
Коврами выстланный шатёр
И ястребиная охота,
И вежи – рядом и вокруг –
С награбленной впрок поклажей,
И двадцать половецких слуг –
Глаз не смыкающая стража!
Изводит еженощный сон:
Каяла... Третий день сраженья...
Ковуи... Ужас окруженья...
И плен... И пробужденья стон!
Одна у Игоря утеха,
С души снимающая грусть:
Уже продуман план побега
С конюшим преданным на Русь...
А на охоте (без помех)
Ему Овлур, открывшись, скажет:
«Пойду на Русь с тобою, княже!..
Устроим в пятницу побег:
До встречи Кончака и Гзы,
Сюда спешащих из походов...
Торопит время нас, погода
И приближение грозы...»
Сам Бог им в пятницу помог:
Напились половцы кумыса...
И князь, не раздеваясь, лёг,
Поля перемеряя мыслью...
Сказал конюший, тайне верен,
Овлуру, ставшему родным:
«Переезжай на левый берег
С конём своим и с поводным!»
И доложил, вернувшись, князю
(Его сомненьям вопреки...),
Что ждёт Овлур у коновязи

На левом берегу реки...
Встал Игорь в страхе и в смятении,
Услышав посвист вдалеке...
Приподнял край шатра
и тенью
Скользнул к мерцающей реке...
Преодоле л теченье Тора...
Во тьме Овлура отыскал...
И в душу хлынул дух простора!
И отодвинулась тоска...
Увидел, оглянувшись, вежи
И дотлевавшие костры...
И кони борзые надежды
Через яруги и мосты
Помчали всадников на север:
Сквозь ночь – к излучине Донца,
Дабы порадовать Посемье,
Жену в Путивле
и отца...

Всю ночь они скакали споро
До встречи с Северским Донцом,
А утром меловые горы
В бору укрыли беглецов...
Они усталости не знали:
И в скачке бешеной верхом
Своих коней вконец загнали
И дальше двинулись пешком...
...Кончак и Гза во гневе бурном
В погоню посылают рать!..
Но князя Игоря с Овлуром
В донецких плавнях не догнать!..

2

*И иде пешь 11 день
до города Донця...*

На рассвете Овлур и князь
Переплыли Донец посменно

Подле гор меловых

и связь

Оборвали с позорным пленом!

Игорь, только восток затлел,

(Пой, зегзица, а не печалься!..)

Сизым соколом полетел,

Серым волком Овлур помчался

Левым берегом луговым,

Отрясая росу на травах...

(Кровью половцам-сторожевым

Отольётся теперь забава!..)

На исходе второго дня

Шлем знакомого Шеломяня

Перед нами возник, маня,

Сердце радуя, совесть раня...

Душу князя виденья жгли

На багровом костре заката...

Ночью Сальницу перешли

Лебединую

два собрата...

Дни – до сумерек – на бегу!

А когда синева сгущалась,

И в тумане река терялась, –

Засыпали на берегу...

Обходили они мосты,

Осторожничали на смычках

Половецких племён. Посты

Побивали в коротких стычках.

Голод к ним подступал подчас...

Пробавлялись грибами, дичью,

Добавляя по крохам в пищу

Сухари, что Овлур припас...

Но всё далее вдоль реки

От запутавшейся погони

Уходили...

Где рыщут кони

Кончака, где его полки?..
На девятый счастливый день
Добрались до Змиёва брода:
Мжа простёрла над ними сень
Красной вербы и небосвода!
Здесь, под вербою вековою,
В междуречии Уд и Мжи,
Распрощались с Донцом мужи...
До Руси им – подать рукою!..
День одиннадцатый – венец:
Крепость русская с караулом!..
Встретил Игоря и Овлура
Ликованием град Донец!..

*Александр Кердан
г. Екатеринбург, Россия*

* * *

Георгию Негашеву

Я видел кладбище берёз,
Что умирали стоя...

Нас разделял крутой откос –
Притормозивший поезд
Был вдаль умчать меня готов,
Перечеркнув мгновенье...
И не нашлось ни чувств, ни слов,
Чтоб выразить виденье.

И только после понял я,
Что помнить мне отныне:
Да, это Русь была моя –
По грудь уже в трясине!

Не отыскать друзей окрест,
Чтоб кто-то подал руку...
Летит гремящий век-экспресс,
Неся упадок духа.

Он лишь наживою живёт,
В нём нет любви и чести.
И только свет берёз ещё
Струится в поднебесье,
Суля надежду там, где нет
И толики надежды...

Я видел этот дивный свет –
Двух полустанков между.
Всё понимаю – надо жить,
Стоять и не сдаваться,

И, утопая в вязкой лжи,
Собою оставаться,
Чтоб среди всех вселенских гроз
Не знать душе покоя...

Я видел кладбище берёз,
Что умирали стоя.

2011

ЧЕТВЕРТОЕ ИЮНЯ

Болдино нас встретило дождём,
Будто объясняя фактом этим,
Как здесь было сумрачно поэту
В миг, когда он страстно был влюблён.

А наутро расступилась хмарь,
Что качалась над землёю зыбко.
Щедрое, как гения улыбка,
Солнце тотчас высветило даль,
Рассиялось,
будто говоря,
Что грустить – занятие пустое,
Даже, если ты влюблён, будь стоек:
Все преграды нам даны не зря!

Счастье есть!
Сомненьям вопреки –
Солнечного праздника во имя –
Грусть, конечно, будет исцелима
Вдохновеньем пушкинской строки...

2011

ОТПОВЕДЬ

Чуть отъедешь от Москвы,
Начинается Россия.

* * *

В огороде – бузина,
В Киеве – дядька...
Родственников – до хрена,
А кого позвать-то?

Только тяжкий ссыльный крест
Да корней смешенье...
Да портрет семейный есть –
Внукам утешенье.

Дуют ветры по стране
И по границам.
И плечом своим к родне
Мне не прислониться.

Разбросало семена –
Умудрись собратъ-ка!
В огороде – бузина,
В Киеве – дядька...

Память обо всех храня,
Мы почти чужие...
Всей родни-то у меня –
Мама да Россия.

1998

* * *

Милая родина,
Малая родина,
Дедов приземистый дом...
Дальше, конечно же, в рифму –
Смородина,
Та, что растёт под окном.
Рядом – малина,
Колючий крыжовник,
А за забором – репей...

Будь ты, хоть праведник,
Хоть уголовник,
Будь в этой жизни – ничей,
Здесь обретёшь,
Всё, что было утрачено,
Пусть никого не найдя...
Холмик над мамой,
Крестом обозначенный,
Сетка косога дождя...

Добрая мама –
Кровиночка алая –
Сделалась пядью земли.
Родина милая,
Родина малая –
Можно в горсти унести.

2011

*Мария Ефремова
г. Харьков, Украина*

ЧЕЛОВЕК-ЗЕМЛЯ ДИАЛОГ

Человек – Земля, Земля! Мы жертвы наводнений,
землетрясений, прочих катастроф.
Завис над нами злой, могучий гений,
не избежать нам новых потрясений...

Земля – Да, да, услышьте мой печальный вздох.
Я вам давала всё: леса, луга и горы
И водопады...Иву у реки,
В лесах – богатство, птичьи хороводы,
Моря величественно катят свои воды.
Вы ж были своенравны и дерзки.

Вы признавали суть перворожденья
И вторили на разные лады:
«Ты мать, Земля, – кормилица, боготворенье,
Нам жизнь даруешь и прекрасные плоды»,
Но суесловие, к большому сожаленью,
Не отвратит нагрянувшей беды.

О, гордый человек! Первопроходец, гений:
Построил ты большие города,
Освоил космос, но от этих рвений
Нет счастья людям – многих поколений
Лишили жизни спесь и суета.
В чем дело? Догадайся – истина проста.

Человек – Изранена Земля, изрыта-перерыта
И взорвана внутри – чудовищно и зло,
Загрязнены моря, а люди – первобытны,
Воюют – миллионы перебиты,
Земля, Земля, тебе не повезло.

Земля – Исыякло полностью моё терпенье,
Вы издевались много тысяч лет.
Не прекратили люди злоключенья,
Зарвался человек, и нет ему прощенья –
Страдания и смерть – вот вам ответ.

Человек – Пока шумят леса, пока цветут каштаны,
Пока не выжжены все степи и поля, –
Нам надо залечить нанесенные раны,
Истерзанной Земле покой дайте, тираны!
Возможно, нас простит тогда Земля...

*Виталий Копусь
г. Харьков, Украина*

**ОДА-РАЗМЫШЛЕНИЕ
В ЧЕСТЬ ОДНОКАШНИКОВ ХПИ ПО КОНФЕРАНСУ***

Театральный подъезд... По торжественным дням,
Лишь афиши зардеют аншлагом,
Кто в такси, кто в служебной, кто шагом
Прибывает к заветным дверям.

Харьковчане однажды сюда подошли –
Украинские русские люди.
Посмотрели на кассу и стали вдали,
Свесив лысые головы к груди.

Показался земляк. «Пропусти!» – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей осмотрел: некрасивы на взгляд –
Шляпа, галстук, суконные брюки.

Видно, куплено всё на свои –
На стабильный оклад инженерный.
Вспомнил Харьков родной, ХПИ...
И захлопнул парадные двери.

И бездомные дети родимой земли,
Обходя театральные зданья,
Фильм простой, черно-белый смотреть побрели
К телевизору в зал ожиданья.

Так бывает всегда в наш стремительный век,
Когда ставят спектакли недолги
Крендель – в Белгороде, Вишневецкий – везде,
Черняховский, – где выбьет подмости, – в Москве,

Шварц – на Невке, а Бунин – на Волге.
Волга, Волга! Весной многосорной
Ты не так заливаешь поля,

Как несметной толпой режиссерной
Переполнилась наша земля.
Развелись, расплодились на свете,
Хоть никто на отца не похож,
Станиславские, Щукины дети,
Немировича, Данченко тож.

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы харьковский бывший любитель
Постановок своих не создал.

Ставит «Гамлетов» он по дорогам,
Ставит в Пензе «Орфея в аду»,
Ставит «Бедную Лизу» под стогом,
«Барабанщицу» – в детском саду.

Не оставят они без вниманья
Ни Карелию, ни целину.
Поделили на сферы влиянья
Необъятную нашу страну.

Поделили надежно, до пенсии,
Каждый пашет в угодьях своих.
И никто не нарушит конвенцию –
Паниковского нет среди них.

Ну, а что инженер?
Спит, сердечный...
Что же значит твой сон бесконечный?!
Ты ль проснешься, исполненный сил?
Иль, оплавав несыгранный мизер,
Ты уткнулся в цветной телевизор
И духовно навеки почил?..

1982

---

* В написание оды внесли свой непосильный вклад Аркадий Фаустов, Ггарик Зингерман, Юра Соколов, Влад Гольдрин, Лион Надель, Толя Шехтман (*прим. автора*).

*Пётр Прудников
г. Харьков, Украина*

МИЛЫЕ КРАЯ

* * *

Землю предков и дальних, и близких
По наследству внучатам отдам.
А пока что я кланяюсь низко
Речке отчей её берегам.

А раннее утро на востоке
Колышет туманным парком,
Где сказки забытые бродят,
Роса серебрит огоньком.

С поклонами конь над травой,
Как веером, гривой взмахнёт.
И цепко возьмет за живое
Своим опереньем удод.

А солнце крадётся всё выше
Над тенью лесистых засад.
Над лугом, что клевером вышит,
Подобия рая в глазах.

А может быть как такового
Нет рая, одни лишь слова,
Но в памяти нашей дорога
Сказаньями предков жива.

* * *

В остатке лет текут минуты
Без огорченья и нытья...
Своим довольствуюсь уютом,
Как в описаньях бытия.

Молюсь по праздникам и будням,
Как православный человек,
Где вздох протяжный полной грудью –
Примета грустная наш век.

На всё теперь смотрю иначе
И сожалею о былом,
О старом доме четь не плаче,
Пригодном лишь идти на слом...

Вся жизнь моя на том пределе,
Где только сожаленья...
Неужто мы осиротели,
Неужто нет спасенья?

* * *

Куда-то годы мчатся, мчатся,
За ними просится слеза...
В тоску не буду облачаться,
Закрою лишь на миг глаза.

И всё прошедшее увижу,
Упругость вспомнится ветрил,
Когда носился я на лыжах,
Что сам в ту пору смастерил.

Не празднуя с трусом соседства,
С крутых я катился вершин...
Тогда с замиранием сердца
Я чувствовал крылья души.

А летом порой босоногой
Меня ублажало тепло...
Я снова собрался в дорогу,
Конечно, в родное село!

* * *

Забыл давно про тишину,
Грустят глаза уставшие.
Родную помню сторону,
С ребячьих лет познавшую.

Не позабыть, как рвался вдаль
Я юношей упёртым,
Встречая радость и печаль,
В пути наматывая вёрсты.
Давно сошёл я с корабля,
Чтоб жизнь вести размерную
И ближе быть к тебе, земля,
Далёким предкам верная.

Давно оставлены моря
Другому поколению...
Я нынче, как на якорях,
В запасе, к сожалению.

ВЕСНЕ ПОД СТАТЬ

* * *

Мы семеним, кричим: «Скорее!» –
Как наяву, так и во сне.
Спешим, по осени стареем
И молодеем по весне.

Пусть в закромах не очень густо,
А сверху давят нас и жмут.
И на душе такое чувство,
Как будто близок Страшный суд.

Мы столько видели погромов
И перегибов вековых!

Нет ничего милее дома,
Где ты весь свой среди своих.

По пустякам мы не скисаем,
В весельях можно петь, плясать.
И слов на ветер не бросаем,
Поскольку нечего бросать!

Всё так похоже на разруху,
Как будто вновь – Голодомор!
И всем понятен не по слухам
Страны родной большой позор.

Транжируем дни куда попало,
Сшибаем деньги на вино...
Нас так паханство засосало,
Что до всего нам всё равно!

* * *

Птичий гомон и царство улыбок
На престол возвратились весной...
Сдвину шапку на самый затылок,
Чтоб простор весь увидеть земной.

Своего вдохновенья не скрою,
Поклонившись ручьям вдоль дорог,
А четь позже объятья раскрою
Для ступивших друзей на порог.

* * *

Зачерпну из вечного колодца
Всё, что я сумею зачерпнуть...
Жизнь дана для радости под солнцем,
Только б эту радость не вспугнуть.

*Ольга Смирнова
г. Харьков, Украина*

ДВОР «ПОЛИТЕХА»

И вновь зима! Обычный долгий вечер.
Фиалковое небо в серебре...
Мерцают фонари – литые свечи
В уютном и приветливом дворе.

Хрустит под сапогами огрубелый
Снег в тропке, проторённой сотней ног.
И этот хруст глухой, заледенелый,
За столько лет мне надоест не смог.

Двор «Политеха» в журавлёвских склонах,
Знакомый до мельчайших уголков, –
Пусть вековой, но искренне влюблённый
В пытливость юных, мудрость стариков.

Я каждый раз с утра в него вливаюсь,
Как ручеёк в реки водоворот,
А уходя, устало наслаждаюсь
Естественным теченьем до ворот.

Притихший и слегка замысловатый
В сугробах затенённых, без прикрас, –
Он добротой простой и неподвзятой
Меня сопровождает в поздний час.

Ирина Чупис
г. Харьков, Украина

* * *

Встревожен нынче украинский дом,
В нем царствуют раздор и разоренье,
Продажна власть, не действует закон –
В моей стране идет землетрясенье.

Лихая воля с другом развела,
И в трещины обид уходит дружба.
Так неужели наша жизнь была
Бессмысленной, фальшивой и ненужной?
И неужели сотни лет родства,
Совместной жизни денежной рукою
Заморский дядя может разорвать
И уничтожить наш славянский корень?

Не отрекайся от прошедших лет,
Пусть будет твердой почва под ногами
И обойдет одна из худших бед –
Рассориться со старыми друзьями.

* * *

О, наш погибший, наш несчастный век,
Смешавший все культуры и понятия,
Когда любовью называют секс,
Рядится пошлость в ангельские платья,
Теснясь у алтаря, – не Бога, нет,
А лишь Тельца, природного инстинкта,
И еле различим духовный свет,
Мерцающий в греховном лабиринте,
Где дети с хохотом свою терзают мать,
И родина лишь там, где сытно кормят,
Где любят не давать, а принимать,
Живут сейчас и прошлого не помнят,

И каждый в одиночку, не любя,
До смерти бьется только за себя...
О век раздора, нелюбви и слез!
Какой поре ты в жертву нас принес?

* * *

Итак, страна идет на Запад, –
В верхах об этом говорят.
Нам европейский вектор задан
Уж два десятка лет назад.
А наше мнение спросили
Те, кто дорвался до руля?
Бегом от матушки России
Пустились, прошлое хуля.
Какое гнусное коварство!
Какой расчетливый цинизм:
Забуть, что наше государство
Создал «проклятый» коммунизм!
Он земли дал, дал индустрию,
Державный статус, наконец!
И если матушка – Россия,
То он – заботливый отец.
Мы помним это. Нас немало –
Не позабывших о родстве.
Мы голоса свои отдали
За тех, кто нынче в большинстве
Верховной Рады. Так дерзните
Свершить обещанное нам!
Страну к России поверните,
К родным направьте берегам!

* * *

Не осуждай прошедший век строй,
не проклинай его за заблужденья.
Иллюзии защитной пеленой
У нас глаза закрыты от рожденья.

Доступен нам лишь иллюзорный свет,
Он и живит, ослепляет души,
И ты не торопись давать ответ,
Чем прошлый век был плох, а этот –лучше.
Не торопись с героя прежних дней
Воинственно снимать венок лавровый
В прозренья мнимом взгляд не стал ясней,
Былая пелена сменилась новой.
У времени у каждого своя
Иллюзия, знаменная идея,
Свои права и правда бытия,
Свои герои и свои злодеи.
И пусть не абсолютна правота
Разновековых наших рассуждений,
Но делает героя чистота,
Величие конечных устремлений.
Не стоит поносить советский строй,
Он твой родитель. Ну а если знамя
Предшественника сорвана тобой,
Не жги его, а сохрани как память.

*Аркадий Шульман
г. Харьков, Украина*

ЛЕШКА ПУГАЧЕВ

*жили-были пекаря
жили-были да не зря
водку пили – хлеб месили
друг на друга доносили
сек-сот!
сек-сот!*

Леонид Пугачев (по памяти)

морда – циркуль
нос – картошка
приземист и широк в кости
гитара
шум
в поддаче –
лешка!
а лешку не упрячешь в стих
все это на мильон умножь-ка
и это тоже будет – лешка
все восхищенья слабы – грубы
пред этим жене-жизнелюбом
экспромтом – все
ничто – заранее
он – центр
душа
и гвоздь компании
ко мне ввалились как-то ночью
виталик брохштуд – лешка – мотрич
тремя бутылками звеня
– С НАС – ЭТО!
ЗАКУСОН – С ТЕБЯ!
на стол все начисто я вымел – был небогат наш
холодильник
разлита по стаканам старка

и со спины – на грудь гитара
все выпито и прочь отставлено
он пел сонеты чичибабина
и прочее
под громкий смех
и –
как всегда –
аншлаг-успех
мне – на работу утром рано
я ждал – конечно же – скандала
да доставалось мне не слабо – перепадало на орех
но старая еврейка-баба
– ВЧЕРА БЫЛ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК!
себя я как могу пеняю
недавно
в середине мая
отметили
сдержите стон
десятилетье похорон
есть кладбище где он зарыт
я замотался – подзабыл

* * *

Зима – крестьянин,
вот беда!
– ВСЕ ЭТО БЫЛО! –
знал заранее что скажут ТАК
но что когда действительно
ЗИМА – КРЕСТЬЯНИН
И
с вечера мела пурга
И
нынче – солнце и снега
в ботиночках стою растерянный
в командировке я
не гость

– ЭЙ ДРУГ! НЕ ПОДВЕЗЕШЬ ДО ГРЭС?
А ТО...
– ЧЕГО Ж? СИДАЙ НА САНИ!
МНЕ ПО ПУТИ – ПРОЙДЕШЬ ТАМ ТРОШКЫ!
и по снегу нам первым след
вот чертов пушкин!
вот поэт!

* * *

Звонок – открываю – из почты посыльный
(видно по пьяни черкнул адресок)
текст телеграммы – пулей в висок –
только три слова

СПАСИБО
ЗА
СЫНА

*Лион Надель
г. Афула, Израиль*

* * *

*Харьковскому другу Толику Пиковцу –
одногогруппнику выпуска ХПИ 1959-го года.*

События мои значенья местного,
Переживу такую полосу,
Подумаешь, вставная челюсть треснула,
Очки от солнца потерял в лесу.

В ремонт сдал челюсть, попрощался мысленно
С очками под копытцами овец.
Ещё блестит оптимистично лысина
И, может быть, напишет Пиковец,

Друг харьковский, боец Политехнический,
Товарищ древний молодых утех.
Дай, Б-г, нам встречу, стол и тост лирический:
«За братьев!
За сестёр!
За Политех!»

* * *

Вениамину Стиваку.

Когда, дружище, поутру
Ты мне приносишь «Хванчкару»,
Будь вечером на карауле:
Несу тебе «Киндзмараули».

58-й В ПОЛИТЕХЕ

Выпив изрядно, а жидкость была
Не из коровьего вымени,

Группа друзей на танцы пошла
В корпус – Красный по имени.

– Эй, тракторист, отворяй свой гараж,
Плевать на твои запретики,
Возьмём этот корпус на абордаж,
Вперёд, молодцы-энергетики!

Пьяным на танцы прорваться невмочь,
Бегут трактористы десятками.
Друзья через кладбище бросились прочь,
Сверкая электропятками.

Напился – позор, но зачем бушевать,
Лежи в кровати спокойненько,
Зачем друзей-трактористов пугать
И их соседей – покойников.

Нам энергетик всего милей,
Но, ежели мы – энергетики,
Будем. друзья, как доцент Багалей,
Все – воплощением этики!

*Владимир Хазановский
г. Рамат-Гане, Израиль*

СПОРТИВНЫЙ ЛАГЕРЬ «ФИГУРОВКА»

На берегу Донца, где сосны, ели
пустили корни мощные в песок,
студеты-политехники осели,
образовав спортивный городок.

В нём и режим, конечно, стал спортивным.
Ну а режима, как программы, гвоздь:
**во всех мероприятиях коллективных
чтоб девушки и парни были врозь!**

«Гвоздь» подпирают общие старанья:
для девушек, во избежанье бед,
отдельно – тренировки и собранья,
отдельно – завтрак, ужин и обед.

Дабы душок не возникал фривольный,
готовится к изданию приказ,
чтоб занимались теннисом настольным
девчонки и ребята в разный час.

Но в этом деле есть и недостатки:
танцульки общие и общий пляж.
Они повсюду сеют беспорядки,
вгоняют многих в неспортивный раж.

И по ночам со свитою дневальных,
начальник лагеря товарищ Калевзон
следит, чтоб не было поступков аморальных,
а вместо них был только крепкий сон.

Он как тому серьёзную помеху
соседей называет – «хисиян».

«Пусть, – говорит, бывало, он без смеха, –
не лагерь ХИСИ здесь, а ресторан.

Кто разрешит вам ночью туда шляться?!
Неужто нужно вам напоминать,
что вы приехали сюда **оздоровляться**,
а не, как вам угодно, **отдыхать?**»

И Калевзон со свитою, ночами,
с фонариками мощными в руках
обшаривает яркими лучами
потёмки в подозрительных местах.

И если девушка и парень, стоя рядом,
попались на глаза – пощады нет:
получит из них каждый по наряду
задание почистить туалет.

На берегу Донца, где сосны, ели
в песок пустили корни вглубь и вширь,
студенты-политехники осели,
образовав... **спортивный монастырь**.
Лето 1959 г.

ЭНТРОПИЯ

Топором мужицким вырубали
Обращенье «барыня» и «барин».
И достигли полного успеха:
Так зовут лишь только на потеху.

Русской речи Богом было дарено
Вежливое: «сударь» и «сударыня».
Но с тех пор, как люди озверели,
И слова такие устарели.

Облетали, словно листья кроны,
В бурях революции кружа,

И исчезли с царскою короной
Званья «господин» и «госпожа».

Все сравнились – не того ли жаждали –
Стали друг для друга просто «граждане»:
«Ваш билет, гражданка, предъявите-ка!».
«Гражданин поэт, не будьте нытиком!»

И еще набрало силу слово
С очень интересной родословной.
Говорят, в эпоху Стеньки Разина
Бросить клич кого-то угораздило:
Мужики! Давай скорей товар ищи!
Так словечко родилось «товарищи».

Воцарилось это слово в обществе,
Где, казалось, нет закона волчьего,
Но вдруг стали кое-где говаривать,
Что «тамбовский волк тебе товарищ», мол.

И в ответ по праву прозвучали
Два словечка «гражданин начальник».
С той поры в народе слово «граждане»
Стало официальностью заражено,
Холодом бездушным и казенным,
А иным напоминало зону.

Тихо умирало, без аварии,
И другое к людям обращение:
Слово надоевшее «товарищи»
Жило лишь в служебных помещениях,
Не среди сотрудников-приятелей,
А на парт. и проф. мероприятиях.

А когда во времени-пожарище
Дело коммунистов погорело,

Обращенье скучное «товарищи»
В нашей жизни вовсе устарело.

И в ходу теперь привычка пошлая
(Свято место пусто не бывает)
Обращаться с точностью дотошною,
Половую сущность называя.

Чтоб не утруждать воображения,
Окликают женщину – «Эй, женщина!»,
И, отбросив всякие личины,
Говорят мужчине – «Эй, мужчина!»

Такова уж, видно, жизни логика:
Побеждает дух физиология
По закону подлой энтропии...
Зря мы мир грядущий торопили.

1982–1992 г. г. Харьков

Михаил Шильман
г. Харьков, Украина

* * *

Годы жизни, хмельные солдаты,
Чем вас больше — тем войско слабей.
Осыпаются спелые даты
Листопадами с календарей.
В том, видать, алгоритм мироздания —
Чтоб увидеть с другой стороны
Неизбежность поры увяданья
Как предтечу грядущей весны.

* * *

Что философия? —
Беспечность прозябанья.
Мимикрия,
Уменье слушать бредни,
Не изменив привычного лица.
Спокойствие
На грани непокорства,
Приемлемость
Любого бытия,
И долгое слежение за жизнью,
В которую игратья довелось.

* * *

...и я пройду сквозь ветхие кордоны,
проверенные вдоль и поперек,
в страну, где правят шабаш управдомы
и штатские берут под козырек.
И хоть на день вернусь в свои Пенаты,
как гладиатор — в старый Колизей,
и буду ставить новые заплаты,
и обнимать оставшихся друзей.
И сидя, как всегда, за чашкой чая,
а, может, за бутылкою вина,

мы будем жить, невзгод не замечая,
и свою чашу осушать до дна.
И будет время течь легко и ровно
меж разговоров, встреч и тишины...
Какая пытка — видеть все подробно
и прозябать в плену чужой страны...

* * *

Люби проездом Родину. В пути
не обращай вниманья на законы,
которыми она живет. Сойти
с небес не может ничего такого,
что в силах ее поступь изменить.
Заранее старайся проложить
маршрут по освещенному пространству,
вдали от зданий, дальше от людей
и, выплатив долги непостоянству,
живущему в душе, послушно пей
все то, что предлагает провожатый,
и не старайся тенью виноватой
войти в поток искусственных теней.

* * *

Памяти Черного моря

Мир вдалеке беспечно прост:
Над силуэтами — изнанка
Той плоти, на которой звезд
Отчетливо видна ветрянка,
Чуть покосившийся рассвет
Над кожей старческой залива,
Аляповатый марафет
Кустов колючих... Перспектива
Отсчитана — за шагом шаг —
И, разворачиваясь фронтом,
Выкидывает белый флаг
За сгорбившимся горизонтом.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА КАК СПОСОБ ОБЩЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Леонид Товажнянский Художественная литература как составляющая эстетического воспитания студентов.....	3
Валерий Ганичев Неопровержим и возвышен.....	14
Александр Романовский Роль журнала «Славянин» в сохранении культуры славянских народов.....	17
Александр Казинцев Возвращение масс «Основная проблема нашего времени толпы на площадях».....	22
Любовь Покроева Проблемы изучения русской литературы в школьном курсе мировой литературы.....	42
Александр Михилев Достоевский о России, славянах и Западной Европе.....	47
Николай Олейник Из истории создания и развития литературы на Слобожанщине в XVIII–XIX вв.....	57
Александр Пономарев Культурно-исторические традиции в развитии духовности народа.....	62
Анатолий Долгарев О формировании общественных идеалов у студенческой молодежи.....	73
Надія Вандишева-Ребро Реалії гуманізму та їх відображення в антиутопіях ХХ ст.....	78
Ирина Глебова Рубежи истории – рубежи литературы.....	83
Не диссиденты, Боже упаси.....	89
Хорошо, что выбор «Є».....	91
Наталія Білоножко Стратегії використання засобів музичної виразності як умова успішної інтеграції особистості у навчальний процес з англійської мови.....	95
Георгий Геращенко Раскол православия на Украине – 20 лет трагедии.....	100

Юрій Древаль	
Феноменологія організаційної (адміністративної) культури.....	105
Виолетта Кальницкая	
Гуманізм поздних романов Грина.....	108
Лариса Семененко, Олена Кириченко	
Тенденції розвитку регіональних документних та електронних ресурсів художньої літератури в бібліотеках Харкова.....	115
Наталія Дерев'янченко	
Майбутнє людини в романах М. Уельбека.....	124
Марина Смоляга, Галина Старикова	
Применимость математических методов в искусствоведении (на примере поэмы А. Блока «Двенадцать»).....	129
Виктор Мищенко	
Проблема духовно-нравственного воспитания.....	134
Ольга Оконевская	
Во дни сомнений и тягостных раздумий, или плач по нерожденным урокам.....	142
Станіслав Пазиніч	
Філософія мистецтва в генезі свідомості особистості художньої еліти.....	147
Васи́лий Омельченко	
Корни неприязни.....	157
Наталія Суворова	
Література як важливий засіб формування духовності майбутнього покоління.....	164
Наталья Угольникова	
Добро и зло в произведениях юмористического фэнтези.....	168
Елена Фель	
Гуманистические ценности в творчестве Ж. Дютура.....	174
Віта Филипська	
Заохочення до професійного самовдосконалення.....	181
Фесенко Г.Г.	
Роль музеїв у формуванні культурного простору України.....	184
Александр Шокуров	
К вопросу о происхождении украинцев и русских.....	189
Михаил Красиков	
«Нажал на кнопку — чик-чирик, и инженер готов!».....	196
Перегончики.....	209
Юлія Ващенко	
Россия и Украина в мировосприятии и творчестве Р. М. Рильке.....	223

**ДУХОВНАЯ СИЛА СЛОВА – ОСНОВА
ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

Сергей Котькало	
Война и голуби.....	228
Надо готовиться к войне.....	233
Летят птицы.....	243
Инна Мельницкая	
Прости меня, Италия.....	260
Серёжа Петухов и медаль.....	273
Павел Черномаз	
Поэтам.....	281
Владимир Глебов	
На нашей маленькой станции.....	282
Алёнушка.....	283
Эхо прогресса.....	285
Аркадий Фаустов	
Ода-песня выпускникам ХПИ, однокашникам по конференсу.....	287
Нельзя прийти во власть тропею суеты.....	288
Алексей Бинкевич	
«Сад божественных песен».....	289
Вадим Левин	
История о Джонатане Билле.....	299
Глупая лошадь.....	300
Учтивый разговор.....	302
Николай Манжос	
Певец.....	305
Ирина Полякова(Глебова)	
Петро Сорока.....	306
Зелёная Русь.....	307
Был же ангел в небе, был, я знаю.....	308
Анатолий Шехтман	
Неудержимо мчатся дни.....	313
Да что же это делается со мною.....	314
Виктор Мищенко	
Духовность.....	315
Качели.....	317
Прикосновение.....	319
Молитва.....	326
Михаил Красиков	
Поэт.....	327

Едва родившись.....	328
Уйти из обжитого дома.....	329
Анатолий Мирошниченко	
Пора признаний.....	330
Серебряная свадьба.....	330
Баллада о караване.....	334
Ночной переход.....	342
Побег князя Игоря из половецкого плена.....	348
Александр Кердан	
Я видел кладбище берёз.....	353
Четвертое июня.....	354
Милая родина.....	356
Мария Ефремова	
Человек-Земля.....	358
Виталий Копусь	
Ода-размышление в честь однокашников хпи по конференсу.....	360
Пётр Прудников	
Милые края.....	362
Куда-то годы мчатся, мчатся.....	363
Весне под стать.....	364
Ольга Смирнова	
Двор «Политеха».....	366
Ирина Чупис	
Встревожен нынче украинский дом.....	367
Итак, страна идет на Запад.....	368
Аркадий Шульман	
Лешка Пугачев.....	370
Зима – крестьянин.....	371
Звонок – открываю – из почты посыльный.....	372
Лион Надель	
События мои значенья местного.....	373
58-й в Политехе.....	373
Из палиндромов.....	374
Владимир Хазановский	
Спортивный лагерь «Фигуровка».....	376
Энтропия.....	377
Михаил Шильман	
Годы жизни, хмельные солдаты.....	380
Мир вдалеке беспечно прост.....	381
Люби проездом Родину.....	381

Наукове видання

**ПРОСТІР ЛІТЕРАТУРИ, МИСТЕЦТВА І ОСВІТИ – ШЛЯХ
ДО МИРУ, ЗЛАГОДИ І СПІВРОБІТНИЦТВА МІЖ
СЛОВ'ЯНСЬКИМИ НАРОДАМИ**

Збірник наукових праць

За матеріалами
VI Міжнародної науково-практичної конференції
16 грудня 2011 року

Відповідальний за випуск канд. психол. наук, доц. *Панфілов Ю. І.*
Комп'ютерна верстка та технічне редагування: *Бондаренко О. І.*
В авторській редакції

Підп. до друку 2012 р. Формат 60 × 84 1/16. Папір офісний. Riso-друк.
Гарнітура Times New Roman. Умов. друк. арк. 27,43. Наклад 150 прим.
Зам. № . Ціна договірна.

Видавничий центр НТУ «ХП».
Свідоцтво про державну реєстрацію ДК № 3657 від 24.12.2009 р.
НТУ «ХП», 61002, Харків-2, вул. Фрунзе, 21

Друкарня НТУ «ХП», 61002, Харків, вул. Фрунзе, 21